

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 3 (31) | 2023

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 3 (31)

Киров
2023

Главный редактор

В. Т. Юнглод, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 3 (31)

Kirov
2023

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);

M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philol. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

V. Ya. Perminov, Dr. of philol. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal "Herald of humanitarian education" is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal "Vyatka State University"

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Сафронова Алевтина Михайловна. Учителя арифметической школы Екатеринбурга (1740-е гг.)</i>	9
<i>Чемоданов Игорь Владиславович. Судьба российской крестьянской общины в условиях аграрных преобразований 1917–1950-х гг. (на материалах Вятского региона)</i>	24
<i>Касимов Руслан Рафаилович, Свалов Леонид Иванович. Формирование лыжных подразделений Красной армии и их боевое применение в 1941–1942 гг.</i>	31
<i>Нижинская Маргарита Михайловна. К вопросу об отправке российских дворян в Англию для обучения военно-морским наукам в первой четверти XVIII в.</i>	42
<i>Афонасьев Михаил Александрович. Особенности процесса дознания в работе губернских жандармских управлений в конце XIX в. (на материалах Вятской губернии)</i>	52

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Романов Владимир Викторович. Джон Спарго: от социализма к антикоммунизму</i>	58
<i>Пеньков Владимир Федорович. Исторический опыт создания университетов в Палестине: политические и социокультурные аспекты</i>	69
<i>Синегузов Станислав Николаевич, Шилов Сергей Павлович. «Партийные маневры» адмирала А. Тирпица на старте создания большого военно-морского флота в кайзеровской Германии</i>	79

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Комарова Диана Сергеевна, Сонец Дмитрий Дмитриевич. Особенности международного сотрудничества в XXI в.</i>	90
---	----

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Новиков Михаил Васильевич, Перфилова Татьяна Борисовна. Методологические коллизии научного сознания М. М. Хвостова</i>	100
<i>Жарков Виталий Викторович, Таточенко Виктор Валерьевич. Газета «Русские ведомости» (1863–1918 гг.): историографический обзор</i>	113

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Кулаков Владимир Иванович. Волости (polса) Самбии</i>	119
<i>Акилбаев Александр Владимирович. Результаты обследования археологических памятников, расположенных в окрестностях поселка Сокольный Звениговского района Республики Марий Эл</i>	124

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Поляков Олег Юрьевич.* Жанрово-содержательные аспекты имагологической репрезентации в романе Ш. Монтескье «Персидские письма» 132
- Коршунков Владимир Анатольевич.* «Бить по глазам»: образ жестоко наказанной лошади и распространение этого мотива в русской беллетристике и публицистике XIX–XXI веков 140

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Кочешков Геннадий Николаевич, Гребенщиков Александр Васильевич.* Художественно-образная рефлексия темы освоения целины в творчестве Д. К. Мочальского 148

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Safronova Alevtina Mikhailovna. Teachers of the arithmetic school of Yekaterinburg (1740s).....</i>	9
<i>Chemodanov Igor Vladislavovich. The fate of the Russian peasant community in the conditions of agrarian transformations of the 1917–1950s (based on the materials of the Vyatka region).....</i>	24
<i>Kasimov Ruslan Rafailovich, Svalov Leonid Ivanovich. Formation of ski units of the Red Army and their combat use in 1941–1942.....</i>	31
<i>Nizhinskaya Margarita Mihailovna. On the question of sending Russian nobles to England to study naval sciences in the first quarter of the XVIII century.....</i>	42
<i>Afonasyev Mikhail Aleksandrovich. Features of the inquiry process in the work of provincial gendarmerie departments at the end of the nineteenth century (based on the materials of the Vyatka Province).....</i>	52

GENERAL HISTORY

<i>Romanov Vladimir Viktorovich. John Spargo: From Socialism to Anti-Communism.....</i>	58
<i>Pen'kov Vladimir Fedorovich. Historical experience of the establishment of Universities in Palestine: Political and Socio-cultural aspects.....</i>	69
<i>Sinegubov Stanislav Nikolaevich, Shilov Sergey Pavlovich. Admiral A. Tirpitz's "Party maneuvers" at the start of the creation of a large navy in Kaiser's Germany.....</i>	79

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP

<i>Komarova Diana Sergeevna, Sonets Dmitry Dmitrievich. Features of international cooperation in the XXI century.....</i>	90
---	----

HISTORIOGRAPHY

<i>Novikov Mikhail Vasilyevich, Perfilova Tatiana Borisovna. Methodological collisions of scientific consciousness by M. M. Khvostov.....</i>	100
<i>Zharkov Vitaly Viktorovich, Tatochenko Viktor Valerievich. The newspaper "Russian Vedomosti" (1863–1918): a historiographical review.....</i>	113

ARCHEOLOGY

<i>Kulakov Vladimir Ivanovich. Municipalities (polca) of Sambia.....</i>	119
<i>Akilbaev Alexander Vladimirovich. The results of the survey of archaeological sites located in the vicinity of the village of Sokolny Zvenigovsky district of the Republic of Mari El.....</i>	124

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Polyakov Oleg Yuryevich*. Genre-content aspects of imagological representation in Montesquieu's novel "Persian Letters" 132
- Korshunkov Vladimir Anatol'evich*. "To lash on the eyes": the image of a cruelly punished horse and the spread of this motif in Russian fiction and journalism in the 19th–21st centuries 140

CULTURAL STUDY

- Kocheshkov Gennady Nikolaevich, Grebenshchikov Alexander Vasilyevich*. Artistic and imaginative reflection on the theme of the development of virgin lands in the work of D. K. Mochalsky 148

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК [371(470.54)«1740»+511.1](091)

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.033

Учителя арифметической школы Екатеринбурга (1740-е гг.)

Сафронова Алевтина Михайловна

доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории
госуправления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-4692-3025. E-mail: alevtina.safronova@gmail.com

Аннотация. В этом году Екатеринбургу исполняется 300 лет, почти одновременно с основанием завода при нем появилась и арифметическая школа как центр подготовки будущих квалифицированных кадров для заводов Урала и одна из крупнейших школ провинциальной России. Цель статьи – реконструировать состав учителей, трудившихся в школе в 1740-е гг., когда они стали назначаться из выпускников уральских горнозаводских школ в отличие от предшествующих лет, когда на эти должности определяли бывших учащихся Артиллерийской школы и Морской академии, присылавшихся из Москвы и Петербурга. Ставятся задачи: раскрыть происхождение учителей-уральцев, их предшествующий жизненный путь, уровень подготовки, сроки работы в школе, выполнение ими своих обязанностей, причины назначения на новые должности. На основе архивных документов показано, что учителями назначались наиболее квалифицированные специалисты, с 1743 г. именно учителя арифметической школы стали назначаться и надзирателями всех екатеринбургских школ. Особенностью этого учительского корпуса являлось сохранение за ними названий прежних заводских должностей и соответствующих окладов. Наряду с учительскими обязанностями все они постоянно привлекались для выполнения срочных заданий, в основном по составлению, копированию чертежей, планов заводов; вели ежедневные метеонаблюдения в Екатеринбурге до 1747 г. Они недолго пребывали в учителях, их назначали на новые должности, на другие заводы, без учета их мнений и желаний. Результаты исследования будут использованы в монографии, посвященной первым учителям Екатеринбурга (1724–1750 гг.).

Ключевые слова: горнозаводские школы, Екатеринбург, арифметическая школа, учителя, надзиратели.

Городу Екатеринбургу в этом году исполняется 300 лет. Завод, вступивший в строй действующих в ноябре 1723 г., стал самым крупным предприятием России, а арифметическая школа, открытая при нем через четыре месяца, в марте 1724 г., к середине века оформилась как один из крупнейших центров подготовки молодежи, способной занять ученические места при специалистах высокой квалификации, требующих применения знаний арифметики, геометрии, тригонометрии, черчения. Выпускниками этой школы комплектовались и кадры канцелярских служащих казенных заводов Урала, места заводских учеников, становившихся подмастерьями и мастерами. Выпускники пополняли места пробирных, маркшейдерских, геодезических учеников, учеников механики и других новых для Урала специальностей. Поэтому важно представлять, кто обучал детей математике и тем самым вносил вклад в подготовку будущих заводских кадров.

Мы поставили целью охарактеризовать корпус учителей Екатеринбургской арифметической школы 1740-х гг., состоявших уже из выпускников этого учебного заведения в отличие от назначавшихся ранее на эти должности присланных из Москвы и Санкт-Петербурга выпускников Артиллерийской школы и Морской академии. Санникову, наиболее ярко проявившему себя в качестве учителя в 1735–1741 и 1747–1751 гг., мы посвятим особую статью, в рамках этой охарактеризуем остальной круг учителей 1740-х гг. Раскроем их предшествующий жизненный путь, происхождение, уровень подготовки к моменту назначения на должность, выполнение ими своих учительских обязанностей и параллельное использование учителей уральским начальством для удовлетворения экстренных заводских нужд, наконец, причины их отставки с учительской должности.

В литературе имеются лишь отдельные сведения об этих учителях, В. Н. Будрин сообщил о замене Санникова Кичигиным без упоминания даты, отметив проведение ими метеонаблюдений и привлечение к составлению чертежей [1, с. 59–60]. Нами приведен перечень учителей арифметической школы с датами их назначения и увольнения, размерами жалованья [60, с. 293–295], поставлен вопрос об уровне их образования [64].

Источниками для раскрытия темы послужили определения и указы Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов, доношения учителей И. Юдину, члену канцелярии, ответственному за деятельность школ. Были привлечены ведомости об учащих, подававшиеся учителями по третям года, с 1743 г. – по полугодиям, содержащие ценную информацию о количестве и составе учеников. Важным источником являются акты передачи дел от одного учителя другому, позволяющие судить об имуществе школы, числе учащихся.

Список учителей школы, трудившихся в 1740-е гг., открывает Афанасий Кичигин, сменивший в 1741 г. Федора Санникова, отозванного к заводским делам. Кичигин, как и Санников, был сыном подьячего, но более высокого уровня. Его отец, Иван Кичигин, в 1724 г. возглавлял Алапаевский дистрикт, трудился там и подьячим [61, с. 1380], одновременно обучал грамоте детей Алапаевской словесной школы [2], в 1728 г. был переведен в Екатеринбургскую заводскую контору [66, с. 280], а в 1735 трудился в должности регистратора документов в Канцелярии.

С апреля 1728 г. Афанасий стал учиться в словесной школе [66, с. 280]. С февраля 1729 г. обучается математике у Никиты Каркадинова, выпускника Морской академии, постигавшего медеплавильное дело в Швеции в 1725–1727 гг., получившего назначение на Екатеринбургский завод, но после повреждения ноги молотом определенного учителем [62, с. 7]. Рисованию и черчению учился у Петра Яковлева, назначенного главой заводов В. И. Генниным в 1732 г. «шихтмейстером у обучения школьников рисованию, чертежей ...» [60].

В январе 1735 г. Афанасий был включен новым начальником заводов В. Н. Татищевым в группу из трех юношей, отправлявшихся в Саксонию обучаться «мафематики, физики, механики, рисовать и принадлежащих к знанию и произведению металей и минералей...» [59, с. 360]. В Петербурге, в ожидании отправки они изучали немецкий язык, но из-за отмены поездки в январе 1736 г. вернулись в Екатеринбург [59, с. 356].

С февраля 1736 г. все трое начали учиться в немецкой школе, где Афанасий наряду с немецким языком осваивал основы истории, географии, религии. В 1740 г. числился среди должников школьной библиотеки, имея при себе «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсмана, изданный Академией наук в 1731 г. объемом в 840 листов, учебник Г. З. Байера «Извлечение из старинной государственной истории», объемом 440 страниц, написанный на немецком для юного Петра II – «Auszug der älteren Staatsgeschichte» (СПб., 1728 г.), и Новый завет [63, с. 155, 509].

31 декабря 1736 г. Афанасий подает челобитную уральскому начальству об определении жалованья. Сообщает, что после смерти отца остался с матерью, бабкой и другими детьми, денег на их содержание нет. По свидетельству ректора Б. Штермера, Кичигин «имеетца в учении в первом классе, он грамматику почти всю знает, переводит с немецкого на российской» и наоборот «всякие речи, також немного и по-немецки говорит. И оной во всем послушен и к науке радтелен». Учитывая успехи Кичигина в школе, наличие большой семьи, В. Н. Татищев «с товарищи» определили ему жалованье не 4 руб., как полагалось ученику немецкой школы, а 12 руб. в год [3].

В марте 1737 г. Кичигин вновь обращается с просьбой: дед, отец и он сам в 1722 г. положены в подушный оклад в Ялutorовском дистрикте, платил деньги за всех отец, но посланный оттуда человек требует плату за умершего деда и Афанасия за 1736 и 1737 гг., за отца – за половину 1737 г., но платить нечем. Афанасий просит не спрашивать с него подушных денег. Только в июле 1737 г. начальство решило: положить Афанасия в оклад здесь, а долги по подушной подати выплачивать из жалованья только за себя [4]. На примере Кичигина мы видим, как затрудняло материальное положение учащихся необходимость выплаты подушной подати, если умирал кормилец семьи.

В это время Татищев решил выведать у китайцев методы работы с рудами, содержащими золото и серебро, для этого отправить в Пекин под видом обучения китайскому языку двух учеников. 17 ноября 1737 г. в Екатеринбург пришел ордер от Татищева из Самары (с июня 1737 г. он возглавлял одновременно и Оренбургскую комиссию): готовить к отправке лучших учеников немецкой школы Кичигина и Степанова, «с крайним прилежанием» обучать их арифметике, геометрии, знаменованию [5].

В июне 1738 г. пришла промемория от резидента в Пекине с новыми требованиями: ученикам перед отправкой «показать, что к довольному знанию рудоплавного ремесла принадлежит», один из них должен знать латынь [6]. Указом Татищева Степанов был заменен учеником латинской школы Весниным и предписано «пробам, плавлению меди и чугуна обучать, чтоб они оное основательно знали, а особливо золота и серебра разными манеры». Члены канцелярии приказали пробам и плавке чугуна обучать на Верх-Исетском заводе, а плавке меди – в Перми, «и тем всем наукам иметь им, ученикам, для всегдашней своей памяти обстоятельные записки» [7]. 30 марта 1739 г. Кичигин и Веснин после длительного обучения получили аттестат от гиттенфервальтера Алексея Хрущова: «Железным, свинцовым, оловянным, медным, серебряным и золотым [пробам обучены], и оные пробы они могут сами собою делать, а протчим минералам не обучались за тем, что здесь руд не имеется» [8].

Перед отправкой в Пермь обучаться плавке меди Кичигин с Весниным попросили о прибавке жалованья. Кичигину увеличили до 24 руб. в год, Веснину – до 18 руб. в счет школьной суммы [9]. В апреле 1739 г. их отправили на Егосихинский завод, где Кичигин обучался плавке меди в течение года и получил такой аттестат от плавильного мастера Ф. Яковлева: «он, Кичигин при деле вновь плавильных и при починке старых печей и при пущении оных в ход, также и при плавке руды на роштейн и роштейн в черную медь, и при деле обжигальных переметных печей, и при обжеге в тех переметных печах роштейну ис пурштейну и был всегда, токмо за природным своим худосилием не работал, а имел один присмотр, и наиболее обучался чрез смотрение и имел всему тому происхождению записку и сочинял чертежи» [10].

Второй аттестат дал гармахер Т. Голдин. Он «объявил, что ево, Кичигина, как очищать черную медь в гармахерскую, потом из гармахерской в штыки сливать в чистую медь, и пробам, сколько ево знания есть, нескротно обучал. И обучил в совершенство, что уже сам собою работал и оную медь очисчал, и в штыки сливал, и пробу, когда медь поспеет в штыки сливать, знает, как надлежит. И впредь работать и без мастера сам собою может» [10].

Но в дело о посылке в Китай вмешался Генерал-берг-директориум, по его указу от 28 февраля 1740 г. глава Экспедиции свидетельствования казенных заводов, действовавшей на Урале, выбрал для поездки плавильщика Красноярских заводов немца И. С. Отто, поэтому Кичигина с Весниным из Перми вернули в Екатеринбург [11].

В ноябре 1740 г. Кичигин был определен маркшейдерским учеником с прежним окладом 24 руб. в год. Почти 10 месяцев он осваивал маркшейдерское искусство по проведению пространственно-геометрических измерений поверхности месторождений и последующего отображения этих измерений на планах, чертежах. Как сообщал Кичигин в 1742 г. в прошении об увеличении жалованья, обучал его маркшейдер Михаил Кутузов, выпускник Морской академии, освоивший на Урале горнозаводское дело: «Будучи при оной науке находился я всегда с оным Кутузовым в посылках, в которых описывать по инструменту с надлежащим изъяснением и со оных сочинение чертежей, также и описывать горные работы и чертежи сочинять, он показывал мне основательно, почему и сам я оные делал неоднократно» [12].

И вот 19 августа 1741 г. Афанасий Кичигин получает назначение на должность учителя Екатеринбургской арифметической школы вместо шихтмейстера Федора Санникова, который отправлялся в Пермское горное начальство. Кичигину предписывалось обучать детей арифметике, геометрии, чертежам, «под тем же присмотром» [13], т. е. члена канцелярии Игнатия Юдина и надзирателя екатеринбургских школ механика Никиты Бахорева. Реконструированная нами биография Кичигина позволяет говорить о нем как о человеке, блестяще овладевшем широким кругом знаний и умений, высоко квалифицированном специалисте, которому было что передать ученикам и в теории, и на практике. Ему в это время исполнилось 22 года, он молод, полон сил и желания претворять свои знания в жизнь.

Передача дел от Санникова Кичигину была оформлена быстро, 31 августа 1741 г. они подписали «сдаточный список» на 10 страницах [14]. Кичигин принял 52 ученика, из них в геометрии числилось 14 человек, остальные в разных частях арифметики; взял под свой контроль и «филиалы» Екатеринбургской школы – Уктусскую арифметическую школу с 15 учениками и Верх-Исетскую с 5 учащимися, где своих учителей арифметики подобрать не сумели, и обучали наиболее способные учащиеся Екатеринбургской, посылаемые попеременно на месяц и больше.

«Сдаточный список» представляет для нас интерес как важный источник, содержащий сведения об имуществе арифметической школы, находившемся в ведении учителя. Во-первых, он свидетельствует о наличии большого числа архивных документов, передаваемых от

одного учителя другому. В описи числится 28 дел, в них от нескольких десятков до сотни и более листов. Самый объемный – «Столп приходящим и отходящим гошпитальным письмам с 1729 по 1736 год», на 154 листах. Отдельно выделен «Журнал повсядневной метеорологических обсерваций, при Екатеринбургской содержанный 1734–1739 гг.; Учреждение о содержании школ на 9 листах, о наблюдение метеорологическим с немецким переводом на 4 листах», т. е. инструкция, переданная в январе 1734 г. членом Второй Камчатской экспедиции Академии наук профессором Иоганном Гмелиным, о проведении метеонаблюдений в Екатеринбурге; «журнал» метеонаблюдений за 1740–1741 гг. на 24 листах.

Под рубрикой «Картин, прибитых к стенам» перечислено 20, среди них «печатная Крымская ланкарта» (приобретенная в Академии наук в 1735 г.), «рисованные» под 19 номерами: планы и «прошпекты» Горного Щита, заводов Верх-Исетского, Уктусского, Верхне-Уктусского; планы «Полевской», «Полевской горной работе», «Екатеринбургской», заводов Алапаевского, Синячихинского, Каменского, «план Чусовской». На стенах висели: ландкарты Томского и Кузнецкого уезда, Томского и Красноярского, рекам Исети и Течи и др. Из инструментов в школе числились циркули, транспортиры, метеорологические инструменты: барометр, термометр, флюгер «с расписанием ветров», «доска для расписания ветров»; краски для рисования карт.

В отличие от больших книжных собраний других школ в арифметической имелись: «Арифметик печатной побитой, письменных 2, математика печатная 1, логарифма печатная, геометрия письменная». Печатная «Арифметика» – это знаменитый учебник Л. Магницкого, изданный в 1703 г. и позже перепечатававшийся без указания года. «Математика» – это «Сокращение математическое», содержащее арифметику, геометрию и тригонометрию, учебник, написанный академиком Я. Германом для молодого Петра II (СПб., 1728) [63, с. 444]. Безусловно, столь ограниченное число пособий замедляло обучение и создавало дополнительные трудности как ученикам, так и учителю.

Школа имела топор, кочергу, чугунный горшок для варения чернил, два деревянных ведра для воды, замок, запас из 87 свечей и шандал для них. Из мебели – пять больших столов без ящиков, два с ящиками, скамей 7 больших и 4 маленьких, два стула и два ящика. Вот в такой обстановке вели занятия учителя.

Согласно первой ведомости за 3/3 1741 г., поданной Кичигиным начальству, в школе у него стало 55 учеников, прибыло трое новичков [15]. Социальный состав пестрый: 12-летний Петр Юдин – сын бергмейстера, члена канцелярии, 6 детей приказных служителей, детей мастеровых – 23 человека. 20 детей военных (сержантов, солдат, среди них Иван Ползунов, 11 лет, в начале геометрии; сыны канонира, пушкаря, драгуна). Были и дети сторожей (2), конюха, шведа, принявшего православие – Василий Новокрещеный, 14 лет. Это типичный состав учеников с 1720-х гг. в Екатеринбургской школе: с 1735 г. за своевременным их пополнением уральское начальство строго следило.

Проработав четыре месяца учителем, 14 января 1742 г. Афанасий Кичигин снова подает прошение об исключении его из подушного оклада и повышении жалованья. И. Юдин 20 марта 1742 г. «объявил, что он, Кичигин, в деле горных и других чертежей искусен... К тому ж арифметику и геометрию, и тригонометрию он знает довольно и при обучении ныне в арифметической школе детей тем наукам находится в достойном порядке. Он же имеет труд в деле случающихся всяких чертежей, данных от Канцелярии Главного правления заводов, и за оную ево науку и труд по мнению ево, Юдина, прибавки жалованья он достоин» [16]. Только 5 апреля 1742 г. Кичигину с апреля жалованье увеличили с 24 до 36 руб. и приказали «зачесть в рекруты тому месту, в котором здесь положен в подушной оклад, ... и когда зачтется, тогда подушные деньги платить оставшим крестьяном...» [17]. Так Кичигин сумел добиться улучшения своего материального положения как за счет увеличения годового оклада на 50 %, так и освобождения в ближайшее время от уплаты подушной подати.

В 1/3 1742 г. у Кичигина 56 учеников, среди них 8 человек, переведенных из немецкой школы «за непонятием» языка, четверо маркшейдерских учеников, направленных для доучивания арифметики, в то же время солдатский сын Иван Ползунов 12 лет, будущий изобретатель, и сын отставного драгуна Семен Черемисинов 16 лет, в марте взяты в ученики механики к Никите Бахореву [18]. Постоянная смена круга учащихся – поступления одних, уход других, вызов некоторых школьников для письма в канцелярию и конторы, к переплету дел – конечно, затрудняли работу учителя и удлинляли сроки обучения. Но приказные служители были сверх загружены работой, и власти вынуждены были использовать учащихся именно словесной школы им для помощи: в центр постоянно требовали присылки отчетов.

Из-за большого числа учащихся, получавших казенное жалованье, а оно давалось ученикам, чьи отцы имели оклады ниже 25 руб. в год, «иногородним» всем, независимо от размеров отцовских окладов; из-за больших средств, тратившихся на жалованье учителям иноязычных школ, на учебные пособия для них, суммы, выделяемые на школы штатами 1737 г., стали недостаточными, перерасход их грозил стать хроническим. Поэтому уральское начальство 11 сентября 1742 г. решило сократить сеть школ, закрыть их при Уктусском, Верх-Исетском, Сысертском, Каменском заводах и в Пермском крае. На жалованье зачислять лишь детей сирот, отставных от дел, солдат и разночинцев. Всех прочих принимать лишь по желанию отцов, согласных обучать их на своем «коште» [19]. Заводские конторы высылали на смотр в Екатеринбург учащихся закрываемых школ (кроме пермских), уральское начальство решало вопрос о распределении их к делам или зачислении для продолжения обучения в Екатеринбургскую школу. В связи с этим на Кичигина была возложена дополнительная обязанность – свидетельствовать присылаемых учеников в знаниях арифметики.

За первую половину 1743 г. количество учащихся у Кичигина увеличилось до 113 за счет перевода части учеников из закрытых школ в Екатеринбург и приема в мае 29 новичков из словесной школы. Через год в школе числилось 103 ученика, при этом никаких новых зачислений не проводилось [20].

В январе 1743 г. И. Юдин отправился в длительную поездку по заводам Демидова для свидетельства раскольников, а над всеми школами Екатеринбурга приказал смотреть Афанасию Кичигину, т. е. возложил на него дополнительную важную обязанность. По возвращении 11 апреля И. Юдин пишет Кичигину письмо, что не видит от него рапортов не только ежедневных, но и «недельных»; неясно, отпускались ли школьники домой на Пасху, если отпускались, то нужно сообщить их реестр и указать, «с чьего повеления» это было сделано [21]. То есть требует отчета о выполнении обязанностей в качестве надзирателя школ.

Кичигин на следующий же день отвечает, что о состоянии школ рапортовал члену канцелярии подполковнику Л. Д. Угримову, рапортовал по прибытии и самому Юдину, «после того был я болен. А прошедшаго полгода чрез несколько времени вашему благородию не репортовал, в том себя не извиняю», и на Пасху учеников отпускал без вашего приказа, «ибо тогда находились вы в болезни и вас об том утрудить не дерзнул и письма оным ученикам давал за моею рукою». Не рапортовал и об отпусках учеников «в дома для крайних их нужд, понеже многия из них и жалования не получают». Согласно приложенной росписи, Кичигин отпустил из арифметической школы до 15 апреля 8 человек в поселок Каменского завода, 15 – Сысертского, по одному – в Колчеданскую слободу, Окуловскую, Калиновскую, Китайскую; одного ученика «в Иковскую слободу» – до 22 апреля. Из словесной школы на Сысертский завод отправилось 10 человек, Каменский – 5; из знаменованной школы двое человек – в Белоярскую слободу и на Сылвинский завод [22]. Эта роспись – ценный источник, свидетельствующий, что из-за закрытия школ многим учащимся с 1743 г. пришлось обучаться далеко от дома, при этом мы можем говорить о возрастании роли Кичигина как учителя – ареал приложения его способностей резко расширился.

Юдин предупредил Кичигина: «чтоб ты впредь себя держал осторожно во отправлении школьных порядков, как во обучении учеников, также и в поступках, респекта во всем, надлежащаго команде» [22]. Так поневоле Кичигин с января 1743 г. стал выполнять роль надзирателя всех екатеринбургских школ, и забот у него прибавилось.

Как учитель и надзиратель он сам решением членов канцелярии от 23 мая 1744 г. был подвергнут наказанию батожем: «пришел он в арифметическую школу в восьмом часу, да и в прочие дни, как от канцелярии усмотрено, он, Кичигин, приходит в школу поздно. И каждого дни в школах, что в них чинится, командующим здесь не репортовал. И чертежи, кои ему даны от канцелярии, сочинял в доме своем, а ему б надлежало оные сочинять в школе, а не в доме, причем тому сочинению могли б обучаться ученики» [23].

Еще в ноябре 1736 г. В. Н. Татищев составил «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать», которым были утверждены следующие часы школьных занятий: с 1 апреля по август учителя должны были трудиться с 6 часов утра до 6 часов вечера с перерывом на обед с 10 до 2-х часов дня; с октября по февраль – с 8 часов утра до 3 часов дня с перерывом с 11 до 12 часов. В сентябре и марте полагалось учиться 4 часа до обеда и 3 после [65, с. 237–238]. Т. е. почасовая нагрузка на учителей в стенах школы была большая, это без учета побочных заданий уральского начальства, к тому же и число учащихся в школе увеличилось вдвое.

В октябре 1743 г. у Кичигина появился помощник, Яким Олонцов, молодой человек 28 лет. Он был старше Кичигина, прибыл с отцом, фурмовым мастером, с Олонца, 17 июня 1731 г. поступил в Екатеринбургскую арифметическую школу, учился у Никиты Каркадинова, а рисованию, чертежам – у Петра Яковлева, в конце 1734 г. 19-летний Олонцов числился «в чертежах и рисовании ручном» четвертым в списке, открывал который Кичигин [24].

Будучи на Гороблагодатских заводах учеником плотинного дела в январе 1743 г. он нечаянно посек ногу при строительных работах, был прислан в Екатеринбург, свидетельствован, «явился арифметики и геометрии знает, а в деле и копировании чертежей отчасти знает же», поэтому начальство 29 октября 1743 г. назначило его учить детей арифметике и геометрии «под присмотром» маркшейдерского ученика Кичиги и «самому еще арифметика, геометрии и чертежам совершенно доучиваться», а чтобы «имел прилежность и радение», жалованье оставлено пока прежнее, 24 руб. в год [25].

Вместе Кичигин и Олонцов проработали в школе почти год, 27 августа 1744 г. начальство решило: маркшейдерского ученика Афанасия Кичигина определить в унтер-шихтмейстеры при Пермском горном начальстве, быть там «для посылок и отправления берггешворенской должности». Унтер-шихтмейстер – это должность младшего горного офицера. В Екатеринбурге приказывалось «над школами смотрение иметь и учеников арифметики и геометрии и чертежам, а паче геодезическим, обучать геодезии ученику Пимину Старцову, при том же быть и до сего определенному учителю Олонцову под смотрением ево, Старцова». Книги и прочее принять от Кичигина «по наличию, по росписи» [26]. Передача школьных дел прошла только через полтора месяца, 14 октября 1744 г. Кичигин наряду с архивными делами, картами, инструментами передал Старцову и 245 екатеринбургских школьников: 98 учеников арифметической школы, также словесной, немецкой, знаменованной [27]. Кичигин учительствовал в арифметической школе в течение трех лет. За это время, по нашим подсчетам, основанным на анализе содержания ведомостей об успехах учащихся, знание арифметики и геометрии получили под его началом по меньшей мере 137 подростков.

Предшествующая назначению на должность учителя жизнь Пимена Старцова отражена во многих документах. По штату 1735 г. он был назначен геодезическим учеником при бывшем в команде с В. Н. Татищевым геодезисте Иване Шишкове, в октябре 1736 г., подавая прошение об увеличении жалованья, сообщил: «при нем бываю безпрестанно во многих дальних посылках», жалованье получаю 24 руб. в год, «которым как в пище, и так и в одежде претерпеваю немалую нужду», а другие, кто при геодезистах бывают в посылках, «получают жалованье довольное». Иван Шишков дал хороший отзыв о Старцове: «в бытность при мне обучил геометрию, тригонометрию и часть, касающуюся к науке геодезии, чертежей практике, и к сочинению ландкарт прилежность имеет и за оную ево прилежность, мнитца мне, прибавки жалованья достоин». Но начальство решило: «быть ему, Старцову, пока больше обучитца, в прежнем окладе» [28].

В делах канцелярии сохранилось множество документов о поездках Старцова с Шишковым в 1735 г. для описания рек, гор, лесов по рекам Исети, Синаре, Течи, Тоболу, Уи и прочих мест; описания слобод, которые требовалось приписать к заводам: Верхотурской, Ницинской, Ирбитской, Тагильской, Туринской, Верхотурской и еще пяти, мест близ Кушвинского завода. Ездили для отвода сенокосных мест «главным правителям и всем заводским управителям», сочинения ландкарт этих мест [29]. По приказу Татищева к декабрю 1736 г. составили «генеральную карту Екатеринбургского ведомства провинции Соликамской и протчим местам» в двух экземплярах, для отсылки в Кабинет министров и для канцелярии [30]. В декабре 1736 г. Старцов был послан в команде во главе с бергмейстером Н. Клеопиным на Нерчинский сереброплавильный завод для поправки карт и сочинения чертежей рудников. В 1737 г. с Шишковым посылался в Казанский уезд «для сочинения обстоятельной ландкарты Закамской стороны» [31].

В связи с предстоящей отправкой с Н. Клеопиным к В. Н. Татищеву в Самару 29 декабря 1737 г. Старцов просил о прибавке жалованья, сообщал, что хотя в связи с поездкой в Нерчинск жалованье увеличили до 36 руб., но «едва себя не токмо одеждою, но и пищею содержал». В аттестате от Ивана Шишкова, приложенном к прошению, сообщалось, что Старцов был прислан к нему «для обучения геодезии, в которой зависит земноописание во всякой ясности яко гор, лесов, рек и озер и протчаго, к тому принадлежашества, ... при мне был и обучался со всякою прилежностію» с 1 января 1735 по 1737 год, за вычетом поездки в Нерчинск, изучил «обсервование места, також чрез разные румбы действие и увеличение и уменьшение

всяких ландкарт, а паче так, как я и сам в той науке знаю, и может то геодезическое дело от- правлять так, как надлежит доброму и честному геодезисту быть. В бытность же при мне означенной Старцов отправлял все порядочно и ни в каком подозрении не бывал». Но по- скольку эта поездка не состоялась, начальство предписало ожидать прибавки жалованья в связи с отправкой с Шишковым в Сибирь [32].

В. Н. Татищев, перед отъездом в Самару, в Наставлении Канцелярии Главного заводов правления 23 июня 1737 г. поручил И. Шишкову сделать описание уездов Тобольской провин- ции: Верхотурского, Пелымского, Туринского, Краснослободского, Ялуторовского, Тюменского, Шадринского, Окуневского, Тарского, Тобольского, Якутского; каждому уезду составить особую карту, жалованье ему увеличить до 120 руб., а ученикам, «которые уже довольно обучились», – до 54 руб. [65, с. 254]. Только 30 мая 1738 г. определение о поездке состоялось, с июня месяца жалованье Старцову увеличили до 54 руб. [33]. По указу Татищева, присланному 8 октября 1738 г., предписывалось геодезии поручиков из заводского списка выключить, Шишков остался в команде Оренбургской комиссии, Старцова же удержали в заводском ведомстве [34].

Вот с этим окладом в 54 руб. Старцова и назначили в августе 1744 г. на смену Кичигину, причем сразу же, в отличие от Кичигина, и учителем, и надзирателем екатеринбургских школ. Но проработал он на этих должностях недолго. Его как ценного специалиста по геодезии за- требовала себе комиссия под руководством бригадира А. В. Беэра, образованная по указу Ели- заветы Петровны в мае 1744 г. для оценки запасов серебряных руд на заводах А. Н. Демидова, следовавшая через Екатеринбург на Колывано-Воскресенские заводы. Старцов должен был отбыть с А. В. Беэром в Сибирь с геодезическими инструментами, определение об этом ураль- ское начальство вынесло 23 октября 1744 г., по это число ему полагалось выдать и жалованье. Вместо Старцова «у надсмотру над школами и у обучения учеников» приказывалось быть машинному подмастерью Сусорову [35].

Тотчас И. Юдин отправил письмо в немецкую школу об исполнении всех требований Су- сорова, касающихся подачи сведений об учениках «наличных и отлучных», припасах и про- чем. Содержание письма позволяет уточнить обязанности Сусорова как надзирателя: пода- вать ежемесячные списки учеников к выдаче жалованья, «о науках их годовые списки, куда надлежит..., о состоянии школ каждодневно репортовать», как и прежним надзирателям [36].

Уже 31 октября 1744 г. была составлена опись передаваемого имущества школы, список учащихся всех учебных заведений Екатеринбурга во главе с учителями [37]. Книжное имуще- ство описывалось тщательнее, чем в предыдущий раз: «Арифметик печатной ветхой, разбит для починки и переплету, один, и иныя листы – малые лоскутки, не явилось 75, 82, 112, 119, 289, 291, 294, 306 листов, а 306 последней. Арифметиков письменных ветхих два, и оные все разбиты по листам и иныя и разтеряны»; «логарифме печатная одна, токмо ветха, перваго и последняго листа нет». Видно, что книги от непрерывного использования учащимися совсем обветшали. Впервые в списке упомянуто: «Книг исторически[x] печатны[x] принято от Кан- целярии ж Главного правления заводов для чтения школьников», но количество их не указа- но. В отношении ведомостей об учениках отмечено: «1742 году и 1743 году ныне, колико налице имеется, ибо оные еще присылаются, которые надлежит разобрать и переплесть, понеже оныя даны 20-го октября». Отсюда следует, что ведомости стали сосредотачиваться при надзирателе школ, которые он должен был формировать в дела. В общем списке учащихся Екатеринбурга числилось 250 человек: 108 – в словесной, 103 – в арифметической, 33 – в немецкой и 6 – в знаменованной школах. Как видим, число учащихся в словесной и арифме- тической школах почти сравнялось.

Какова же была специальная подготовка Ивана Сусорова и уровень его образования? Родился он в 1720 г. в Верхотурье, имел домашнее образование, в 1734 г. числился копиистом Екатеринбургской припасной конторы, видимо, хорошо владел и арифметикой, поскольку подал прошение об определении учеником маркшейдерского дела или механики, т. е. сам вы- разил желание овладеть новыми специальностями, особо ценящимися при заводах. Ураль- ское начальство, рассматривая прошение в январе 1735 г., решило обучить его сначала гео- метрии в Екатеринбургской школе, поэтому неслучайно Сусоров из геометрии в апреле меся- це был избран механиком Бахоревым в составе четырех первых учащихся для обучения механике [38]. В июне 1737 г. Иван Сусоров с Дмитрием Костроминым, первыми по успехам учениками Бахорева, подали прошение о повышении жалованья и включении в заводской штат лично В. Н. Татищеву. Получая по 6 руб. в год, жаловались, что «всегда бываем в неоплатных долгах», к тому ж из жалованья «вычитаются подушные деньги» (1 руб. 14 коп.)

[39]. Из показаний Бахорева мы видим, как складывалось начало обучения: оба ученика «арифметик, геометрию и тригонометрию и некоторую часть механика выучили, также и модели некоторых машин делали и ныне делают, и с готовых чертежей, с планов и ландкарт копировать умеют, а на практиках у строения больших машин больша не бывали, как ныне имеюцца при строении здешней пильной мельницы и якорной фабрики». Начальство в июне 1737 г. включило обоих в штат с жалованьем 12 руб. в год, обнадеживая, кто лучше себя в науках покажет, будет произведен в подмастерье с достойным жалованьем [40].

В феврале 1739 г. Сусоров с Костроминим опять просят о прибавке жалованья, Бахорев просьбу поддерживает, член канцелярии Н. Клеопин показывает, что Сусоров «во всех поступках хорош и достоин похвалы, как он довольно об нем усмотрел в бытность его при Кушвинских заводах, где он, Сусоров, при нем был ... и в деле разных чертежей и планов хорошо знает». Сусорову жалованье увеличили до 24 руб. с оговоркой, что мог бы, оставшись в копиистах, уже и подканцеляристом стать, имея оклад побольше этого, Костромину дали 18 руб. [41]. Таким образом, Иван Сусоров в 1739 г. был признан лучшим учеником механики. В 1742 г. он был произведен в подмастерье с окладом 36 руб. в год. [66, с. 309].

Итак, с 23 октября 1744 г. вместо Старцова «у надсмотру над школами и у обучения учеников» – машинный подмастерье Иван Сусоров 34 лет. Естественно, он стал обучать самых продвинутых учеников арифметике, геометрии, черчению, под его «смотрением» трудился в школе и Яким Олонцов. Перед отъездом из Екатеринбурга, 31 октября 1744 г., бригадир А. В. Беэр потребовал уральскому начальству приказать: «всех заводов и фабрик преспект и план каждой фабрики на особливом листу со всеми в ней действующими и недействующими инструмента учинить, для подания Е. И. В. окуратные ландкарты». 1 ноября 1744 г. канцелярия решила: «при здешнем и ближних заводах оное учинить арифметической школы учителю Олонцову, которые он и сочинял, а потом, для ускорения, доканчивал с ним некоторые и Сусоров, и по окончании оные все отосланы к нему, брегадиру Беэру». Так отмечалось в выписке по делу Олонцова 1746 г. [42]. Таким образом, Олонцова назначили исполнителем чертежей, поскольку Сусорова важнее, видимо, было видеть в качестве учителя и надзирателя школ.

Через полгода работы Сусорова в школе, 18 мая 1745 г. уральское начальство приказало ему быть при главе Канторы судных и земских дел С. Неелове в деле размежевания спорных земель между крестьянами слобод, приписанных к заводам, и башкирами – «для разбирания по прежнему чертежу тех мест и урочищ и сочинения вновь тому размежеванию чертежа». При этом не упоминалось, кому Сусоров должен передать школьные дела, он сам обратился по этому поводу к начальству 31 мая. Канцелярия Главного заводов правления 4 июня 1745 г. решила: «в небытность надзирателя... Сусорова, пока он ис посылки от размежевания ... возвратится сюда, по то время над школами надзирать знаменованной школы учителю Аврамову», учеников обучать до возвращения Сусорова «геометрии ученику Степанову». Сусоров вернулся из поездки в конце июня – 26 числа составляет доношение в канцелярию о больном ученике, вернувшемся из госпиталя, который по свидетельству лекаря не сможет писать и работать из-за повреждения руки [44].

Как раз в эти дни заболел напарник Сусорова, Яким Олонцов, и 26 июня 1745 г. начальство постановило: вызвать с Алапаевского завода освободившегося от наблюдения за горной работой маркшейдерского ученика Никиту Попова, которому «при рудниках для одних чертежей быть не у чего... для определения в здешнюю арифметическую школу для обучения детей, пока Олонцов выздоровеет, и сочинения требуемых господином брегадиром Беэром чертежей». При этом Попов не освобождался и от составления чертежей на Алапаевском заводе: «а чертежи о горной работе может сочини[ть] он же, Попов, по третям года, и для того туда ездить времянно». Констатировалось, что жалованье там по 18-рублевому окладу он получил по июнь [45]. Попов – сын отставного дьячка, а потом учителя словесной школы, сам учился в словесной, арифметической и немецкой школах.

Таким образом, летом 1745 г. в арифметической школе работали с перерывом Иван Сусоров, Яким Олонцов, маркшейдерский ученик Никита Попов и еще обучавшийся в ней Иван Степанов. Но вряд ли они могли уделять достаточно времени для обучения из-за загруженности чертежной работой по требованию комиссии А. Ф. Беэра, признанной срочной. Правда, при подготовке чертежей они могли использовать наиболее продвинутых учащихся для помощи и таким образом обучать их черчению на практике.

Уральское начальство 29 августа 1745 г. приказало Сусорову быть «у надзирания над школами и у сочинения требующихся чертежей» в комиссию Беэра, «к чему употреблять всех

и тех учеников, кои искусство в чертежах знают, и кроме того к другим делам, разве где самая крайняя нужда потребует, ево, Сусорова, не определять». Для помощи в чертежах, «под ево смотрением, быть и маркшейдерскому ученику Никите Попову» [46]. Таким образом, Сусорова с конца августа даже освободили на время и от работы в школе, выполнение требования А. Ф. Безра, безусловно, являлось для начальства более важным. Попова также задействовали в подготовке чертежей по полной программе. У обучения школьников остался Яким Олонцов. Между тем, число учащихся в школе с июля 1745 г. увеличилось сразу на 26 человек, переведенных из словесной школы [47]. Новичкам надо было уделять особое внимание, правда, с ними можно было поначалу работать, как с классом, коллективно.

В подготовке чертежей задействовали и Ивана Степанова вместе с Дмитрием Каморниковым (оба числились лучшими по успехам в школе). Это выясняется из их челобитной от 19 ноября 1745 г.: «обучили арифметик, геометрию и часть тригонометрии, а ныне находимся при копировании чертежей», жалованья имеем с февраля 1744 г. по 50 коп. в месяц, его «не точию на одежду и обувь, но и на пропитание достает с великою нуждею», просим увеличить его, «чтобы могли хотя малую себе пищу иметь и определенное нам дело обучать со всякою ревностью и радением» [48]. Прошение писал Степанов, почерк, четкий, красивый.

Судя по выпискам, Степанов, сын кузнеца 18 лет, в арифметической школе с октября 1737 г.; Каморников, сын каменщика 17 лет, – с сентября 1738 г., т. е. 8 и 7 лет соответственно. По определению от 11 сентября 1742 г. жалованье им давать перестали, их должны были распределить к делам, но они тогда, как констатировало начальство, были «удержаны в школе при деле разных горных и заводских чертежей и при сочинении общей всего ведомства здешняго чертежам же книги», составлявшейся по заданию Татищева с 1735 г. Начальство тогда рассудило правильно: «находятся при том деле уже немалое время и делу чертежей понавыкли, а если их к другому какому делу определить, то вместо их к тому делу понадобится определить других и обучать их вновь, отчего кроме излишняго труда иного никакого способу не воспоследует». По их просьбам, поданным в ноябре и декабре 1744 г., только в феврале 1745 г. жалованье им назначили, как полагалось ученикам черчения, по 6 руб. в год. Сусоров тогда как надзиратель школ объявил, что «Каморников Степанова в науке и копировании чертежей чистотою превосходнее и поострее» [49]. Пример с этими учениками показателен. Ясно, что многие способные ученики надолго «застреливали» в школе по воле начальства, горнозаводское ведомство использовало их потенциал как хороших чертежников, порой без выплаты даже школьного жалованья.

Пока наводились справки по второму прошению о повышении жалованья, поданному 19 ноября 1745 г., Пермское горное начальство в декабре сообщило, что маркшейдерский ученик Алексей Москвин для сочинения и копирования чертежей отправлен в Москву, а унтер-шихтмейстер Кичигин объявил, что в Егошихинской школе на это место «достойных» нет, надо требовать из Екатеринбурга Каморникова или Степанова, которые при нем «находились у копирования чертежей немалое время, и как заводския и горныя чертежи, также и ландкарты, копировать обучились и рисовать отчасти умеют». В канцелярии 31 декабря 1745 г. решили послать Степанова маркшейдерским учеником в Пермское горное начальство, обучаться там у Кичигина; Каморникову обучаться здесь вместе с маркшейдерским учеником Никитой Поповым, делать заводские чертежи по требованию Безра, впредь – «и заводские, и горные чертежи; обучать их маркшейдерской науке и на практике, и для того... ездить на рудники со знающими то дело». Жалованье Степанову и Каморникову увеличили до 12 руб. в год [50].

В конце 1745 г. Сусоров как надзиратель подал доношение о припасах, необходимых в арифметическую и словесную школу на 1746 г. Арифметическая школа использовала много бумаги – 2 стопы (960 листов), которая шла не только на составление документов, но и «для обучения геометрии и копировке чертежей», картузная – «на подкладки к делу чертежей и на оклейку книг по школе». Для копирования чертежей предназначалось «стекло полированное одно», для обучения геометрии, тригонометрии, черчению заказывались циркули, перья грифельные, транспортиры, 6 футляров для инструментов, деревянных, оклеенных кожей, 12 брусков «хороших» китайских чернил, карандаши, 12 линеек разной длины, 6 «наугольников»; для записи показаний погоды 150 сальных свеч. Впервые были заказаны 17 «ящичков чугунных с крышками к держанию белой глины для учения по доскам против модели», т. е. Сусоров обучал учеников и основам моделирования машин. Заказ был изучен и принят к исполнению [51].

Иван Сусоров как механический подмастерье в декабре 1745 г. был высоко оценен механиком Н. Бахоревым: «он состояния доброго и не пьяница», может дело свое «править и возбуждать свою братию к добрым и прилежанию в своих должностях поступках». Определением канцелярии 2 января 1746 г. Сусорову был присвоен унтер-офицерский чин, он стал унтер-механиком с жалованьем 48 руб. в год [66, с. 309].

В августе 1746 г. Нерчинское горное начальство сообщило, что учитель грамоты и арифметики Нерчинской школы Ведерников послан «по некоторому секретному делу» в Иркутск, вместо него назначен школьник Шапочинков, «ибо кроме ево ко обучению детей словесному и писать определить некого». Для обучения арифметики, геометрии и тригонометрии нужен «особливый» учитель, который бы и грамоте обучал, а Ведерников, если и вернется, геометрии и тригонометрии не знает. Уральское начальство решило справиться, «есть ли кто здесь особливые ко определению в учителя, а особливо ис престарелых или увечных» [52].

Оказалось, «свободных» никого нет, все при делах, поэтому 22 августа 1746 г. начальство определило: послать в Нерчинск учителя Екатеринбургской арифметической школы Якима Олонцова «по первому зимнему времени», дав жалованье до конца года и прогонные деньги на одну подводку. Одновременно решило вопрос и о его замене: «А здесь над арифметическою школою иметь смотрение и детей надлежащим наукам обучать ундер-механику Сусорову, а когда ему другое какое дело случится, то в оную отлучность ево от школы обучение учеников приказывать другому, выбрав ис тех же учеников, кто постаршее и тверже в науке» [52].

Олонцов продолжал трудиться в большой тревоге. В октябре составил прошение начальству, но его в канцелярии не приняли: «мне объявлено, что определения о посылке меня в Нерчинск переменить не можно, ибо де там без того обойтись нельзя» [53]. Тогда 30 октября Олонцов подал второе прошение, уже на имя президента Берг-коллегии А. Ф. Томилова, находившегося в это время в Екатеринбурге. Это прошение ярко отражает нелегкую судьбу учителя и полную зависимость его жизни от воли начальства. Прочитируем текст этого прошения, чтобы понять весь трагизм положения рядового скромного учителя, получившего когда-то серьезную травму на производстве и трудившегося в школе с октября 1743 г. на протяжении трех лет за небольшое жалованье в 24 руб., которое обещали увеличить по освоении геометрии и черчения, но к этому вопросу больше не возвращались, хотя Олонцов свои знания и умения усовершенствовал. Более того, начальство широко использовало полученные им навыки, поручив работу по составлению чертежей для комиссии А. Ф. Безра.

Олонцов сообщает: всем известно, что «правою ногою весьма болен, так что и здесь из своего дому до школы пешком с нуждою хожу, а в такой дальней путь, где в случае нужды потребно будет пешком идти, мне для того ехать небезопасно и бедственно. К тому ж имею здесь жену и детей малых, и ежели их здесь оставить, то за неимением родственников и совершенною нашею скудостью будут претерпевать голод и крайнюю нужду. И разве прошением милостыни принуждены будут бедное себе пропитание сыскивать, а мне оттуда за дальностью и от такова небольшого жалованья помогать им будет не можно. А чтоб их туда к себе перевести, того уже никак учинить будет нельзя. Естли же их взять мне ныне с собою, то на одной подводке, коя мне определена дать, с ними вместится и малой шкарп [разместить] невозможно, а нанять другой подводки за скудостью чем не имею». Учеников, как слышно, в Нерчинской словесной и арифметической школе всего 19 человек, «я же здесь не только у одного обучения учеников, но по повелениям реченной канцелярии у сочинения планов в проспектах заводских чертежей находился, да и впредь чаемо, что здесь для множества заводов всегда делаться такие чертежи будут же, при чем я мог по силе своей трудиться». Олонцов просит от посылки в Сибирь из-за болезни, скудости и чтоб с домашними не разлучаться, уволить. Если будет послан, то для поездки выделить вторую подводку и увеличить годовое жалованье [53].

Начальство предписало сделать выписку и предложить к слушанию во время присутствия Томилова. Оказалось, что число учащихся в школе Нерчинского завода должно было увеличиться более чем на 40 человек за счет перевода в нее учеников с закрывавшегося завода при Красноярском горном начальстве, и 6 декабря 1746 г. А. Ф. Томилов и члены канцелярии приговорили: быть Олонцову «в тамошней школе настоящим подмастерьем, учить чтению, письму, арифметике, геометрии, тригонометрии, маркшейдерству, а что не разумеет, «по временам» учить горным и заводским офицерам; для той не ближней посылки и тамошней дороговизны харча, платья и обуви» жалованье увеличить до 36 руб. в год. Вторую подводку дать невозможно, и офицерам дается по одной; шкарп, что не войдет, положить на подводки,

идушие туда с деньгами и припасами [54]. 10 декабря Сусоров принял от Олонцова чертежные инструменты, которыми тот пользовался при составлении чертежей для комиссии Беэра, а все имущество школы передавать не пришлось, поскольку оно числилось на Сусорове с октября 1744 г. [55].

Таким образом, после отъезда Якима Олонцова в Нерчинск, в течение трех месяцев с декабря 1746 г. по март 1747 г. Иван Сусоров оставался единственным учителем в Екатеринбургской арифметической школе. В справке, подготовленной в декабре 1746 г., отмечалось, что в арифметической школе числилось 106 учащихся: 76 обучались с получением жалованья, 27 – без жалованья, т. е. по желанию отцов, в списках школы фигурировало и трое маркшейдерских учеников, получавших жалованье по этой должности. Об Иване Сусорове отмечалось: он «у дела машин», у надзирания школ и обучения арифметики, геометрии и тригонометрии [56]. То есть Сусоров как унтер-механик, а ранее как механический подмастерье продолжал заниматься механикой параллельно преподаванию, надзиранию за школами и занятиям чертежами.

Отметим еще одно важное поручение, которые выполняли учителя Екатеринбургской арифметической школы с 1734 г. по 1746 г. По заданию членов Второй Камчатской экспедиции под руководством В. Беринга, проезжавших через Екатеринбург, здесь с января 1734 г. были начаты метеонаблюдения за погодой. Академиком И. Г. Гмелиным по договору с главой заводов, генералом В. И. Генниным, оставлены метеорологические инструменты – термометр, барометр и флюгер, согласно инструкции учителя стали дважды в день заполнять журнал метеонаблюдений, отмечать в нем температуру воздуха, его давление, наличие ветра, облачность, осадки [57]. На основе журнала учителя же составляли ведомости для отсылки в Сенат, позже – в Генерал-берг-директориум, с 1742 г. – в Берг-коллегию. Один экземпляр отсылался академикам, экземпляр «для сведения» откладывался и в делах канцелярии. Екатеринбург стал вторым периферийным центром в России после Казани, где стали вестись наблюдения за погодой.

Судя по документам, около полутора месяцев вел эти наблюдения маркшейдер Андрей Татищев, с марта 1734 г., после его отъезда, учителя Екатеринбургской школы: Каркадинов, Санников, Кичигин, Олонцов, Сусоров. В 1741 г. барометр испортился, несмотря на попытки академика Г. Ф. Миллера, побывавшего в Екатеринбурге проездом, его исправить, в 1743 г. одна хрустальная трубка треснула и ртуть вытекла. Усилия канцелярии получить три хрустальных трубки к прибору и два фунта ртути из Москвы и Петербурга ни к чему не привели, показания давления воздуха уже не отмечались. Получив ведомости о метеонаблюдениях за 3/3 1746 г., составленные Сусоровым через Берг-коллегию, Академия наук промеморией от 8 июля объявила коллегии, что «с сего времени в таковых обсервациях нужды не признается», коллегия указом от 27 июля 1747 г. уведомила об этом уральскую канцелярию [58].

Подведем итоги. В 1740-е гг., как и в предшествующие, уральское начальство назначало в Екатеринбургскую арифметическую школу освобожденных учителей, в отличие от большинства арифметических школ при других заводах, где обязанности обучения возлагались по совместительству на заводских специалистов без дополнительной оплаты или присылавшихся из Екатеринбурга школьников. Лучшие учителя Екатеринбурга имели достаточно высокую подготовку не только по математике, они владели и навыками черчения, составления планов и проспектов заводов, основами маркшейдерского искусства.

При этом учителя продолжали числиться по своей прежней должности, так и подписывали документы: Афанасий Кичигин – как маркшейдерский ученик, Старцев – как ученик геодезии, Сусоров – как машинный подмастерье, с января 1746 г. – как унтер-механик. И жалованье они получали в соответствии с этой должностью, поэтому у Кичигина оно составляло 24 руб., с 5 апреля 1742 г. – 36 руб., у Старцова благодаря поездке в Сибирь – 54 руб., у Сусорова – 36, затем 48 руб. Лишь Яким Олонцов не унаследовал должность плотинного ученика, размер его жалованья – 24 руб. в год, был самым низкооплачиваемым учителем.

В 1740-е гг. именно учителей арифметической школы назначали надзирателями всех екатеринбургских школ без какой-либо оплаты, а эти обязанности требовали дополнительных усилий и затрат времени: ежедневных обходов поутру всех школ, выяснения числа отсутствующих учеников, устных докладов об этом в канцелярии, составления ежемесячных ведомостей для выплаты жалованья ученикам, подачи доношений Юдину об их отпусках домой, побегах, явки из госпиталя и в других случаях.

Все учителя постоянно использовались начальством для выполнения срочных заданий, в первую очередь, связанных с составлением чертежей, планов заводов, участия в работах по

межеванию земель. Особенно много и долго им пришлось трудиться над составлением и копированием чертежей для экспедиции А. Ф. Беэра, и эта задача была объявлена первоочередной. Подобная практика отрыва учителей от своих прямых обязанностей, безусловно, удлиняла пребывание учеников в арифметической школе, власти годами использовали для подготовки чертежей и самих учащихся для помощи учителям, порой никак не оплачивая их труд.

В целом учителя не располагали собой, их желания не брались в расчет, начальство назначало и освобождало их от должности, руководствуясь интересами горнозаводского ведомства. В связи с этим им приходилось менять место жительства, сниматься с семьей с насиженных мест, отправляться, как Якиму Олонцову, учительствовать в далекий Нерчинск. При этом уральское начальство быстро решало вопрос о замене заболевшего или занятого другими обязанностями учителя, оперативно переводя маркшейдерского ученика с Алапаевского завода, временно назначая способного ученика для помощи в самой школе.

Список литературы

1. Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. : мат-лы 2-й научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск : [б. и.], 1950. С. 45–98.
2. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 24. Оп. 2. Д. 5. Л. 126 об., 141 об.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. Л. 8–9, 13–14.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. Л. 308.
5. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. Л. 319.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. Л. 120.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 41. Л. 469; Оп. 1. Д. 907. Л. 120.
8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. Л. 122.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 267. Л. 20–21.
10. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. Л. 91 об.
11. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. Л. 122–123.
12. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. Л. 90.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. Л. 92.
14. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. Л. 297–306.
15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 957. Л. 14–16 об.
16. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. Л. 93.
17. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. Л. 94 об.
18. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 957. Л. 93–95 об.
19. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 308. Л. 84–91.
20. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1039. Л. 131–135, 291–299.
21. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1039. Л. 273.
22. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1039. Л. 274, 275 об.
23. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1024. Л. 49 об. – 50.
24. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 506. Л. 86; Д. 577а. Л. 51.
25. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 239.
26. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1035. Л. 142.
27. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1035. Л. 143–150.
28. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 626–627.
29. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 247; Оп. 12. Д. 222. Л. 170; Д. 224. Л. 213.
30. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 780.
31. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 239. Л. 141–142; Д. 242. Л. 72–73.
32. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л. 9–9 об., 11.
33. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л. 14, 131–131 об.
34. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 247–247 об.
35. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1035. Л. 159.
36. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1035. Л. 161.
37. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1035. Л. 164, 165–171.
38. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а. Л. 117.
39. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. Л. 564–564 об.
40. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. Л. 566 об., 567 об.
41. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 265. Л. 246–248.
42. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 240.
43. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 153.
44. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 153; Д. 1128. Л. 177.
45. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 154.
46. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 197.

47. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 256–257 об.
48. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 246–246 об.
49. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 247–248 об.
50. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 249–250 об.
51. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 260–260 об., 261–262 об., 260–262 об.
52. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 239 об.
53. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 237–238.
54. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 241–241 об.
55. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 245.
56. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 329, 333.
57. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 498. Л. 1.
58. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 115, 120; Оп. 12. Д. 49. Л. 185; Д. 51. Л. 340.
59. Проект В. Н. Татищева 1735 г. об отправлении гитенмейстера И. Улиха в Саксонию и Богемию для найма специалистов, обучении детей управителей уральских заводов в Европе и Академии наук (публикация А. М. Сафроновой) // Уральский археографический альманах. 2005. Екатеринбург : НПМП «Волот», 2005. С. 350–363.
60. Российский государственный архив древних актов. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1050. Л. 143.
61. Сафронова А. М. Горнозаводская администрация Урала в постпетровскую эпоху: новые данные // Quaestio Rossica. Т. 9. 2021. № 4. С. 1380.
62. Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 334 с.
63. Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 552 с.
64. Сафронова А. М. Уровень образованности учителей Екатеринбургской арифметической школы первой половины XVIII века // Педагогическое образование в России. 2019. № 8. С. 6–11.
65. Татищев В. Н. Записки. Письма 1717–1750. М. : Наука, 1990. 440 с.
66. Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е – 50-е гг. XVIII в. : биографический справочник. СПб. : Алетейя, 2022. 446 с.

Teachers of the arithmetic school of Yekaterinburg (1740s)

Safronova Alevtina Mikhailovna

Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, Ural Federal University n. a. the First President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-4692-3025. E-mail: alevtina.safronova@gmail.com

Abstract. This year Yekaterinburg turns 300 years old, almost simultaneously with the foundation of the plant, an arithmetic school appeared at it as a training center for future qualified personnel for the factories of the Urals and one of the largest schools in provincial Russia. The purpose of the article is to reconstruct the composition of teachers who worked at the school in the 1740s, when they began to be appointed from graduates of Ural mining schools, in contrast to previous years, when former students of the Artillery School and the Naval Academy, sent from Moscow and St. Petersburg, were appointed to these positions. The tasks are set: to reveal the origin of Ural teachers, their previous life path, the level of training, the terms of work at school, the fulfillment of their duties, the reasons for appointment to new positions. On the basis of archival documents, it is shown that the most qualified specialists were appointed as teachers, since 1743, it was the teachers of the arithmetic school who began to be appointed as supervisors of all Yekaterinburg schools. The peculiarity of this teacher corps was the preservation of the names of the former factory positions and the corresponding salaries for them. Along with teaching duties, all of them were constantly involved in urgent tasks, mainly for drawing up, copying drawings, plans of factories; they conducted daily meteorological observations in Yekaterinburg until 1747. They did not stay in teachers for long, they were appointed to new positions, to other factories, without taking into account their opinions and desires. The results of the research will be used in a monograph dedicated to the first teachers of Yekaterinburg (1724–1750).

Keywords: mining schools, Yekaterinburg, arithmetic school, teachers, supervisors.

References

1. Budrin V. N. *Gornozavodskie shkoly Urala v XVIII i v nachale XIX v. : mat-ly 2-j nauchnoj konferencii po istorii Ekaterinburga-Sverdlovsk* [Mining schools of the Urals in the XVIII and early XIX centuries : materials of the 2nd scientific conference on the history of Yekaterinburg-Sverdlovsk]. Sverdlovsk. [without publisher]. 1950. Pp. 45–98.
2. SASR (State Archive of the Sverdlovsk region). F. 24. Inv. 2. File 5. Sh. 126 turn, 141 turn.

3. SASR. F. 24. Inv. 1. File 692. Sh. 8–9, 13–14.
4. SASR. F. 24. Inv. 1. File 692. Sh. 308.
5. SASR. F. 24. Inv. 1. File 691. Sh. 319.
6. SASR. F. 24. Inv. 1. File 907. Sh. 120.
7. SASR. F. 24. Inv. 12. File 41. Sh. 469; Inv. 1. File 907. Sh. 120.
8. SASR. F. 24. Inv. 1. File 907. Sh. 122.
9. SASR. F. 24. Inv. 12. File 267. Sh. 20–21.
10. SASR. F. 24. Inv. 1. File 952. Sh. 91 turn.
11. SASR. F. 24. Inv. 1. File 907. Sh. 122–123.
12. SASR. F. 24. Inv. 1. File 952. Sh. 90.
13. SASR. F. 24. Inv. 1. File 952. Sh. 92.
14. SASR. F. 24. Inv. 1. File 907. Sh. 297–306.
15. SASR. F. 24. Inv. 1. File 957. Sh. 14–16 turn.
16. SASR. F. 24. Inv. 1. File 952. Sh. 93.
17. SASR. F. 24. Inv. 1. File 952. Sh. 94 turn.
18. SASR. F. 24. Inv. 1. File 957. Sh. 93–95 turn.
19. SASR. F. 24. Inv. 12. File 308. Sh. 84–91.
20. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1039. Sh. 131–135, 291–299.
21. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1039. Sh. 273.
22. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1039. Sh. 274, 275 turn.
23. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1024. Sh. 49 turn. – 50.
24. SASR. F. 24. Inv. 1. File 506. Sh. 86; File 577a. Sh. 51.
25. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1128. Sh. 239.
26. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1035. Sh. 142.
27. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1035. Sh. 143–150.
28. SASR. F. 24. Inv. 1. File 624. Sh. 626–627.
29. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1128. Sh. 247; Inv. 12. File 222. Sh. 170; File 224. Sh. 213.
30. SASR. F. 24. Inv. 1. File 624. Sh. 780.
31. SASR. F. 24. Inv. 12. File 239. Sh. 141–142; File 242. Sh. 72–73.
32. SASR. F. 24. Inv. 1. File 760. Sh. 9–9 turn., 11.
33. SASR. F. 24. Inv. 1. File 760. Sh. 14, 131–131 turn.
34. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1128. Sh. 247–247 turn.
35. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1035. Sh. 159.
36. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1035. Sh. 161.
37. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1035. Sh. 164, 165–171.
38. SASR. F. 24. Inv. 1. File 577a. l. 117.
39. SASR. f. 24. Inv. 1. File 692. l. 564–564 turn.
40. SASR. F. 24. Inv. 1. File 692. Sh. 566 turn., 567 turn.
41. SASR. F. 24. Inv. 12. File 265. Sh. 246–248.
42. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1128. Sh. 240.
43. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1076. Sh. 153.
44. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1076. Sh. 153; File 1128. Sh. 177.
45. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1076. Sh. 154.
46. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1076. Sh. 197.
47. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1076. l. 256–257 turn.
48. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1076. Sh. 24–246 turn.
49. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1076. l. 247–248 turn.
50. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1076. l. 249–250 turn.
51. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1076. l. 260–260 turn., 261–262 turn., 260–262 turn.
52. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1128. Sh. 239 turn.
53. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1128. Sh. 237–238.
54. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1128. Sh. 241–241 turn.
55. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1128. Sh. 245.
56. SASR. F. 24. Inv. 1. File 2321. Sh. 329, 333.
57. SASR. F. 24. Inv. 1. File 498. Sh. 1.
58. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1076. Sh. 115, 120; Inv. 12. File 49. Sh. 185; File 51. Sh. 340.
59. *Proekt V. N. Tatishcheva 1735 g. ob otpravlenii gitenmejstera I. Uliha v Saksoniyu i Bogemiyu dlya najma specialistov, obuchenii detej upravitelej ural'skikh zavodov v Evrope i Akademii nauk (publikaciya A. M. Safronovoj) – V. N. Tatishchev's project of 1735 on the departure of gitenmeister I. Ulich to Saxony and Bohemia for hiring specialists, training the children of managers Ural plants in Europe and the Academy of Sciences (publication by A.M. Safronova) // Ural'skij arheograficheskij al'manah – Ural Archeographic Almanac. 2005. Yekaterinburg. NPMP "Volot". 2005. Pp. 350–363.*
60. RSAА (Russian State Archive of Ancient Acts). F. 271. Inv. 1. File 1050. Sh. 143.

61. Safronova A. M. *Gornozavodskaya administraciya Urala v postpetrovskuyu epohu: novye dannye* [Mining administration of the Urals in the post-Soviet era: new data] // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. No. 4. P. 1380.
62. Safronova A. M. *Dokumenty organov upravleniya promyshlennost'yu Rossii kak istochnik o gornozavodskih shkolah Urala pervoj poloviny XVIII v.* [Documents of industrial management bodies of Russia as a source about mining schools of the Urals of the first half of the XVIII century]. Yekaterinburg. Ural University Publishing House. 2014. 334 p.
63. Safronova A. M. *V. N. Tatishchev i biblioteki rannego Ekaterinburga: opyt istoricheskoy rekonstrukcii* [V. N. Tatishchev and the libraries of early Yekaterinburg: the experience of historical reconstruction]. Yekaterinburg. Ural University Publishing House. 2011. 552 p.
64. Safronova A. M. *Uroven' obrazovannosti uchitelej Ekaterinburgskoj arifmeticheskoy shkoly pervoy poloviny XVIII veka* [The level of education of teachers of the Yekaterinburg arithmetic school of the first half of the XVIII century] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical education in Russia*. 2019. No. 8. Pp. 6–11.
65. Tatishchev V. N. *Zapiski. Pis'ma 1717–1750* [Notes. Letters 1717–1750]. M. Nauka (Science). 1990. 440 p.
66. Cemenkova S. I., Chernouhov A. V. *Rukovoditeli apparata gornozavodskoj vlasti Urala v 20-e – 50-e gg. XVIII v. : biograficheskij spravochnik* [Heads of the apparatus of the mining authorities of the Urals in the 20s – 50s of the XVIII century. : biographical directory]. SPb. Aletya. 2022. 446 p.

Судьба российской крестьянской общины в условиях аграрных преобразований 1917–1950-х гг. (на материалах Вятского региона)

Чемоданов Игорь Владиславович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: igor.che.modanov@gmail.com

Аннотация. Судьба российского крестьянства в первые десятилетия советской власти складывалась весьма драматично. Специфика форм хозяйствования в период с 1917 г. до середины XX в. еще долго будет привлекать внимание ученых-исследователей и организаторов производства. Анализ исторического опыта осуществления модернизации аграрного сектора чрезвычайно важен в наше время для определения более рациональных и эффективных экономических преобразований в аграрной политике и выработки разумных перспектив на будущее. Цель данной статьи – выявление тенденций и процессов, происходивших в среде российского общинного крестьянства в 1917–1950-х гг. Коллективизация оценивается как специфический вариант раскрестьянивания, который предполагал длительную консервацию общинных традиций в рамках колхозной системы и в то же время – формирование новой аграрной элиты. Колхоз представлял собой модернизированную крестьянскую общину с преобладанием коллективного труда и гораздо более высоким уровнем обобществления средств производства. В ходе массовой коллективизации и функционирования колхозной системы в ее классическом виде происходило становление протобуржуазных тенденций как ведущего фактора социальной эволюции деревни. Автор приходит к выводу, что в результате аграрных преобразований 1917–1950-х гг. происходила трансформация российской крестьянской общины в колхозную систему, которая представляла собой своеобразный, специфический вариант первоначального накопления капитала на селе. Под колхозной (внешне «социалистической») оболочкой происходило постепенное изживание эгалитарно-общинных установок и формирование сельской буржуазии. Изучение аграрных преобразований 1917–1950-х гг. позволяет критически осмысливать и использовать накопленный исторический опыт в аграрной политике, в деятельности современных властей и предпринимательских структур в деревне.

Ключевые слова: крестьянство, община, сельское хозяйство, модернизация, коллективизация.

В XIX – первой половине XX в. Россия переживала сложный и противоречивый процесс перехода от традиционного к индустриальному обществу. Для обозначения данного процесса в современной литературе широко используется термин «модернизация» [12; 13; 14]. Кульминация модернизационного перехода в нашей стране приходится на конец 1920-х – 1930-е гг., когда осуществилась массовая коллективизация деревни и были заложены основы колхозной системы [6; 7; 11]. Непременной составляющей процесса модернизации является раскрестьянивание, что предполагает пролетаризацию большей части сельского населения и формирование протобуржуазии.

В России попытки становления буржуазной прослойки в сельском хозяйстве в ходе реформ второй половины XIX – начала XX в. (отмена крепостного права, столыпинские аграрные преобразования) имели весьма ограниченные результаты [5; 9; 10]. Становление протобуржуазных тенденций как ведущего фактора социальной эволюции деревни происходило в 1930–1950-е гг., в ходе массовой коллективизации и функционирования колхозной системы в ее классическом виде [8]. Сам этот процесс активно развивался в 1970–1980-е гг. внутри социального слоя колхозных управленцев, постепенно конвертировавших возможности распределения аграрного продукта и регулирования общественного производства в деньги и частную собственность, специалистов, элиты сельскохозяйственных рабочих (квалифицированных рабочих, механизаторов), осуществлявших наряду с управленцами скрытую «приватизацию» средств производства и выстраивавших на этой базе новый механизм эксплуатации деревни [1, с. 25].

Специфика советского (колхозного) варианта раскрестьянивания, который нашел свое наивысшее воплощение в массовой коллективизации, заключалась в том, что происходило не столько разрушение крестьянской общины, сколько трансформация ее в колхозную систему.

Колхоз представлял собой не что иное, как модернизированную крестьянскую общину с преобладанием коллективного труда и гораздо более высоким уровнем обобществления средств производства. И традиционалистская (общинная) парадигма надолго консервировалась в мышлении основной массы советского колхозного крестьянства.

Внутри колхозного крестьянства наблюдались две противоположные тенденции. С одной стороны, в колхозе (так же, как ранее в общине), безусловно, имели место эгалитарные установки, прослеживалось стремление к социальной нивелировке. В суровых условиях нехватки ресурсов община делала изгоями всех тех, кто так или иначе выделялся из общей массы, чей образ жизни мог быть истолкован как странный, чужой или маргинальный. Социальному ostracismu подвергались не только те, кто проявил себя в период коллективизации как активный ее сторонник. Новые активисты, часто молодые женщины, которые предпочитали общине новый порядок, могли также ощутить на себе враждебность соседей из-за нарушения устоев. К выдающимся работникам, ударникам, а позже стахановцам зачастую относились как к штрейкбрехерам, которые стремятся превзойти соседей и выслужиться перед начальством, часто ради материального вознаграждения, но иногда и ради краткой похвалы, по зову долга или веры. Понятие «ударник» в некоторых случаях стало заменой уничижительного термина «бедняк».

Рационализаторскую инициативу и трудовой энтузиазм гасили «уравниловка» и «обезличка». По мере утверждения колхозного строя борьба с подобного рода негативными явлениями, безусловно, велась, но не везде одинаково успешно. Приведем ряд примеров по Кировскому краю (бывшей Вятской губернии). До массовой коллективизации это был регион с абсолютным господством общинно-чересполосной формы землепользования, прочными коммунарными традициями и ярко выраженным «осереднячиванием» деревни. В Кильмезском районе, где на тот момент насчитывалось 185 колхозов, за неполные девять месяцев 1936 г. (с 1 января по 20 сентября) состоялось 34 переизбрания председателей (18,4 %). Высокий уровень текучести руководящих кадров был связан с тем, что председатели колхозов разными способами и под разными, часто надуманными, предлогами (манкирование работой, симулирование болезни и так далее) стремились поскорее избавиться от возложенных на них должностных обязанностей, поскольку высокий уровень ответственности явно не соответствовал их весьма скромным зарплатам (за председательствование начислялось от 20 до 35 трудов дней). Дело доходило до курьеза, когда, например, председатель Домаскинского колхоза Е. А. Буяков был снят с должности председателя «за систематическое пьянство», однако после своего избавления от непосильной председательской ноши он на удивление быстро перестал злоупотреблять спиртным и начал добросовестно работать в родном колхозе в качестве простого труженика [15, л. 90–91]. В 1936 г. Кировский крайком ВКП(б) и крайисполком (КИК) приняли постановление о введении гарантированной оплаты труда председателей колхозов, по поводу чего со стороны части колхозников Черновского района можно было слышать такие высказывания: «Если нам председателя колхоза оплачивать так, как решено крайкомом и КИК, то мы будем работать только на председателя, а самим ничего не останется». Подобного рода эгалитарные настроения колхозников создавали немалые трудности для работы председателей (особенно в чрезвычайных условиях засухи, охватившей Кировский край в 1936 г.). Председатель колхоза им. Сталина Вершинин сетовал, «что есть такие колхозники, которые рассматривают председателя колхоза как врага (за то, что выплачивает аккуратно все гособязательства и будет получать гарантированную оплату)» [15, л. 173–174].

Эгалитарные установки, исповедуемые значительной частью сельского населения, препятствовали развитию колхозного производства. Весьма показателен случай, произошедший в Вахреневском колхозе Черновского района. 3 марта 1936 г. там дважды пыталась покончить жизнь самоубийством через повешение колхозница-стахановка М. А. Филатьева. Дело обстояло следующим образом. В 1936 г. в колхозе было организовано стахановское звено во главе с М. А. Филатьевой. Она взяла на себя ряд обязательств по повышению урожайности льна и обратилась на собрании к председателю колхоза С. Г. Филатьеву с просьбой дать ей лошадь для вывозки удобрения. Председатель на это ничего ей не ответил, вместо него выступил кладовщик П. В. Филатьев, который заявил: «Тебе привезти бочку с удобрениями, привязать на шею и ходить (так в документе. – И. Ч.), вот и будешь стахановка». А единоличник Д. О. Филатьев добавил: «Пока тобой здесь не пахло, то все было хорошо, а теперь всех мутишь; ты добиваешься, как бы получить только премию». Руководство колхоза посылало стахановку М. А. Филатьеву на самые тяжелые работы, отказывало в выдаче хлеба и всячески высмеивало ее, что в конечном итоге и послужило причиной попыток самоубийства [16, л. 22]. В колхо-

зе им. Чапаева (Тужинский район) колхозница Н. П. Разумова хотела показать пример качественного выращивания льна. По ее инициативе было создано стахановское звено, но председатель колхоза Гагаринов перевел ее в конюхи [17, л. 233–234].

В Воткинском районе вопросы развития стахановского движения в связи с уборочной кампанией 1937 г. «прошли мимо районного комитета партии». В райкоме не могли назвать имени ни одного стахановца. И хотя в районе было немало колхозников, которые демонстрировали прекрасные результаты, однако поддержка им со стороны районных организаций, МТС и руководства колхозов не оказывалась, а их «прекрасные начинания попросту часто скрывались» [18, л. 22].

В 1937 г. в целом ряде колхозов Лебяжского района высокие результаты работы стахановских звеньев и отдельных стахановцев при обмолоте зерна были слиты с общеколхозными показателями. В колхозе «Юпитер» Мысовского сельсовета создание стахановских звеньев и бригад дало основание его руководству объявить стахановским весь колхоз, хотя далеко не все колхозники взяли на себя стахановские обязательства [19, л. 11]. Во многих сельсоветах Макарьевского района стахановские звенья, формально организованные весной 1937 г., фактически распались еще до начала уборочной [19, л. 21].

Обеспечение внутреннего единства, которое всегда было присуще селу и небольшим общинам, могло перерасти в погоню за единообразием, когда крестьяне выступали против тех односельчан, которые так или иначе отличались от остальных. Слой чужаков и маргиналов особенно выделялся среди жертв репрессий в период, последовавший за кампанией по коллективизации. «Бывшие люди» – представители старых, сошедших с исторической сцены элитарных слоев, все те, кто в общественном сознании был тесно связан с дореволюционным режимом, например, помещики, торговцы, лавочники, духовенство, деревенские и волостные старосты, царские офицеры и полицейские, – подвергались свирепым нападкам как сверху, так и снизу. Группы общества, относившиеся к «бывшим людям», служили традиционными объектами неприязни со стороны крестьян. В условиях голода и разорения именно среди них начинали искать виновных и могли преследовать их, применяя к ним те же приемы, что и к активистам в годы коллективизации. Другие категории «отщепенцев» или близких к ним, как, например, сезонные рабочие, ремесленники и представители сельской интеллигенции, в то время также становились жертвами гонений [3, с. 278–281]. В годы массовых репрессий именно «чужаки» попадали в «группу риска», поскольку, выделяясь из основной массы «общинников» (в широком смысле слова), они вызывали по отношению к себе недоверие, подозрение, зависть, желание свести счеты, отомстить, расквитаться и так далее.

Третирирование «чужаков» представляло собой защитный механизм, который призван был препятствовать возможному (а в условиях модернизационного скачка – и неизбежному) размыванию пространства общинного социума, крестьянского «мира». С другой стороны, колхозная деревня (так же, как ранее дореволюционная и нэповская) никогда не являлась полностью гомогенной в социальном отношении. Хотя массовая коллективизация с сопровождавшим ее раскулачиванием и призваны были устранить социальную почву для возрождения «капиталистических элементов» и реставрации эксплуататорских отношений в деревне, но в недрах колхозной общины (вопреки доминирующим эгалитарным установкам) подспудно выстраивалась своя иерархия, и из общей массы рядовых колхозников выделялись новые элитарные слои, которые можно считать зачаточными элементами формирующейся протобуржуазии. Таким образом, новый колхозный порядок формировался на фоне попыток самозащиты и тенденции к саморазрушению крестьянской общины. Сама политика коллективизации, избранная сталинским руководством, предполагала, в конечном итоге, ликвидацию общинной организации крестьянства [4, с. 23].

Следует иметь в виду, что, начиная с 1917 г. и примерно до середины XX в., в российской деревне неоднократно происходила смена аграрных элит, ибо кардинальная смена политического курса неизбежно предполагает хотя бы частичное снятие прежнего правящего слоя и выдвижение новых руководящих кадров. В первые десятилетия советской власти активно действовал «социальный лифт». Те амбициозно настроенные люди, которые стремились на вершину пирамиды и претендовали на освободившиеся вакантные места, готовы были поддерживать аграрную политику большевиков (коммунистов), но лишь постольку, поскольку она соответствовала их личным интересам, и только до тех пор, пока она им соответствовала. Процесс смены элит был весьма драматичным (а подчас – и трагическим). Триумф одних нередко оборачивался фиаско для других.

Первый слой аграрной элиты был снят еще в годы Гражданской войны, когда произошла ликвидация помещичьего землевладения и осуществлено первое масштабное раскулачивание. Имел место своеобразный «общинный ренессанс», который можно рассматривать, с одной стороны, как попытку практического воплощения в жизнь вековых чаяний крестьянства произвести «черный передел» и стать «вольными хозяевами на вольной земле», а с другой – как болезненную реакцию на столыпинские аграрные преобразования, подрывавшие единство крестьянской общины. Правда, слой кулачества был частично регенерирован в годы НЭПа. Следует, однако, иметь в виду, что значительная часть кулаков нэповской формации не имела дореволюционных корней и сумела выдвинуться благодаря удачному для них стечению обстоятельств, сопряженных с военно-революционным лихолетьем: «черный передел» как результат практической реализации Декрета о земле, присвоение и перераспределение помещичьего инвентаря, частичная конфискация имущества зажиточной верхушки, а для кого-то – и откровенный криминал (грабеж, воровство, спекуляция и прочие темные махинации), который всегда поднимает голову в периоды смут (подобного рода типаж нового «хозяина деревенской жизни» прекрасно изображен М. А. Шолоховым в романе «Поднятая целина» в образе кулака нэповского происхождения, выбившегося из бедняков, – Тита Бородина). Благодаря действию указанных факторов в первые годы советской власти происходило относительное выравнивание стартовых возможностей крестьянских хозяйств («осереднячивание»), и в руках будущих «хозяев деревенской жизни» появлялись источники первоначального накопления.

Но торжество нэповских кулаков было недолгим. Очередная смена аграрной элиты произошла в конце 1920-х – 1930-е гг. в результате массовой коллективизации, которая сопровождалась гораздо более масштабным раскулачиванием (по сравнению с тем, что имело место ранее, в годы Гражданской войны). Социальные издержки этого процесса очевидны. Но не следует забывать и то обстоятельство, что многие вчерашние бедняки и батраки, которые в случае сохранения в деревне прежнего (нэповского) порядка обречены были до конца жизни пахать землю деревянной сохой и искать милости богатого односельчанина (и перспектив изменения подобного рода ситуации к лучшему они для себя не видели), теперь, благодаря радикальной ломке прежнего уклада, получали широкие возможности для карьерного роста: они становились председателями колхозов, заведующими фермами, бригадирами, механизаторами, мелиораторами, агрономами, зоотехниками, ветеринарами и так далее. Кто-то проиграл – а кто-то и выиграл.

Таким образом, на протяжении всего периода 1917–1950-х гг. часть крестьян готова была поддерживать аграрные преобразования советской власти (даже наиболее радикальные, наиболее болезненные из них с точки зрения воздействия на традиционный крестьянский уклад, которые мыслились как «социалистические» и именно в таком качестве преподносились в научной литературе и официальной пропаганде), руководствуясь при этом не столько идейными (хотя были среди крестьян, безусловно, и искренние приверженцы коммунистической идеологии), сколько утилитарно-прагматическими соображениями. Эти люди, являясь носителями мелкобуржуазной психологии, приветствовали коллективизацию и колхозный строй, но лишь постольку, поскольку аграрные институты, создаваемые советской властью, способствовали повышению их социального статуса или, по крайней мере, создавали благоприятные перспективы для этого [20, с. 134].

Аналогичные процессы происходили и в городе. Оно и неудивительно. Ведь вчерашние крестьяне, в первые десятилетия XX в. формально порывавшие связь с деревней, вольно или невольно приносили в город свои, крестьянские (мелкобуржуазные, мелкособственнические) моральные нормы, ценностные установки, стереотипы, принципы и устремления, передавая их последующим поколениям. Происходило взаимовлияние и взаимопроникновение города и деревни. С одной стороны, городская культура и быт постепенно проникали в толщу деревенской жизни, а высокие потребительские стандарты горожан и городской стиль жизни малопомалу усваивались сельским населением, но, с другой стороны, и деревня накладывала свой отпечаток на городской социум. В условиях масштабного и относительно быстрого по историческим меркам наплыва раскрестьяненных масс в города параллельно с процессом урбанизации происходил процесс «окрестьянивания» города, а значит – укоренение среди различных слоев городских тружеников мелкособственнической психологии.

Когда же конечная цель оказывалась достигнутой («я – наверху, дети – пристроены и обеспечены»), то колхозный (и – шире – советский) строй становился уже ненужным, и пред-

ставители правящей элиты берут курс на его демонтаж, с таким, однако, расчетом, чтобы сохранить свое привилегированное положение и максимально полно конвертировать высокий социальный статус, обретенный ими при советской власти, в деньги и частную собственность на средства производства. Что мы в принципе и наблюдаем с середины 1950-х гг. до конца советского периода, когда происходит свертывание классической колхозной системы (наступление на личные подсобные хозяйства, перевод колхозников на гарантированную зарплату без начисления трудовых, отмена обязательных госпоставок, ликвидация системы МТС), а затем – окончательное перерождение колхозной системы в государственный аграрно-капиталистический механизм. Именно в этом – ключ к пониманию проблемы пресловутого «буржуазного перерождения» партийно-государственной номенклатуры и крушения советского строя. В конечном итоге в деревню (и в страну в целом) обходным путем пришел капитализм «через государственную форму, для обеспечения властвования названную социализмом» [2, с. 607].

Таким образом, в результате аграрных преобразований 1917–1950-х гг. происходила трансформация российской крестьянской общины в колхозную систему, которая представляла собой своеобразный, специфический вариант первоначального накопления капитала на селе. Под колхозной (внешне «социалистической») оболочкой происходило постепенное изживание эгалитарно-общинных установок и формирование сельской буржуазии.

Список литературы

1. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930–1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 23–44.
2. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М. : ЛЕНАРД, 2014. 608 с.
3. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 367 с.
4. Вознесенская Е. И. Общинная организация вятского крестьянства в советской доколхозной деревне (1917–1930 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008. 26 с.
5. Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. 599 с.
6. Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М. : Наука, 2006. 315 с.
7. Ивницкий Н. А. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М. : Институт Российской истории РАН, 2000. 350 с.
8. Кедров Н. Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М. : Политическая энциклопедия, 2013. 280 с.
9. Костина Е. Г. Реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2010. 146 с.
10. Мусихин В. Е. Вятские крестьяне в начале XX века // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. История. Киров : Областная писательская организация, Администрация Кировской области, Вятская торгово-промышленная палата, 1995. С. 282–297.
11. Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. 285 с.
12. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 240 с.
13. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 1999. 784 с.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с.
15. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 356.
16. ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 55.
17. ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 287.
18. ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 292.
19. ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 351.
20. Чемоданов И. В. Сельское хозяйство и крестьянство Вятского региона в условиях модернизации (1928–1941 гг.). Киров : Старая Вятка, 2016. 364 с.

The fate of the Russian peasant community in the conditions of agrarian transformations of the 1917–1950s (based on the materials of the Vyatka region)

Chemodanov Igor Vladislavovich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of History and Political Sciences,
Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: igor.che.modanov@gmail.com

Abstract. The fate of the Russian peasantry in the first decades of Soviet power was very dramatic. The specifics of the forms of management in the period from 1917 to the middle of the XX century. it will attract the attention of research scientists and production organizers for a long time. The analysis of the historical experience of the modernization of the agricultural sector is extremely important in our time to determine more rational and effective economic transformations in agricultural policy and develop reasonable prospects for the future. The purpose of this article is to identify trends and processes that took place among the Russian communal peasantry in the 1917–1950s. Collectivization is assessed as a specific variant of de-farming, which assumed a long-term preservation of communal traditions within the collective farm system and at the same time – the formation of a new agrarian elite. The collective farm was a modernized peasant community with a predominance of collective labor and a much higher level of socialization of the means of production. In the course of mass collectivization and the functioning of the collective farm system in its classical form, proto-bourgeois tendencies emerged as a leading factor in the social evolution of the village. The author comes to the conclusion that as a result of the agrarian transformations of the 1917–1950s, the transformation of the Russian peasant community into a collective farm system took place, which represented a peculiar, specific variant of the initial accumulation of capital in rural areas. Under the collective-farm (outwardly "socialist") shell, the egalitarian-communal attitudes gradually disappeared and the rural bourgeoisie was formed. The study of the agrarian transformations of the 1917–1950s makes it possible to critically comprehend and use the accumulated historical experience in agrarian policy, in the activities of modern authorities and business structures in the countryside.

Keywords: peasantry, community, agriculture, modernization, collectivization.

References

1. Beznin M. A., Dimoni T. M. *Agrarnyj stroj Rossii v 1930–1980-h godah (novyj podhod)* [The agrarian system of Russia in the 1930s–1980s (a new approach)] // *Voprosy istorii – Questions of history*. 2005. No. 7. Pp. 23–44.
2. Beznin M. A., Dimoni T. M. *Agrarnyj stroj Rossii 1930–1980-h godov* [The agrarian system of Russia of the 1930s–1980s]. M. LENARD. 2014. 608 p.
3. Viola L. *Krest'yanskij bunt v epohu Stalina: Kollektivizaciya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya* [Peasant revolt in the Stalin era: Collectivization and the culture of peasant resistance]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) : Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin. 2010. 367 p.
4. Voznesenskaya E. I. *Obshchinnaya organizaciya vyatskogo krest'yanstva v sovetskoj dokolhoznoj derevne (1917–1930 gg.) : dis. ... kand. ist. nauk* [Communal organization of the Vyatka peasantry in the Soviet pre-kolkhoz village (1917–1930) : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Izhevsk. 2008. 26 p.
5. Dubrovskij S. M. *Stolypinskaya zemel'naya reforma: Iz istorii sel'skogo hozyajstva i krest'yanstva Rossii v nachale XX v* [Stolypin land reform: From the history of agriculture and the peasantry of Russia at the beginning of the XX century]. M. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1963. 599 p.
6. Zelenin I. E. *Stalinskaya "revolyuciya sverhu" posle "velikogo pereloma". 1930–1939: politika, osushchestvlenie, rezul'taty* [Stalin's "revolution from above" after the "great turning point". 1930–1939: policy, implementation, results]. M. Nauka (Science). 2006. 315 p.
7. Ivnickij N. A. *Repressivnaya politika Sovetskoj vlasti v derevne (1928–1933 gg.)* [The repressive policy of Soviet power in the countryside (1928–1933)]. M. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 2000. 350 p.
8. Kedrov N. G. *Lapti stalinizma. Politicheskoe soznanie krest'yanstva Russkogo Severa v 1930-e gody* [Bast shoes of Stalinism. Political consciousness of the peasantry of the Russian North in the 1930s]. M. Political Encyclopedia. 2013. 280 p.
9. Kostina E. G. *Realizaciya stolypinskoj agrarnoj reformy v Vyatskoj gubernii* [Implementation of Stolypin agrarian reform in Vyatka province]. Kirov. VyatSHU Publishing House. 2010. 146 p.
10. Musihin V. E. *Vyatskie krest'yane v nachale XX veka* [Vyatka peasants at the beginning of the XX century] // *Enciklopediya zemli Vyatskoj. T. 4. Istoriya – Encyclopedia of the Vyatka land. Vol. 4. History*. Kirov. Regional Writers Organization, Administration of the Kirov region, Vyatka Chamber of Commerce and Industry. 1995. Pp. 282–297.
11. Nefedov S. A. *Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizacii* [Agrarian and demographic results of Stalinist collectivization]. Tambov. Publishing House of TSU n. a. G. R. Derzhavin. 2013. 285 p.

12. *Poberezhnikov I. V. Perekhod ot tradicionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizacii* [Transition from traditional to industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2006. 240 p.
13. *Toffler E. Tret'ya volna* [The third wave]. M. AST. 1999. 784 p.
14. *Huntington S. Stolkновение civilizacij* [Clash of Civilizations]. M. AST. 2003. 603 p.
15. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. P-1255. Inv. 2. File 356.
16. CSAKR. F. P-1290. Inv. 1. File 55.
17. CSAKR. F. P-1290. Inv. 1. File 287.
18. CSAKR. F. P-1290. Inv. 1. File 292.
19. CSAKR. F. P-1290. Inv. 2. File 351.
20. *Chemodanov I. V. Sel'skoe hozyajstvo i krest'yanstvo Vyatskogo regiona v usloviyah modernizacii (1928–1941 gg.)* [Agriculture and the peasantry of the Vyatka region in the conditions of modernization (1928–1941)]. Kirov. Old Vyatka. 2016. 364 p.

Формирование лыжных подразделений Красной армии и их боевое применение в 1941–1942 гг.

Касимов Руслан Рафаилович¹, Свалов Леонид Иванович²

¹главный хранитель фондов, Волго-Вятский институт – филиал,
Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина,
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-9367-081X. E-mail: kasimovruslan77@gmail.com

²краевед-исследователь. Россия, г. Кирово-Чепецк. E-mail: svalov_li@mail.ru

Аннотация. В статье на основе ранее неопубликованных архивных источников и ряда работ других исследователей рассмотрено формирование отдельных лыжных подразделений на территории СССР в период с сентября 1941 г. по февраль 1942 г. Всесторонне оценено количество сформированных лыжных частей, их распределение по фронтам Великой Отечественной войны, качество боевой, материальной и иной подготовки отдельных лыжных батальонов. Дана оценка психологической и моральной готовности личного состава спецподразделений. Приведена и проанализирована стратегия, как положительного, так и отрицательного применения подготовленных отдельных лыжных спецподразделений на линии боевого соприкосновения с частями противника в первую военную зиму на Советско-германском фронте.

Цель исследования – проанализировать и сделать правильные выводы в выбранной стратегии военного руководства СССР при формировании специализированных частей для зимних условий ведения войны. Насколько данная линия военного планирования Советского Союза повлияла на ход военного противостояния в самый тяжелый период Великой Отечественной войны. А также выявить вклад лыжных подразделений в разгром соединений вермахта в первой зимней кампании 1941–1942 гг. Актуальность работы обусловлена возросшим интересом к истории формирования и применения отдельных лыжных батальонов на фронтах Великой Отечественной войны. Также она будет полезна родственникам погибших военнослужащих, воевавших в составе лыжных спецподразделений, поскольку здесь указаны номера лыжных частей и обозначена география их применения. Статья может быть интересна военным историкам, преподавателям гуманитарного профиля в учебных заведениях среднего и высшего образования, педагогам военно-патриотического воспитания.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, Главупраформ, отдельные лыжные батальоны, мобилизация, учебные запасные стрелковые бригады.

Катастрофическое начало Великой Отечественной войны вынудило руководство Государственного комитета обороны (далее – ГКО), Ставки Верховного Главнокомандования (СВГК) и Народного комиссариата обороны (НКО) СССР пересмотреть основные сроки и принципы комплектования всех родов войск и стратегических резервов. В частности, было существенно сокращено время на боевое слаживание частей РККА и их материально-техническое оснащение. Довоенная теория мгновенных и обескураживающих ударов РККА по коммуникациям наступающих клиньев врага разбилась о суровую реальность июня – августа 1941 г. В результате неудачных контрударов на стратегических направлениях сгорели основные инструменты противодействия немецкому «блицкригу» – механизированные дивизии и корпуса, а также артиллерийские бригады. По этой причине ГКО и Генеральный штаб Красной Армии стали заблаговременно искать эффективные инструменты противодействия наступавшим частям вермахта, которые могли быть использованы не только в летних, но и в зимних условиях. Одним из таких решений стало создание, по опыту Гражданской и Советско-финской войн, лыжных рот и батальонов, которые соответствовали бы в полной мере вызовам будущей зимней кампании РККА против вермахта. В данной статье предпринята попытка комплексного и беспристрастного анализа принципов мобилизации личного состава, формирования и стратегии применения лыжных подразделений Красной армии в зимней кампании 1941–1942 гг.

Опираясь на предыдущий опыт экстренного формирования крупных войсковых соединений из числа призванных военнообязанных различных возрастных категорий, ГКО постановлением № 680сс от 15.09.1941 г. дал указание Главному управлению формирования резервов Красной армии во главе с заместителем наркома обороны Е. А. Щаденко незамедлительно приступить к созданию лыжных батальонов.

С первого пункта постановления ГКО за № 680сс Главупраформу и военным округам предписывалось обратить особое внимание на личный состав вновь формируемых подразделений, подчеркивая тем самым роль, которую им предстояло выполнять на советско-германском фронте. Было необходимо произвести отбор лыжников:

а) «Из постоянного состава (начальствующего и рядового) пехотных, кавалерийских, инженерных, связи и минометных военных училищ и курсов усовершенствования командного состава этих специальностей;

б) из наземных войск, не входящих в состав действующей армии, за исключением артиллерии и бронетанковых частей;

в) из работников милиции» [8, л. 149].

Таким образом, предполагалось укреплять и вносить в ядро каждого отдельного лыжного подразделения профессиональную основу в лице военнослужащих разных военно-учетных специальностей, включая командный состав.

Во втором и третьем пунктах постановления обращалось внимание на количество и качество основного рядового состава лыжных частей. В частности, ГКО обязало ЦК ВЛКСМ к 25 сентября 1941 г. отобрать и направить командующим войсками военных округов не менее 50 000 комсомольцев из числа хорошо тренированных лыжников. Всем Обкомам партии и военным советам округов непосредственно принимать активное участие в деятельности комсомольских организаций по набору комсомольцев в отдельные лыжные батальоны.

На начальном этапе формирования отдельных лыжных батальонов (далее – ОЛБ) всем обкомам ВКП (б), ВЛКСМ и Военным советам округов предписывалось осуществлять набор военнообязанных, в специальные части, учитывая специфику несения службы в лыжных частях, в первую очередь из числа комсомольцев и лыжников, физически развитых, преданных партии, смелых, а также участвовавших в войне против белофиннов в составе лыжных батальонов. Во-вторых, из призывной молодежи 1922 г. рождения, постоянного или переменного состава запасных учебных частей, призыва военнообязанных, имеющих отсрочки по мобилизации, работающих на предприятиях народного хозяйства и военизированной охраны. Предпочтение отдавалось «спортсменам-лыжникам, охотникам, обладателям значков ГТО. В основном это были комсомольцы, при этом у них проверялось отсутствие судимости по политическим статьям» [12, с. 23].

Таким образом, предполагалось отобрать в первую очередь молодежный контингент, который прошел допризывную военную подготовку, включая систему Осоавиахима, и еще имелся в наличии в военных округах, не призванный ранее по другим волнам всеобщей мобилизации 1941 г. и подходивший по строгим критериям подбора в мобильный род войск Красной армии.

ГКО, Главупраформ и НКО СССР очень тщательно подбирали места дислокации и подготовки ОЛБ, выбирались области, имеющие крупные города и развитую инфраструктуру, позволяющие в сжатые сроки скомплектовать или перебросить контингент на любые расстояния без больших материальных и финансовых затрат. Поэтому в военных округах, где располагались части, принимавшие участие в военной подготовке ОЛБ для своевременной отправки на фронт размещались в районе больших железнодорожных станций и городов.

Впрочем, такого принципа придерживались и в других военных округах, определенных для формирования вышеуказанных воинских частей. Наиболее активно процесс создания ОЛБ шел «в Кировской, Свердловской, Челябинской областях, а также Красноярском крае. Лыжные батальоны размещались вблизи таких крупных городов, как Архангельск, Горький, Златоуст, Курган, Пермь и Челябинск» [1, с. 153].

Другим критерием выбора мест дислокации ОЛБ стало наличие военнообязанных, обладающих необходимой лыжной подготовкой, которая культивировалась на местности в довоенном оборонно-массовом воспитании молодежи. Учитывался штат инструкторов по лыжному спорту в Осоавиахиме, в физкультурно-массовых организациях СССР. Третьим компонентом концентрации учебных лыжных частей являлось наличие в областях деревообрабатывающей промышленности, ресурсы и традиции производства лыж, креплений и лыжных палок.

Стоит отметить, что ГКО уделял внимание созданию учебных центров для боевой и политической подготовки ОЛБ на базе сформированных запасных учебных стрелковых бригад, которые комплектовали и отправляли маршевые роты и батальоны для действующей армии и уже имели часть необходимых ресурсов, на которой осуществлялась боевая выучка и слаживание личного состава.

Так, постановлением от 2.09.1941 г. за № 613сс ГКО СССР предписал: «Для подготовки лыжных частей сформировать к 1 октября 1941 г. 67 запасных лыжных полков, каждый в составе: трех 8-ротных лыжных батальонов и одного учебного батальона. Общая численность полка 3870 человек. Формирование полков провести в следующих округах: АрхВО – 7, МВО – 8, ОрВО – 8, ПриВО – 12, УрВО – 14, СибВО – 14, ЗабВО – 4. Председателю Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта отобрать и направить в распоряжение НКО на укомплектование запасных лыжных полков 2000 лучших инструкторов по лыжной подготовке» [9, л. 86].

Ко времени выхода постановления в военных округах, где располагались учебные запасные стрелковые бригады (далее – ЗСБр), отведенные для усиленной военной подготовки лыжных специальных частей, приступили к преобразованию запасных учебных полков в запасные лыжные полки (далее – ЗЛП) с изменением структуры боевой подготовки от пехотной к специализированной. Таким образом, в военных округах, где формировались лыжные части, к сентябрю 1941 г. ЗСБр переформировывались в лыжно-стрелковые.

В Кировской области на основании директивы Военного совета и штаба УрВО командиром 34-й ЗСБр и Облвоенкому предписывалось постановлением от 2 и 15.09.1941 г. «к 1 октября 1941 г. 14-й, 71-й и 75-й запасные стрелковые полки 34 ЗСБр переформировать в семь запасных лыжных полков, численностью 3870 человек каждый. Формирование запасных лыжных полков производилось по штату № 04/429, с дислокацией:

а) 14-й, 71-й, 281-й, 282-й и 283-й – в г. Слободском на базе 14-го и 71-го запасных стрелковых полков;

б) 75-й и 284-й – в г. Котельниче на базе 71-го, 75-го запасных стрелковых полков» [14, л. 147].

В директиве устанавливался возрастной предел, при котором осуществлялась комплектация лыжных подразделений – до 35 лет. Дополнительно для формирования начальствующего звена привлекался начсостав из милиции, лучшие младшие командиры, инструкторы лыжной подготовки, выделяемые из гражданских спортивных организаций Осоавиахим.

Согласно этому же постановлению, было необходимо немедленно пересмотреть личный состав сформированных при запасных полках нештатных курсов по подготовке младших лейтенантов и всех военнослужащих, удовлетворяющих требованиям службы в лыжных частях. Но, несмотря на предпринимаемые усилия, военнослужащих 34-й ЗСБр, соответствующих заявленным требованиям, существенно не хватало.

Для решения возникшей проблемы НКО СССР, Главупраформ РККА и Военные советы округов принимают меры по устранению сложностей с наполнением личным составом спецподразделений, прибегая к активной ротации членов ВЛКСМ и призванной молодежи между разными регионами страны. Например, в Кировской области при формировании ОЛБ было привлечено из Ивановской, Свердловской, Иркутской областей и Бурято-Монгольской АССР – 5100 человек молодежи, подпадающие под мобилизацию.

В свою очередь, в сентябре 1941 г. в 23-й, 35-й и 43-й ЗСБр СибВО прибыло из Алтайского, Красноярского края, Новосибирской, Иркутской, Омской, Читинской областей, Бурят-Монгольской АССР – 11 900 военнообязанных призывников.

Особые условия ведения боевых действий комплектуемых спецподразделений требовали от бойцов лыжных частей физического здоровья, высокой слаженности и приобретения специальной подготовки. Поэтому при составлении программы боевой тренировки лыжных частей Отделом боевой подготовки Главупраформа РККА учитывался опыт советских лыжников периода Гражданской и Советско-финской войны, а также довоенной программы по передвижению на лыжах в ходе подготовки горно-стрелковых подразделений Красной армии.

По первоначальному плану начальникам Отделов боевой подготовки военных округов ставилась задача обучить личный состав в запасных полках по ускоренной двухмесячной программе. Планировалось к 25.09.1941 г. обеспечить ЗЛП всем необходимым для проведения боевой подготовки военнослужащих соответствующими уставами, наставлениями и учебными пособиями, планами боевой подготовки. И согласно полученным программам, рассчитать, чтобы подготовленные ОЛБ были готовы к отправке на фронт к 1.12.1941 г.

На самом деле сроки готовности подразделений лыжников определялись реальной обстановкой на фронтах минимум от 2 недель до 1–2 месяцев. В случае если сроки обучения удавалось выдержать, командный и рядовой состав специальных частей неоднократно проводили занятия по стрельбе. Изучали материальную часть ручных и противотанковых гранат, винтовки Мосина и самозарядной винтовки СВТ-40. Всесторонне велась подготовка

снайперов, ручных пулеметчиков, минометчиков. Отрабатывалась специальная подготовка, которая включала в себя изучение материальной части лыж, боевые действия одиночного бойца на лыжах и движение по пересеченной местности. Проводились занятия по военной топографии, где изучалось такое понятие, как масштаб, ориентирование на территории, работа с картой, условные знаки.

Проводилась тактическая подготовка, как действий одиночного бойца, так и подразделений. «Тактическая подготовка одиночного бойца включала в себя темы: «Боец в наступлении», «Боец в атаке и борьбе внутри обороны врага», «Боец в обороне и в разведке», «Боец в походном охранении», «Боец связной, в секрете, наблюдатель, в составе сторожевого поста» ... «Подготовка в составе стрелкового отделения включала действия отделения в наступлении, атаке, обороне, разведке, ночном поиске, походном охранении, полевом карауле и внезапном нападении на противника» [11, с. 81].

Отрабатывались действия в составе взводов, рот и батальонов. Не была обойдена вниманием и тренировка истребителей танков, на которую возлагалась задача борьбы с бронетехникой противника.

К сожалению, не на высоком уровне было поставлено обучение военнослужащих ОЛБ радиотелеграфному делу из-за отсутствия в достаточном количестве оборудования, учебных и наглядных пособий. Процесс обучения осуществлялся не в полном объеме, бойцы-лыжники изучали только полевые линии связи, полевые телефоны и полевую сигнализацию, что впоследствии отрицательно сказалось на общей результативности и слаженности с другими боевыми частями в реальных боевых действиях.

Мало и не всегда наглядно в лыжных частях проходили подрывное дело из-за отсутствия специалистов и оборудования. Санитарная тренировка включала в себя только тему: «Санитарная помощь и взаимопомощь при ранениях и поражениях отравляющими веществами».

В целях формирования выносливости при осуществлении лыжной подготовки совершались полевые выходы на лыжах протяженностью до 40 километров с отработкой разных способов передвижения по пересеченной местности. После приема готовности ОЛБ комиссиями часто практиковались многодневные марш-броски с места дислокации до станции отправления на фронт, либо многокилометровые переходы до линии соприкосновения с противником. Примером тому служит директива командующего МВО от 4.12.1941 г.: «В целях совершенствования маршевой подготовки отправить 10 декабря походным порядком на лыжах, 5 батальонов из 34 ЗСБр по маршруту: Слободской – Киров, Котельнич, Шахунья, Семенов, Горький с задачей прибыть в Горький 25 декабря» [21, л. 60].

Безусловно, боевая подготовка лыжных частей, включавшая все элементы огневой, пехотной, тактической, артиллерийской, лыжной тренировки, делала специальные части Красной армии хорошими ударно-диверсионными подразделениями. Такие части стали бы важным и долгожданным инструментом глубоких прорывов на окружение противника в зимних условиях взамен утраченных танковых корпусов, который был так необходим действующим частям на местах ведения боевых действий.

Однако продолжительная всеобщая мобилизация материальных и людских ресурсов, потеря огромных промышленных и сельскохозяйственных районов СССР отразилась и на общей боевой подготовке лыжных частей. Если в отношении призванных военнообязанных рядового и командного состава еще удавалось сохранять критерии отбора по здоровью и возрасту, то в остальных вопросах организации боевой подготовки ЗСБр испытывали значительные трудности со снаряжением и шанцевым инструментом, с вещевым имуществом. В учебных частях не хватало ботинок и шинелей нужного роста и размера. На момент отправки на фронт во многих ОЛБ полностью отсутствовали брючные ремни и маскхалаты, не хватало чехлов к флягам, теплых носков и рукавиц, малых пехотных лопаток, медальонов.

Большие трудности возникали с размещением ОЛБ в запасных бригадах. Например, в 34-й ЗСБр ни один полк не был обеспечен нужным количеством землянок. В уже построенных землянках военнослужащие жили без печей и оконных рам. Стройматериалы в нужном количестве от КЭЧ УралВО не поступали, что создавало дополнительные затруднения для личного состава формируемых лыжных частей. В 21-м запасном полку, располагавшемся в СибВО, жилищные условия были также тяжелыми, учебные части размещались в лесу, люди готовили и питались под открытым небом, личный состав жил в землянках без элементарных условий быта.

Практически во всех ЗСБр остро стоял вопрос обеспечения лыжным имуществом. На конец сентября 1941 г. большинство лыжных полков запасных бригад МВО и ПриВО не имело

необходимого количества лыжного инвентаря. Например, «6 ЗСБр, размещенная в г. Горьком, на 11 500 чел. л/с имела всего 1783 пар лыж, 1309 пар палок и 857 креплений. В 33 ЗСБр имелось по 211 пар лыж, палок и креплений на 17500 чел., а 30 ЗСБр вообще не имела лыжного инвентаря» [18, л. 157].

В учебных полках сказывалась недостаточная подготовленность командного состава даже в звене командиров рот и батальонов. Подготовка начальствующего состава носила в основном инструктивный характер.

Из-за сложного положения на фронтах стало проблемой изъятие из учебного процесса не до конца подготовленных лыжных подразделений. Так, в ноябре 1941 г. из 20-й ЗСБр СибВО отобрали слабо подготовленный личный состав для шести лыжных батальонов. К 10.12.1941 г. директивой ПриВО из 20 лыжных батальонов, проходивших программу двухмесячной подготовки, раньше срока изъяли восемь батальонов, которые готовились всего 15 дней. В октябре 1941 г. «на фронт убыли 99-й, 118-й, 119-й, 120-й, 121-й, 201-й отдельные комсомольско-лыжные батальоны, сформированные 43-й запасной лыжно-стрелковой бригадой. 23-й запасной лыжно-стрелковой бригадой в октябре – ноябре 1941 г. на фронт были направлены 142-й, 177-й, 229-й, 239-й отдельные лыжные батальоны» [10, с. 58].

Указанные недостатки снижали боеспособность лыжных подразделений, предназначенных для фронта, и вдвое уменьшали все усилия, прилагаемые ГКО и Главупраформом РККА.

Значительной проблемой для Военных округов являлась комплектация лыжных спецподразделений военными служащими, имеющими боевой опыт. В частности, «на 28 ноября 1941 г. в Канском 120 ЗЛП из 3278 человек боевой опыт имели только 78 (2,4 %). Из них 22 младших офицера (10 %), 12 сержантов (2 %) и 44 рядовых (1,8 %)» [5, с. 114]. Наличие в частях военнослужащих, имеющих боевой опыт, повышало эффективность выполнения задач, поставленных командованием, и увеличивало бы ценность таких подразделений на передовой.

Качество боевой подготовки военного подразделения, предназначенного для ведения боевых действий на передовой линии, тесно связано с мотивацией и уровнем патриотизма личного состава частей и подразделений Красной армии, в том числе и в лыжных батальонах.

Благодаря исследованиям Р. Р. Хисамутдиновой, было выяснено, что «в годы войны идеологический фактор не только переплетался с психологическим, но нередко оказывался ведущим: от сильной, «грамотной» идеологической мотивации войны, от интенсивности и точности «политико-воспитательной работы» напрямую зависело морально-психологическое состояние народа и особенно действующей армии» [13, с. 65].

Прежде всего, нужно отметить пропаганду и агитацию Советской власти в формируемых частях РККА. Идеологическая работа в Советском Союзе выстраивалась, в том числе, и через молодежь. «В армию призывалась значительная часть молодого и наиболее активного населения. Таким образом, РККА становилась очень удобным инструментом идеологического воздействия партии на массы населения. В замкнутой армейской среде молодые красноармейцы перевоспитывались в духе большевистской идеологии и классовых принципов, тем самым подготавливаясь к жизни в новом обществе в соответствии с новыми политическими условиями в стране» [3, с. 38].

С началом Великой Отечественной войны в комплектуемых резервных частях культивировалась идея «беззаветного выполнения воинского долга, воспитания классовой ненависти к врагам социализма, готовности по первому зову выступить на борьбу с империалистическими агрессорами» [2, с. 197]. В силу психологических и физиологических особенностей к таким формам агитации более восприимчивым было молодое поколение мобилизованных военнослужащих, выросших на примерах героев Гражданской войны и локальных конфликтов (оз. Хасан, Халхин-Гол, Советско-финская война), чем солдаты возрастных категорий, имевших жизненный опыт. Как точно подметила исследователь Г. Р. Исхакова, «в СССР царил дух боевитости, готовности к ратным и трудовым подвигам, предрасположенности к массовому героизму и самопожертвованию. Этот строй олицетворялся с воплощенными идеалами Октябрьской революции 1917 года, и само Советское государство в сознании миллионов людей воспринималось как единственное в мире государство рабочих и крестьян. Поэтому советские граждане в случае военной опасности были готовы защищать не только свою Родину, но и сложившуюся в СССР общественно-политическую систему» [4, с. 104]. Этот фактор играл положительную роль при формировании ОЛБ, в военных органах, занимающихся формированием и боевой подготовкой, отчетливо понимали и всесторонне развивали это чувство через индивидуальную, групповую и массовую агитационную работу с личным составом лыжных подразделений.

По мнению ряда авторов, патриотизм напрямую зависел от условий проживания, традиций воинской службы, климатических условий, престижности и авторитета службы в рядах Красной армии, социального влияния ветеранов Гражданской войны (например, партизаны Сибири) на молодое поколение, некоего социально-одобряемого поведения в обществе – «так принято». В силу этих причин, несмотря на допущенные Красной армией просчеты, привлечение молодежного контингента к службе в специальных частях положительно сказалось на выполнении боевых задач лыжными подразделениями на Советско-германском фронте.

С проведением мобилизационных мероприятий и боевой подготовки лыжных частей перед командованием встал вопрос о быстрой и своевременной подаче лыжных батальонов на фронт. Поэтому с первой декады декабря 1941 г. основная масса ОЛБ стала убывать на фронт тремя этапами.

Пробным шагом стало запланированное выдвижение 10.12.1941 г. лыжных спецподразделений походным порядком в пункты сбора для довооружения и обеспечения всем необходимым из 34-й ЗСБр по маршруту г. Слободского – Кировской области в пункт назначения – г. Ярославль пятилыжных батальонов за № 61. 62. 63. 64. 65.

Тем не менее, согласно шифровке заместителя Наркома обороны Е. А. Щаденко за № 00248 основная масса первого эшелона ОЛБ стали убывать на фронт с 2.01.42 по 21.01.42 г. в места промежуточного сосредоточения в города Ярославль, Рыбинск, Тутаев, Ростов-Ярославский, Нахабино, Сходня, Тула, Истра, Фирово, Осташково. С последующим распределением:

«1. Карельскому фронту – 19 января 3 батальона № 217, 218, 219. 20 января 6 батальонов № 130, 131, 132, 135, 142, 143. 21 января 3 батальона № 136, 137, 138. Всего 12 батальонов из г. Ярославля.

2. Северо-Западному фронту – 18 января из н. п. Тутаева 3 батальона № 160, 161, 162. 18 января из г. Ярославля 3 батальона № 211, 215, 216. 19 января из н. п. Тутаева 6 батальонов № 154, 155, 156, 157, 158, 159. 19 января из г. Рыбинска 3 батальона № 172, 173, 174. 20 января из г. Ярославля 3 батальона № 133, 140, 141. 21 января из г. Ярославля 2 батальона № 134, 144.

3. Волховскому фронту – 18 января из г. Рыбинска 12 батальонов № 93, 94, 95, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171.

4. Калининскому фронту – 18 января из н. п. Ростова-Ярославского 9 батальонов № 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153. 21 января из г. Ярославля 1 батальон № 139.

Итого 54 батальона» [16, л. 14].

При этом сосредоточение и распределение ОЛБ первого эшелона между фронтами и армиями действующей Красной армии происходило неравномерно из-за длинного плеча подвоза (СибВО), погодных условий, дефицита подвижного состава; часть подразделений шла на места погрузки или места сосредоточения своим ходом.

Ввиду стремительного развития положения противоборствующих сторон на линии соприкосновения (битва за Москву, Любанская наступательная операция, Демянское окружение немцев) в тыловые военные округа поступали заявки на ускоренное выдвижение резервов. С 20-х чисел января 1942 г. на советско-германский фронт начинает прибывать вторая волна укомплектованных лыжных батальонов [16, л. 67].

Таблица 1

Отправленные на фронт лыжные батальоны на 29 января 1942 г.

Фронт	Количество батальонов	Прибыло №№	Находятся в пути №№	Ожидают отправления
1 Ударная Армия	15	1, 4, 5, 7, 8, 17, 18, 20, 72, 91, 175, 176	268, 269, 270	нет
7-я Армия	7	нет	нет	111, 119, 120, 189, 190, 191, 192
Карельский фронт	28	9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16	130, 131, 132, 135, 136, 137, 138, 142, 143, 217, 218, 219	92, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202
Калининский фронт	23	2, 3, 6, 18, 73, 74, 75, 76, 77, 81, 82, 83, 87, 145, 146, 147	148, 149, 150, 151, 152, 153, 139	нет

Окончание табл. 1

Фронт	Количество батальонов	Прибыло №№	Находятся в пути №№	Ожидают отправления
Западный фронт	33	21, 22, 23, 24, 108, 109, 110, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 184, 185, 186, 187, 188		33, 34, 35, 38, 51
	13 курс	203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 212, 213, 214, 224	225	нет
Волховский фронт	40	39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 84, 85, 86, 88, 89, 90, 93, 94, 95, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171	нет	52, 53, 54, 55, 56, 106, 107, 193, 194, 195
СЗФ	46	25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 78, 79, 80, 160, 161, 162, 211, 215, 216	133, 140, 141, 220, 221, 222, 223, 134, 144, 154, 155, 156, 172, 173, 174	157, 158, 159
	10 курс	нет	нет	254, 265, 266, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264
Брянский фронт	9	нет	36, 37, 57, 58, 178, 179, 180, 181, 182	нет
Юго-Западный фронт	15	нет	нет	96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 183, 235, 236, 237, 238
Ленинградский фронт	3 курс			241, 242, 243

В третьей волне (февраль 1942 г.) происходит доукомплектование и пополнение личным составом уже действующих в боевые действия ОЛБ. Так, «Штаб МВО директивой от 01 февраля 1942 г. № 7050 приказал 34 ЗСБр отправить не позже 05.02.42 г. двадцать маршевых лыжных рот. Из них десять в распоряжение Командующего Волховским фронтом. Ст. выгрузки Будогощь, и десять рот в распоряжение Командующего СЗФ Станция выгрузки Осташков» [19, л. 64–80].

Таким образом, общее количество сформированных и отправленных лыжных спецподразделений РККА на фронт зимой 1941–1942 гг. составляло «Всего сформировано 291 ОЛБ. Из них направлено:

1) Карельский фронт – 40 л/б. №№ 11, 12, 13, 14, 15, 16, 9, 10, 217, 218, 219, 130, 131, 132, 135, 136, 137, 138, 142, 143, 92, 196, 197, 199, 200, 201, 202. Отдельные лыжные л/б №№ 1–12;

2) Волховский фронт – 40 л/б. №№ 93, 94, 95, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 160, 161, 16, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 55, 56, 106, 107, 193, 194, 195, 84, 85, 86, 88, 89, 90;

3) Северо-Западный фронт – 42 л/б. №№ 66, 67, 68, 69, 70, 71, 78, 79, 80, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 172, 173, 174, 211, 215, 216, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 133, 134, 140, 141, 144, 52, 53, 54, 61, 62, 63, 64, 65;

4) Калининский фронт – 57 л/б. №№ 73, 74, 75, 76, 77, 278, 279, 280, 281, 145, 146, 147, 149, 149, 150, 151, 152, 153, 249, 250, 251, 139, 220, 221, 222, 223, 60, 81, 82, 83, 87, 258, 259, 260, 244, 245, 246, 247, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267;

5) Западный фронт – 51 л/б. №№ 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 33, 34, 35, 36, 207, 208, 206, 209, 210, 51, 184, 185, 186, 187, 188, 3, 6, 224, 2, 21, 22, 23, 24, 108, 109, 110, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 19, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 26, 91;

6) Брянский фронт – 6 л/б. №№ 178, 179, 180, 181, 182, 113, 37, 57, 58;

7) Юго-Западный фронт – 15 л/б. №№ 183, 235, 236, 237, 238, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105;

8) Ленинградский фронт – 8 л/б. №№ 273, 274, 275, 276, 59, 241, 242, 243;

9) 1-я Ударная Армия – 22 л/б. №№ 17, 18, 20, 72, 175, 176, 268, 269, 270, 271, 272, 248, 1, 233, 234, 239, 240, 4, 5, 7, 8;

10) 7-я армия – 7 л/б. №№ 189, 190, 111, 119, 120, 191, 192.

Из 291 ОЛБ сформировано и отправлено: в 1941 г. – 83 л/б, в 1942 г. – 208 л/б» [17, л. 287].

Специфические условия передвижения подразделений в суровых погодных условиях по глубокому снегу при низкой температуре диктовали определенный сценарий боевых действий. Поэтому с самого начала создания ОЛБ, а также принцип их использования и формирования закладывался Генштабом РККА и НКО СССР на основе Полевого устава Красной армии 1939 года. В главе одиннадцатой «Действия зимой» указывалось «особенности зимних действий определяются наличием снежного покрова, холода и короткого дня. В связи с коротким днем и необходимостью движения главным образом по дорогам увеличивается количество ночных передвижений и действий. Маневренность и подвижность войск зимой целиком зависят от их натренированности, оснащенности для зимних действий и характера местности. Наступление в снежную зиму обычно ведется вдоль дорог. Сильные ударные группы на лыжах, в составе, пехоты, усиленной артиллерией и танками, атакуют противника во фланг и тыл. Ночь широко используется лыжными отрядами для смелых налетов и уничтожения передовых частей противника» [7].

С развитием боевых действий на советско-германском фронте осенью 1941 г., учитывая стратегические и тактические изменения противоборствующих сторон конфликта, Ставка ВГК издает приказ за № 0428 от 17 ноября 1941 г., где войскам, в том числе и ОЛБ, ставилась задача: «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами» [15, с. 299].

В январе 1942 г. в условиях масштабного контрнаступления Красной армии Генштабом принимается обновленная стратегия использования ОЛБ, поэтому лыжные подразделения стали приписываться к стрелковым дивизиям и бригадам для их качественного усиления. Лыжные батальоны составляли мобильный резерв крупного стрелкового соединения как в обороне, так и в наступлении. ОЛБ были ориентированы на разведку, дезорганизацию тыла и диверсионную деятельность, преследование противника после первоначального успеха основных стрелковых соединений, а также на совместные действия с подразделениями десантников, партизан, танковыми частями и кавалерией, как на передовой, так и в тылу противника. Поэтому ОЛБ были в умелых руках очень гибким инструментом и были способны на многое.

Важно отметить, что в ходе боевых столкновений с противником зачастую на первый план выходил человеческий фактор. В зависимости от умения командира крупного воинского формирования организовать боестолкновение с оппонентом обуславливался исход боя. Поэтому из военных донесений во время наступления часто следовало, что один и тот же ОЛБ, приданный одному подразделению, действовал весьма успешно, а отданный в подчинение другой крупной части, оказывался «не умеющим ходить на лыжах» и «плохо организованным и подготовленным».

С другой стороны, история применения ОЛБ в боевых действиях знает немало примеров неудачного использования ОЛБ в столкновениях с вермахтом. Например, на «Волховском фронте все 34 л/б, полученные 2-й Ударной армией, использованы для пополнения стрелковых бригад и действуют без лыж как стрелковые батальоны. Также на Западном фронте из 34-й ЗСБр №№ 3, 6, 51, 184, 185, 186, 187, 188 батальоны вводились в бой с хода. Командованием 17-й СД приданный 187-й л/б был передан стрелковым подразделениям. Таким образом, большая часть лыжных батальонов перестала существовать как специальные батальоны, не получив боевого опыта по выполнению самостоятельных задач» [20, л. 269–281].

Рассмотрев область боевого применения ОЛБ на фронте, необходимо обратить на важную деталь. По замыслу ГКО и СВГК лыжные батальоны должны были быть укомплектованы и отправлены в зону боевых действий, начиная с 1.12.1941 г., в канун запланированного большого контрнаступления Красной армии.

И тут трудно не согласиться с выводами исследователя истории формирования и боевого пути лыжных подразделений РККА Владислава Петрова: «Лыжники могли выступить

лучше; причина крылась в частичном невыполнении директивы о формировании 67 запасных лыжных полков. Запасные лыжные полки были действительно развернуты и начали обучать лыжников, но не был выполнен пункт о подготовке лыжных подразделений к действиям 1 декабря 1941 года. Лыжный батальон, находящийся на передовой в первых числах декабря, мог действовать вполне успешно во время контрнаступления, когда противник отходил довольно быстро и не мог построить плотный фронт, когда у него были те самые разреженные боевые порядки» [6].

Опираясь на факты, можно сказать, что ОЛБ прибыли на линию соприкосновения, когда обстановка кардинально изменилась, и вместо того, чтобы воздействовать на тылы противника, им приходилось участвовать в позиционных боях или отбивать немецкие контрудары. Многие лыжные батальоны прибыли на театр военных действий, когда противник уже не отступал после первых ударов, а перешел к жесткой позиционной обороне, уплотнив тем самым свои участки фронта и сам начал наносить контрудары.

Определяющий факт с несвоевременным вводом в бой лыжных батальонов к запланированным срокам привел к тому, что противнику не были нанесены значительные потери в самый благоприятный момент. В ситуации, если бы лыжные батальоны были введены в боевые действия на Советско-германском фронте в начале декабря, противнику был бы нанесен более значительный урон, возможно, с последующим разгромом врага.

Одним из выводов, сделанных Красной армией по итогам боевых действий лыжных соединений в первую зиму, стал тот факт, что ОЛБ очень результативны там, где не было сплошного фронта; и наоборот, где был сплошной фронт, они оказались неэффективны. Поэтому по итогам боевых действий зимы 1941–1942 гг. ГКО и Главупраформ РККА приняли решение об укрупнении ОЛБ до размеров бригады и создании 25 лыжно-стрелковых бригад, а также о сокращении численности лыжных батальонов и изъятия из них минометов.

Таким образом, срыв планов ГКО и СВГК по вводу лыжных частей как подвижных соединений в контрнаступление на всем протяжении Советско-германского фронта стал одним из нескольких факторов, в результате которого не удалось быстро и эффективно разгромить основные группировки противника. Последствия этой ошибки повлияли на общую стратегическую обстановку на линии соприкосновения с немецкой армией. Задержка с вводом ОЛБ повлияла на весь ход кампании не только в краткосрочной перспективе развития событий, но и в долгосрочном отношении на всю ситуацию по разгрому фашистских войск зимой 1941–1942 гг. С другой стороны, необходимо учитывать такие моменты, как намечающееся истощение людских и материальных ресурсов с острым дефицитом времени в РККА. Формирование и ввод ОЛБ в боевое соприкосновение доказало свою результативность и после реорганизации в 1942 г. было продолжено. В последующем с устранением недочетов в боевой, учебной и материальной подготовке лыжные формирования на следующих этапах противостояния успешно громили врага на всех стратегических направлениях Великой Отечественной войны, что доказывало правильность выбранного курса руководством Красной армии по развитию подвижных соединений, в том числе и в зимних условиях ведения боевых действий, с опорой на молодое поколение. Создание и боевой путь лыжных подразделений Красной армии являлись уникальным явлением в истории мировых войн по своей массовости и применению в боевых операциях 1941–1945 гг. и оставили след в военном искусстве.

Список литературы

1. Горюшкин Е. И. Боевые действия 101-, 104- и 105-го отдельных лыжных батальонов на Курской земле в 1942 г. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. Т. 18. № 2 (42). С. 152–160.
2. Жарков В. В. Пропаганда и агитация в Красной армии в 1921–1941 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 1 (58). С. 197–204.
3. Зонов К. С. Особенности политической работы с призывниками в РККА в 1924–1925 гг. (на материалах Вятской губернии) // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 1 (13). С. 37–47.
4. Ишакова Г. Р. Война и милитаризация сознания человека // Вестник ВЭГУ. 2014. № 5 (73). С. 101–108.
5. Калинин О. Н. Подготовка маршевых батальонов и рот на территории Красноярского края в период с июня 1941 года по февраль 1942 года // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 2 (44). С. 108–116.
6. Лыжные части РККА 1941–1945 гг. URL: <https://l-battalion.blogspot.com/p/ksyst-fn.html> (дата обращения: 29.10.2022).

7. Полевой устав РКК (ПУ-39) 1939 г. URL: <http://www.rkka.ru/docs/real/pu39/main.htm> (дата обращения: 29.10.2022).
8. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 149. URL: <https://www.soldat.ru/doc/gko/text/0680.html> (дата обращения: 14.10.2022).
9. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 86. URL: <https://www.soldat.ru/doc/gko/text/0613.html> (дата обращения: 14.10.2022).
10. *Ростов Н. Д.* «Мы на лыжах выходим в поход...» – подготовка бойцов-лыжников в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Мир Евразии. 2016. № 3 (34). С. 54–64.
11. *Савченко Р. А.* Специальные воинские части РККА, сформированные в годы Великой Отечественной войны в ТАССР : дис. ... канд. истор. наук // Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2015. 306 с.
12. *Сергеева Н. Л.* Лыжные батальоны Сибири в начале Великой Отечественной войны (по материалам и воспоминаниям слушателей Новосибирского института военных инженеров железнодорожного транспорта) // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (13). С. 21–30.
13. *Хисамутдинова Р. Р.* Психология человека на войне // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2006. № 4 (46). С. 64–70.
14. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 150. Оп. 12874. Д. 17.
15. ЦАМО. Ф. 148 а. Оп. 3763. Д. 111. Л. 21, 22. Приказ Ставки ВГК № 0428 о мерах по лишению противника возможности использовать для обороны населенные пункты. 17 ноября 1941 г.
16. ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12224. Д. 21.
17. ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12224. Д. 62.
18. ЦАМО. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 27.
19. ЦАМО. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 207.
20. ЦАМО. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 62.
21. ЦАМО. Ф. 135. Оп. 12463. Д. 27.

Formation of ski units of the Red Army and their combat use in 1941–1942

Kasimov Ruslan Rafailovich¹, Svalov Leonid Ivanovich²

¹chief curator of funds, Volgo-Vyatskiy University (branch) Moscow State Law University n. a. O. E. Kutafin. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-9367-081X. E-mail: kasimovruslan77@gmail.com

²local historian-researcher. Russia, Kirovo-Chepetsk. E-mail: svalov_li@mail.ru

Abstract. Based on previously unpublished archival sources and a number of works by other researchers, the article examines the formation of separate ski units on the territory of the USSR in the period from September 1941 to February 1942. The number of formed ski units, their distribution along the fronts of the Great Patriotic War, the quality of combat, material and other training of individual ski battalions were comprehensively assessed. The assessment of psychological and moral readiness of the personnel of special forces is given. The strategy of both positive and negative use of trained individual ski special forces on the line of combat contact with enemy units in the first military winter on the Soviet-German front is presented and analyzed.

The purpose of the study is to analyze and draw the right conclusions in the chosen strategy of the military leadership of the USSR in the formation of specialized units for winter conditions of warfare. To what extent did this line of military planning of the Soviet Union affect the course of the military confrontation during the most difficult period of the Great Patriotic War. And also to identify the contribution of ski units to the defeat of the Wehrmacht formations in the first winter campaign of 1941–1942. The relevance of the work is due to the increased interest in the history of the formation and use of individual ski battalions on the fronts of the Great Patriotic War. It will also be useful to the relatives of the deceased servicemen who fought as part of the ski special forces, since the numbers of the ski units are indicated here and the geography of their use is indicated. The article may be of interest to military historians, teachers of the humanities in educational institutions of secondary and higher education, teachers of military-patriotic education.

Keywords: The Great Patriotic War, the Red Army, Glavupraform, individual ski battalions, mobilization, training reserve rifle brigades.

References

1. *Goryushkin E. I.* *Boevye dejstviya 101-, 104- i 105-go otdel'nyh lyzhnyh batal'onov na Kurskoj zemle v 1942 g.* [Combat operations of the 101st, 104th and 105th separate ski battalions on Kursk land in 1942] // *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya* – Humanitarian: actual problems of humanities and education. 2018. Vol. 18. No. 2 (42). Pp. 152–160.

2. Zharkov V. V. *Propaganda i agitaciya v Krasnoj armii v 1921–1941 gg.* [Propaganda and agitation in the Red Army in 1921–1941] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik – Yaroslavl Pedagogical herald*. 2009. No. 1 (58). Pp. 197–204.

3. Zonov K. S. *Osobennosti politicheskoy raboty s prizyvniki v RKKA v 1924–1925 gg. (na materialah Vyatskoy gubernii)* [Features of political work with conscripts in the Red Army in 1924–1925 (based on the materials of the Vyatka province)] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of Humanitarian Education*. 2019. No. 1 (13). Pp. 37–47.

4. Iskhakova G. R. *Vojna i militarizaciya soznaniya cheloveka* [War and militarization of human consciousness] // *Vestnik VEGU – Herald of VEG*. 2014. No. 5 (73). Pp. 101–108.

5. Kalinin O. N. *Podgotovka marshevyh batal'onov i rot na territorii Krasnoyarskogo kraya v period s iyunya 1941 goda po fevral' 1942 goda* [Preparation of marching battalions and companies on the territory of the Krasnoyarsk Territory in the period from June 1941 to February 1942] // *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri – Problems of socio-economic development of Siberia*. 2021. No. 2 (44). Pp. 108–116.

6. *Lyzhnye chasti RKKA 1941–1945 gg.* – Ski units of the Red Army 1941–1945. Available at: <https://l-battalion.blogspot.com/p/ksyst-fn.html> (date accessed: 29.10.2022).

7. *Polevoj ustav RKK (PU-39) 1939 g.* – Field charter of the RSC (PU-39) 1939. Available at: <http://www.rkka.ru/docs/real/pu39/main.htm> (date accessed: 29.10.2022).

8. RSASPH (Russian State Archive of Socio-Political History). F. 644. Inv. 1. File 9. Sh. 149. Available at: <https://www.soldat.ru/doc/gko/text/0680.html> (date accessed: 14.10.2022).

9. RSASPH. F. 644. Inv. 1. File 8. Sh. 86. Available at: <https://www.soldat.ru/doc/gko/text/0613.html> (date accessed: 14.10.2022).

10. Rostov N. D. *"My na lyzhah vyhodim v pohod..." – podgotovka bojcov-lyzhnikov v Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* ["We go skiing on a hike..." – training of ski fighters in Siberia during the Great Patriotic War] // *Mir Evrazii – The world of Eurasia*. 2016. No. 3 (34). Pp. 54–64.

11. Savchenko R. A. *Special'nye voinskie chasti RKKA, sformirovannye v gody Velikoj Otechestvennoj vojny v TASSR : dis. ... kand. istor. nauk* [Special military units of the Red Army formed during the Great Patriotic War in the TASSR : dis. ... PhD in Historical Sciences] // Kazan (Volga Region) Federal University. Kazan, 2015. 306 p.

12. Sergeeva N. L. *Lyzhnye batal'ony Sibiri v nachale Velikoj Otechestvennoj vojny (po materialam i vospominaniyam slushatelej Novosibirskogo instituta voennyh inzhenerov zheleznodorozhnogo transporta)* [Ski battalions of Siberia at the beginning of the Great Patriotic War (based on materials and memoirs of listeners of the Novosibirsk Institute of Military Engineers of Railway Transport)] // *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya: Gumanitarnye issledovaniya – Herald of Siberian State University of Railway Transport: Humanitarian Studies*. 2022. No. 2 (13). Pp. 21–30.

13. Hisamutdinova R. R. *Psihologiya cheloveka na vojne* [Human psychology at war] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Orenburg State Pedagogical University*. 2006. No. 4 (46). Pp. 64–70.

14. CAMD (Central Archive of the Ministry of Defense). F. 150. Inv. 12874. File 17.

15. CAMD. F. 148 a. Inv. 3763. File 111. Sh. 21, 22. Order of the VGK Headquarters No. 0428 on measures to deprive the enemy of the opportunity to use settlements for defense. November 17, 1941.

16. CAMD. F. 56. Inv. 12224. File 21.

17. CAMD. F. 56. Inv. 12224. File 62.

18. CAMD. F. 135. Inv. 12462. File 27.

19. CAMD. F. 135. Inv. 12462. File 207.

20. CAMD. F. 135. Inv. 12462. File 62.

21. CAMD. F. 135. Inv. 12463. File 27.

К вопросу об отправке российских дворян в Англию для обучения военно-морским наукам в первой четверти XVIII в.

Нижинская Маргарита Михайловна

аспирант общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории,
Московский городской педагогический университет. Россия, г. Москва. E-mail: Nijinka@mail.ru

Аннотация. В современной российской и зарубежной исторической науке не утихают споры и дискуссии о роли наследия петровской эпохи для современной России, что свидетельствует о значимости и актуальности исследований по данной тематике.

В представленной статье рассматривается узкий вопрос, связанный с образовательной политикой Петра I, – отправка российских дворян в страны Западной Европы для получения образования в области военно-морского и военно-инженерного искусства. Так как обучение россиян за рубежом являлось целенаправленной государственной политикой, вопросы о поездке и пребывании российских учеников за границей решались на межгосударственном дипломатическом уровне. В работе на примере российско-британских отношений в первой четверти XVIII в. рассматривается, как трансформация межгосударственных политико-дипломатических связей влияла на отправку российских дворян за границу для обучения военно-морским наукам.

В статье дана краткая характеристика российско-британских отношений, отражающих военную, экономическую и культурно-образовательную сферы взаимодействия между Россией и Великобританией. Рассмотрены причины, побудившие российское правительство отправлять дворян в Англию для овладения морскими науками. Уделяется внимание дипломатическому конфликту 1708 г., связанному с оскорблением в Лондоне российского посла А. А. Матвеева, и обострению дипломатических отношений между Россией и Великобританией в 1719–1720 гг. На основе доступных источников и научной литературы автор статьи показывает, как осложнения в российско-британских дипломатических отношениях влияли на возможность российских дворян получать образование в Англии. В статье делается вывод, что, несмотря на дипломатические разногласия между Россией и другими европейскими государствами, российское правительство не прекращало отправлять подданных в страны Западной Европы для освоения необходимых профессиональных знаний, ставя интересы кадровой политики выше внешнеполитических проблем.

Ключевые слова: дипломатия, обучение за рубежом, петровская эпоха, российские навигаторы.

Правление Петра I – это время кардинальных реформ во всех сферах государственной и общественной жизни России. Одним из значимых для страны преобразований, которое повлияло на ход дальнейшего развития России и изменило ее статус на международной арене, стало создание российского военно-морского флота. Для сухопутной страны, какой была Россия на протяжении многих веков, это была сложная задача: для ее реализации стране не хватало ни научно-технических знаний, ни профессиональных кадров. Зарождающаяся система светского образования на начальном этапе своего развития не справлялась с поставленной перед ней задачей по обеспечению молодого российского флота специалистами, поэтому российским правительством было принято решение отправлять российских дворян в страны Западной Европы для получения ими знаний в области военно-морского и военно-инженерного искусства. Дворян, которых отправляли учиться морским наукам за границу, в российских исторических источниках исследуемого в статье периода называли навигаторами.

Так как обучение российских подданных в странах Западной Европы не было частным решением отдельных лиц, а являлось целенаправленной государственной политикой, вопросы о поездке и пребывании российских навигаторов за границей решались на межгосударственном дипломатическом уровне. Для реализации плана по подготовке военно-морских кадров в странах Западной Европы российскому правительству необходимо было получить согласие правительств европейских держав принять российских учеников и подписать с ними соответствующие соглашения и договоры. Логично предположить, что внешнеполитические и дипломатические осложнения между Россией и другими европейскими государствами должны были влиять на возможность российских подданных проживать и обучаться в другой стране. В данной статье на примере российско-британских отношений в первой четверти

XVIII в. рассматривается, как трансформация межгосударственных связей влияла на отправку российских дворян в Англию для обучения военно-морским наукам.

Первой образовательной поездкой в Англию самого Петра I и российских дворян можно считать Великое посольство 1698/1699 гг., так как в его состав было включено 50 московских стольников (в том числе и царь под именем урядника Петра Михайлова), направленных в качестве волонтеров в страны Западной Европы для освоения военно-морских наук. Согласно прилагаемой к этому приказу росписи, на обучение в Англию и Голландию предполагалось отправить 22 дворянина [24, с. 315, 565–567].

Традиционно в российской историографии выделяют две основные цели Великого посольства. Первая – создание антитурецкой коалиции европейских государств, вторая заключалась во всестороннем изучении опыта передовых стран Западной Европы в различных сферах, наименее на русскую службу недостающих стране специалистов и обучении россиян необходимым для ускоренного развития страны знаниям. Современный исследователь петровской эпохи профессор Е. В. Анисимов придерживается мнения, что Великое посольство в первую очередь было организовано для учебно-ознакомительной поездки на Запад самого Петра I, а переговоры по поводу создания антитурецкой коалиции были всего лишь официальным прикрытием истинных целей [4, с. 63]. Историк науки и техники Д. Ю. Гузевич считает, что образовательная цель Великого посольства имела более узкий характер: она представляла из себя «заказ на массивный перенос знания и материалов для создания новой большой технической системы – военно-морского флота» [8, с. 3]. Сложно не согласиться с данными высказываниями: для Петра I развитие молодого российского флота было одной из главных задач, по этой причине первоочередным знанием, которое необходимо было перенять на Западе, стало знание в области военно-морского и корабельного искусства.

Первой страной, где Петр I и 29 российских волонтеров стали осваивать морские науки, была Голландия. Царь и российские дворяне учились кораблестроению на верфи Ост-Индской компании в Амстердаме [18, с. 52–53]. Петр I остался не удовлетворен полученными у голландских мастеров знаниями, так как голландская школа кораблестроения основывалась на накоплении практического опыта, что не устраивало Петра I, желавшего использовать передовые технологии своего времени. Петр I лично убедился в наметившемся отставании Голландии в судостроительной отрасли от других морских держав и принял решение продолжить свое образование в Англии [18, с. 55–56].

В отличие от голландской школы кораблестроения, в английской широко применялась методика проектирования и постройки морских судов с математическим расчетом их технических характеристик и применением законов гидростатики [7, с. 21, 23]. Тот факт, что после возвращения из Великого посольства в Россию Петр I заменил голландских корабельных мастеров, работающих на российских верфях, на английских [3, с. 42], является косвенным свидетельством предпочтения английской морской школы. У Петра I не было времени на медленное накопление опытных знаний, как это делали в Голландии, а овладение английской теорией построения кораблей способствовало более быстрому возведению флота и ускоренному его развитию. В лучшую сторону отличалась и английская тактика морского боя, а также подготовка морских артиллеристов для его успешного ведения [3, с. 42–43]. Вышеизложенные обстоятельства объясняют стремление российского царя отправить учиться своих подданных военно-морским наукам именно в Англию.

В январе 1698 г. Петр I в сопровождении 16 волонтеров прибыл в Англию. Несмотря на насыщенную программу пребывания Петра I в стране, царь большую часть времени посвятил освоению кораблестроения [18, с. 55–56]. Наставником царя и российских волонтеров стал инспектор Королевского флота сэр Энтони Дин, автор книги «Теория судовой архитектуры», легшей в основу английской школы кораблестроения [7, с. 23]. Незадолго до своего отъезда из Англии Петр I смог договориться с английским Адмиралтейством о принятии 9-ти российских дворян на службу в британский военно-морской флот для изучения морского дела на практике [13, с. 168]. Так в ходе Великого посольства было положено начало отправке россиян в Англию для обучения военно-морским и инженерным наукам и прохождения морской практики.

Великое посольство послужило началом не только к посылке россиян на обучение в Англию, но и знаменовало собой новый этап в развитии российско-британских отношений. Межгосударственные связи России и Великобритании не являются предметом исследования в данной статье, но для того чтобы проследить, как политико-дипломатические проблемы

между двумя странами влияли на отправку в Англию российских учеников, необходимо кратко охарактеризовать их развитие в период правления Петра I.

В первой четверти XVIII в. происходит усиление и укрепление экономических, политических и культурных связей между Россией и Великобританией. Впервые между двумя государствами установилось регулярное дипломатическое представительство. В 1705 г. в Россию приехал постоянный чрезвычайный посланник Великобритании Ч. Уитворт. В Лондон стали отправлять официальных послов из России.

Активно развивались взаимовыгодные экономические отношения. Участие Великобритании в войне за Испанское наследство (1701–1714) привело к увеличению закупок в России продукции и сырья для британского военно-морского флота. Россия покупала готовые изделия британской промышленности: сукна, ткани, различные предметы обихода. Вывоз сырья в Англию увеличивал доходы российской казны. Например, за период с 1697 по 1704 гг. объем торговли между двумя государствами увеличился в 3,5 раза [16, с. 27–28].

Английские подданные принимали участие в становлении военно-морского флота России. По словам английского историка профессора Э. Г. Кросса, автора многочисленных исследований по истории российско-британских отношений, Великобритания внесла в развитие российского флота «большой и важный вклад, как отпуская британских офицеров и кораблестроителей на службу в Россию, так и принимая русских в обучение на суда британского флота и на верфи – осваивать искусство английских мастеров» [13, с. 167–168, 178].

Несмотря на тесное сближение двух стран, политико-дипломатические отношения России и Великобритании в исследуемый период имели противоречивый характер [3, с. 44]. В России видели в Великобритании не только выгодного торгового партнера, но и потенциального союзника в Северной войне (1700–1721). Российское правительство предпринимало активные действия по политическому сближению двух государств. Правящие круги Великобритании, напротив, были серьезно обеспокоены военным и политическим усилением России на Балтике, так как это существенно изменило сложившийся баланс сил в этом регионе. Английское правительство предпринимало ряд мер по ослаблению России в военной и политической сферах. При этом заинтересованность в поставках сырья для британского военного флота и выгодная торговля вынуждала Англию укреплять дипломатические отношения с российским государством, создавая своеобразные «дипломатические качели» при решении политических вопросов. На протяжении всего правления Петра I межгосударственные связи России и Великобритании знаменовались то продуктивным диалогом и подписанием взаимовыгодных договоров, то чередой взаимных претензий и недоверия. Дипломатические конфликты создавали определенные трудности при обмене научными знаниями и отправке российских учеников в Англию.

После Великого посольства российское правительство стало посылать дворян в Англию для обучения в индивидуальном порядке по одному человеку или малочисленными группами. Например, в 1704 г. Конон Зотов, сын знаменитого учителя Петра I Н. М. Зотова, проявил инициативу и попросил разрешения у Петра I поехать в Англию учиться военно-морскому делу. В ответ на свое прошение Конон Зотов получил не только одобрение царя, но и денежное содержание на поездку за границу из государственной казны [2, с. 121–122]. В этом же году по именному указу Петра I в Англию был отправлен выпускник Московской математико-навигатской школы будущий адмирал З. Д. Мишуков [14, с. 272].

В 1705 г. российское правительство инициировало переговоры по поводу разрешения российским дворянам обучаться морскому делу в Англии и прохождению морской практики на британских военных судах на регулярной основе. Процесс данных переговоров отражен в письмах и донесениях английского посла в России Ч. Уитворта, которые были опубликованы в Сборнике Русского исторического общества [см.: 9, с. 112–113, 132–133, 293–295]. Спорным моментом в переговорах стал вопрос о денежном содержании российских учеников, так как Петр I настаивал на том, чтобы российские дворяне, практикующиеся на британских военных кораблях, во время морских рейдов получали содержание наравне со всеми остальными военными за счет английского правительства, с чем категорически была не согласна английская сторона. В Англии обращали внимание на тот факт, что российские навигаторы приезжают в страну в качестве волонтеров, следовательно, их содержание лежит полностью на российском государстве. В 1706 г. разногласия были улажены и достигнуты официальные соглашения по поводу обучения и практики российских учеников. По словам профессора Э. Г. Кросса, с 1706 г. небольшие партии российских навигаторов стали приезжать в Англию ежегодно уже на регулярной основе [12, с. 394].

В мае 1708 г. вышел приказ об отправке очередной группы российских навигаторов в Англию [15, с. 20–21]. Среди молодых людей были совсем юные Иван и Александр Нарышкины – сыновья боярина Л. К. Нарышкина и двоюродные братья Петра I; Алексей и Иван Шереметевы – сыновья боярина П. В. Шереметева и племянники фельдмаршала Б. П. Шереметева; Николай и Александр Головины – сыновья руководителя Посольского приказа генерал-фельдмаршала графа Ф. А. Головина; Александр Прозоровский – сын комнатного стольника царя Ивана Алексеевича князя Н. П. Прозоровского; Алексей Гагарин – сын сибирского губернатора князя М. П. Гагарина; Иван Лобанов – сын комнатного стольника царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича князя Я. И. Лобанова; Степан Лопухин – двоюродный брат первой жены Петра I царицы Евдокии и другие. В общей сложности в группу входило 23 дворянина из самых знатных и влиятельных фамилий в России [15, с. 20–21]. На это обстоятельство указал в своей статье «О навигаторах и гардемаринах Петра Великого» российский историк академик Н. Г. Устрялов, подчеркнув, что группа молодых дворян, отправленных в 1708 г. учиться в Англию, состояла исключительно из детей высокопоставленных аристократов, приближенных к Петру I и составлявших его двор [25, с. 192]. При изучении росписей навигаторов, которые прилагались к приказам об отправке дворян за границу для обучения, можно заметить, что группы учеников имели смешанный характер: в них входили как дети высокородных аристократов, так и малопоместного и провинциального дворянства. Однако группа навигаторов 1708 г. представляла собой исключение из негласного правила, так как отличалась от других групп молодых дворян, отправляемых за границу, своим составом.

На высокий статус российских навигаторов обратил внимание своего правительства английский посол Ч. Уитворт. В своем письме из Москвы к государственному секретарю Г. Бойлю от 21 июля 1708 г. он сообщил о предстоящей поездке российских дворян в Англию, отметив их высокое происхождение. Особое внимание в письме Ч. Уитворт уделил двоюродным братьям Петра I, Александру и Ивану Нарышкиным. «Они (Нарышкины. – М. Н.) предполагают прожить в Англии довольно долго для обучения, – писал посол, – и всякое внимание, которое вы окажете им при случае, будет – я уверен – оценено их родственниками с признательностью и окажется полезным интересам Англии и в настоящем, и в будущем» [10, с. 31–32]. Принимая во внимание тот факт, что Александр и Иван Нарышкины были двоюродными братьями Петра I, можно предположить, о каких родственниках братьев писал в своем послании к государственному секретарю английский дипломат.

25 августа 1708 г. Ч. Уитворт проинформировал госсекретаря Г. Бойля об отъезде группы российских навигаторов из Москвы в Архангельск, еще раз подчеркнув, что среди молодых дворян находятся «представители самых знатных русских фамилий» [10, с. 42]. Опираясь на сообщения Ч. Уитворта в Англию, можно заключить, что высокий статус навигаторов делал их образовательную поездку за границу нерядовым событием, так как представители английского правительства предполагали оказать особый прием высокородным российским дворянам с целью дальнейшего укрепления межгосударственных связей.

В сентябре 1708 г., когда группа молодых дворян, отправляемых в Англию, прибыла в Архангельск, Петр I послал капитану Ф. М. Склеяву лаконичное распоряжение следующего содержания: «Ежели дети Льва Кирилловича (братья Нарышкины. – М. Н.) от Города (Архангельск. – М. Н.) еще за море не уехали, то учителя их иноземца, который с ними с Москвы поехал, останови и с ними за море не отпускай» [20, с. 153]. Никаких объяснений, почему было изменено решение отправить своих родственников за границу, в своей записке царь не дал. Чтобы понять мотивы, побудившие Петра I передумать, обратимся к дипломатической ситуации, возникшей в 1708 г. в отношениях между Великобританией и Россией.

В 1707 г. в Лондон был отправлен российский дипломат А. А. Матвеев, в задачи которого входило предложить английскому правительству вступить в военный союз с Россией и помочь заключить мирный договор между Россией и Швецией на выгодных для российской стороны условиях. Правящие круги Великобритании рассматривали российское государство только как выгодного экономического партнера и не стремились заключать с Россией политический союз [23, с. 165–166]. Поэтому, опасаясь разрыва экономических отношений, английская сторона не стала резко отвергать предложения российского посла А. А. Матвеева и начала затягивать переговоры, ограничиваясь ни к чему не обязывающими обещаниями [16, с. 44–51].

Убедившись в бесполезности переговоров, Петр I приказал А. А. Матвееву покинуть Англию. 21 июля 1708 г., через два дня после прощальной аудиенции у английской королевы Анны Стюарт (1702–1714), российский посол был арестован в Лондоне за долг в размере

50 фунтов стерлингов. В своем письме к канцлеру графу Ф. А. Головину посол А. А. Матвеев сообщил, что арест был осуществлен в грубой форме: его карета была остановлена прямо на улице, сам он был избит полицейскими приставами и препровожден в долговую тюрьму [1, с. 160]. В России арест посла был расценен как прямое оскорбление самого царя. Английской королеве Анне было отправлено официальное письмо Петра I с нотой протеста. В этом документе царь приравнивал действия судебных приставов к беззаконию, которое задевало честь его величества, и потребовал, чтобы виновные были приговорены к смертной казни [21, с. 1073–1076]. В ответ на российский протест официальные лица Великобритании указывали, что в английском законодательстве нет соответствующих статей, позволяющих удовлетворить требование царя. Такое объяснение не устроило российскую сторону, что еще больше осложнило сложившуюся дипломатическую ситуацию.

Арест А. А. Матвеева произошел в Лондоне 21 июля 1708 г., а распоряжение не пускать за границу братьев Нарышкиных поступило от царя к капитану Ф. М. Склею 20 сентября 1708 г. Учитывая скорость, с которой происходил обмен информацией в начале XVIII в., можно предположить, что изменение решения Петра I о поездке своих родственников за границу напрямую было связано с известием об оскорблении российского посла в Лондоне.

Инцидент с российским послом в Лондоне и последовавшая за этим реакция Москвы вызвали в английских правящих кругах беспокойство по поводу сложившейся ситуации, так как это могло привести к осложнению в торгово-экономической сфере. Сразу после происшествия с послом А. А. Матвеевым государственный секретарь Г. Бойл написал письмо английскому послу в России Ч. Уитворту, в котором изложил подробности инцидента и просил его помочь в урегулировании данного вопроса. «Короче – не жалейте ни усилий, ни расходов, ничего по вашему мнению способного предотвратить худые последствия несчастного случая для подданных ее величества и дел их», – советовал в своем письме Г. Бойл [10, с. 32–33]. Ч. Уитворт, как официальный представитель Великобритании, прилагал все усилия для разрешения конфликта между двумя государствами, используя любую возможность. По мнению английского посла, которое он неоднократно высказывал в донесениях к своему правительству, забота со стороны официальных лиц Великобритании о высокопоставленных российских учениках, отправленных в 1708 г. в Англию, помогла бы исправить сложившуюся дипломатическую ситуацию в лучшую сторону.

Поскольку группа молодых дворян уже прибыла в Архангельск, приказ Петра I о запрете братьям Нарышкиным ехать в Англию был переадресован архангельскому воеводе князю П. А. Голицыну. В своем ответном письме князь П. А. Голицын сообщил, что не может выполнить приказ царя, так как молодые дворяне уже покинули порт на английских кораблях. «А что изволили ко мне писать о царедворцах, – пояснял архангельский воевода, – дабы оные остались на голанских кораблях, а на аглинских за противлением того двора не сажать, и оные царедворцы прежде сего ... писания в свой путь отъехали» [21, с. 708]. Обратим внимание, что князь П. А. Голицын в своем письме прямо указал причину, по которой было решено не отпускать двоюродных братьев Петра I в Англию: обострение в российско-британских дипломатических отношениях.

В начале 1709 г. группа российских навигаторов, состоящая из детей высокопоставленных аристократов, благополучно достигла берегов Англии [21, с. 709]. Братьям Нарышкиным был оказан особый прием: несмотря на их юный возраст (Александру было 14, а Ивану – 8 лет), они были удостоены личной аудиенции королевы Анны. Также английским правительством было принято решение, что денежное содержание братьев Нарышкиных во время их обучения будет осуществлено за счет английской королевы [10, с. 138]. Такой прием близких родственников Петра I показывает, что в английском правительстве разделяли точку зрения посла Ч. Уитворта относительно высокопоставленных российских учеников. По мнению английских властей, оказание особых почестей российским навигаторам должно было продемонстрировать уважительное отношение к правящим российским элитам, что, в свою очередь, помогло бы улучшить дипломатические отношения с Россией.

Ч. Уитворт в своих донесениях из Москвы в Лондон уверял, что Петр I был «очень утешен особенными милостями, оказанными ее величеством молодым Нарышкиным» [10, с. 173]. Однако опираться только на донесения английского посла не стоит. В России по-другому смотрели и на неудавшиеся переговоры с Великобританией, и на оскорбление российского посла, и на прием, оказанный братьям Нарышкиным. В одном из своих писем к Ч. Уитворту госсекретарь Г. Бойл предположил, что Александр и Иван Нарышкины получили

письмо из России с предписанием покинуть Англию [10, с. 156]. Государственный секретарь не ошибся. В мае 1709 г. глава Адмиралтейского приказа генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин отправил в Голландию князю И. Б. Львову, в обязанности которого входило следить за российскими учениками, приказ об отзыве из Англии российских дворян, изучающих мореходные науки. «Нарышкиным, князю Долгорукому и обоим графам Головиным, – говорилось в приказе, – где бы они ни находились, прикажите немедленно отправиться к вам (в Голландию. – М. Н.); в случае если бы они прибыть не захотели, вы имеете поехать за ними сами и перевезти их» [10, с. 176–178]. Стоит обратить внимание, что в приказе графа Ф. М. Апраксина указаны фамилии отдельных российских дворян, которые в обязательном порядке должны были переехать в Голландию. Все они были отпрысками знатных и влиятельных российских аристократов, и все они входили в группу навигаторов, отправленных в Англию в 1708 г. О других российских дворянах, изучавших в этот период морские науки в Англии, в приказе генерал-адмирала не говорилось.

В своем донесении в Лондон посол Ч. Уитворт сообщил английскому правительству, что в Москве вышел приказ «отозвать из Великобритании молодых дворян и всех вообще русских волонтеров, состоящих во флоте ее величества» [10, с. 176]. Заметим, что полученная Ч. Уитвортом информация не отражала реальной ситуации относительно российских навигаторов: не все они были отозваны из Англии в 1709 г. Например, вышеупомянутый Конон Зотов, обучавшийся в Англии с 1704 г., получил приказ Петра I вернуться в Россию только в ноябре 1711 г. [22, с. 247]. Если проанализировать письма российских дворян, которые они писали из Англии к разным должностным лицам в Россию в период с 1709 по 1713 гг., то можно сделать вывод, что навигаторы, прибывшие в Англию до 1708 г., остались в стране и продолжили свое обучение [см.: 15, с. 22–23; 51]. Отчасти это было связано с тем, что многие российские навигаторы в 1709 г. проходили практику на британских морских судах, совершавших длительные рейды вдали от берегов Англии, и не могли выполнить приказ генерал-адмирала. Однако несмотря на утверждение английского посла Ч. Уитворта, отзываться из Англии всех российских учеников российское правительство не планировало. Доказательством может послужить приказ от 3 мая 1709 г. об отправке в Англию для обучения морским наукам Федора Владимировича Шереметева и Василия Васильевича Шереметева [15, с. 23–24]. Согласно «Общему морскому списку», составленному историком военно-морского флота Ф. Ф. Веселаго на основе документов Архива морского министерства, в 1709 г. в Англию был направлен племянник генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина Александр Апраксин [17, с. 14]. Данные распоряжения свидетельствуют о том, что возникшие дипломатические осложнения между двумя странами никак не повлияли на решение российского правительства отправить в Англию дворян для обучения.

Опираясь на вышесказанное, можно заключить, что в 1709 г. из Англии в Голландию была переведена только группа навигаторов 1708 г. Это косвенно указывает на то, что Петр I не захотел оставлять членов царской фамилии и детей высокопоставленных вельмож в Англии после инцидента с российским послом в Лондоне. Можно предположить, что царь не желал, чтобы представители английского правительства вовлекали в дипломатический конфликт детей дворян из его ближайшего окружения.

Отправляя дворян учиться в страны Западной Европы, Петр I требовал, чтобы они получали не только теоретические знания, но и практические навыки. В 1708 г. царь в своем письме к князю И. Б. Львову, в обязанности которого входило следить за российскими учениками, напомнил, что дворяне должны были «учиться навигации зимою, а летом ходить на воинских кораблях и обучаться, чтоб возможно оным потом морским офицером быть» [19, с. 121–122]. Следовательно, российские навигаторы во время своего обучения обязаны были поступить на военную службу в европейский флот и пройти практику на иностранных военных судах. Например, вышеупомянутый племянник генерал-адмирала Ф. М. Апраксина Александр Апраксин после освоения теоретических знаний в период с 1711 по 1713 гг. практиковался на английском военном корабле, совершавшем длительное плавание по Средиземному морю [17, с. 14].

Реализация предписанной царем программы обучения была связана с определенными трудностями и зависела от потребности иностранных флотов в дополнительных военно-морских кадрах. Например, в августе 1713 г. князь И. Б. Львов сообщил в своем донесении в Адмиралтейскую канцелярию, что Великобритания и Голландия подписали мирный договор с Францией (Утрехтский мирный договор), поэтому потребность в морских военных в британских и голландских флотах уменьшилась. По этой причине часть российских дворян, практикующихся на британских и голландских судах, были отпущены на берег [15, с. 54–55]. Так

как из-за сложившейся ситуации найти новые корабли для морской практики было сложно, российские навигаторы были вынуждены возвратиться из Англии и Голландии на родину раньше запланированного срока своего обучения. Принимая во внимание данное обстоятельство, можно заключить, что на возможность российских дворян обучаться за границей влияли не только дипломатические отношения между Россией и европейскими государствами, но и внешнеполитическая обстановка в мире.

Несмотря на то, что после 1713 г. потребность британского флота в военных кадрах снизилась, российское правительство продолжало отправлять небольшие группы навигаторов в Англию для обучения и практики. В конце 1716 г. был издан указ об отправке выпускников Санкт-Петербургской морской академии в Италию, Францию и Англию для дальнейшего обучения. В соответствии с приложенной к указу росписью, для обучения в Англии было отобрано 10 дворян [15, с. 131–132]. Однако английская сторона отказалась принимать российских учеников, о чем с сожалением сообщил в своем письме к генерал-адмиралу графу Ф. М. Апраксину Петр I [6, с. 75–76]. Причины отказа в письме царя указаны не были. В результате 10 дворян остались проходить морскую практику на российских кораблях в Балтийском море.

Профессор Э. Г. Кросс в своей статье, посвященной российско-британским отношениям, пишет, что в 1717 г. английское правительство запретило принимать российских подданных на британские военные и торговые корабли. Начиная с 1717 г., российские навигаторы перестали приезжать учиться в Англию. Однако дворяне, приехавшие в страну до 1717 г., получили возможность закончить свое образование [12, с. 394]. Данное решение было принято в результате возникшего напряжения в межгосударственных отношениях, связанного с восшествием на английский престол нового короля Георга I (1714–1727) и изменившегося после этого внешнеполитического курса Англии. В первые годы правления Георга I наблюдалась положительная динамика развития российско-британских отношений. Но успехи России на европейском театре военных действий и усиление ее роли в Балтийском регионе привели к политическим противоречиям между государствами.

Весной 1719 г. английское правительство издало парламентский акт, запрещающий британским подданным обучать иностранцев. По этому акту англичанам предлагалось расторгнуть договоры с иностранными учениками раньше положенного срока [16, с. 186–187]. Российский дипломат вице-канцлер барон П. П. Шафиров от имени Петра I объявил английскому правительству, что данный парламентский акт является враждебным по отношению к России и потребовал, чтобы все российские ученики продолжили свое обучение согласно подписанным договорам [11, с. 538–549].

После того, как летом 1719 г. английская эскадра под командованием адмирала Джона Норриса блокировала российский флот в Балтийском море, в России пересмотрели свое решение по поводу дальнейшего пребывания российских учеников в Англии, посчитав их нахождение там небезопасным. 19 сентября 1719 г. Петр I написал российскому послу в Англии князю Ф. А. Куракину: «Понеже сам ведаешь, что какую противность ныне Англия начинает, того ради опасаясь, что наших учеников там не задержали, которые разным художествам (наукам. – М. Н.) учатца, или бы деньгами не прельстили на смех. Того для старайся, чтоб их оттоль сюды достать» [5, с. 10]. Петр I, как и в 1708 г., предложил отправить дворян учиться в Голландию. Князь Ф. А. Куракин в ответном письме выразил сомнение, что российские ученики смогут полноценно доучиться в Голландии, так как они не знают голландского языка [5, с. 12]. В следующем своем письме к князю Ф. А. Куракину Петр I предложил послу самому оценить сложившуюся внешнеполитическую ситуацию и решить, оставить или отозвать российских навигаторов из Англии. «О учениках в Англии, – писал царь, – когда опасности нет, то лучше дать им там доучиться» [5, с. 13].

Можно предположить, что князь Ф. А. Куракин решил оставить российских учеников в Англии. Косвенным доказательством данного высказывания может послужить переписка российского посла в Англии М. П. Бестужева-Рюмина с российским правительством в ноябре 1720 г. После окончательного разрыва дипломатических отношений России с Великобританией М. П. Бестужев написал запрос российскому правительству по поводу 18 российских учеников, продолжающих свое обучение в Англии. Посол просил дать ему инструкции, как поступить с россиянами: отправить их в Голландию или оставить учиться в Англии [26, с. 233]. Данный документ показывает, что не все российские ученики покинули Англию в 1719 г.

На запрос М. П. Бестужева Петр I, как и в 1719 г., посоветовал оставить российских учеников в Англии, если английская сторона даст свое согласие. В противном случае перевести

учеников в Голландию [26, с. 233–234]. Ответы царя и в 1719, и в 1720 гг. наглядно показывают, насколько серьезно и продуманно Петр I и его окружение подходили к обучению своих подданных. При принятии решения о смене страны обучения представители российского правительства исходили из возможности российских дворян полноценно доучиться в другом европейском государстве с учетом знания языка и уже полученных навыков. Возвращаясь к аналогичной ситуации 1709 г., когда российские дворяне были отозваны из Англии, хотя обострение между странами не носило такого острого характера, как в 1719/20 гг., отметим, что, на наш взгляд, решающим фактором в принятии Петром I такого решения стало высокое аристократическое положение навигаторов и их родственные связи с царским домом.

Принимая во внимание вышесказанное, можно прийти к следующим выводам. Период правления Петра I ознаменовал собой новый этап в развитии российско-британских отношений. Несмотря на политические и дипломатические разногласия между Россией и Великобританией, процесс экономического и культурно-образовательного сближения между двумя государствами продолжал развиваться.

Внешнеполитические отношения напрямую влияли на возможность российских дворян получать образование в другой стране, так как вопросы об их поездке и пребывании за границей решались на межгосударственном дипломатическом уровне. Осложнения в российско-британских дипломатических отношениях приводили или к запрету на въезд и обучение россиян в Англии со стороны английского правительства, или к отзыву российских учеников из недружественной страны российским правительством. При принятии решения об отзыве своих подданных из недружественного государства российское правительство руководствовалось желанием защитить россиян, проживающих на территории других стран, от нанесения оскорбления или других незаконных действий, не согласующихся с заключенными международными договорами.

Несмотря на дипломатические осложнения между Россией и другими европейскими государствами, российское правительство не прекращало отправлять подданных в страны Западной Европы для освоения необходимых профессиональных знаний, ставя интересы кадровой политики, связанной с осуществляемыми реформами внутри страны, выше дипломатических разногласий.

Высокий аристократический статус некоторых российских учеников приводил к тому, что представители правящих кругов европейских государств использовали их высокое положение для решения ряда дипломатических задач. Правительство России предпринимало меры по недопущению такой ситуации, вплоть до перевода молодых дворян из семей российской правящей элиты в другую страну обучения.

Список литературы

1. *Александренко В. Н.* Дело об оскорблении русского посла в Лондоне А. А. Матвеева // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 289. Сентябрь. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1893. С. 158–172.
2. *Анисимов Е. В.* «Дерзость от чистого усердия»: Конон Зотов и Петр Великий // Петр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен : сб. статей к 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беспятых / отв. ред. Т. А. Базарова, М. Е. Проскурякова. СПб. : Историческая иллюстрация, 2019. С. 120–144.
3. *Анисимов Е. В.* Английские штудии Петра Великого и их последствия для русской истории // Россия – Великобритания: Пять веков культурных связей. СПб. : Европейский Дом, 2015. С. 42–45.
4. *Анисимов Е. В.* Петр Великий – личность и реформы. СПб. : Питер, 2009. 448 с.
5. Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890. 421 с.
6. *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб. : Типография Морского кадетского корпуса, 1852. 144 с.
7. *Гребенщикова Г. А.* Балтика Петра Великого: события, люди, корабли // История Петербурга. 2018. № 73. С. 20–33.
8. *Гузевич Д. Ю.* Дипломатическая цель Великого посольства 1697–1698/99 // Известия саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 3–11.
9. Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе, Чарльза Витворта, с 1704 г. по 1708 г. // Сборник Русского исторического общества. Т. 39. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1884. 511 с.
10. Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе, Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброта с 1708 г. по 1711 г. // Сборник Русского исторического общества. Т. 50. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1886. 580 с.
11. Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 г. по 1719 г. // Сборник Русского исторического общества. Т. 61. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1888. 632 с.
12. *Кросс Э. Г.* Англо-русские отношения в эпоху Петра Великого // Дипломатический ежегодник-2003 : сб. статей. М. : Научная книга, 2004. С. 386–400.

13. Кросс Э. Г. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII в. / пер. Н. Л. Лужецкой. СПб. : Академический проект, 1996. 387 с.
14. Кротов П. А. Российские навигаторы в Голландии в начале XVIII в. / под ред. Г. В. Вилинбахова и Н. П. Копаневой // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества. Вып. 1. СПб. : Европейский дом, 2003. С. 272–285.
15. Материалы для истории русского флота. Ч. III. Балтийский флот. 1702–1725. СПб. : Тип. Морского мин-ва, 1866. 726 с.
16. Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М. : Гос. изд. политической литературы, 1950. 282 с.
17. Общий морской список. Ч. 1. От основания флота до кончины Петра Великого. СПб. : Тип. В. Демакова, 1885. 455 с.
18. Павленко Н. И. Петр I. Изд. 4-е. М. : Молодая гвардия, 2003. 428 с.
19. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. Петроград : Первая гос. тип., 1918. 644 с.
20. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып. 1. М. ; Л. : Изд. Акад. Наук СССР, 1948. 404 с.
21. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып. 2. М. : Изд. Акад. Наук, 1951. 774 с.
22. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. М. : Наука, 1964. 744 с.
23. Соколов А. Б. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль : Верх.-Волж. книжн. изд-во, 1992. 304 с.
24. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб. : Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858. 589 с.
25. Устрялов Н. Г. О навигаторах и гардемаринах Петра Великого // Морской сборник. Т. 83. № 4 (апрель). 1866. С. 189–204.
26. Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents. London : School of Slavonic and East European Studies, 1998. 255 p.

On the question of sending Russian nobles to England to study naval sciences in the first quarter of the XVIII century

Nizhinskaya Margarita Mihailovna

postgraduate student of the University-wide Department of General and Russian History of the Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University. Russia, Moscow. E-mail: Nijinka@mail.ru

Abstract. In modern Russian and foreign historical science, disputes and discussions about the role of the legacy of the Peter the Great era for modern Russia do not cease, which indicates the importance and relevance of research on this topic.

The article deals with a narrow issue related to the educational policy of Peter the Great – sending Russian nobles to Western European countries to receive education in the field of naval and military engineering. Since the education of Russians abroad was a purposeful state policy, questions about the travel and stay of Russian students abroad were resolved at the interstate diplomatic level. In the work on the example of Russian-British relations in the first quarter of the XVIII century. It is considered how the transformation of interstate political and diplomatic relations influenced the sending of Russian nobles abroad to study naval sciences.

The article gives a brief description of Russian-British relations reflecting the military, economic, cultural and educational spheres of interaction between Russia and the UK. The reasons that prompted the Russian government to send nobles to England to master the marine sciences are considered. Attention is paid to the diplomatic conflict of 1708, connected with the insult of the Russian ambassador A. A. Matveev in London, and the aggravation of diplomatic relations between Russia and Great Britain in 1719–1720. Based on available sources and scientific literature, the author of the article shows how complications in Russian-British diplomatic relations affected the ability of Russian nobles to receive education in England. The article concludes that, despite the diplomatic differences between Russia and other European states, the Russian government did not stop sending subjects to Western European countries to master the necessary professional knowledge, putting the interests of personnel policy above foreign policy problems.

Keywords: diplomacy, study abroad, Peter the Great era, Russian navigators.

References

1. Aleksandrenko V. N. Delo ob oskorblenii russkogo posla v Londone A. A. Matveeva [The case of insulting the Russian ambassador in London A. A. Matveev] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya – Journal of the Ministry of Public Education. Part 289. September. SPb. V. S. Balashev Typ. 1893. Pp. 158–172.
2. Anisimov E. V. "Derzost' ot chistogo userdiya": Konon Zotov i Petr Velikij ["Audacity from pure zeal": Konon Zotov and Peter the Great] // Petr Velikij, rossijskaya vlast' i obshchestvo v epohu peremen : sb. statej k 70-letiju so dnya rozhdeniya Yuriya Nikolaevicha Bespyatyh – Peter the Great, Russian power and society in the era of

change : collection of articles on the 70th anniversary of the birth of Yuri Nikolaevich Bespyatykh / ed. T. A. Bazarov, M. E. Proskuryakova. SPb. Historical Illustration. 2019. Pp. 120–144.

3. Anisimov E. V. *Anglijskie shtudii Petra Velikogo i ih posledstviya dlya russkoj istorii* [English studies of Peter the Great and their consequences for Russian stories] // *Rossiya – Velikobritaniya: Pyat' vekov kul'turnyh svyazej* – Russia – Great Britain: Five Centuries of Cultural Ties. SPb. European House. 2015. Pp. 42–45.

4. Anisimov E. V. *Petr Velikij – lichnost' i reformy* [Peter the Great – Personality and Reforms]. SPb. Piter. 2009. 448 p.

5. *Arhiv knyazya F. A. Kurakina* – Archive of Prince F. A. Kurakin. Book 1. SPb. V. S. Balashev typ. 1890. 421 p.

6. Veselago F. F. *Ocherk istorii Morskogo kadetskogo korpusa s prilozheniem spiska vospitannikov za 100 let* [An essay on the history of the Naval Cadet Corps with the appendix of the list of pupils for 100 years]. SPb. Printing House of the Naval Cadet Corps. 1852. 144 p.

7. Grebenshchikova G. A. *Baltika Petra Velikogo: sobytiya, lyudi, korabli* [Peter the Great's Baltic: events, people, ships] // *Istoriya Peterburga* – The history of St. Petersburg. 2018. No. 73. Pp. 20–33.

8. Guzevich D. Yu. *Diplomaticheskaya cel' Velikogo posol'stva 1697–1698/99* [The diplomatic purpose of the Great Embassy 1697–1698/99] // *Izvestiya saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* – News of Saratov University. A new series. History series. International relations. 2013. Vol. 13. Is. 2. Pp. 3–11.

9. *Doneseniya i drugie bumagi chrezvychajnogo poslannika anglijskogo pri russkom dvore, Charl'za Vitvorta, s 1704 g. po 1708 g.* – Dispatches and other papers of the Extraordinary Envoy of the English at the Russian Court, Charles Whitworth, from 1704 to 1708 // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 39* – Collection of the Russian Historical Society. Vol. 39. SPb. Typ. of Imperial Academy of Sciences. 1884. 511 p.

10. *Doneseniya i drugie bumagi chrezvychajnogo poslannika anglijskogo pri russkom dvore, Charl'za Vitvorta i sekretarya ego Vejsbroda s 1708 g. po 1711 g.* – Reports and other papers of the Extraordinary Envoy of the English at the Russian Court, Charles Whitworth and his secretary Weisbrod from 1708 to 1711 // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 50* – Collection of the Russian Historical Society. Vol. 50. SPb. Typ. of Imperial Academy of Sciences. 1886. 580 p.

11. *Doneseniya i drugie bumagi anglijskih poslov, poslannikov i rezidentov pri russkom dvore s 1711 g. po 1719 g.* – Reports and other papers of English ambassadors, envoys and residents at the Russian Court from 1711 to 1719. // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 61* – Collection of the Russian Historical Society. Vol. 61. SPb. Typ. of Imperial Academy of Sciences. 1888. 632 p.

12. Cross E. G. *Anglo-russkie otnosheniya v epohu Petra Velikogo* [Anglo-Russian relations in the era of Peter the Great] // *Diplomaticheskij ezhegodnik-2003 : sb. statej* – Diplomatic yearbook-2003 : collection of articles. M. Nauchnaya kniga (Scientific book). 2004. Pp. 386–400.

13. Cross E. G. *U temzskih beregov. Rossiyane v Britanii v XVIII v.* [By the Thames shores. Russians in Britain in the XVIII century] / transl. by N. L. Luzhetskaya. SPb. Academic Project. 1996. 387 p.

14. Krotov P. A. *Rossijskie navigatory v Gollandii v nachale XVIII v.* [Russian navigators in Holland at the beginning of the XVIII century] // *Soobshcheniya Rossijsko-Niderlandskogo nauchnogo obshchestva. Vyp. 1* – Messages of the Russian-Dutch Scientific Society. Is. 1 / ed. by G. V. Vilinbakhov and N. P. Kopaneva. SPb. European House. 2003. Pp. 272–285.

15. *Materialy dlya istorii russkogo flota. Ch. III. Baltijskij flot. 1702–1725* – Materials for the history of the Russian Fleet. Part III. The Baltic Fleet. 1702–1725. SPb. Typ. of Marine mine. 1866. 726 p.

16. Nikiporov L. A. *Russko-anglijskie otnosheniya pri Petre I* [Russian-English relations under Peter I]. M. State Publishing House of Political literature. 1950. 282 p.

17. *Obshchij morskoy spisok. Ch. 1. Ot osnovaniya flota do konchiny Petra Velikogo* – General naval list. Part 1. From the foundation of the fleet to the death of Peter the Great. SPb. Typ. of V. Demakov. 1885. 455 p.

18. Pavlenko N. I. *Petr I. Izd. 4-e* [Peter I. Ed. 4th]. M. Molodaya guardia (Young Guard). 2003. 428 p.

19. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 7. Vyp. 1* – Letters and papers of Emperor Peter the Great. Vol. 7. Is. 1. Petrograd. First State Printing House. 1918. 644 p.

20. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 8. Vyp. 1* – Letters and papers of Emperor Peter the Great. Vol. 8. Is. 1. M. ; L. Ed. Acad. Sciences of the USSR. 1948. 404 p.

21. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 8. Vyp. 2* – Letters and papers of Emperor Peter the Great. Vol. 8. Is. 2. M. Ed. Acad. Sciences. 1951. 774 p.

22. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 11* – Letters and papers of Emperor Peter the Great. Vol. 11. M. Nauka (Science). 1964. 744 p.

23. Sokolov A. B. *Navstrechu drug drugu: Rossiya i Angliya v XVI–XVIII vv.* [Towards each other: Russia and England in the XVI–XVIII centuries]. Yaroslavl. Verh.-Volzh. book publishing house. 1992. 304 p.

24. Ustryalov N. G. *Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo. T. 2* [The history of the reign of Peter the Great. Vol. 2]. SPb. Typ. of II-th Department Of Its Own. His Imp. Vel. Chancery. 1858. 589 p.

25. Ustryalov N. G. *O navigatorah i gardemarinah Petra Velikogo* [About navigators and midshipmen of Peter the Great] // *Morskoy sbornik* – Marine Collection. Vol. 83. No. 4 (April). 1866. Pp. 189–204.

26. Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents. London : School of Slavonic and East European Studies. 1998. 255 p.

Особенности процесса дознания в работе губернских жандармских управлений в конце XIX в. (на материалах Вятской губернии)

Афонасьев Михаил Александрович

аспирант кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-0889-071X.

SPIN-код: 7417-2581. AuthorID: 1135090. E-mail: usr22640@vyatsu.ru

Аннотация. Серьезные геополитические вызовы, с которыми столкнулась Россия в начале XXI в., включают в себя, помимо прочего, рост терроризма и попытки дестабилизации общественно-политической ситуации в стране. Это обуславливает необходимость совершенствования работы правоохранительных органов, которое вряд ли будет эффективно без учета исторического опыта функционирования данных государственных структур. В связи с этим особый интерес вызывает деятельность в позднеимперский период различных структур Департамента полиции МВД, в частности, региональных охранных отделений. Созданные императорским указом от 16 сентября 1867 г., губернские жандармские управления взяли на себя функцию охраны общественного порядка и борьбы с нараставшим революционным движением. Кадровый состав каждого управления был укомплектован офицерами, имевшими образование и боевой опыт службы в регулярной армии. Основным методом работы жандармерии стало секретное наблюдение за подозреваемыми и привлечение их к процессу дознания, который включал в себя поиски улик, обыски, перлюстрацию корреспонденции подозреваемых, привлечение экспертов для сверки почерков.

Цель данной статьи – изучение особенностей осуществления дознания через анализ переписки Департамента полиции МВД с губернскими жандармскими управлениями в конце XIX в.

Источниковой базой данного исследования являются неопубликованные материалы фонда Вятского губернского жандармского управления (ф. 714) Центрального государственного архива Кировской области.

Изучение процесса дознания, осуществляемого губернскими жандармскими управлениями, позволяет детальнее проанализировать деятельность правоохранительных органов Российской империи и оценить эффективность их борьбы с нараставшим революционным движением в стране.

Ключевые слова: Департамент полиции, дознание, жандармские управления, правоохранительная деятельность.

Процесс дознания в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. основывался на Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и являлся первым звеном уголовного процесса. Его главной задачей являлось установление факта совершения преступления и поиск совершившего его лица [4].

До момента создания в 1867 г. губернских жандармских управлений (далее – ГЖУ) обязанность осуществления дознания лежала на чинах общей полиции, деятельность которых контролировали прокуроры судебных палат. С появлением ГЖУ во всех губерниях империи функции дознания по политическим делам перешли в ведение сотрудников жандармских управлений, а в компетенции полиции осталось расследование уголовных преступлений [3].

Основным документом, который регламентировал процесс дознания жандармских офицеров, являлись «Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» от 19 мая 1871 г. [2, с. 3].

Дознания по политическим преступлениям начинались со сбора необходимых улик и фактов, которые можно было получить путем наблюдения за подозреваемыми [2]. Для повышения эффективности следственных мероприятий жандармы тесно сотрудничали с уездными и волостными властями, а также с городской и сельской полицией [6, л. 1].

В 80–90-е гг. XIX в. в российской провинции наиболее распространенными политическими преступлениями являлись антиправительственная агитация и распространение различных слухов.

К примеру, в феврале 1880 г. по империи прокатилась волна слухов о том, что за многочисленными покушениями на Александра II стоят дворяне, недовольные его либеральными

реформами. По мнению Департамента полиции, данные слухи распространялись революционерами с целью формирования в крестьянской среде негативного отношения к дворянству и организации волнений. По мнению руководства охранки, наиболее эффективным способом противодействия этому являлись выявление и арест распространителей слухов [7, л. 18].

Аналогичная ситуация фиксировалась и летом 1882 г., когда Министерство внутренних дел информировало ГЖУ, что сельское население страны, «беззаветно преданное престолу», стало объектом пропаганды со стороны революционеров, пытавшихся настроить крестьян против дворян. Чтобы наказать виновных, губернаторы и начальники ГЖУ должны были разработать совместные меры по пресечению вредного влияния на крестьянское население, используя для этого тех офицеров полиции и жандармского корпуса, которые непосредственно работали с крестьянами [8, л. 23].

Жандармы не только вели негласное наблюдение за подозреваемыми, но и осуществляли обыски как у них самих, так и у лиц, которые были с ними тесно связаны. При этом данные следственные мероприятия проводились очень осторожно, чтобы избежать лишнего общественного резонанса [9, л. 44].

В январе 1882 г. Департамент полиции обратил внимание руководителей ГЖУ на то, что обыски в усадьбах помещиков, заподозренных в политической нелояльности, привлекают большое внимание крестьян, а присутствие последних при обысках в качестве понятых способствует распространению ложных слухов. Поэтому жандармским офицерам предписывалось проводить обыски без особой огласки, а в качестве понятых, по возможности, не приглашать крестьян [8, л. 38].

Департамент полиции МВД стремился жестко контролировать действия своих региональных структур, требуя детального отчета о проведенных следственных мероприятиях. В марте 1890 г. жандармы дважды произвели обыск у одной женщины, которая по версии следствия имела связи с неблагонадежными лицами. Поскольку обыски не дали никаких результатов, то в Департамент полиции об этих следственных мероприятиях не было доложено. Узнав об этом из других источников, Департамент полиции предписал руководителям региональных жандармских управлений предоставлять в столицу информацию обо всех обысках с точным указанием причин и результаты данной меры [7, л. 81].

В конце XIX в. в работу Департамента полиции и его региональных структур стали внедряться передовые для того времени технологии, позитивно влиявшие на ее эффективность. Одной из них стало фотографирование подозреваемых и создание фотографических баз данных. Фотографированию подлежали даже обычные бродяги с целью выяснения их настоящих имен и причастности к делам политического характера.

Сведения о всех подозреваемых, подлежащих розыску, состояли исключительно из описаний внешности, поэтому к фотографиям важно было указывать сведения, которые помогали «как к большему выяснению личностей, подлежащих розыску, так и для облегчения тех, на обязанности коих лежит производство розысков» [8, л. 21 об.]. Для этого Департамент разработал документ, куда вносилась следующая информация о подозреваемых или подследственных: ФИО, возраст, звание, происхождение, вероисповедание и прозвище, если оно имелось. Кроме того, указывались особые приметы (наличие шрамов, родинок и прочее). Наконец, вносилась информация о семье и родных (их фамилии, места их проживания). Для ускорения следственных мероприятий указывался конкретный правоохранительный орган, куда задержанный подозреваемый должен был быть направлен при поимке [10, л. 22].

Фотографирование подозреваемых существенно облегчало жандармам их дальнейший учет и поиск, однако при этом возникал ряд технических и финансовых сложностей. Даже в конце XIX в. в ряде отдаленных регионов страны фотографирование по-прежнему было слабо развито, поэтому не хватало подготовленных специалистов и необходимых материалов. В тех местах, где имелась необходимая техника и кадры, зачастую не хватало денежных средств на покрытие расходов при фотографировании [11, л. 6].

В октябре 1882 г. Департамент полиции выявил, что многие подозреваемые пересылались в места назначения без фотографирования, что существенно затрудняло их поиск в случае побега. Для устранения этого нарушения жандармам предписывалось по возможности снабжать конвоирующих унтер-офицеров фотографиями пересылаемых с дальнейшей передачей фотографий начальнику арестантской партии на приемном пункте железной дороги [12, л. 25].

Первоначально процесс фотографирования подозреваемых не был четко закреплен, поэтому фотографии отличались друг от друга и по размеру, и по качеству. Для устранения дан-

ной проблемы 15 октября 1890 г. Департамент полиции издал новый циркуляр, где детально регламентировал процесс фотосъемки. Предписывалось делать шесть фотографий анфас и шесть в профиль, при самом фотографировании на подозреваемых и обвиняемых не должно было быть головных уборов и верхней одежды. Пять экземпляров каждой фотографии следовало предоставить в Департамент полиции, один оставался в региональном жандармском управлении [10, л. 73].

При проведении процедуры дознания у грамотных подсудимых проводилась экспертиза почерка. Это позволяло жандармам не только установить авторство писем при осуществлении перлюстрации корреспонденции, но и выявить авторов рукописных антиправительственных воззваний. Для проведения графологической экспертизы чаще всего привлекали местных учителей рисования, черчения и чистописания. Однако это быстро привело к возникновению новой проблемы: учителя слишком много времени тратили на проведение экспертиз в ущерб рабочему времени. Это вызывало недовольство руководства образовательных учреждений, которые начали жаловаться на действия жандармов в Министерство просвещения и другие органы. В такой ситуации Департамент полиции предписал начальникам ГЖУ при проведении графологических экспертиз привлекать, в первую очередь, собственных канцелярских сотрудников (делопроизводителей и секретарей), а учителей привлекать к этому делу лишь в случае крайней необходимости и в свободное от уроков время [13, л. 26].

У лиц, привлеченных к дознанию, могла просматриваться их личная корреспонденция. Такое право у жандармерии появилось 30 октября 1878 г., после издания соответствующего постановления Государственного совета. Для перлюстрации корреспонденции подозреваемого жандармы должны были получить соответствующее разрешение Министерства юстиции, которое позволяло осмотр по договоренности с почтовыми и телеграфными учреждениями [7, л. 32 об.].

Стоит отдать должное хитрости революционеров. Зимой 1884 г. одним из региональных жандармских управлений было получено письмо на имя арестованного, которое было передано ему, поскольку, на первый взгляд, не содержало ничего противоправного. Но вскоре обнаружилось, что между строчками письма химическим способом был помещен другой текст, заключавший в себе сведения о производимом дознании. После этого случая начальники ГЖУ стали проверять как получаемую, так и отправляемую арестантами корреспонденцию химическим реактивом на предмет наличия тайного текста [7, л. 42 об.].

В 1886 г. начальники жандармских управлений установили, что значительную часть корреспонденции лиц, содержащихся под стражей, составляли письма другим подозреваемым по политическим преступлениям, но находившимся на свободе. Несмотря на частный характер, такая переписка могла устанавливать тайные связи арестантов как между собой, так и с людьми, находящимися на свободе, вследствие чего был введен запрет на почтовую корреспонденцию всем политическим арестантам [14, л. 54 об.].

Помимо взрослого населения процедуре дознания могли подвергаться и несовершеннолетние воспитанники высших и средних учебных заведений. Однако в силу возраста подозреваемых на жандармов накладывались некоторые ограничения [12, л. 19]. Директивой Департамента полиции от 12 декабря 1882 г. жандармские офицеры должны были сообщать руководителям образовательных учреждений не только о привлечении их воспитанников к дознанию, но и называть день их ареста, день освобождения из-под стражи и суть обвинения с указанием соответствующей статьи «Уложения о наказаниях» [12, л. 39].

В сентябре 1884 г. Департамент полиции потребовал от руководителей жандармских управлений проявлять крайнюю осторожность при проведении следственных мероприятий в средних учебных заведениях. Появление в стенах гимназий и училищ жандармских офицеров, а также осуществление ими допросов учащихся вызывали негативную реакцию их родителей, многие из которых занимали высокий социальный статус. В силу этого, все процессуальные действия жандармов на территории образовательных учреждений должны были жестко контролироваться не только руководителями жандармских управлений, но и прокуратурой [14, л. 39].

Жандармские управления могли привлекать к дознаниям лиц военного сухопутного и морского ведомств, если их подозревали в антиправительственной агитации. В делах по таким преступлениям предполагалось участие гражданских чиновников, поскольку согласно ст. 1261 «Устава уголовного судопроизводства» [4], военнослужащие подчинялись общему порядку судности. Такие дознания проводились вне очереди, и обнаруженные сведения сообщались не только прокурорам судебных палат, но и руководителям военного ведомства [6, л. 28].

К дознаниям по политическим преступлениям могли привлекаться лица духовного звания. В таком случае жандармским офицерам следовало обращаться к местному епархиальному архиерею с запросом о получении информации об образе жизни и контактах таких священнослужителей [15, л. 35].

Следственные действия, осуществляемые жандармами, часто проходили достаточно сложно. В 1881 г. Департамент полиции указывал на то, что офицеры корпуса жандармов, производящие дознания, в большинстве случаев не собирали полных сведений об обвиняемых, в частности, не указывали факты их привлечения к другим следственным делам. Отсутствие таких сведений препятствовало правильной оценке деяний обвиняемых прокуратурой и министерством юстиции, что могло существенно повлиять на ход судебного процесса [8, л. 17 об.].

Указывались и другие процессуальные нарушения, допускаемые жандармами. В циркуляре Департамента полиции, датированном апрелем 1885 г., указывалось, что жандармские офицеры приобщали к делам в качестве вещественных доказательств различные предметы, не имеющие какого-либо отношения к делу. При этом в протоколах обысков не указывалось ни оснований для приложения к делу предметов, ни способов их получения, ни лиц, у которых эти предметы были изъяты. Поэтому по требованию Департамента управлениям следовало не только составлять подробные протоколы с приобщаемыми предметами, но и делать опись перенумерованных, опечатанных и приобщенных вещественных доказательств с указанием места их хранения. Что касается документов, удостоверявших личности обвиняемых, то они подшивались в указанной выше описи и прикладывались к делам в особых запечатанных конвертах в конце последнего тома дознания [8, л. 17 об.].

В 1887 г. Департамент полиции выявил новые серьезные процессуальные нарушения, допущенные при проведении дознания. Многие офицеры жандармского корпуса, не имея достаточных оснований, совершали обыски у лиц, проходивших по делам лишь в качестве свидетелей. Само производство обыска всегда оказывало негативное психологическое воздействие как на обыскиваемого, так и на окружающих его лиц, поэтому должно было проводиться лишь на основе очень веских оснований. Однако такие убедительные основания у жандармов очень часто отсутствовали [8, л. 59].

26 июня 1891 г. при рассмотрении дознаний по ст. 246–248 «Уложения о наказании» [3] выяснилось, что значительное количество этих дел возбуждалось вследствие заявлений и доносов частных лиц, которые в силу враждебных отношений доносителей к оговариваемым делались исключительно со злым умыслом. Многие жандармские офицеры не обращали внимания на мотив личной неприязни между истцом и ответчиком, что приводило к арестам заведомо невиновных лиц. По требованию Департамента полиции во всех случаях устного или письменного заявления или доноса, когда факт преступления ничем, кроме оговора, не подтверждался, перед возбуждением формального дознания ГЖУ должны были проверять негласным путем основательность обвинений. Лишь в случае подтверждения первоначальных сведений этой негласной проверкой следовало приступать к дознанию. Особенно внимательно надо было относиться к проверке доносов на лиц, занимающих важное общественное или служебное положение, рабочих и прислуги на хозяев, подчиненных на начальство и тому подобное [8, л. 75 об.].

Осенью 1900 г. стали известны случаи халатности жандармских офицеров при проведении дознания в отношении воспитанников средних учебных заведений. Например, известен случай личного задержания гимназиста без достаточно уважительных к тому оснований. В другом случае производящий дознание офицер произвел обыск у гимназиста, тогда как в действительности надлежало обыскать другого человека. Наконец, известен случай, когда несколько воспитанниц гимназии были вызваны на допрос в жандармерию в качестве свидетельниц, причем вызов этот был сделан в учебные часы, и девушек отправили в управление в сопровождении полицейского надзирателя [12, л. 47].

Признав, что такие факты лишь дискредитируют правоохранительные органы, Департамент полиции потребовал от начальников ГЖУ при производстве дознаний и расследований в отношении учащихся средних учебных заведений жестко соблюдать действующее законодательство и действовать максимально корректно. Прибегать к этим следственным действиям, и в особенности к арестам, надо было лишь в случаях крайней необходимости и при наличии серьезных оснований для обвинения учащихся в политической неблагонадежности [10, л. 113].

В июне 1894 г. руководство МВД пришло к неутешительному выводу, что во многих губерниях страны отсутствует тесное взаимодействие между жандармерией и общей полицией [1]. Сотрудники последней, перегруженные расследованием уголовных преступлений, почти не

оказывали жандармским управлениям содействия в деле выявления политически неблагонадежных лиц, в задержании участников революционного движения, бежавших из-под ареста.

Таким образом, в конце XIX в. Департамент полиции МВД уделял значительное внимание совершенствованию деятельности региональных губернских жандармских управлений. Им разрабатывались и рассылались подробные инструкции по проведению дознания по политическим делам, давались развернутые комментарии по обеспечению законности следственных мероприятий. Важным шагом в деле совершенствования работы региональной жандармерии было внедрение в рассматриваемый хронологический период фотографирования лиц, подозреваемых в политической неблагонадежности и создание соответствующих баз данных. Это существенно упрощало поиск и опознание участников революционного движения. Однако несмотря на заметные позитивные сдвиги региональные жандармские управления по-прежнему допускали серьезные нарушения при проведении процедуры дознания. Главной причиной этого был дефицит образованных и подготовленных кадров, а также нежелание многих сотрудников жандармерии соблюдать процессуальные нормы при проведении следствия. Беззаконие по-прежнему оставалось распространенной практикой в работе правоохранительных органов, что существенно подрывало их авторитет в глазах общественности и в немалой степени способствовало росту популярности леворадикальных идей.

Список литературы

1. Краковский К. П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2012. № 5. С. 315–344.
2. Рыжова Ю. В. Дознание в отдельном корпусе жандармов // Российская государственность: история, современность и перспективы : сб. трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 12 апреля 2016 года. М. : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. С. 119–125.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения: 10.02.2023).
4. Устав уголовного судопроизводства. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 10.02.2023).
5. Фролов В. В. Обеспечение правопорядка в Российской империи в начале XX в., связь истории и современности / В. В. Фролов, Н. К. Тышковец // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 3 (43). С. 21–26.
6. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 714. Оп. 1. Д. 1.
7. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 4.
8. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 5.
9. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 10.
10. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 15.
11. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 20.
12. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 2. Д. 21.
13. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 2. Д. 23.
14. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 28.
15. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 37.

Features of the inquiry process in the work of provincial gendarmerie departments at the end of the nineteenth century (based on the materials of the Vyatka Province)

Afonasyev Mikhail Aleksandrovich

postgraduate student of the Department of History and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov.
ORCID: 0000-0002-0889-071X. SPIN code: 7417-2581. AuthorID: 1135090. E-mail: usr22640@vyatsu.ru

Abstract. The serious geopolitical challenges that Russia faced at the beginning of the XXI century include, among other things, the growth of terrorism and attempts to destabilize the socio-political situation in the country. This makes it necessary to improve the work of law enforcement agencies, which is unlikely to be effective without taking into account the historical experience of the functioning of these state structures. In this regard, of particular interest is the activity in the late Imperial period of various structures of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs, in particular, regional security departments. Created by the imperial decree of September 16, 1867, the provincial gendarmerie departments assumed the function of protecting

public order and combating the growing revolutionary movement. The personnel of each department was staffed by officers who had education and combat experience of service in the regular army. The main method of work of the gendarmerie was the secret surveillance of suspects and their involvement in the investigation process, which included the search for evidence, searches, perustration of suspects' correspondence, the involvement of experts to verify handwriting.

The purpose of this article is to study the peculiarities of conducting an inquiry through the analysis of correspondence between the Police Department of the Ministry of Internal Affairs and provincial gendarmerie departments at the end of the XIX century.

The source base of this research is unpublished materials of the fund of the Vyatka Provincial Gendarm-erie Department (f. 714) of the Central State Archive of the Kirov region.

The study of the inquiry process carried out by the provincial gendarmerie departments makes it possible to analyze in more detail the activities of the law enforcement agencies of the Russian Empire and assess the effectiveness of their fight against the growing revolutionary movement in the country.

Keywords: Police department, inquiry, gendarmerie departments, illegal activity.

References

1. *Krakovskij K. P. Politicheskoe doznanie vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Political inquiry in the second half of the XIX – early XX century] // *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs* – Historical and legal problems: a new perspective. 2012. No. 5. Pp. 315–344.
2. *Ryzhova Yu. V. Doznanie v otdel'nom korpuse zhandarmov* [Inquiry in a separate corps of gendarmes] // *Rossijskaya gosudarstvennost': istoriya, sovremennost' i perspektivy : sb. trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 12 aprelya 2016 goda* – Russian statehood: history, modernity and prospects : collection of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, April 12, 2016. M. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016. Pp. 119–125.
3. *Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh 1845 g.* – The Code of Criminal and Correctional Punishments 1845. Available at: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (date accessed: 10.02.2023).
4. *Ustav ugovolnogo sudoproizvodstva* – The Statute of Criminal proceedings. Available at: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (date accessed: 10.02.2023).
5. *Frolov V. V. Obespechenie pravoporyadka v Rossijskoj imperii v nachale XX v., svyaz' istorii i sovremennosti* [Ensuring law and order in the Russian Empire at the beginning of the twentieth century, the connection of history and modernity] / V. V. Frolov, N. K. Tyshkovets // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* – Herald of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 3 (43). Pp. 21–26.
6. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 714. Inv. 1. File 1.
7. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 4.
8. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 5.
9. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 10.
10. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 15.
11. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 20.
12. CSAKR. F. 714. Inv. 2. File 21.
13. CSAKR. F. 714. Inv. 2. File 23.
14. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 28.
15. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 37.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(7/8)(092)

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.038

Джон Спарго: от социализма к антикоммунизму

Романов Владимир Викторович

доктор исторических наук, профессор кафедры политологии, социологии и международных процессов,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина.
Россия, г. Тамбов. ORCID: 0000-0002-9199-6573. E-mail: vromanov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция политических взглядов Джона Спарго, который получил широкую известность как публицист и активный деятель Социалистической партии Америки начала XX в. Его понимание социализма долгое время соответствовало западной марксистской традиции. Автор показывает, как вступление США в Первую мировую войну привело к разрыву Спарго с американским социалистическим движением и поправлению его политических взглядов. Наиболее наглядно это проявилось в крайне негативных оценках, которые Спарго давал теории и практике большевизма. Данной теме он посвятил несколько специальных книг и статей. Автор статьи анализирует, например, оценки, которые давал Спарго большевистскому курсу на установление «диктатуры пролетариата». Для России, где промышленный пролетариат был меньшинством населения, такая политика обернется полным отказом от учета интересов других слоев общества. Новые лидеры России, по словам Спарго, сформировали и особую общественную атмосферу в стране, сходную с «религиозным фанатизмом». Учитывая лишь свои собственные интересы, большевики заключили Брестский мир, сблизившись с самыми реакционными силами мировой политики. Опираясь на эти оценки, Спарго сформулировал основные идейные основания для непризнания Советской России 1920-х гг. По сути, все его доводы основывались на социал-демократической и либеральной аргументации. Никакие реалистические соображения им фактически не учитывались. Автор статьи делает вывод о том, что именно Спарго стал одним из тех американских общественно-политических деятелей, кто обозначил целесообразность «отмены» стран и народов, не вписывающихся в стандарты западного либерализма. Именно по такой логике идут современные сторонники «гиперлиберализма» и неоконсерватизма.

Ключевые слова: Джон Спарго, социализм, США, политика непризнания, Советская Россия, большевизм.

Введение. Имя англо-американского общественного деятеля и публициста Джона Спарго (1876–1966) достаточно известно, прежде всего, в истории социалистического движения в США. Он был автором более 50 книг и брошюр, большого количества статей в различных газетах и журналах. Многие из его публикаций начала XX в. пользовались громкой популярностью, а его труд о Карле Марксе считался какое-то время даже лучшей англоязычной биографией основоположника научного социализма. В этой связи внимание исследователей к личности Спарго было связано главным образом с оценкой его вклада в американское социалистическое движение [19].

Интересной, хотя и менее известной, страницей жизни Спарго стала его экспертная работа в государственном департаменте США. Начало тому положил целый ряд его специальных исследований феномена большевизма. Подготовленные по их результатам публикации принесли ему авторитет знатока «русского вопроса», что и послужило поводом приглашения Спарго к работе над концептуальным оформлением политики непризнания Советской России в 1920-е гг. По сути, точка зрения Спарго определяла вектор русской политики США вплоть до президентства Ф. Д. Рузвельта. Данный эпизод биографии Спарго, конечно, не стал предметом умолчания в общих работах, посвященных его жизни. Однако специально к этой теме в научной литературе обращались довольно редко [3; 17].

В настоящей статье будет рассмотрена эволюция политических взглядов Джона Спарго, который осуществил постепенную трансформацию от сторонника умеренно левых социали-

стических убеждений до непримиримого противника большевизма и антикоммуниста. Опираясь на работы Спарго, постараемся определить его вклад в обоснование политики непризнания Советской России. Обращение к идейному наследию Спарго приобретает особую актуальность в связи с упорным продвижением Соединенными Штатами так называемой «культуры отмены» и санкционных мер в отношении современной России.

Постижение марксизма. В каких условиях формировались политические воззрения Джона Спарго? Он родился в Великобритании, в семье рабочего. Свою трудовую деятельность начал учеником каменщика. При этом Спарго активно занимался самообразованием, два года учился в Оксфордском университете. Довольно быстро он заинтересовался марксизмом. В частности, важнейшую роль в его приобщении к социализму сыграла книга Генри Гайндмана «Англия для всех» [12]. Спарго не только увлекся изложенными в ней идеями, но и подключился к деятельности созданной Гайндманом Социал-демократической федерации. Правда, Спарго в тот период, как и его наставника Гайндмана, нельзя было назвать приверженцем «классического» марксизма, получившего распространение в государствах континентальной Европы. Британский социализм формировался тогда скорее как конгломерат небольших по численности групп интеллектуалов, исповедовавших «самый широкий спектр верований, чувств и действий» в поддержку социальной справедливости, личного преобразования и радикальной демократии [8, pp. 13–14]. Сам Гайндман, будучи лично знакомым с Карлом Марксом, по ряду обстоятельств так и не стал его твердым последователем. Более того, в дальнейшем у него имелись серьезные личные конфликты с Фридрихом Энгельсом, Элеонорой Маркс и германскими социал-демократами [10, pp. 29–52]. Неслучайно, Владимир Ленин позднее, в 1911 г., назовет Гайндмана «очень и очень путаным буржуазным демократом» [2, с. 394].

Молодой Спарго в этих условиях, естественно, разделял позиции своего учителя. Его политические идеи можно рассматривать как смесь христианского социализма и марксизма. Стремление к справедливости и всеобщему братству людей сочеталось у него, однако, с довольно радикальной верой в необходимость пролетарской революции. Эти убеждения молодого Спарго найдут свое выражение в одной из его первых публикаций. «Революция, – подчеркивал он, – есть разрушение господства человека над человеком; конец частной собственности и распоряжения общественно необходимыми вещами; и замена ее общественной собственностью. Революция означает освобождение общественной и индивидуальной жизни и торжество духа братства; свержение жестокого бога Маммона и восшествие на престол всего человечества» [26, p. 31].

В 1901 г. Джон Спарго переехал в США, где сразу же примкнул к социалистическому движению. Это был знаковый период для американских марксистов, которые тогда уверенно набирали общественно-политический вес и обсуждали новые институциональные формы своей деятельности. В 1901 г. в Индианаполисе был проведен конвент, на котором ряд социалистических объединений провозгласил создание Социалистической партии Америки. Она стала самой крупной марксистской партией в США и уже в начале XX в. заявила о себе как о потенциальной «третьей силе» американской политической системы. Спарго сразу же подключился к ее деятельности, проявив себя, прежде всего, активным пропагандистом радикально-критических настроений. В частности, он вошел в редколлегия социалистического журнала *The Comrade*, а впоследствии стал даже его редактором. Первый номер журнала вышел в октябре 1901 г. уже со статьей Спарго. В дальнейшем на его страницах он регулярно публиковал свои эссе о революционных традициях Европы [27; 40]. Кроме того, он подготовил к печати несколько книг о детском труде на английских и американских фабриках [35; 37; 41]. Жанр этих книг был близок популярным тогда макрейкерским расследованиям и разоблачениям. Благодаря этим публикациям имя Спарго, как радикального публициста, стало известно в леворадикальных кругах США.

В первое десятилетие XX в. Спарго приобрел авторитет в США еще и как знаток социалистической теории. Он опубликовал целую серию книг и брошюр, в которых был представлен обзор целей социалистического движения и принципов, лежащих в основе политических убеждений социалистов. Данные публикации были различными по своему характеру: от иллюстрированного издания «Социалистические чтения для детей» [34] и популярных книг, ставших частью общественной полемики о марксизме [33; 36], до фундированной и вполне академической биографии Карла Маркса [28]. Довольно прочные позиции Спарго занимал и в партийной структуре американских социалистов. Начиная с 1904 г., он был непременным делегатом всех национальных конвентов Социалистической партии. Как правило, именно его

избирали председателем комитетов по резолюциям, с 1905 г. он входил в состав Национального комитета партии, а с 1909 г. и в ее Национальный исполнительный комитет. Таким образом, активная публицистическая и общественно-политическая деятельность Спарго сделала его заметной фигурой американского социалистического движения начала XX в. По политическим убеждениям его можно отнести к числу сторонников «научного марксизма», придерживавшегося на том этапе умеренно-левых и центристских взглядов. При этом Спарго говорил о современном социализме как о теории, которая не может не воспринимать отчасти и другие научные концепции, например идеи социального дарвинизма или социального христианства [25, р. 20].

Война и разрыв с СПА. Первая мировая война стала важным этапом в эволюции политических взглядов Спарго. Ключевым фактором этой эволюции стали серьезные разногласия, проявившиеся внутри Социалистической партии Америки по вопросу об отношении к войне. Кульминацией борьбы между различными фракциями социалистов стал чрезвычайный Национальный конвент партии, собравшийся в апреле 1917 г. уже после вступления США в войну. В ходе дискуссий большинство делегатов высказалось в поддержку антивоенной резолюции [16]. Однако Спарго стал автором доклада меньшинства в Комитете по войне и милитаризму. Он внес на рассмотрение конвента резолюцию, в которой обосновывался призыв к американцам поддержать военные усилия Антанты как наименее опасную альтернативу для социалистического движения. По его словам, войну ведут, с одной стороны, «величайшие в мире автократии, самые могущественные реакционные нации, а с другой – самые прогрессивные и демократические нации в мире». Ссылаясь на авторитет Маркса, Спарго говорил о необходимости поддерживать те войны, которые могли бы «стимулировать политический и экономический прогресс в интересах рабочих». Исходя из этого, для него было «совершенно очевидно», что поражение центральных империй и победа Антанты будет способствовать ослаблению «хищнической конкуренции производителей» и позволит всем странам встать на путь рабочего законодательства. В этих условиях, подчеркнул Спарго, что «заявлять о равнодушии к исходу ведущейся теперь войны, желать, чтобы война кончилась ничьей или поражением держав Антанты, ... есть измена принципам международного социализма» [31, р. 9]. Доклад меньшинства и резолюция, которые были представлены Спарго, не нашли поддержки у большинства делегатов конвента. В результате в июне 1917 г. он принял решение о выходе из состава Американской социалистической партии [43, р. 6].

Дальнейшая биография Спарго отчетливо демонстрирует поправление его политической позиции. В частности, он стал сотрудничать с различными проправительственными рабочими организациями США (например, Американским альянсом за труд и демократию, Социал-демократической лигой и др.). В октябре 1917 г. Спарго стал еще и одним из организаторов новой про-военной Национальной партии США, объединившей группу бывших правых социалистов и ряд примкнувших к ним интеллектуалов. Зачастую появление подобных образований инициировалось и даже финансировалось администрацией. Значительную роль при этом играл созданный по распоряжению президента Вильсона Комитет общественной информации. В своих публичных выступлениях и публикациях 1917–1919 гг. Спарго неоднократно высказывался в поддержку военных целей, которые провозглашал президент Вильсон. Например, в сентябре 1917 г. он, обращаясь к съезду Американского альянса за труд и демократию, заявил о своей неизменной вере в дело социализма и интернационализма. При этом он говорил о том, что рабочее движение должно отказаться от призывов к «трусливому миру» и продолжить борьбу против «деспотизма» и «милитаризма», глубоко укоренившихся в Германии. Спарго подчеркнул, что международное социалистическое движение в целом объединено во имя победы Антанты в войне. «В мире, – отметил он, – есть только две прогерманские социалистические партии – одна из них – партия большинства Германской империи, которая выполняет приказы династии Гогенцоллернов, а другая, к моему сожалению и стыду, – Социалистическая партия Соединенных Штатов». Политика администрации Вильсона в условиях войны полностью отождествлялась Спарго с интересами народов всего мира. Более того, именно президента Вильсона он называл тем человеком, который искренне выступает в поддержку идеалов современного социализма [29, р. 10]. В условиях развернувшейся тогда полемики относительно участия США в войне Спарго однозначно оценивал официальную позицию американских социалистов как «антитезу историческому социализму» и отказу от принципов интернационализма [32, р. 312].

Конечно, бывшие соратники Спарго по Социалистической партии не могли отмолчаться по поводу его политической позиции. Так, в одной из рецензий на очередную его публикацию

Спарго обвинили в том, что он быстро «приспособился к своим новообретенным буржуазным друзьям». Именно на это указывают «удобная ложа в опере, свободный доступ к публикациям в “Times” и связь с некоторыми из самых черных реакционеров Америки». Автор рецензии, авторитетный социалистический журналист Джеймс Онил, риторически вопрошал: «Интересно, что сказал бы Маркс, живи он сегодня, о странном смешении заявлений и действий Спарго»? [42, р. 14].

Спарго и Россия. Одним из факторов, который определял характер политических воззрений Спарго, можно по праву считать Россию. В какой-то степени именно с ней связан его интерес к революционному и рабочему движению. В конце XIX – начале XX вв. революционные иммигранты из России пользовались огромной популярностью не только в леворадикальных, но и в либеральных кругах Европы и Америки. Великобритания, где Спарго приобщался к идеям социализма, тогда была одним из крупнейших центров русской революционной иммиграции. В Лондоне, например, проживали такие широко известные на Западе представители революционного движения России, как С. М. Степняк-Кравчинский или П. А. Кропоткин. Показательно, что они поддерживали тесные контакты с английскими социалистами, в том числе и с Гайндманом, идейным наставником Спарго. Своеобразный диалог русских революционных эмигрантов с представителями зарождавшегося в тот период британского социализма способствовал как минимум теоретическому обогащению каждой из сторон [1, с. 26–28; 13, р. 354]. Так, Спарго, вспоминая о своих встречах в Лондоне со Степняком-Кравчинским, называл его «великим русским». Спарго подчеркивал, что именно «этот смелый и блестящий революционер» впервые пробудил в нем интерес к революционной борьбе [30, р. I]. Еще одним «русским другом» Спарго был Г. В. Плеханов. Будучи редактором американского социалистического журнала *The Comrade*, Спарго несколько раз обращался к нему с просьбами о публикации на его страницах статей о рабочем движении в России [6, с. 227–229]. Обсуждали они и текущие проблемы политической ситуации. В частности, по словам Спарго, Плеханов «великодушно одобрил» его точку зрения на перспективы развития России под влиянием Первой мировой войны, высказанную еще в 1914 г. Прогноз Спарго сводился к двум важнейшим тезисам. Прежде всего, он считал, что «делу свободы в России послужит победа союзников даже при царизме». Кроме того, он был убежден, что «всякая попытка установить социалистический режим в России, пока обширное капиталистическое развитие и длительный период демократического правления не проложили ему дорогу, потерпит неудачу и приведет к ужасной реакции» [30, р. II]. По сути, Спарго высказал классическую марксистскую позицию, которую полностью разделял Плеханов, придерживавшийся вывода о невозможности быстрого перехода России к социализму [7, с. 93–95]. Плеханов был полностью уверен, что для этого России необходимо сначала «пройти совершенно те же фазы историко-экономического развития, которые были пройдены Западом» [4, с. 72]. Как видим, Спарго и Плеханова объединяло очевидное социал-демократическое понимание марксизма и, соответственно, социалистических перспектив России.

О феномене большевизма. После июня 1917 г. публикации Спарго были сконцентрированы, прежде всего, на полемике с американскими социалистами и на поддержке проантантовской политики президента Вильсона. Позиция, которую он отстаивал, основывалась главным образом на аргументах уже озвученных им в период конвента социалистической партии. По мнению Спарго, наибольшей угрозой миропорядку по-прежнему оставалось возможное германское доминирование. Следовательно, какие-либо разговоры о мире до разгрома прусского милитаризма преждевременны и опасны. Свои обвинения в адрес бывших однопартийцев он аргументировал еще и тем, что они занимают «фундаментально антиамериканскую позицию». «Сентиментальный пацифизм» Социалистической партии, призывающей к «миру любой ценой», для него означал только одно – «позорную капитуляцию перед тиранией». Тем самым опасность будет грозить как «благородным идеалам демократии и интернационализма», так и традициям «американизма», к защите которых, по мнению Спарго, призывает президент США [23, pp. I–II, 29].

В данном контексте Спарго упоминает и еще одну новую угрозу, которая, по его мнению, может в ближайшее время исходить от идей «фанатика Николая Ленина», получивших распространение не только в России, но и в Америке. Речь идет, прежде всего, об антивоенной позиции Ленина, проповедовавшего, что «рабочий класс не может быть заинтересован в сохранении наций, что война не оправдана даже в защиту национальной свободы и демократических учреждений, и что пролетариат имеет право сражаться только ради социальной рево-

люции». По мнению Спарго, такая точка зрения противоречит «историческому социализму». Делает он и еще один принципиальный вывод: «ленинизм не присущ России» и, следовательно, нужно сделать все возможное, чтобы искоренить его [38, р. 69]. Статья, в которой Спарго впервые обратил внимание на Ленина и его сторонников, была опубликована в журнале Metropolitan Magazine в октябре 1917 г., то есть еще до прихода большевиков к власти.

В 1919–1920 гг. исследовательский фокус Спарго был полностью сосредоточен на феномене большевизма. По этой теме им было опубликовано несколько значительных по своему объему книг и целый ряд статей в различных периодических изданиях. Источниками для работ Спарго выступили доступные в США, как правило, переводные, документальные материалы и выступления советских лидеров, газеты, свидетельства очевидцев революционных событий в России, научные и публицистические труды отдельных специалистов по российской истории. При этом он старался придерживаться научного подхода при отборе источников, игнорируя, по его собственным словам, «поток газетных историй о большевистских “бесчинствах” и “преступлениях”, который полился за последний год». Так, Спарго уже тогда высказал сомнения в полной достоверности так называемых «документов Сиссона», которые были опубликованы Комитетом общественной информации США в октябре 1918 г. [24, р. III]. Тем не менее идейный вектор его суждений о большевизме был очевиден: он никогда не скрывал своего крайне негативного отношения к теоретическим принципам и практическим действиям советского руководства. В одной из своих книг Спарго утверждает: «Я с самого начала рассматривал и осуждал [большевиков] как перевернутую форму царизма». По его словам, большевики не только «постыдно предали» идеи политической и социальной демократии, но и противостояли им «с такой же бессовестностью и такой же грубой несправедливостью, какую когда-либо проявляли Романовы» [24, р. III–IV].

Спарго подробно анализирует исторический контекст, в котором сформировался политический феномен большевизма. В частности, он обращается к революционным традициям России и опыту борьбы с самодержавием в 1905–1907 гг., показывая, что большевики под руководством Ленина уже с самого начала своей деятельности проявляли себя «фанатиками» и «доктринерами», формулировавшими свои программные установки борьбы за социализм, которые зачастую противоречили марксизму и «самым широким социальным интересам» [24, р. 37]. Речь Спарго ведет, например, о большевистских трактовках понятия «диктатура пролетариата».

По его убеждению, применительно к России использовать марксистское понятие «пролетариат» нужно очень осторожно. Это связано с тем, что промышленный пролетариат среди населения страны был малочисленным и будет оставаться в меньшинстве в течение очень долгого периода времени. Следовательно, «диктатура меньшинства» в такой экономически неразвитой и неустроенной стране, как Россия, приведет к абсолютному отказу от «демократической перспективы» [24, pp. 68–70, 237; 39, р. II]. По своей сути революция «по-большевистски» оказалась полной противоположностью традициям революционной борьбы в России. Вместо идеалов политической демократии, к которым стремились русские революционеры от Герцена до Керенского, большевики, распустив демократически избранное Учредительное собрание, утвердили «диктатуру малочисленной партии менее чем в двести тысяч над нацией в сто восемьдесят миллионов». Таким образом, «большевистское правление началось как царство террора» [24, pp. 211, 218].

Спарго ведет речь и еще об одном принципиальном заблуждении большевиков. В годы мировой войны они всегда заявляли о себе как о радикальных интернационалистах. Однако на деле, по словам Спарго, большевики оказались крайними националистами, поскольку «видели и заботились только о том, что считали интересами России», которые олицетворялись только с социалистической революцией [24, р. 94]. Для Ленина не существовало каких-либо различий между авторитарными и демократическими режимами воюющих государств. Исходя из этого, он, «презрительно высмеивавший буржуазную мораль», был, несомненно, готов взять немецкие деньги, если бы увидел, что они помогут ему в достижении его целей [24, pp. 151–152]. Тем самым стратегия большевиков привела их к сближению с самыми реакционными силами мировой политики. Наглядным подтверждением тому стало и подписание Брестского договора. «Сознательно или бессознательно, вольно или невольно, Ленин, Троцкий и другие большевистские лидеры сделали все, чтобы сделать немецких военачальников хозяевами мира» [24, р. 318].

Важно заметить, что Спарго не рассматривал большевиков как исключительно «свокорыстных авантюристов». Он считал, что «они искренне и глубоко убеждены, что цель соци-

альной и экономической свободы и справедливости может быть достигнута их методом легче, чем методом демократического социализма». Для Спарго сущность программы и метода большевизма была связана с «беспощадным применением власти пролетариатом против остального общества в том же порядке, в каком ее обычно применяли буржуазные и военные правители наций против пролетариата» [24, p. 215].

Кроме того, Спарго представил довольно нелицеприятные оценки большевизма с точки зрения общественной атмосферы, которую насаждают новые лидеры России. Большевизм напоминал ему эпидемию невроза, а подавляющее большинство сторонников большевизма «представляет собой поразительное сходство с крайними религиозными фанатиками». Люди, заразившиеся им, становятся невосприимчивыми к логическим аргументам и альтернативной точке зрения в споре, начинают выдавать желаемое за действительное, готовы перевести любое собрание или митинг практически в «религиозную истерию» [39, p. 23].

Таким образом, большевизм для Спарго был своеобразной аномалией социалистической теории и практики борьбы за демократические преобразования. По его оценкам, большевизм являлся наглядным примером радикального популистского движения [24, p. 6]. Общий вывод для него очевиден: большевики разрушают «нормальность» и перспективы социального мира на Западе, провоцируя в том числе и народы Востока к восстанию против него.

В размышлениях Спарго о ситуации в России помимо идеологического неприятия большевизма были представлены и некоторые любопытные реалистические оценки. В частности, он высказывал свои опасения относительно возможного разрушения традиционной экономической модели миропорядка и подрыва, в связи с этим, национальных интересов США. Спарго считал, что одним из последствий российской революции мог стать распад (или, как он говорил, «балканизация») единого пространства России и возможный разрыв ее экономических связей с Западом. В этой связи, по его мнению, нельзя допускать официального признания независимости отдельных национальных образований бывшей империи. Он был уверен, что «русский рынок» имеет по сути «социальное значение» для американской промышленности. Любое его сокращение и тем более закрытие, пишет Спарго, приведет к самым негативным последствиям для американских рабочих. С другой стороны, поставки машин и промышленной продукции из Америки для России расцениваются им как необходимое условие для развития ее экономического потенциала и даже сохранения ее в числе «цивилизованных стран». Словом, положение в России Спарго оценивал как своеобразный «вызов для Америки» [30, pp. 2–7].

Политика непризнания. Суждения Спарго о ситуации в революционной России позволили ему высказать ряд принципиальных экспертных заключений о приоритетах американской политики по отношению к большевистскому режиму. С одной стороны, он был уверен, что ни в коем случае нельзя ориентироваться на политическое признание советской власти. Но, с другой стороны, для успешной борьбы с большевизмом и другими родственными ему формами социального движения «необходимо с самого начала отказаться от всякой мысли опереться на карательные меры» [39, p. 138]. Спарго писал: «Большевизм нельзя запереть в тюремных стенах. Его нельзя сжигать на костре. Его нельзя задушить на виселице. Его нельзя изгнать. Его нельзя бить дубинками. Никакое репрессивное законодательство не может изгнать его из умов и сердец людей» [39, p. 139]. По его мнению, большевизм можно преодолеть лишь демократическими мерами, а главное – повсеместным распространением социального законодательства. Данный тезис на долгие годы лег в основу американской внешнеполитической риторики во многих документах по «русскому вопросу». Со времен Вильсона традицией стало еще и противопоставление интересов советского руководства и «народов России», искренне стремящихся к демократическим идеалам.

Таким образом, негативное восприятие теории и практики большевизма у Спарго соседствует с верой в целесообразность борьбы за единую и демократическую Россию, которая смогла бы в перспективе стать частью западного сообщества.

Работы Спарго о большевизме вызвали определенный общественный резонанс в США и одновременно довольно серьезные критические замечания со стороны лево-ориентированных кругов [11]. В этих условиях он попытался привлечь к этой проблематике внимание американского политического руководства. За 1919–1920 гг. Спарго подготовил по данной теме несколько меморандумов, которые были направлены в государственный департамент и лично президенту Вильсону. В итоге его пригласил на беседу Бейнбридж Колби, исполнявший в то время обязанности главы внешнеполитического ведомства. Госсекретарь предложил

Спарго сформулировать конкретные предложения по русской политике США. Эти предложения были направлены Спарго в государственный департамент 31 июля 1920 г. Именно они, как показывают документы, и были положены в основу известной ноты Колби (10 августа 1920 г.), которая стала официальным документом, закрепившим курс на непризнание Советской России [17, pp. 552–558]. Конечно, при подготовке данного документа были задействованы и другие эксперты [5, с. 23–24]. Тем не менее позиция именно Спарго прослеживается в ноте совершенно очевидно.

Укажем на три принципиальных тезиса ноты Колби, которые были обозначены в предложениях Спарго. Во-первых, в этом документе совершенно однозначно была высказана неприязнь политической позиции большевиков, открыто содействовавших «проведению большевистских революций по всему миру». Во-вторых, было однозначно зафиксировано стремление США к сохранению территориальной целостности России. В-третьих, американское руководство заявило о своем убеждении, что Россия преодолет большевистский этап своей истории, который связан с сохранением «анархии, страданий и лишений». Именно это, как отмечалось в документе, позволит «возрожденной, свободной и единой России вновь занять соответствующее ей положение в мире, объединившись с другими свободными народами в деле поддержания мира и справедливости» [15, p. 463–468].

Позиция Спарго относительно американской политики по русскому вопросу была еще раз озвучена им на официальном уровне во время слушаний в сенатском комитете по иностранным делам в январе 1921 г. Тогда обсуждался проект резолюции сенатора Джозефа Франса, который предлагал рекомендовать правительству США восстановить торгово-экономические отношения с Советской Россией [18]. Спарго подготовил для слушаний специальный меморандум. Позднее этот документ был издан даже отдельной брошюрой. Его точка зрения по поводу возможных контактов с большевиками никоим образом не изменилась, она по-прежнему отличалась крайне негативным подходом к идеологии и практике советской власти. Не отрицая в перспективе целесообразность сохранения России в едином мировом экономическом пространстве, Спарго подчеркивает, что в современных условиях любые контакты с большевиками представляют прямую угрозу для Соединенных Штатов. Он указывает, например, на абсолютную приверженность советского руководства к идее мировой антикапиталистической революции. Следовательно, у американского капитала, желающего инвестировать в Россию, не может быть какой-либо уверенности в собственной безопасности, поскольку «большевизм по самой своей природе отрицает эту безопасность». Спарго подчеркивает: «Уничтожить капитал и получить прибыль от капитала – смысл существования [raison d'être] большевизма». Его вывод для сенатского комитета был очевиден. Он не видит никаких оснований менять американскую позицию относительно отказа от признания большевиков и не считает возможным допускать какого-либо официального одобрения торговых отношений с ними [22, pp. 19, 28].

Выводы. В дальнейшем Спарго продолжают рассматривать в качестве авторитетного эксперта по «русскому вопросу». Правда, это направление американской политики в период «нормальности» перестало быть особо актуальным и поэтому в его услугах государственный департамент не особо нуждался. Спарго вступил в ряды республиканской партии, и в 1920–1930-е гг. консультировал по ряду проблем президентов К. Кулиджа и Г. Гувера. Его кандидатура рассматривалась Гувером даже в качестве возможного министра труда в своей администрации. Естественно, что Спарго крайне негативно оценил приход к власти демократов во главе с Ф. Д. Рузвельтом. Политику демократов и, прежде всего, мероприятия «Нового курса» он рассматривал как «уродливый, чуждый дух безответственной диктатуры», призывая к непрерывной борьбе с действиями администрации [9, p. 13]. Тем более он не мог принять курс Ф. Д. Рузвельта на восстановление дипломатических и экономических отношений с СССР. Правда, уже тогда Спарго стал терять интерес к политике. Он переехал в штат Вермонт, где возглавил исторический музей. В этом качестве увлекся изучением керамики и подготовил по результатам своих исследований несколько научных публикаций [14]. По вопросам внутренней политики Спарго придерживался откровенно правых взглядов. В частности, он поддерживал расследования по антиамериканской деятельности, осуществляемые комиссиями Мартина Дайса или Джозефа Маккарти. На президентских выборах 1964 г. Спарго выступил в поддержку Барри Голдуотера. Все это демонстрирует только одно: антикоммунизм оставался для Спарго определяющей идеологией, от которой он никогда не отказался. Все это позволило современному английскому исследователю Р. Сеймуру совершенно справедливо, на наш

взгляд, связать личность Спарго и его взгляды с первыми проявлениями американского неоконсерватизма [20, p. 272; 21, p. 163].

Таким образом, политические взгляды Джона Спарго за довольно долгий период его активной общественной деятельности претерпели серьезную трансформацию. Бесспорно, этому способствовали не только его личностные качества, но и та политическая реальность, в которой ему пришлось жить. Он начал с популярного в конце XIX – начале XX в. обращения к социалистическим идеям. Приобщившись к ним еще на своей родине, в Великобритании, он быстро сумел стать одним из видных теоретиков Социалистической партии Америки. Его трактовки социализма в тот период в полной мере соответствовали социал-демократической или западной марксистской традиции. Под влиянием мировой войны и вызванных ею революционных общественно-политических и интеллектуальных трансформаций, Спарго стал довольно быстро править и отходить от прошлых социалистических идеалов. Тем не менее именно социал-демократический задел стал теоретическим базисом для его резкой критики феномена большевизма. Он проявил себя, прежде всего, как «идейный» противник советского эксперимента. Спарго фактически сформулировал ключевые положения для концептуального оформления политики непризнания Советской России [5], отбрасывая какие-либо прагматические соображения или право русского народа самостоятельно выбирать парадигму своего развития. Такой «идеологический» антикоммунистический подход не давал никакого шанса для диалога США и других стран Запада с большевиками, которых Спарго объявил «врагами политической и индустриальной демократии». Тем самым он стал одним из тех американских общественно-политических деятелей, кто обозначил целесообразность «отмены» стран и народов, не вписывающихся в стандарты западного либерализма. Именно по такой логике шли и идут современные сторонники не только «гиперлиберализма», но и неоконсерватизма.

Список литературы

1. Воробьев И. А. Русские революционные эмигранты и английские социалисты в 1880–1890-х гг.: опыт диалога // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград : Изд-во Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2011. С. 24–33.
2. Ленин В. И. Гайндман о Марксе // Полное собрание сочинений. Т. 20. М. : Политиздат, 1973. С. 389–395.
3. Манухин А. А. Влияние американских либералов и правых социалистов на политику США в России: на примере Артура Булларда и Джона Спарго (1917–1920 гг.) // Клио. 2017. № 7 (127). С. 120–128.
4. Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба // Избранные философские произведения : в 5 т. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1956. С. 51–114.
5. Романов В. В. К вопросу о концептуализации американской политики непризнания Советской России // Чичеринские чтения. СССР на мировой арене: самоидентификация и восприятие : мат-лы Международной научной конференции, 24–26 ноября 2022 г. / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.]; отв. ред. В. В. Романов. Тамбов : Державинский, 2023. С. 13–33.
6. Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова : в 3-х т. Т. II. Г. В. Плеханов и международное рабочее движение. М. : Наука, 1973. 462 с.
7. Якутин Ю. В. Напряженный поиск верного взгляда на исторический процесс Г. В. Плеханова // Георгий Валентинович Плеханов, выдающийся русский мыслитель, и современность (к 160-летию со дня рождения Г. В. Плеханова). М. ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 91–104.
8. Bevir M. The Making of British Socialism. Princeton : Princeton University Press, 2011. 368 p.
9. Continuous Fight on New Deal Urged. Spargo, Ex-Socialist, Tells the Women's Economic Group Not to Allow Any Truce // New York Times. December 10, 1936. P. 13.
10. Flaherty S. H. M. Hyndman, E. B. Bax, and the Reception of Karl Marx's Thought in Late-Nineteenth Century Britain, 1881–1893. PhD dissertation. London : Queen Mary University, 2017. 303 p.
11. Hard W. Anti-Bolsheviks: Mr. Spargo // The New Republic. July 9, 1919. Pp. 306–310.
12. Hyndman H. M. England for All. L. : Gilbert & Rivington, 1881. 214 p.
13. Kendall W. Russian Emigration and British Marxist Socialism // International Review of Social History. 1963. Vol. 8. № 3. Pp. 351–378.
14. Marro A. John Spargo 1876–1966. The Socialist Founder of the Bennington Museum: Activist, Muckraker, and 'A Man of Many Feuds'. URL: <https://benningtonmuseum.org/library/walloomsack/volume-15/john-spargo-socialist-founder-of-the-bennington-museum.pdf> (дата обращения: 14.11.2022).
15. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1920. Vol. III. Washington : GPO, 1936. 848 p.
16. Proceedings. Emergency National Convention of Socialist Party of America. St. Louis, 1917. 34 p.
17. Radosh R. John Spargo and Wilson's Russian Policy, 1920 // Journal of American History. Dec. 1965. Vol. 52. № 3. Pp. 548–565.

18. Relations with Russia: Hearing before the Committee on Foreign Relations of the United States Senate. Sixty-Sixth Congress, Third Session on S. J. Res. 164, Providing for the Reestablishment of Trade Relations with Russia. Washington : GPO, 1921. 116 p.
19. *Ruotsila M.* John Spargo and American Socialism. New York : Palgrave Macmillan, 2006. 336 p.
20. *Seymour R.* John Spargo and American Socialism // Historical Materialism. 2009. Vol. 17. № 2. Pp. 272–285.
21. *Seymour R.* The Cold War, American Anticommunism and the Global 'Colour Line' // Race and Racism in International Relations: Confronting the Global Colour Line / ed. by A. Anievas, N. Manchanda and R. Shilliam. New York : Routledge, 2015. Pp. 157–174.
22. *Spargo J.* A Memorandum on Trade with Soviet Russia: Submitted to the Committee on Foreign Relations of the United States Senate. New York : Russian Information Bureau, 1921. 33 p.
23. *Spargo J.* Americanism and Social Democracy. New York : Harper, 1918. 340 p.
24. *Spargo J.* Bolshevism: The Enemy of Political and Industrial Democracy. New York : Harper, 1919. 389 p.
25. *Spargo J.* Christian Socialism in America // American Journal of Sociology. July, 1909. Vol. 15. № 1. Pp. 16–20.
26. *Spargo J.* Forces That Make for Socialism in America. Chicago : Charles H. Kerr, 1905. 32 p.
27. *Spargo J.* Francis Place: A Pioneer of Trade-Unionism // The Comrade. Oct., 1901. Vol. 1. № 1. Pp. 9–10.
28. *Spargo J.* Karl Marx: His Life and Work. New York : B. W. Huebsch, 1912. 429 p.
29. *Spargo J.* Our Aims in the War: An Address Delivered by John Spargo at Minneapolis, Minn., September 5, 1917 under the Auspices of the American Alliance for Labor and Democracy. New York : American Alliance for Labor and Democracy, 1917. 12 p.
30. *Spargo J.* Russia as an American Problem. N. Y.; L. : Harper & Brothers Publ., 1920. 444 p.
31. *Spargo J.* Second Minority Report of the Committee on War and Militarism: St. Louis, April 11, 1917 // Milwaukee Leader. April 12, 1917. Vol. 6. № 107. P. 9.
32. *Spargo J.* Socialism and Internationalism // Atlantic Monthly. September 1917. Pp. 300–312.
33. *Spargo J.* Socialism: A Summary and Interpretation of Socialist Principles. New York : Macmillan, 1906. 220 p.
34. *Spargo J.* Socialist Readings for Children. New York : The Woman's National Progressive League, 1909. 132 p.
35. *Spargo J.* The Bitter Cry of the Children. New York : Macmillan, 1906. 337 p.
36. *Spargo J.* The Common Sense of Socialism: A Series of Letters Addressed to Jonathan Edwards, of Pittsburg. Chicago : Charles H. Kerr, 1908. 184 p.
37. *Spargo J.* The Common Sense of the Milk Question. New York : Macmillan, 1908. 351 p.
38. *Spargo J.* The German Domination of American Socialism // Metropolitan Magazine. October, 1917. Vol. XLVI. № 5. Pp. 68–70.
39. *Spargo J.* The Psychology of Bolshevism. New York : Harper and Brothers, 1919. 150 p.
40. *Spargo J.* The Struggle between Socialism and Anarchism // The Comrade. Nov., 1901. Vol. 1. № 2. P. 42.
41. *Spargo J.* Underfed School Children: The Problem and the Remedy. Chicago : Charles H. Kerr, 1906. 29 p.
42. Spargo on Marxian Socialism: A Review of John Spargo's Social Democracy Explained by James Oneal // The Call Magazine. [New York] : May 19, 1918. P. 14.
43. Spargo Resigns: Letter to Adolph Germer in Chicago from John Spargo, [c. June 7, 1917] // Milwaukee Leader. June 9, 1917. Vol. 6. № 157. P. 6.

John Spargo: From Socialism to Anti-Communism

Romanov Vladimir Viktorovich

Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Political Science,
Sociology and International Processes, Tambov State University n. a. G. R. Derzhavin.
Russia, Tambov. ORCID: 0000-0002-9199-6573. E-mail: vromanov@mail.ru

Abstract. The article examines the evolution of the political views of John Spargo, who became widely known as a publicist and an active figure of the Socialist Party of America in the early twentieth century. His understanding of socialism for a long time corresponded to the Western Marxist tradition. The author shows how the entry of the United States into World War I led to Spargo's break with the American socialist movement and the distortion of his political views. This was most clearly manifested in the extremely negative assessments that Spargo gave to the theory and practice of Bolshevism. He devoted several special books and articles to this topic. The author of the article analyzes, for example, the assessments that Spargo gave to the Bolshevik course to establish the "dictatorship of the proletariat." For Russia, where the industrial proletariat was a minority of the population, such a policy would result in a complete rejection of taking into account the interests of other strata of society. The new leaders of Russia, according to Spargo, have also formed a special social atmosphere in the country, similar to "religious fanaticism." Considering only their own interests, the Bolsheviks con-

cluded the Brest Peace, became close to the most reactionary forces of world politics. Based on these assessments, Spargo formulated the main ideological grounds for the non-recognition of Soviet Russia in the 1920s. In fact, all his arguments were based on social-democratic and liberal arguments. No realistic considerations were actually taken into account by him. The author of the article concludes that it was Spargo who became one of those American public and political figures who outlined the expediency of "abolishing" countries and peoples that do not fit into the standards of Western liberalism. This is the logic that modern supporters of "hyperliberalism" and neoconservatism follow.

Keywords: John Spargo, socialism, USA, policy of non-recognition, Soviet Russia, Bolshevism.

References

1. Vorob'ev I. A. *Russkie revolyucionnyye emigranty i anglijskie socialisty v 1880–1890-h gg.: opyt dialoga* [Russian revolutionary emigrants and English socialists in the 1880s–1890s: the experience of dialogue] // *Retrospektiva: Vsemirnaya istoriya glazami molodyh issledovatelej* – Retrospective: World history through the eyes of young researchers. Kaliningrad. Publishing House of the Immanuel Kant Baltic Federal University. 2011. Pp. 24–33.
2. Lenin V. I. *Gajndman o Markse* [Hyndman on Marx] // *Polnoe sobranie sochinenij* – Complete Works. Vol. 20. M. Politizdat. 1973. Pp. 389–395.
3. Manuhin A. A. *Vliyanie amerikanskih liberalov i pravyyh socialistov na politiku SShA v Rossii: na primere Artura Bullarda i Dzhona Spargo (1917–1920 gg.)* [The influence of American liberals and right-wing socialists on U.S. policy in Russia: on the example of Arthur Bullard and John Spargo (1917–1920)] // *Klio – Clío*. 2017. No. 7 (127). Pp. 120–128.
4. Plekhanov G. V. *Socializm i politicheskaya bor'ba* [Socialism and political struggle] // *zbrannyye filosofskie proizvedeniya : v 5 t. T. 1* – Selected philosophical works : in 5 vols. Vol. 1. M. Gospolitizdat. 1956. Pp. 51–114.
5. Romanov V. V. *K voprosu o konceptualizacii amerikanskoj politiki nepriznaniya Sovetskoj Rossii* [On the issue of conceptualization of the American policy of non-recognition of Soviet Russia] // *Chicherinskie chteniya. SSSR na mirovoj arene: samoidentifikaciya i vospriyatie : mat-ly Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 24–26 noyabrya 2022 g.* – Chicherin Readings. The USSR on the world stage: Self-identification and perception : materials of the International Scientific Conference, November 24–26, 2022 / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [et al.]; ed. by V. V. Romanov. Tambov. Derzhavinsky. 2023. Pp. 13–33.
6. *Filosofsko-literaturnoe nasledie G. V. Plekhanova : v 3-h t. T. II. G. V. Plekhanov i mezhdunarodnoe rabochee dvizhenie* – The philosophical and literary heritage of G. V. Plekhanov : in 3 vols. Vol. II. G. V. Plekhanov and the international labor movement. M. Nauka (Science). 1973. 462 p.
7. Yakutin Yu. V. *Napryazhennyj poisk vernogo vzglyada na istoricheskij process G. V. Plekhanova* [Intense search for the right view of the historical process of G. V. Plekhanov] // *Georgij Valentinovich Plekhanov, vydayushchij russkij myslitel', i sovremennost' (k 160-letiyu so dnya rozhdeniya G. V. Plekhanova)* – Georgy Valentinovich Plekhanov, an outstanding Russian thinker, and modernity (to the 160th anniversary of the birth of G. V. Plekhanov). M. ; Tambov. Publishing House of TSU n. a. G. R. Derzhavin. 2017. Pp. 91–104.
8. Bevir M. *The Making of British Socialism*. Princeton : Princeton University Press, 2011. 368 p.
9. Continuous Fight on New Deal Urged. Spargo, Ex-Socialist, Tells the Women's Economic Group Not to Allow Any Truce // *New York Times*. December 10, 1936. P. 13.
10. Flaherty S. H. M. *Hyndman, E. B. Bax, and the Reception of Karl Marx's Thought in Late-Nineteenth Century Britain, 1881–1893*. PhD dissertation. London : Queen Mary University, 2017. 303 p.
11. Hard W. *Anti-Bolsheviks: Mr. Spargo* // *The New Republic*. July 9, 1919. Pp. 306–310.
12. Hyndman H. M. *England for All*. L. : Gilbert & Rivington, 1881. 214 p.
13. Kendall W. *Russian Emigration and British Marxist Socialism* // *International Review of Social History*. 1963. Vol. 8. No. 3. Pp. 351–378.
14. Marro A. *John Spargo 1876–1966. The Socialist Founder of the Bennington Museum: Activist, Muckraker, and 'A Man of Many Feuds'*. Available at: <https://benningtonmuseum.org/library/walloomsack/volume-15/john-spargo-socialist-founder-of-the-bennington-museum.pdf> (date accessed: 14.11.2022).
15. *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1920*. Vol. III. Washington : GPO, 1936. 848 p.
16. *Proceedings. Emergency National Convention of Socialist Party of America*. St. Louis, 1917. 34 p.
17. Radosh R. *John Spargo and Wilson's Russian Policy, 1920* // *Journal of American History*. Dec. 1965. Vol. 52. No. 3. Pp. 548–565.
18. *Relations with Russia: Hearing before the Committee on Foreign Relations of the United States Senate. Sixty-Sixth Congress, Third Session on S. J. Res. 164, Providing for the Reestablishment of Trade Relations with Russia*. Washington : GPO, 1921. 116 p.
19. Ruotsila M. *John Spargo and American Socialism*. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2006. 336 p.
20. Seymour R. *John Spargo and American Socialism* // *Historical Materialism*. 2009. Vol. 17. No. 2. Pp. 272–285.
21. Seymour R. *The Cold War, American Anticommunism and the Global "Colour Line"* // *Race and Racism in International Relations: Confronting the Global Colour Line* / ed. by A. Anievas, N. Manchanda and R. Shilliam. N. Y. : Routledge, 2015. Pp. 157–174.

22. *Spargo J.* A Memorandum on Trade with Soviet Russia: Submitted to the Committee on Foreign Relations of the United States Senate. N. Y. : Russian Information Bureau, 1921. 33 p.
23. *Spargo J.* Americanism and Social Democracy. N. Y. : Harper, 1918. 340 p.
24. *Spargo J.* Bolshevism: The Enemy of Political and Industrial Democracy. N. Y. : Harper, 1919. 389 p.
25. *Spargo J.* Christian Socialism in America // American Journal of Sociology. July, 1909. Vol. 15. No. 1. Pp. 16–20.
26. *Spargo J.* Forces That Make for Socialism in America. Chicago : Charles H. Kerr, 1905. 32 p.
27. *Spargo J.* Francis Place: A Pioneer of Trade-Unionism // The Comrade. Oct., 1901. Vol. 1. No. 1. Pp. 9–10.
28. *Spargo J.* Karl Marx: His Life and Work. N. Y. : B. W. Huebsch, 1912. 429 p.
29. *Spargo J.* Our Aims in the War: An Address Delivered by John Spargo at Minneapolis, Minn., September 5, 1917 under the Auspices of the American Alliance for Labor and Democracy. N. Y. : American Alliance for Labor and Democracy, 1917. 12 p.
30. *Spargo J.* Russia as an American Problem. N. Y.; L. : Harper & Brothers Publ., 1920. 444 p.
31. *Spargo J.* Second Minority Report of the Committee on War and Militarism: St. Louis, April 11, 1917 // Milwaukee Leader. April 12, 1917. Vol. 6. No. 107. P. 9.
32. *Spargo J.* Socialism and Internationalism // Atlantic Monthly. September 1917. Pp. 300–312.
33. *Spargo J.* Socialism: A Summary and Interpretation of Socialist Principles. N. Y. : Macmillan, 1906. 220 p.
34. *Spargo J.* Socialist Readings for Children. N. Y. : The Woman's National Progressive League, 1909. 132 p.
35. *Spargo J.* The Bitter Cry of the Children. N. Y. : Macmillan, 1906. 337 p.
36. *Spargo J.* The Common Sense of Socialism: A Series of Letters Addressed to Jonathan Edwards, of Pittsburg. Chicago : Charles H. Kerr, 1908. 184 p.
37. *Spargo J.* The Common Sense of the Milk Question. N. Y. : Macmillan, 1908. 351 p.
38. *Spargo J.* The German Domination of American Socialism // Metropolitan Magazine. October, 1917. Vol. XLVI. No. 5. Pp. 68–70.
39. *Spargo J.* The Psychology of Bolshevism. N. Y. : Harper and Brothers, 1919. 150 p.
40. *Spargo J.* The Struggle between Socialism and Anarchism // The Comrade. Nov., 1901. Vol. 1. No. 2. P. 42.
41. *Spargo J.* Underfed School Children: The Problem and the Remedy. Chicago : Charles H. Kerr, 1906. 29 p.
42. Spargo on Marxian Socialism: A Review of John Spargo's Social Democracy Explained by James Oneal // The Call Magazine. [N. Y.] : May 19, 1918. P. 14.
43. Spargo Resigns: Letter to Adolph Germer in Chicago from John Spargo, [c. June 7, 1917] // Milwaukee Leader. June 9, 1917. Vol. 6. No. 157. P. 6.

УДК 950(569.4)+378.4(569.4)

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.039

Исторический опыт создания университетов в Палестине: политические и социокультурные аспекты

Пеньков Владимир Федорович

доктор политических наук, профессор кафедры «Теории и истории государства и права»,
Тамбовский государственный технический университет. Россия, г. Тамбов. E-mail: pvf68@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема создания национальных университетов на палестинских землях. Автор прослеживает полицивилизационные традиции, которые стали основой формирования высшего образования в Палестине. К ним отнесены традиции арабского образования и западное влияние, оказавшие воздействие на палестинские учебные заведения в период Османской империи. В годы британского контроля над Палестиной, как показано в статье, политика администрации была направлена на поддержку отдельных учебных заведений для разных диаспор, что привело к усилению национального размежевания на палестинских землях. После окончания Второй мировой войны формирование собственной национальной модели высших учебных заведений затормозилось в связи с израильской оккупацией значительной части территории Палестины. Даже после открытия в 1970-е гг. первых палестинских университетов они находились под жестким контролем израильской администрации. Важной особенностью этих университетов был их общественный статус, поскольку все они формировались различными местными сообществами и нельзя было говорить о том, что какая-то одна политическая группировка или идеологическая концепция господствовала во всей системе высшего образования. Тем не менее, по мнению автора, высшие учебные заведения Палестины стали важными институтами, которые обеспечивали национальное единство в борьбе за независимость от различных внешних сил и за обретение собственной государственности. В статье обоснован вывод о том, что палестинские университеты сыграли важную роль не только как центры политической социализации, но и как институты, работавшие во имя сохранения национальной идентичности.

Ключевые слова: Палестина, арабское высшее образование, национальные университеты, общественный университет, национальная идентичность.

Введение. Исторически университеты, как социальные институты, с самого момента их создания традиционно играли значительную роль в жизни любого государства и общества. Оценка различных трактовок миссии (или «идеи») университета – чрезвычайно фундаментальная проблема, которой посвящено огромное количество междисциплинарной по своему характеру научной литературы. К ключевым функциям университета специалисты, как правило, относят подготовку квалифицированных кадров для государства; осуществление исследовательской деятельности по актуальным научным направлениям; создание условий для социального лифта с помощью формирования «интеллектуальной» среды, позволяющей формировать и обновлять так называемую «образованную» национальную элиту; накопление, сохранение и трансляцию в общество национальных ценностей; вклад университета в социально-экономическое развитие территории присутствия; презентацию внешнему миру национальных достижений благодаря открытости высшего образования [4; 34]. В современных условиях дискуссии о миссии и моделях университетов приводят ученых к размышлениям о необходимости расширенного понимания не только их функций, но еще и субъектности самого университета как корпорации, вовлеченной в том числе и в политический процесс. Очевидно, что университет можно и нужно рассматривать как часть политической системы того или иного государства [14; 15; 24].

В этой связи вызывает интерес национальный опыт деятельности университетов в контексте их отношений с внешним социо-политическим окружением. В качестве предмета исследования в данной статье выбран «палестинский случай». Такой выбор обусловлен тем, что в современной Палестине, не имеющей государственности в полном объеме, университеты представляют собой особый феномен. По сути, они долгое время выполняли функцию одного из основных инструментов политической и национальной интеграции. В каких условиях формировалась высшая школа Палестины? Насколько исторический опыт развития палестинских университетов отражает общемировые тенденции и национальные запросы? Помо-

гают ли палестинцам их понимание «миссии университета» преодолевать вызовы современности? Постановка исследовательской проблемы, на наш взгляд, коррелирует с представленной в историографии интересной точкой зрения, которая изложена в публикации палестинского исследователя Халида Шибиба. Он рассматривает историю высшего образования на палестинских землях в контексте борьбы между двумя нарративами – политическим сионизмом и палестинизмом, оценивая их в качестве идейного основания продолжающегося конфликта в регионе. По его словам, «политический сионизм интерпретирует религиозную и культурную принадлежность евреев мира к Палестине как политическую данность». Палестинизм, напротив, опирается на убеждения в принадлежности народа Палестины к своей стране с древнейших времен. Оба концепта, утверждает Шибиб, самым непосредственным образом связаны с высшим образованием. Если политический сионизм в Палестине был в значительной степени продуктом образования, то палестинизм был «не продуктом системы образования или высшего образования в Палестине, а его создателем» [36, pp. 22–23].

Колониальный опыт. Говоря о палестинском высшем образовании, следует, конечно, учитывать, что оно формировалось в контексте общемировых тенденций. Главная из них – своеобразная «национализация» университетов, игравшая заметную роль уже в период создания первых университетов в Европе. Очевидно, именно национальные государства, поддержавшие их появление, рассматривали высшее образование (и прежде всего университеты) в качестве механизма, обеспечивающего собственное политическое и социально-экономическое развитие, и важнейшего социального института, ответственного за сохранение национальных ценностей, которые базируются на знании по национальной истории и культуре [1, с. 109–111; 31, pp. 104–105].

Для Палестины, как части арабского и мусульманского мира, логика тесной взаимосвязи образования с интересами государства была вполне естественной. Более того, в силу исторических и политических особенностей развития Палестинской государственности данный подход оказался принципиально важным даже для наших дней. Неслучайно, что среди политических приоритетов развития на 2021–2023 гг. правительство Палестины наряду с обретением полного суверенитета выделяет необходимость «сохранения национальной идентичности и культурного наследия на основе палестинского нарратива» [37].

Оценивая историю образования на землях Палестины, следует учитывать своеобразный полицивилизационный контекст его развития, поскольку на этих землях издревле сосуществовали великие культуры иудеев, мусульман и христиан. Каждая из них, бесспорно, отражалась в образовательном опыте. Тем не менее ключевые образовательные тренды средневекового Ближнего Востока были связаны с традициями арабского мира и ислама. Под этим влиянием на всех ступенях образования были прочно закреплены прежде всего религиозные дисциплины (толкование Корана, интерпретация устных преданий о жизни Мухаммеда, мусульманское право). Однако уже тогда свое место в образовательном пространстве получили арабская филология, риторика, логика, математика, астрономия, медицина. Преподавались и философские концепции, идущие в основном от Аристотеля, главные сочинения которого были переведены и прокомментированы философами арабского Востока в IX–XII вв. В целом это был довольно широкий и прогрессивный для того времени образовательный контент [39–41]. Указанные исторические особенности развития образования на палестинских землях не утратили своего значения и в наши дни.

В новейшее время в палестинское образование стали активно проникать европейские традиции. Они поддерживались усилившимся на рубеже XIX–XX вв. процессом вестернизации, затронувшим в том числе и Османскую империю, частью которой были тогда палестинские земли. После окончания Первой мировой войны Ближний Восток перешел под политический контроль европейских держав, это еще сильнее укрепило указанный процесс. В соответствии с мандатом Лиги Наций, принятом 24 июля 1922 г., управление Палестиной было передано Великобритании. 15 статья этого мандата частично касалась проблем образования, закрепив «право каждой общины содержать свои собственные школы для обучения своих членов на своем родном языке при соблюдении таких общих требований к образованию, которые может установить Администрация» [32]. На деле данное положение было направлено главным образом на реализацию известной декларации лорда Бальфура (1917 г.), в которой от имени Великобритании была поддержана идея иммиграции евреев в Палестину и создание там «национального очага для еврейского народа». Эта небольшая по объему декларация была интегрирована во все послевоенные международно-правовые акты по урегулированию ситу-

ации на Ближнем Востоке и в дальнейшем стала предметом огромного количества исследований и даже судебных разбирательств со стороны палестинцев [16].

С точки зрения развития модели образования в межвоенный период в Палестине Великобританией применялся, по сути, колониальный подход. Политика администрации была направлена на поддержку отдельных учебных заведений для разных диаспор. Высшее образование для арабской молодежи на подмандатной территории было представлено лишь несколькими небольшими колледжами в Иерусалиме, которые готовили кадры для колониальной администрации и преподавательской деятельности [19, pp. 1039–1040]. При поддержке еврейской диаспоры в 1920-е гг. на палестинских землях были открыты два высших учебных заведения, которые ныне считаются старейшими университетами Израиля: технологический институт в Хайфе («Технион») и Еврейский университет в Иерусалиме. Национальный характер этим университетам придавал даже такой вопрос, как язык обучения. После довольно длительных дискуссий официальным языком в этих университетах стал иврит [30]. Важно заметить, что в период подмандатного статуса палестинских земель британская администрация игнорировала неоднократные просьбы о создании арабского университета в Иерусалиме. Так, в 1937 г. в отчете Палестинской королевской комиссии (комиссия Пиля) выражалось опасение о том, что арабское образование будет неизбежно способствовать росту арабского национализма и палестинского патриотизма, что создаст серьезную и «одну из самых непреодолимых трудностей» для политической ситуации в регионе. В соответствии с рекомендациями комиссии вместо этого предлагалось создать «Британский университет» для всех англоговорящих студентов, открытый также для студентов из-за пределов Палестины [35, p. 134, 344]. Можно говорить о том, что в годы существования подмандатной Палестины произошло очевидное национальное размежевание образовательных учреждений, функционировавших на этой территории, что стало одним из факторов дальнейших дезинтеграционных политических процессов в регионе.

Таким образом, долгое время образование на палестинской земле находилось под контролем сменявших друг друга внешних и, по сути, колониальных администраций: от Османской империи до Великобритании. Все это стало важнейшим политическим фактором, усилившим кризис идентичности арабского населения, проживавшего на данной территории [10].

Первые национальные университеты. Первое окно возможностей для формирования собственной национальной модели учебных заведений всех уровней открылось лишь после окончания Второй мировой войны. 29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюцию о плане раздела Палестины на арабское и еврейское государства с предоставлением особого статуса району Иерусалима. С точки зрения формирования нового образовательного пространства в резолюции подчеркивается не только право каждой общины содержать свои собственные учебные заведения, «в которых члены этих общин могут получать образование на своем собственном языке», но и необходимость обеспечения образовательных прав для арабского и еврейского меньшинства в каждом из создаваемых государств в соответствии с «их культурными традициями» [12].

Однако попытки реализации плана ООН привели, как известно, к резкому нарастанию противоречий в регионе и вылились в открытый военный конфликт между еврейским населением и арабами. В созданном тогда Израиле этот конфликт получил название «Война за независимость», а в арабских странах и среди палестинцев – «Накба» (катастрофа). Конечно, последовавшая с конца 1940-х гг. череда арабо-израильских войн не позволила на палестинских землях заниматься системной работой по созданию собственной системы высшего образования. Да и самих земель, которые контролировались палестинцами, вследствие израильской оккупации становилось с каждым этапом конфликта все меньше и меньше. Сокращалось и число арабов, проживавших в границах Палестины, определенных резолюцией ООН. Арабо-израильский конфликт привел к появлению огромного количества беженцев. К настоящему времени, по оценкам ООН, палестинскими беженцами могут считаться около 4,7 млн человек. В научной литературе проблема перемещенных лиц нашла самое противоречивое отражение [17]. Тем не менее «фактор беженцев» на долгие годы определил важную особенность высшего образования палестинской молодежи: значительная ее часть вынуждена использовать для его получения зарубежные университеты. Учитывая политическую ситуацию, многие государственные арабские университеты предлагали для палестинцев бесплатное обучение [18, p. 81].

Отсутствие собственной государственности, израильская оккупация значительной части территории Палестины после окончания шестидневной войны, массовое переселение пале-

стинцев в зарубежные страны привело к тому, что палестинские лидеры стали осознавать опасность размывания национальной идентичности. Это обстоятельство, конечно, нашло отражение в актуальной для того времени политической повестке. Так, в Палестинской национальной хартии 1968 г. были выдвинуты три ключевых лозунга: «национальное единство, национальная мобилизация и освобождение». Особо была выделена необходимость сохранения «палестинской идентичности», развития национального самосознания и борьбы «против любых планов, которые могут способствовать ее растворению или ослаблению». В связи с этим были обозначены и задачи образования, которое «должно быть использовано для того, чтобы знакомить [каждого] палестинца со своей страной в духовном и материальном плане настолько основательно, насколько это возможно» [38]. С принятием Палестинской национальной хартии 1968 г. многие специалисты напрямую связывают начало нового этапа в борьбе за своеобразное «переконструирование» национальной идентичности [25, pp. 116–117].

Свою роль в этом процессе должны были сыграть «собственные» высшие учебные заведения. Начало этому процессу было положено еще в 1950-е гг., когда на палестинских землях было открыто несколько колледжей с двухлетним периодом обучения. Как правило, они специализировались на педагогическом или техническом образовании. В 1970-е гг. начинают создаваться и первые палестинские университеты, которые географически располагались на западном берегу реки Иордан или в Секторе Газа. Их появление было связано с новыми политическими реалиями. Израильские власти, которые после шестидневной войны стали контролировать всю территорию Палестины, стали жестко ограничивать выезд арабской молодежи за границу. В свою очередь Египет и Иордания по ряду обстоятельств пытались сократить наплыв палестинцев на свои территории. Все это делало актуальным открытие высших учебных заведений на оккупированных землях. Тем более что образование традиционно стояло на одном из самых высоких мест в шкале ценностей палестинцев [13, с. 126]. В этих условиях и был запущен процесс формирования собственного университетского пространства, что имело для Палестины огромное значение. В 1970-е гг. были открыты 5 университетов: Хевронский университет (1971), Бирзейтский университет (1972), Вифлеемский университет (1973), Национальный университет Ан-Наджа (г. Наблус) (1977) и Исламский университет (сектор Газа) (1978).

Оценивая миссии этих университетов, следует говорить о том, что все они были нацелены на работу во имя культурного и социально-экономического развития Палестины. Создавались эти университеты, как правило, по инициативе каких-либо гражданских групп и автономно от израильской администрации. Тем не менее все они формировались и развивались по особому пути. Так, Хевронский университет создавался по инициативе группы религиозных деятелей во главе с шейхом Мухаммадом Али Аль-Джабари. Ядром университета стал колледж исламского права, вокруг которого постепенно открывались сначала факультет искусств, а затем и факультеты естественно-научного профиля [9].

Бирзейтский университет начинался с факультета естественных наук, а его создателями стали палестинцы, получившие свои академические степени на Западе. Так, одним из них был христианин, физик доктор Ханна Насер, первый президент Университета. Он учился в еще в Бирзейтском колледже (тогда это была, по сути, средняя школа), степени бакалавра и магистра физики получил в Американском университете Бейрута, а докторскую степень по ядерной физике – в Университете Пердью в США в 1967 г. Вместе с ним примерно по такому же пути шли и другие создатели университета, например, химик Габи Барамки или физик Рамзи Райхан [23].

Вифлеемский университет был открыт как частное высшее учебное заведение, действующее при поддержке католической церкви в так называемой «ласаллианской традиции». Его открытие стало ответом на воззвание палестинских христиан к Папе Павлу VI. Тем не менее католический по своей сути университет стал развиваться как центр высшего образования молодежи в том числе и принадлежащих к религиям. В настоящее время студенты из числа арабских мусульман составляют в Вифлеемском университете даже большинство. Своеобразный «межрелигиозный диалог» рассматривается руководством университета как важнейший аспект его культурной миссии [6].

Национальный университет Ан-Наджа (г. Наблус), ныне один из крупнейших вузов Палестины, формировался как многопрофильное учебное заведение, ориентированное на прикладной характер образования. В нем с самого начала велась подготовка по гуманитарным и педагогическим наукам, экономике и инженерии. Впоследствии этот перечень направлений значительно расширился [8].

Исламский университет (сектор Газа) был создан на базе Религиозного института Аль-Азхар и первоначально включал факультеты шариата и права, факультет основ религии и кафедру арабского языка, которая стала ядром факультета искусств. Затем университет начал сильно расширяться, открыв сначала обучение по педагогическому направлению и коммерции, а затем и по другим специальностям [7].

Всего в этих 5 университетах в 1977–1978 г. по данным независимых европейских экспертов проходило обучение не более 3 тысяч студентов [20, р. 39]. В целом это довольно незначительное число палестинцев, желавших получить тогда высшее образование.

Первая пятерка палестинских университетов развивалась по модели публичных, независимых, некоммерческих и неправительственных объединений. Организация Освобождения Палестины (ООП), претендовавшая с середины 1960-х гг. на роль единственного законного представителя палестинского народа, первоначально по ряду объективных внутри- и внешнеполитических обстоятельств имела крайне ограниченное влияние на создаваемые тогда университеты. Руководство ООП находилось за границей, не прекращались конфликты между отдельными фракциями движения, между центральными органами и региональными отделениями [11, с. 62–86; 39, р. 389]. Тем более что на палестинских землях по сути и не могли тогда существовать какие-либо квазигосударственные институты централизованного управления палестинскими территориями. По воспоминаниям Рамзи Рихана, одного из создателей Бирзейтского университета, он еще в июне 1977 г. выносил на обсуждение Совета профессиональных ассоциаций предложение об объединении всех палестинских университетов. Он вел тогда речь о необходимости единого Палестинского университета с мультикампусной системой функционирования. Однако это предложение не было поддержано и каждый из созданных университетов продолжал развиваться независимо, формируя собственную систему направлений подготовки. Правда, эта конференция приняла важное решение о создании Палестинского Совета высшего образования. В отсутствие палестинского правительства Совет стал первым координирующим органом палестинских университетов, посредством которого распределялось финансирование высшего образования, направляемого из различных зарубежных стран и международных фондов. Однако сам Совет был, по сути, общественной структурой, создаваемой университетскими сообществами. Согласование этой работы, как вспоминает Рихан, «было сложным, и часто институциональные устремления преобладали над национальным планированием». Позднее финансирование было упорядочено по формуле, согласно которой средства палестинским университетам направлялись исходя из таких показателей, как количество и ранг преподавателей и сотрудников, а также количество программ [23, pp. 28–29].

Еще одной исторической особенностью первых палестинских университетов можно считать их тесную связь с региональными политическими, экономическими и интеллектуальными элитами. Зачастую именно представители наиболее авторитетных семей, местные общественные активисты, профессиональные и деловые лидеры брали на себя основное бремя в период создания всех университетов в 1970-х гг. Многие из них играли решающую роль в попечительских советах университетов [39, pp. 396–397].

Университеты Палестины в условиях израильской оккупации. Сразу после открытия новые университеты Палестины с трудом можно признать полностью «национальными», поскольку они оказались под жестким контролем израильской администрации. Их деятельность строго регламентировалась в соответствии с военным приказом № 854 от 6 июля 1980 г. Военные, в частности, строго контролировали ход поступления в университеты, все студенты были обязаны иметь удостоверения личности, выданные районным командующим [27, р. 99].

Обязательных согласований требовали учебные планы, содержательный контент идеологических дисциплин (история, политология) и профессорско-преподавательский состав. Цензуре подвергались учебная и научная литература в библиотеках университетов. Нередкими были примеры приостановки работы палестинских высших учебных заведений по распоряжению военных властей Израиля. Ограничения распространялись на строительство новых университетских кампусов, на получение внешней финансовой помощи, особенно от арабских стран. Университеты были лишены права не платить налог на добавленную стоимость, размер которого достигал 17 %. Другими словами, все это тормозило экономическое и инфраструктурное развитие новообразованных высших учебных заведений [21, pp. 57–58; 26, pp. 264–265; 29, pp. 88–91].

В силу активного подключения студентов к акциям политического протеста в первой половине 1980-х гг. многие из них подвергались арестам. Ситуация еще более обострилась в

связи с началом «первой Интифады». По оценкам специалистов, из числа всех палестинских политических заключенных в израильских тюрьмах 18 % были студентами, практически каждый десятый студент арестовывался хотя бы один раз [18, р. 89; 29, р. 90].

Зачастую репрессиям подвергались преподаватели и представители университетских администраций. Так, практически сразу после создания Бирзейтского университета 21 ноября 1974 г. его первый президент доктор Ханна Насер по распоряжению израильских властей был депортирован в Ливан без предъявления ему каких-либо обвинений. Заявленными причинами были, якобы, его подстрекательства против оккупации. Как вспоминает сам Насер, «единственным “объяснением” этой незаконной акции было заявление в израильской прессе о том, что мы угрожаем безопасности Израиля, заявление, которое Израиль регулярно делал, когда депортировал палестинцев в те годы. Фактически депортация была простым способом избавиться от профессиональных палестинцев, против которых у них не было никаких обвинений, которые могли бы быть предъявлены в суде» [23, р. 30]. Насеру пришлось руководить университетом из специально созданного офиса в Иордании, а его полномочия в Палестине были переданы его сподвижнику Габи Барамки, который был назначен действующим президентом Бирзейтского университета. Еще более критическая ситуация сложилась в Университете Ан-Наджа. В 1980 г. израильские власти не продлили вид на жительство и выслали одновременно президента Мундар Салаха, вице-президент Абед ар-Рахмана, а также трех деканов [39, р. 396].

В начале 1980-х гг. преподавателям университетов, которые имели заграничный паспорт, было предписано подписать заявление о «неподдержке» ООП. В противном случае они не могли получить разрешение на работу. Текст такого заявления гласил: «Настоящим я заявляю, что я полностью воздержусь от совершения каких-либо действий и предложения какой-либо помощи организации, называемой ООП, или любой другой террористической организации, которая считается враждебной Государству Израиль» [21, р. 58]. Поразительна содержательная аналогия данного документа с рядом подобных заявлений, которые разработаны на Западе в русле противоборства с современной Россией в последние годы.

Многочисленные примеры жестких ограничительных мер против академических свобод в палестинских университетах представлены в официальных докладах, которые были подготовлены различными европейскими экспертами, посещавшими палестинские университеты в 1980-е гг. Укажем лишь на то, что довольно подробная фактология на этот счет имеется в материалах, подготовленных профессором Университета Глазго Кейтом Хаммондом, независимой исследовательницей Пенни Джонсон и группой западных юристов [20, pp. 55–56, 64–67; 26, pp. 264–265; 28, pp. 143–150].

То, что университеты оказались одним из эпицентров первой Интифады, стало вполне закономерным результатом. Эту закономерность точно определили в указанном докладе зарубежных юристов о состоянии академических свобод на оккупированных палестинских территориях. По их мнению, между университетами и израильскими властями «существует неоспоримый конфликт интересов. Университеты отражают широко распространенное стремление палестинцев к какой-то государственности; израильские власти выступают против этого стремления. В результате возникших коллизий единственная точка соприкосновения между двумя позициями, которую действительно легко представить, заключается в том, что израильтяне могут быть заинтересованы в замедлении роста этих университетов, в то время как университеты могут быть заинтересованы в том, чтобы казаться пострадавшими» [20, р. 71]. В этом замечании представлена довольно справедливая оценка политической роли палестинских университетов в контексте борьбы за национальный суверенитет. Так, в начале первой Интифады именно студенческие кампусы зачастую имели определяющее значение в мобилизации общественности к массовым протестам [33, pp. 141–143]. Например, кампус Исламского университета в Газе в первые дни демонстраций был доминирующей силой в организации шествий. Как точно подметил израильский ученый И. Зевкович, в период Интифады «лицом Палестины было лицо мальчика [бросающего камни], но ее голос был голосом университета» [39, р. 402].

Израильская администрация, соответственно, возложила на все академические учреждения прямую ответственность за поведение студентов и обнародовала распоряжение о закрытии на неопределенный срок все палестинские кампусы. Это распоряжение действовало вплоть до 1991 г. Важно заметить, что несмотря на такие меры, палестинские университеты стремились выполнять свое академическое призвание: занятия переносились за пределы кампусов, вводились элементы дистантного образования, укорачивались семестры [39, pp. 401–402].

В условиях обострения палестинско-израильского конфликта в 1980-е гг. обозначилась еще одна важная особенность развития высшего образования на палестинских землях. Речь идет о том, что начинают нарастать центростремительные тенденции в деятельности университетов. Прежде всего, следует отметить, что под влиянием ключевых политических акторов Палестины (прежде всего, ООП), создаются три новых университета: Университет Аль-Кудс (1984 г.), Университет Аль-Азхар в Секторе Газа (1991 г.) и Открытый Университет Аль-Кудс (1991 г.). Кроме того, уже после подписания соглашений, известных как «Осло-I» и «Осло-II» (1993 г.), ставших началом нового этапа политической институционализации Палестины, в созданной тогда автономии была сформирована Палестинская национальная администрация и учреждено специальное Министерство Образования и Высшего образования [3, с. 745]. Именно оно с этого момента выступает в качестве органа власти, во многом координирующего общепалестинскую повестку дня работы университетов. Все это в определенной степени изменило дальнейший вектор развития высшего образования на палестинских землях.

Выводы. Исторический опыт развития палестинского высшего образования показывает, что оно впитало в себя социокультурные традиции различных цивилизаций. В нем всегда наглядно проявлялись и проявляются в наши дни не только арабские или исламские, но и западные и даже христианские подходы к подготовке специалистов высшей квалификации. По сути, можно говорить о модели полицивилизационного университета, которая была реализована на палестинских землях в 1970-е гг. На наш взгляд, об этом говорит, например, «общественный» статус первых высших учебных заведений Палестины. Они создавались различными по своему характеру местными сообществами и нельзя было говорить о том, что какая-то одна политическая группировка или идеологическая концепция господствовала во всей системе высшего образования. При этом создание и развитие палестинских университетов стало неотъемлемой частью политического процесса в регионе. В силу отсутствия самостоятельного Палестинского государства именно университеты оказались теми институтами, которые обеспечивали и олицетворяли национальное единство в борьбе за независимость от различных внешних сил и за обретение собственной государственности. Об этом не раз говорили и сами представители первых университетов [22, р. 9]. Данный исторический опыт можно считать, пожалуй, важнейшей особенностью развития высшего образования на палестинских землях. В данном контексте палестинские университеты следует рассматривать еще и как центры политической социализации. Активное участие значительной части профессорско-преподавательского состава и студентов в политической жизни региона (от общественных дискуссий до акций массового протеста в период Интифады) обеспечивало формирование необходимого интеллектуального базиса для продвижения палестинцев к национальной независимости. Университеты Палестины, бесспорно, сыграли определяющую роль и в процессе обретения национальной идентичности. Именно здесь осуществлялась целенаправленная и системная работа по генерированию знаний по «палестинизму» и их трансляции в общество. В этом, несомненно, нашла свое выражение главная политическая и интеллектуальная миссия палестинских университетов в новейшее время.

Список литературы

1. Демченко С. В. Политика высшего образования в Европе и России: общее и особенное // Вестник РУДН. Серия Политология. 2010. № 3. С. 108–122.
2. Джурицкий А. Н. Зарождение высшего образования в Средневековом мире // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1. № 4 (69). С. 36–48.
3. Махмутова М. И. Особенности образования в Палестине в условиях оккупации // Minbar. Islamic Studies. 2019. № 12 (3). С. 743–772.
4. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Минск : БГУ, 2005. 104 с.
5. Официальный сайт Бирzeitского университета. URL: <https://www.birzeit.edu/ar> (дата обращения: 10.08.2023).
6. Официальный сайт Вифлеемского университета. URL: <https://www.bethlehem.edu/aboutbu/> (дата обращения: 10.08.2023).
7. Официальный сайт Исламского университета. URL: <https://www.iugaza.edu.ps/aboutiug/> (дата обращения: 10.08.2023).
8. Официальный сайт Университета Ан-Наджа. URL: <https://www.najah.edu/en/about/history-and-traditions/> (дата обращения: 10.08.2023).
9. Официальный сайт Хевронского университета. URL: <https://www.hebron.edu/index.php/en/about/col2/hu-overview.html>.

10. Пеньков В. Ф., Алфедейлат Ф. Политический режим Палестины в эпоху британской колонизации 1917–1948 гг.: политико-правовой аспект // *Международные отношения*. 2020. № 1. С. 51–60.
11. Рабайя Ф. М. А. Проблема создания палестинского государства на рубеже XX–XXI вв.: акторы, стратегии, перспективы : дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Екатеринбург : Урал. фед. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2021. 179 с.
12. Резолюция ГА ООН от 29 ноября 1947 г. № A/RES/181 (II). URL: [https://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=RES/181\(II\)](https://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=RES/181(II)) (дата обращения: 10.08.2023).
13. Успенская Н. А. Нужен ли палестинцам Университет? // *Концепт: философия, религия, культура*. 2019. № 1. С. 121–130.
14. Фадеева Л. А., Пунина К. А. Университет в региональной публичной политике: российские практики в сравнительной перспективе // *Политическая наука*. 2015. № 3. С. 150–160.
15. Филимонов К. Г. Университеты в политике: к вопросу о перспективах исследования в области политической теории // *Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения*. 2016. Вып. 4. С. 44–55.
16. Шевелёв Д. Л. Декларация Бальфура в современном политическом нарративе // *Восток (Orient)*. 2018. № 6. С. 91–104.
17. Эпштейн В., Урицкий М. Проблема палестинских беженцев: История, историография и политика // *Космополис*. Осень 2003. № 3 (5). С. 63–77.
18. Abu-Lughod I. Palestinian Higher Education: National Identity, Liberation, and Globalization // *Boundary*. 2000. Vol. 2. № 27 (1). Pp. 75–95.
19. Abu-Saad I., Champagne D. A Historical Context of Palestinian Arab Education // *American Behavioral Scientist*. April 2006. Vol. 49. № 8. Pp. 1035–1051.
20. Academic Freedom under Israeli Military Occupation. Report of WUS/ICJ Mission of Enquiry into Higher Education in the West Bank and Gaza / A. Roberts, B. Joergensen, F. Newman. London : World University Service and International Commission of Jurists, 1984. 87 p.
21. Assaf S. Educational Disruption and Recovery in Palestine // *Final Report and Case Studies of the Workshop on Educational Destruction and Reconstruction in Disrupted Societies* / ed. S. Tawil. Geneva : UN Educational, Scientific, and Cultural Organization, 1997. Pp. 51–61.
22. Baramki G. Peaceful Resistance: Building a Palestinian University Under Occupation. New York : Pluto Press, 2010. 219 p.
23. Birzeit University: The Story of a National University / ed. I. Audeh // *Birzeit University Publications*. 2010. URL: https://www.birzeit.edu/sites/default/files/university_publication/Birzeit-University-The-Story-of-a-National-Institution-EN.pdf (дата обращения: 10.08.2023).
24. Coman A., Bonciu C. Universities as Political Institutions // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. March 2015. Vol. 6. № 2. Pp. 9–17.
25. Dabed E. Constitutional Making and Identity Construction in Occupied Palestine // *Confluences Méditerranée*. 2013/3. № 86. Pp. 115–129.
26. Hammond K. Palestinian Universities and the Israeli Occupation // *Policy Futures in Education*. 2007. Vol. 5. № 2. Pp. 264–270.
27. Israeli Military Orders in the Occupied Palestinian West Bank 1967–1992 / by J. Rabah, N. Fairweather. Jerusalem : Media & Communication Centre, 1995. 241 p.
28. Johnson P. Palestinian Universities under Occupation, August – October 1987 // *Journal of Palestine Studies*. Winter 1988. Vol. 17. № 2. Pp. 143–150.
29. Kapeliouk O. The Palestinian Universities under Occupation // *Arab Studies Quarterly*. Spring/Summer 1985. Vol. 7. № 2/3. Pp. 88–91.
30. Kidron A. When Colonialism and Nationalism Meet – but Speak a Different Language: The Case of Haifa during the British Mandate // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2022. Vol. 4. № 4. Pp. 559–579.
31. Kwiek M. Higher Education and the Nation-State: Global Pressures on Educational Institutions // *International Journal of Contemporary Sociology*. April 2008. Vol. 45. № 1. Pp. 104–105.
32. Mandate for Palestine. 1922. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/829707> (дата обращения: 10.08.2023).
33. Meari L., Abu-Duhou R. The Palestinian Student Movement and the Dialectic of Palestinian Liberation and Class Struggles // *The University and Social Justice: Struggles Across the Globe* / ed. A. Choudry, S. Vally. New York : Pluto Press, 2020. Pp. 137–154.
34. Missions of Universities: Past, Present, Future / ed. L. Engwall. Springer, 2020. 238 p.
35. Palestine Royal Commission Report Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. July 1937. London : His Majesty's Stationery Office, 1937. 404 p.
36. Shibib Kh. From Higher Education in Historic Palestine Towards a Pan-Palestinian Higher Education // *Contemporary Arab Affairs*. 2021. Vol. 14. № 3. Pp. 21–54.
37. State of Palestine's National Development Plan: Resilience, Disengagement, and Cluster Development towards Independence (NDP 2021–2023). URL: <https://www.palgov.ps/en/article/296/Public-Policies-2021-2023> (дата обращения: 10.08.2023).

38. The Palestinian National Charter: Resolutions of the Palestine National Council. July 1–17, 1968. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/plocov.asp (дата обращения: 10.08.2023).

39. *Zelkowitz I.* Education, Revolution and Evolution: The Palestinian Universities as Initiators of National Struggle, 1972–1995 // *History of Education*. 2014. Vol. 43. № 3. Pp. 387–407.

Historical experience of the establishment of Universities in Palestine: Political and Socio-cultural aspects

Pen'kov Vladimir Fedorovich

Doctor of Political Sciences, professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Tambov State Technical University. Russia, Tambov. E-mail: pvf68@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of creating national universities on Palestinian lands. The author traces the policivilizational traditions that became the basis for the formation of higher education in Palestine. These include the traditions of Arab education and Western influence that influenced Palestinian educational institutions during the Ottoman Empire. During the years of British control over Palestine, as shown in the article, the administration's policy was aimed at supporting separate educational institutions for different diasporas, which led to increased national demarcation on Palestinian lands. After the end of World War II, the formation of its own national model of higher education institutions slowed down due to the Israeli occupation of a significant part of the territory of Palestine. Even after the opening of the first Palestinian universities in the 1970s, they were under the strict control of the Israeli administration. An important feature of these universities was their social status, since they were all formed by various local communities and it was impossible to say that any one political grouping or ideological concept dominated the entire system of higher education. Nevertheless, according to the author, the higher educational institutions of Palestine became important institutions that ensured national unity in the struggle for independence from various external forces and for gaining their own statehood. The article substantiates the conclusion that Palestinian universities have played an important role not only as centers of political socialization, but also as institutions that worked for the preservation of national identity.

Keywords: Palestine, Arab higher education, national universities, public university, national identity.

References

1. *Demchenko S. V.* *Politika vysshego obrazovaniya v Evrope i Rossii: obshchee i osobennoe* [The policy of higher education in Europe and Russia: general and special] // *Vestnik RUDN. Seriya Politologiya – Herald of RUDN. Political Science series*. 2010. No. 3. Pp. 108–122.
2. *Dzhurinskij A. N.* *Zarozhdenie vysshego obrazovaniya v Srednevekovom mire* [The origin of higher education in the Medieval world] // *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika – Domestic and foreign pedagogy*. 2020. Vol. 1. No. 4 (69). Pp. 36–48.
3. *Mahmutova M. I.* *Osobennosti obrazovaniya v Palestine v usloviyah okkupacii* [Features of education in Palestine under occupation] // *Minbar. Islamic Studies – Minbar. Islamic Studies*. 2019. No. 12 (3). Pp. 743–772.
4. *Ortega y Gasset H.* *Missiya universiteta* [The mission of the university]. Minsk. BSU. 2005. 104 p.
5. *Oficial'nyj sajt Birzejskogo universiteta* – Official website of Birzeit University. Available at: <https://www.birzeit.edu/ar> (date accessed: 10.08.2023).
6. *Oficial'nyj sajt Viflenskogo universiteta* – Official website of Bethlehem University. Available at: <https://www.bethlehem.edu/aboutbu/> (date accessed: 10.08.2023).
7. *Oficial'nyj sajt Islamskogo universiteta* – Official website of the Islamic University. Available at: <https://www.iugaza.edu.ps/aboutiug/> (date accessed: 10.08.2023).
8. *Oficial'nyj sajt Universiteta An-Nadzha* – Official website of An-Najah University. Available at: <https://www.najah.edu/en/about/history-and-traditions/> (date accessed: 10.08.2023).
9. *Oficial'nyj sajt Hevronskego universiteta* – The official website of the University of Hebron. Available at: <https://www.hebron.edu/index.php/en/about/col2/hu-overview.html>.
10. *Pen'kov V. F., Alfedejlat F.* *Politicheskiy rezhim Palestiny v epohu britanskoj kolonizacii 1917–1948 gg.: politiko-pravovoj aspekt* [The political regime of Palestine in the Era of British colonization 1917–1948: political and legal aspect] // *Mezhdunarodnye otnosheniya – International relations*. 2020. No. 1. Pp. 51–60.
11. *Rabaja F. M. A.* *Problema sozdaniya palestinskogo gosudarstva na rubezhe XX–XXI vv.: aktory, strategii, perspektivy: diss. ... kand. polit. nauk: 23.00.02* [The problem of creating a Palestinian state at the turn of the XX–XXI centuries: actors, strategies, prospects : diss. ... PhD in Political Sciences: 23.00.02]. Yekaterinburg. Ural. Fed. University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin. 2021. 179 p.
12. *Rezolyuciya GA OON ot 29 noyabrya 1947 g. № A/RES/181 (II)* – UNGA Resolution No. A/RES/181 (II) of November 29, 1947. Available at: [https://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=RES/181 \(II\)](https://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=RES/181%20(II)) (date accessed: 10.08.2023).

13. *Uspenskaya N. A. Nuzhen li palestincam Universitet? [Do the Palestinians need a University?] // Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura – Concept: philosophy, religion, culture. 2019. No. 1. Pp. 121–130.*
14. *Fadeeva L. A., Punina K. A. Universitet v regional'noj publichnoj politike: rossijskie praktiki v sravnitel'noj perspektive [University in regional public policy: Russian practices in comparative perspective] // Politicheskaya nauka – Political Science. 2015. No. 3. Pp. 150–160.*
15. *Filimonov K. G. Universitety v politike: k voprosu o perspektivah issledovaniya v oblasti politicheskoy teorii [Universities in politics: on the prospects of research in the field of political theory] // Vestnik SPbGU. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Herald of St. Petersburg State University. Series 6. Political Science. International relations. 2016. Is. 4. Pp. 44–55.*
16. *Shevelyov D. L. Deklaraciya Bal'fura v sovremennom politicheskom narrative [Balfour Declaration in the modern political narrative] // Vostok (Orient) – Vostok (Orient). 2018. No. 6. Pp. 91–104.*
17. *Epshitejn V., Urickij M. Problema palestinskih bezhencev: Istoriya, istoriografiya i politika [The problem of Palestinian refugees: History, historiography and politics] // Kosmopolis. Osen' 2003 – Cosmopolis. Autumn 2003. No. 3 (5). Pp. 63–77.*
18. *Abu-Lughod I. Palestinian Higher Education: National Identity, Liberation, and Globalization // Boundary. 2000. Vol. 2. No. 27 (1). Pp. 75–95.*
19. *Abu-Saad I., Champagne D. A Historical Context of Palestinian Arab Education // American Behavioral Scientist. April 2006. Vol. 49. No. 8. Pp. 1035–1051.*
20. *Academic Freedom under Israeli Military Occupation. Report of WUS/ICJ Mission of Enquiry into Higher Education in the West Bank and Gaza / A. Roberts, B. Joergensen, F. Newman. London : World University Service and International Commission of Jurists, 1984. 87 p.*
21. *Assaf S. Educational Disruption and Recovery in Palestine // Final Report and Case Studies of the Workshop on Educational Destruction and Reconstruction in Disrupted Societies / ed. S. Tawil. Geneva : UN Educational, Scientific, and Cultural Organization, 1997. Pp. 51–61.*
22. *Baramki G. Peaceful Resistance: Building a Palestinian University Under Occupation. N. Y. : Pluto Press, 2010. 219 p.*
23. *Birzeit University: The Story of a National University / ed. I. Audeh // Birzeit University Publications. 2010. Available at: https://www.birzeit.edu/sites/default/files/university_publication/Birzeit-University-The-Story-of-a-National-Institution-EN.pdf (date accessed: 10.08.2023).*
24. *Coman A., Bonciu C. Universities as Political Institutions // Mediterranean Journal of Social Sciences. March 2015. Vol. 6. No. 2. Pp. 9–17.*
25. *Dabed E. Constitutional Making and Identity Construction in Occupied Palestine // Confluences Méditerranée. 2013/3. No. 86. Pp. 115–129.*
26. *Hammond K. Palestinian Universities and the Israeli Occupation // Policy Futures in Education. 2007. Vol. 5. No. 2. Pp. 264–270.*
27. *Israeli Military Orders in the Occupied Palestinian West Bank 1967–1992 / by J. Rabah, N. Fairweather. Jerusalem : Media & Communication Centre, 1995. 241 p.*
28. *Johnson P. Palestinian Universities under Occupation, August – October 1987 // Journal of Palestine Studies. Winter 1988. Vol. 17. No. 2. Pp. 143–150.*
29. *Kapeliouk O. The Palestinian Universities under Occupation // Arab Studies Quarterly. Spring/Summer 1985. Vol. 7. No. 2/3. Pp. 88–91.*
30. *Kidron A. When Colonialism and Nationalism Meet – but Speak a Different Language: The Case of Haifa during the British Mandate // British Journal of Middle Eastern Studies. 2022. Vol. 4. No. 4. Pp. 559–579.*
31. *Kwiek M. Higher Education and the Nation-State: Global Pressures on Educational Institutions // International Journal of Contemporary Sociology. April 2008. Vol. 45. No. 1. Pp. 104–105.*
32. *Mandate for Palestine. 1922. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/829707> (date accessed: 10.08.2023).*
33. *Meari L., Abu-Duhou R. The Palestinian Student Movement and the Dialectic of Palestinian Liberation and Class Struggles // The University and Social Justice: Struggles Across the Globe / ed. A. Choudry, S. Vally. N. Y. : Pluto Press, 2020. Pp. 137–154.*
34. *Missions of Universities: Past, Present, Future / ed. L. Engwall. Springer, 2020. 238 p.*
35. *Palestine Royal Commission Report Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. July 1937. London : His Majesty's Stationery Office, 1937. 404 p.*
36. *Shibib Kh. From Higher Education in Historic Palestine Towards a Pan-Palestinian Higher Education // Contemporary Arab Affairs. 2021. Vol. 14. No. 3. Pp. 21–54.*
37. *State of Palestine's National Development Plan: Resilience, Disengagement, and Cluster Development towards Independence (NDP 2021–2023). Available at: <https://www.palgov.ps/en/article/296/Public-Policies-2021-2023> (date accessed: 10.08.2023).*
38. *The Palestinian National Charter: Resolutions of the Palestine National Council. July 1–17, 1968. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/plocov.asp (date accessed: 10.08.2023).*
39. *Zelkowitz I. Education, Revolution and Evolution: The Palestinian Universities as Initiators of National Struggle, 1972–1995 // History of Education. 2014. Vol. 43. No. 3. Pp. 387–407.*

«Партийные маневры» адмирала А. Тирпица на старте создания большого военно-морского флота в кайзеровской Германии

Синегубов Станислав Николаевич¹, Шилов Сергей Павлович²

¹доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории,
социально-экономических и общественных дисциплин,

Ишимский педагогический институт – филиал, Тюменский государственный университет.
Россия, г. Ишим. ORCID: 0000-0001-7458-5062. Researcher ID: GLN-8324-2022. E-mail: globus_75@inbox.ru

²доктор исторических наук, профессор, директор Института социально-гуманитарных наук,
Тюменский государственный университет.

Россия, г. Тюмень. ORCID: 0009-0004-4287. Researcher ID: IXN-4136-2023. E-mail: sshilov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальный с научно-исторической точки зрения вопрос принятия I-го закона о флоте 1898 г. в Германии, который послужил началу превращения страны в великую морскую державу в целях борьбы с Великобританией за место «под солнцем». Проблема для немецких властей заключалась в том, что многие партии рейхстага были настроены не «профлотски». Необходимо было быстро менять ситуацию. В противном случае провал голосования по законопроекту имел бы серьезные экономические и военно-политические последствия на внутреннем и внешнем контурах. Предметом исследования является внутрипартийная борьба в немецком представительном органе относительно необходимости утверждения первого долгосрочного закона по формированию современного флота как действенного инструмента внешней политики и усилия главы военно-морского ведомства А. Тирпица по перетягиванию на свою сторону лидеров католического Центра. Именно позиция этой партии при голосовании по флотскому вопросу могла в итоге определить его судьбу. На основе архивных материалов и опубликованных документов, исследовательской литературы в статье показано, что морской министр и его помощники провели значимую работу с лидером партии Центра Е. Либбером. Как результат – «католики» в большей своей массе поддержали закон о флоте. Он был принят, несмотря на его критику социал-демократами, оппозицию Свободомыслящей народной партии, Немецкой народной партии и некоторых других политических групп.

Ключевые слова: Германия, законопроект о флоте 1898 г., борьба партий в рейхстаге, создание новых военно-морских сил.

Бурное экономическое развитие объединенной Германии в 1870–1890-е гг. потребовало от властей Второго рейха решать проблемы обеспечения промышленности новыми рынками сбыта, поиска дополнительных источников сырья, разбираться с избыточным населением. Все это можно было преодолеть за счет новых территорий за пределами «фатерланда», то есть колоний. Поэтому их приобретение становилось жизненно важным. Однако вариантов заполучить «заморские земли» в условиях их отсутствия по причине завоевания другими ведущими мировыми державами к указанному времени было немного [28, s. 767–1025]. Самый очевидный и понятный для сторонников внешнеполитической экспансии путь заключался в наращивании военной и морской мощи. Морскую силу можно было использовать для отъема колониальных территорий у той же Великобритании [9, с. 252], которая являлась самым большим owner of the colonies. Свое политико-экономическое и военное доминирование в мире империя обеспечивала за счет сильного боевого морского флота. Как известно, с 1885 г. англичане в своей военно-морской политике придерживались принципа «двухдержавного стандарта», получившего через четыре года статус закона [7, с. 43]. Он означал, что флот страны должен превосходить флота двух сильных государств, стоящих в «табеле рангов» сразу после Великобритании [10, с. 1–6.]

Такому действенному в политике «аргументу» нужно было противопоставить если не абсолютно равный, то во всяком случае, близкий по силе «довод», с которым будет считаться «Туманный Альбион», препятствующий, как говорил глава германского военно-морского ведомства А. Тирпиц, выйти на «парадную лестницу мира» – Атлантический океан [5, с. 308]. Поэтому с британцами, считал адмирал, столкновение было неизбежным [33, s. 3]. С другими

державами, потенциально способными помешать реализации немецким «мировым планам», Германия планировала решить «политические затруднения» после улаживания «британского вопроса». Так, для Франции и России, находившимся в военно-политическом союзе, Берлин предусматривал план войны на два фронта сухопутной армией. Окончательно этот документ был оформлен в 1905 г. [12]. Но и здесь флот мог внести свою лепту в общую победу.

Кроме того, наличие мощных военно-морских сил являлось признаком статусности государства, его «союза привлекательности» для других стран. Вильгельм II, став в июне 1888 г. императором Германии, начал предпринимать серьезные усилия в этом направлении, что было отмечено зарубежными наблюдателями [8, л. 197 об.]. «Дело пошло на лад», когда во главе морского министерства в июне 1897 г. встал контр-адмирал А. Тирпиц [1, с. 353–359].

В июльском меморандуме 1897 г., составленном на имя кайзера Вильгельма II ведущими германскими военно-морскими специалистами при непосредственном участии Тирпица, уже открыто говорилось, что Великобритания является главным морским соперником [14, s. 122]. Потому необходимо было кардинальным образом перестраивать флот, оснащать его современными боевыми кораблями броненосного типа. Понятно, что все это неизбежно вело к значительному увеличению военного бюджета вообще и военно-морского в частности. Здесь необходимо заметить, что с момента образования II-го рейха, по понятным причинам, основное внимание законодатели уделяли развитию сухопутной армии. Флот, что называется, «оставался в тени». Да и в целом «морская тематика» в немецком обществе была не «в чести». Поэтому требовалась перестройка общественного мнения, переубеждения лидеров партий рейхстага в насущной необходимости интенсивного развития германского военно-морского флота. О чем Тирпиц начал громко говорить с 1895 г., еще не занимая министерскую должность [20, s. 109–111].

С июля–августа 1897 г. планы военно-морского ведомства становятся главным вопросом партийно-политической борьбы. Споры вокруг содержания и целей этих планов не сходили со страниц партийной прессы. Об этом сообщал из Берлина в Петербург и русский советник посольства К. Пален. В сентябре 1897 г. он писал: «Среди всеобщего затишья в течение внутренней политики вопрос об увеличении германского флота остается темой нескончаемых рассуждений в здешней печати» [2, л. 251]. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, анализируя позицию германской прессы в отношении морского плана, выделяла в ней три группы высказываний. Одни газеты полностью поддерживали проект, другие соглашались с «материальными требованиями», но выражали «формальные опасения»; следующая группа объявляла себя «приверженцами газеты *Freisinnige Zeitung*, которая отвергала флотские планы» [25]. Увеличение флота поддерживали национал-либеральные, некоторые консервативные газеты. Аграрная пресса и печатные органы Центра держали своих читателей в некотором неведении. Против увеличения морских вооружений выступала социал-демократическая печать и главный орган «свободо-мыслящих» – *Freisinnige Zeitung* [4, с. 284–285]. Дебаты вокруг флотской политики были на некоторое время прекращены, а затем возобновлены с новой силой, после опубликования *Deutscher Reichsanzeiger* «Законопроекта относительно германского флота».

Документ был поддержан целиком «наилучшими друзьями» Тирпица из Национал-либеральной и Имперской партий. Обе партии были тесно связаны с тяжелой промышленностью, всегда горячо поддерживали замыслы военных кругов [5, с. 303–304]. Ф. Граммахер, германский промышленник, депутат рейхстага от национал-либералов, касаясь проекта военно-морского ведомства, писал в декабре 1897 г. своему другу Беннигсену о горячем желании «взяться за дело... ради выполнения долга и из убеждения в том, что наш народ, наконец будет вытаскен из болота». Следует отметить, что национал-либералы выступали, главным образом, за «флот обороны». Раздавались в партии голоса и против септенната (7-ми летний срок действия закона о вооруженных силах Германии. – *С. С., С. Ш.*). «Если правительство пожелает добиться семилетнего ассигнования на флот, – писала в октябре 1897 г. *Weser Zeitung*, – то оно встретит сопротивление... и со стороны национал-либералов» [34].

Восторженными «энтузиастами флота» были круги Имперской партии. Лидер партии крупный промышленник Э. Кирдорф неоднократно высказывался в прессе и рейхстаге в духе «безграничных флотских планов» [5, с. 304]. Немецко-консервативная партия относилась к морской политике сдержанно. Так как военный флот давал некоторые гарантии в снабжении Германии зерном даже в случае войны с Англией, крупные аграрии опасались подрыва господствующей доктрины о необходимости сельскохозяйственной автаркии. Им казалось, что активная морская политика отрицательно скажется на бюджете в ущерб аграрной экономи-

ческой политике и армии [11, с. 213]. Открыто о нежелании поддерживать ассигнования на флот заявлял один из лидеров партии Ф. В. Лимбург-Штирум. Как считал корреспондент «Русских новостей» Г. Б. Иоллос, такая позиция несколько не удивляет, «поскольку всем известно, что в союзе хозяев руководителем которого является граф, «маринизм» не популярен» [6, с. 305]. К тому же у консерваторов еще не прошли обиды за отклонение в январе 1896 г., как они полагали, справедливых аграрных требований их коллеги Х. Каница. Призыв «Без Каница ни лодки» стал паролем тех консерваторов, которые желали получить компенсацию за согласие с морской политикой правительства [17, с. 683].

Члены Немецко-консервативной партии, представляющие интересы средних аграрных слоев, молчаливо соглашались с законопроектом в духе *Kreuzzeitung* или заступались за него на страницах *Konservativekorrespondenz*, разделяли убеждения «неоконсервативного национализма» [29, с. 142].

«... В среде либеральной буржуазии, – вспоминал Тирпиц, – мы с самого начала имели наряду с упорными противниками также и решительных сторонников» [9, с. 47]. «Решительными сторонниками» флотских планов выступали функционеры «Свободомыслящего объединения». Его руководители Т. Барт и Г. Риккерт всегда послушные правительственной указке, не случайно получили кличку «придворных демократов». Отделившись в 1893 г. от Свободомыслящей народной партии, объединение превратилось в партию «образованной буржуазии», банковского капитала, крупной торговли. Уже с августа 1897 г. газета Т. Барта *Berliner Tageblatt* активно выступала в пользу увеличения морских вооружений. 20 августа 1897 г. в статье «Правда о нашем флоте. Его развитие» анонимный автор предлагал дать возможность министерству военно-морского флота «впредь на несколько лет вперед иметь дело с определенными заранее цифрами кредитов» [15]. Однако профлотские настроения в партии не могли сколько-нибудь значительно повлиять на результаты голосования в рейхстаге ввиду малочисленности ее фракции. Т. Барт, по словам Иоллоса, был опытным «дебатером», иногда производящим впечатление, но в рейхстаге его значение невелико [6, с. 304].

Активную морскую политику отвергла Свободомыслящая народная партия во главе с О. Рихтером. Эта леволиберальная партия опиралась на мелкую и среднюю буржуазию, отражала настроения той части интеллигенции и служащих, которая еще не заболела «морской лихорадкой» [5, с. 305]. *Freisinnige Zeitung*, официальный орган партии, доставляла своими воинственными публикациями немало хлопот «энтузиастам флота». Достаточно сказать, что официозная *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* в период подготовки и принятия первого флотского закона превратилась по существу в газету, главной целью которой было отражение всевозможных нападок леволиберального органа на морской план. В 1898 г. пропагандистами флота была выпущена специальная книга, в которую вошли исключительно все флотские статьи *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, редкая из которых не содержала полемики с *Freisinnige Zeitung*.

Решение судьбы законопроекта о флоте, по утверждению российского посла в Берлине Н. Д. Остен-Сакена, находилось в руках католического Центра [2, л. 334]. В ноябре 1897 г. антифлотские настроения членов Центра казались еще достаточно сильными для того, чтобы отвергнуть проект Тирпица. Тем не менее это не давало повода для сомнений морскому министру, так как «проницательные умы Центра не совершат политическую ошибку и не отвергнут морской проект» [9, с. 149]. Для этого были основания. Партия никогда ранее не отвергала морскую политику как таковую. Как и леволибералы, Центр отводил флоту функции обороны германского побережья и защиты морской торговли в «разумно допустимых границах». Активность Германии в 1895–1896 гг., начало агитации за военный флот сопровождалось отходом Центра от относительно единой позиции в морском вопросе. Он начинает играть все большую роль в партийно-тактических соображениях вождей. Это особенно проявилось в период подготовки и принятия первого флотского закона. Е. Либер, неоспоримый лидер партии с 1893 г., быстро становится в фокусе внимания военно-морского ведомства. Поэтому переговоры с вождем Центра, который по словам Тирпица, «наряду с личной восприимчивостью, проявил большую деловитость», начались рано. Они датируются весной 1894 г. Это стало возможным благодаря письму тогдашнего морского статс-секретаря адмирала Ф. Гольмана Е. Либеру от 23 марта. В нем выражалась благодарность вождю Центра за его согласие с активной морской политикой. В свою очередь Либер пытался помочь Гольману в 1896–1897 гг., когда была предпринята неудачная попытка провести через рейхстаг программу строительства крейсеров.

Однако сопротивление комиссии, прежде всего представителей Центра, не позволило осуществить данный проект. Тем не менее некоторые вожди уже склонялись к компромиссу с правительством во флотском вопросе [11, с. 178]. Но для успешного его решения этого было мало. Необходима была поддержка рядовых членов партии и ее избирателей. Последние отвергали морские планы в первую очередь из экономических соображений. Антифлотские настроения были особенно сильны в Южной и Западной Германии. Для мелкобуржуазных и крестьянских избирателей этих областей, проживающих далеко от моря, осознание флота как «национальной задачи» не имело никакого значения. Особые трудности Либеру в деле достижения компромисса доставляло баварское отделение партии Центра. Часть его избирателей морские вооружения просто не интересовали. Другая находилась под влиянием радикального партикуляристского Крестьянского союза, который в категорической форме отклонял законопроект. Оппозиция флотскому законопроекту исходила и от членов Центра в Рейнланде во главе с Р. Мюллером, а также доктором Шмиттом с *Mainzer Zeitschrift* и группой вокруг Бахена с *Kölnischen Volkszeitung* [21, с. 137]. Уже с осени 1897 г. германское правительство обсуждало возможности компромисса с Центром на заседании правительства. Так, 6 октября 1897 г. руководитель имперского финансового ведомства А. Позадовский-Венер, Тирпиц и прусский министр финансов И. Микель потребовали отмены § 2 закона против иезуитов в качестве компенсации за согласие Центра с морской политикой. Однако Вильгельм II не был склонен пойти на такую уступку, хотя и не отвергал необходимость достижения компромисса [18, с. 192]. В августе 1897 г. Микель дважды встречался с Либером. Из этих «рандеву» стало ясно, что последний не против дальнейших переговоров через сотрудника морского министерства корвет-капитана Э. Капелле [19, с. 279]. Либеру было предложено встречаться в Камберге, по месту его постоянного проживания. Однако в письме 15 октября 1897 г. он отклонил эту идею и в целях конспирации обозначил Берлин как наиболее подходящее для него место встреч. Правда, выдвинул условие – его поездки должны оплачиваться. В ответе 16 октября Капелле сообщил о своем согласии и обещал, по поручению Тирпица, рассказать о законопроекте и дополнительно о том, «чего в нем нет» [18, S. 193].

Первые беседы между договаривающимися сторонами состоялись 22, 23 и 24 октября 1897 г. На последней присутствовал и Тирпиц. Либеру был вручен текст законопроекта, его обоснование, а также 400 марок «для расходов на пользу флота» [29, с. 151]. Из дальнейшей переписки между Либером и Капелле видно, что лидер Центра сильно сомневался в успехах морской программы. Это прослеживается и в записях о беседе с канцлером Гогенлоэ 28 октября 1897 г., в которой Либер ставил под сомнение «септенат», предусматривающий невмешательство рейхстага в дела финансирования флота в течение 7 лет. Тем не менее окончательная договоренность была достигнута. Об этом свидетельствует письмо Капелле, датированное концом октября 1897 г. В нем сотрудник морского министерства назвал вождя Центра «нотариусом закона» и выражал надежду на успех [18, с. 19]. Накануне открытия рейхстага руководство Центра выработало решение, согласно которому Либер должен был занять во время первого чтения законопроекта в целом неблагоприятную позицию, хотя и предполагалось вначале подождать результаты работы комиссии. Ее совещание показало, что даже депутат от оппозиционного баварского Центра Ф. Шедлер не выступал за политику «решительного отклонения» [21, с. 139]. Отход вождей партий от антифлотской позиции продолжался и в начале 1898 г., когда обсуждение морского плана вступило в решающую стадию.

Противниками законопроекта выступали социал-демократы. СДПГ была единственной партией, которая полностью отвергала флотский закон. Ее борьба против маринизма вытекала из негативного отношения к милитаризму в целом. Социал-демократическая фракция рейхстага рассматривала военный флот прежде всего как инструмент колониальной политики, несколько меньше относительно его роли в будущей войне [22, с. 191]. С резкой критикой морских планов правительства на страницах социал-демократической прессы выступали Ф. Меринг, Р. Люксембург, К. Либкнехт, К. Цеткин и другие деятели немецкого рабочего движения. Еще до опубликования законопроекта они обращали внимание на далеко идущие цели морского строительства. Против «безбрежных флотских планов» активно выступал журнал Цеткин *Gleichheit*. «Ни лодки, ни гроша» на морские вооружения – призывал в конце марта 1897 г. орган немецких рабочих. Обращая внимание на рост бюджета морского министерства, журнал предостерегал общественность, что это неизбежно приведет к новым налогам [35, с. 11–113].

Социал-демократы усилили борьбу после опубликования проекта. Меринг в статье «Танец с Молохом», опубликованной 1 декабря 1897 г. в *Neue Zeit*, указал на долгосрочный харак-

тер планов Тирпица [24]. Его заверения в том, что «с осуществлением морского плана исключается дальнейшее увеличение флота, не могут приниматься за чистую монету». Далее следовала критика тех политических партий, которые считали своей главной задачей лишь борьбу против «септената». Меринг писал, что все проблемы сразу будут разрешены, «если рейхстаг, недолго думая, вообще отвергнет планы господина Тирпица» [23, s. 193]. Газета *Vorwärts* указывала в ноябре 1897 г., что военно-морской флот является в руках господствующих классов оружием не только завоевательной политики, но и средством против «внутреннего врага» [22, s. 192]. Не прошла мимо внимания общественности и брошюра А. Парвуса «Военно-морские требования, колониальная политика и интересы рабочих» [26]. Ее автор в 1898 г. довольно точно определил сущность правительственной инициативы. Например, ядром проекта Парвус считал не «септеннат», а «параграф замены» устаревших кораблей на современные, благодаря которому правительство будет иметь возможность постоянно модернизировать свои военно-морские силы.

Таким образом, накануне внесения законопроекта в рейхстаг сторонники флота не имели четких представлений о дальнейшей судьбе морского плана. Некоторым членам Национально-либеральной партии не нравился «септеннат», консерваторы и Центр избрали проект предметом торга с правительством, в оппозиции находилась Свободомыслящая народная партия, решительно отвергали «безбрежные планы» социал-демократы.

Рейхстаг был открыт тронной речью кайзера 30 ноября 1897 г. Присутствующий при этом российский посол Н. Д. Остен-Сакен отмечал в донесении, что речь императора «отличалась спокойным тоном». Вильгельм не мечтал «о доведении Германии до степени первоклассной морской державы, тем не менее не может не признать желательность увеличения численности военных судов, недостаточность коих особенно проявляется при громадном развитии германской торговли» [2, л. 315].

6–9 декабря 1897 г. состоялось первое чтение законопроекта о флоте. Перед правительством стояла трудная задача: убедить рейхстаг отказаться не только от прав ежегодного ассигнования на нужды флота, но и войти в фактическую зависимость от установленной законом кораблестроительной программы сроком на семь лет. В первый день обсуждения со вступительной речью выступил Гогенлоэ. Он говорил о флоте как о факторе, «имеющем достаточный вес в глазах друга и недруга... при решении важных международных проблем не на европейском континенте» [31, s. 42–43]. Канцлер подчеркивал, что утверждение программы в форме флотского закона никоим образом не нарушает бюджетных прав рейхстага.

Главным защитником законопроекта выступил Тирпиц. Он указал, что проект имеет двоякую цель: установить состав флота законодательным актом, усилить флот. Морской министр говорил много о технических аспектах программы, таких как сроки строительства, финансирование, строительная замена. Необходимость установления твердых сроков строительства Тирпиц доказывал опытом прошлого со ссылкой на до сих пор не выполненную программу 1873 г. Обращаясь к вопросу об увеличении численности военных судов, новый «Роон флота» отметил, что в борьбе против более могущественного противника можно надеяться на успех лишь располагая в отечественных водах двумя эскадрами по 8 кораблей при достаточном количестве крейсеров и миноносцев [31, s. 44]. Одновременно Тирпиц подчеркнул «оборонительный» характер линейного флота [9, с. 131]. В своей речи морской министр даже не намекнул на долгосрочные перспективы своей программы. Не было упомянуто и об Англии как главном морском сопернике. «... Чем меньше разговоров будет в рейхстаге, – писал он в «Воспоминаниях», – тем лучше, и тем больше мы достигнем в такой деликатной с внешнеполитической точки зрения области, как моя» [9, с. 131].

Социал-демократы при первом чтении законопроекта о флоте выступали трижды. Первым речь произнес Б. Шенланк. Он был редактором *Leipziger Volkszeitung*, считался в СДПГ специалистом по экономическим вопросам. Социал-демократ призвал к борьбе не только против законопроекта, но и против правительства, за лишение его права решать налоговые и бюджетные вопросы государства. В этом случае рейхстаг мог играть решающую роль и в морской политике [31, s. 47]. Шенланк указал на неустойчивость политического курса в Германии. «О системе не может быть и речи... Во всех поступках (правительства. – С. С., С. III.) обнаруживается прямо-таки тактика спортсменов, а не серьезных деятелей» [31, s. 47]. Он доказывал, что германская промышленность и торговля не нуждаются в защите. До сих пор эти отрасли экономики развивались и стали достаточно конкурентоспособны и без военно-морского флота. Критикуя законопроект, Шенланк однако не раскрыл его дальнейшие пер-

спективы. Как подчеркивал А. С. Ерусалимский, основные положения его речи «почти полностью воспроизводили взгляды, которых придерживались и левобуржуазная оппозиция «свободомыслящих»» [5, с. 338].

С более решительной критикой проекта правительства выступил 9 декабря 1897 г. социал-демократический депутат Г. Молькенбург. Редактор *Hamburger Echo* указал на заинтересованность крупной промышленности в наращивании морских вооружений, которые принесут Круппу, Штумму огромные прибыли [31, s. 104–105]. 11 декабря 1897 г. эту мысль еще более четко выразил Бебель, убеждая, что морской проект на руку владельцам «металлургических и машиностроительных заводов, военных предприятий и судостроительных верфей» [31, s. 160]. Молькенбург говорил и о других причинах увеличения флота, которые он связывал с необходимостью проведения «мировой политики» и борьбы против Великобритании [31, s. 105]. Бебель в свою очередь обратил внимание на огромные материальные жертвы, которые принес немецкий народ на усиление боевой готовности Германии за последние 10 лет [2, л. 330–331]. «Приведенные данные, – писал Остен-Сакен, – наглядно объясняют, почему нынешние требования правительства, хотя и сравнительно умереннее, все-таки заставляют многих народных представителей серьезно призадуматься...» [2, л. 331].

Другая часть речи Бебеля была посвящена такому важному в военно-теоретическом отношении вопросу, как целесообразность строительства боевого флота. Научно-технический прогресс в области военного кораблестроения приводил к тому, что большие суда быстро устаревали. При этом вождь германских социал-демократов опирался на высказывание Ф. Энгельса. Последний писал в своей работе «Анти-Дюринг»: «Соперничество между броневой и пробивной силой орудий еще так далеко от завершения, что в настоящее время военный корабль сплошь и рядом оказывается уже не удовлетворяющим предъявленным ему требованиям, становится устаревшим еще раньше, чем его успели спустить на воду» [13, с. 177].

Переход в начале XX в. к «гонке дредноутов» подтвердил эту мысль Энгельса. Совершенствование артиллерии по пути наращивания разрушительной силы снарядов привело к усилению броневой защиты, как следствие этого, резко возросло водоизмещение кораблей. В эпоху дредноутов оно увеличилось до 20–23 тыс. тонн, что превышало водоизмещение судов конца XIX в. почти в два раза [3, с. 169, 201].

От партии «свободомыслящих» на первом этапе обсуждения законопроекта выступил О. Рихтер. Он говорил о нарушении бюджетного права рейхстага и угрозе парламентаризму. Остен-Сакен сообщал в Петербург, что в своей двухчасовой речи «вождь свободомыслящих особенно сильно выступал против септената, который, по его выражению, скрывает «этернат»» [2, л. 334]. Опираясь на факты из морских проектов за последние 20 лет, Рихтер показал шаткость и неустойчивость воззрений, до сих пор господствующих у правительства и специалистов морского дела. Неужели рейхстаг только потому должен изменить свои взгляды, что нашелся новый «Роон флота», о котором нынешний канцлер еще год назад заявил: «Тирпиц никогда не занимал такого положения, которое дало бы повод к столь ответственным поручениям» [31, s. 69–70]. В целом речь Рихтера произвела сильное впечатление, так как выходила за рамки «конституционных интересов либеральной буржуазии» [5, с. 340].

От имени консерваторов в рейхстаге говорил Ф. В. Лимбург-Штирум. Он заявил, что консервативная партия «в принципе» не против законопроекта. Но если правительство идет навстречу капиталистическим кругам, то неплохо было бы удовлетворить и некоторые экономические требования аграриев [31, s. 54–58].

Речь Либера 7 декабря 1897 г. могла вызвать удивление только у тех, кто не хотел замечать перехода Центра на «национальную» позицию во флотском вопросе. Немецкий историк Х. Готтвальд, ссылаясь на архивные материалы, в частности, на декабрьские протоколы заседаний фракции Центра, пишет, что речь шла, если не брать во внимание баварских депутатов, главным образом о септенате, а не о том, чтобы отвергнуть законопроект [18, S. 195]. Выступление же Либера в рейхстаге было, по характеристике Остен-Сакена, «образцом, доходящего иногда до цинизма, чистого партийного красноречия» [2, л. 334]. Она была насыщена всевозможными оговорками и пожеланиями в адрес программы. Лидер Центра не отвергал законопроект «в принципе», предложенная реформа флота скорее ему более симпатична. Однако его «политические друзья» выступали против септената и решения вопроса финансирования проекта путем повышения косвенных налогов. Либера упрекнул также правительство за бездействие в отношении такого «жизненно важного для нас дела», как отмена закона против иезуитов [31, S. 84]. «Упоминание о законе, – писал российский посол, –... невольно за-

ставляет предполагать желание Центра поторговаться с правительством и выговорить себе... возможно большие уступки» [2, л. 335].

Меринг назвал выступление Либера «падением Центра». Под таким заголовком вышла его статья в середине декабря 1897 г., в которой вождь социал-демократов призвал католических избирателей наложить «вето» на законопроект. «Если они (избиратели. – С. С. С. Ш.), – писал Меринг, – решительно и единодушно наложат свое вето, то Либер и его единомышленники вряд ли рискнут осуществить задуманный прыжок через палку» [23, s. 195]. Раскрывая причины «падения», социал-демократ подчеркнул, что руководители Центра знают, чего хотят. Поскольку расстановка партийно-политических сил в рейхстаге делала ультрамонтанную фракцию решающей, то «броненосцами они покупают себе долю в правительстве» [23, s. 196].

Тирпиц мог быть доволен выступлением вождя Центра. Присутствующий в рейхстаге Остен-Сакен заметил «одобрительное отношение» морского министра к его речи [2, л. 335]. Тем не менее итоги первого чтения не внесли окончательную ясность в будущие перспективы флотского закона. В стране набирало силу антифлотское движение, предстояли длительные торги с консерваторами и Центром. Окончательная судьба законопроекта должна была решиться через два месяца, во время второго чтения.

До начала очередного обсуждения морского плана в комиссии в феврале 1898 г. и решающим голосованием в рейхстаге в действие был приведен весь пропагандистский механизм рейха. В январе 1898 г. Тирпиц с помощью подготовительного комитета из 26 видных деятелей экономической жизни Германии созвал в берлинской гостинице Kaiserhof совещание предпринимателей. На нем присутствовало свыше тысячи делегатов от торговцев и промышленников. В поддержку «флотской политики» на совещании выступил с докладом гамбургский судовладелец А. Верман [11, с. 214]. Такой «представительный» форум должен был продемонстрировать общественности «жизненную потребность» флота для Германии. Члены почти всех торговых палат, многочисленных корпоративных союзов, Колониального общества сочиняли резолюции с призывами поддержать морской проект. Это был наивысший подъем флотской пропаганды.

24 февраля 1898 г. начала работу бюджетная комиссия рейхстага, многие члены которой находились под сильным влиянием пропагандистской кампании. В адрес комиссии поступило 165 петиций с требованием одобрить правительственный законопроект [30, p. 194]. В центре внимания вновь встал вопрос соглашения с Центром. Либер, для которого поддержка правительства была решенным делом, старательно демонстрировал своим товарищам по партии свою неуступчивость. Если в 1897 г. главным камнем преткновения в переговорах с представителем военно-морского ведомства Либер считал «септенат» и законодательную форму, то в феврале 1898 г. он выдвигает на первый план проблему покрытия расходов и «лимитирование стоимости» программы правительства [18, s. 194]. Тирпиц сначала не соглашался пойти на лимитирование расходов, но по совету Капелле пошел на уступки. В одном из параграфов законопроекта предусматривалось ограничение расходов на кораблестроительную программу до 409 млн. марок. Чтобы «размягчить» умаление бюджетных прав рейхстага, по предложению депутата Центра Мюллера, «септенат» был заменен на «секстенат» [9, с. 148–149]. Для Тирпица замена семилетнего срока выполнения программы шестилетним была только желательна. Первая цель флотской политики морского министра могла быть достигнута на один год раньше.

Дело обстояло несколько сложнее с вопросом покрытия расходов. Его решение Либер требовал с «точки зрения социальной». Финансирование проекта не должно было осуществляться путем взимания налогов граждан. Такое требование могло спасти руководителей Центра от полной дискредитации в глазах избирателей. По предложению национал-либерала Беннигсена, в восьмой параграф законопроекта была внесена формулировка, в которой говорилось, что «финансовые расходы будут покрываться за счет повышения государственных косвенных налогов, без отягощения ими массового потребителя» [31, s. 1697]. Центр был удовлетворен. В результате голосования законопроект о флоте был принят членами бюджетной комиссии 19-ю голосами против 8.

23 марта 1898 г. началось второе, решающее чтение законопроекта о флоте. Дебаты открыл Либер. Как референт бюджетной комиссии, он подвел итоги ее работы. В частности, политик указал на замену «септената» на «секстенат» и на некоторые другие «несущественные изменения в проекте» [32, s. 1697]. Затрагивая вопрос покрытия расходов, лидер партии в отличие от выступления 7 декабря 1897 г., сделал вывод о «хорошем» состоянии государствен-

ных финансов. В целом его речь свидетельствовала о том, что профлотские тенденции в рядах партии стали еще больше доминировать над антифлотскими. Лишь баварские депутаты, которые оказались в полной изоляции, выступали за отклонение правительственного законопроекта. Граф Гомпеш от имени меньшинства заявил, что они хотя и едины с большинством фракции относительно цели, но не согласны со средствами ее достижения [32, s. 1705].

От социал-демократов во втором чтении выступали Бебель, Зингер и Шенланк. Они подвергли резкой критике позицию католического Центра. «... Самая замечательная сторона теперешних дебатов, – подчеркнул Бебель, – состоит в том, что Центр с развернутыми знаменами и барабанным боем перешел в правительственный лагерь». А заявление Либера содержит в себе «целую программу или, точнее, измену прежней программе» [6, с. 333]. Критика социал-демократов была настолько сильна, что Либер даже попросил у Капелле специальную брошюру, которая содержала «доказательства» вреда, наносимого СДПГ рабочему классу в связи с выступлениями ее против флотского законопроекта [18, s. 221]. Социал-демократические депутаты говорили о необходимости введения прямого подоходного налога на имущие классы, которые, как подчеркивал Зингер, выступают за проект, но не хотят его финансировать [32, s. 1800]. Бебель понимал, что наращивание Германией военно-морского флота не останется незамеченным Англией. «Всякое увеличение военных судов с нашей стороны ведет лишь к увеличению флотов у наших возможных противников», – констатировал он [6, с. 333].

Нельзя не отметить и некоторые слабые стороны антимакинитской позиции социал-демократов. До 1897 г. в СДПГ главное внимание уделялось против роста численности сухопутной армии, которая справедливо считалась инструментом в руках господствующих классов против рабочего движения. Антифлотская же программа велась очень слабо. Морской бюджет по сравнению с бюджетом армии был сравнительно невелик. Социал-демократы считали военный флот просто излишним. Так, во время обсуждения в рейхстаге программы Гольмана в 1896 г. они утверждали, что германская торговля развивалась за счет европейских стран и поэтому не нуждается в защите военного флота [5, с. 305]. Тем самым игнорировался факт, что морская торговля стала занимать в экономике страны все более важное место и к 1898 г. составляла уже более 50 % всей германской торговли [16, s. 15]. «Маринизм» в социал-демократической трактовке означал главным образом борьбу за «место под солнцем» в отношении традиционных противников Германии, а также вмешательство в спор за колонии. Возможный же конфликт с Англией не рассматривался как результат развития новых тенденций в англо-германском мировом соперничестве [22, s. 194]. К тому же слабая внепарламентская деятельность СДПГ не позволила противостоять в полной мере крупным пропагандистским акциям «энтузиастов флота».

Процедура голосования в рейхстаге состояла из нескольких этапов. За первый и второй параграфы голосовали поименно 24 и 26 марта 1898 г. Первый основной параграф законопроекта был принят 212 голосами против 139. Против голосовали социал-демократы, Свободолюбивая народная партия, Немецкая народная партия, поляки, вельфы, эльзасцы, баварские депутаты Центра. За второй параграф, касающийся боевой готовности флота, проголосовало 193 депутата против 118. После третьего чтения законопроект был передан в бундесрат, в согласии которого «никто не сомневался» [29, s. 185]. С опубликованием флотского закона 10 апреля 1898 г. в Reichsgesetzblatt он вступил в силу [27]. Принятие флотского закона было обеспечено благодаря соглашательской политике лидеров Центра с правительством. Причины такого «падения» заключались в изменении стратегического курса партии с целью достижения сильно внутривластной позиции. Такую позицию обеспечивала поддержка активной флотской политики. Для Немецко-консервативной партии, в особенности для его аграрного крыла, морской проект был в первую очередь благоприятным тактическим средством добиться в рамках «политики сплочения» юнкерства и крупной буржуазии по возможности больших концессий экономического и политического характера. Это особенно проявилось во время дебатов вокруг второго законопроекта о флоте 1899–1900 гг.

С первым флотским законом Тирпиц вместе с правительством сделали первый шаг к осуществлению своих военно-морских планов. Этот шаг продемонстрировал решимость правящих кругов Германии бороться за новый предел мира, главным препятствием на пути которого стояла Великобритания. «Поворот против Англии» во внешней политике германской империи был обусловлен стремлением монополистической буржуазии ликвидировать противоречие между быстро растущей экономической властью и ограниченными возможностями

ми экспансии. Целям борьбы против Англии была подчинена и разработка военно-морской стратегической концепции германского империализма адмиралом и морским министром Тирпицем. Он считал первый флотский закон лишь первым шагом на пути усиленного морского могущества. Для главы военно-морского ведомства гораздо меньшее значение имели количественные характеристики морского проекта, чем придание ему формы закона. Не менее важным было то, что закон утверждал эскадренный принцип постройки флота, который давал возможность увеличивать военно-морские силы не на один или два корабля, а на целую или двойную эскадру. Большое значение имел параграф замены, благодаря которому устаревшие корабли автоматически заменялись новыми, более совершенными.

Список литературы

1. *Альфред фон Тирпиц*. Стоцкий Н. В. Сто великих адмиралов. М., 2003. С. 353–359.
2. Архив внешней политики Российской Империи МИД РФ. Ф. Канцелярия 1897 г. Оп. 470. Д. 21.
3. *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX века : очерки военно-экономического потенциала. М. : Наука, 1986. 238 с.
4. *Гейдорт Г.* Монополии. Пресса. Война. Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 год. Роль прессы в подготовке Первой мировой войны. М. : Прогресс, 1964. 573 с.
5. *Ерусалимский А. С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 608 с.
6. *Иоллос Г. Б.* Письма из Берлина. СПб. : Общественная польза, 1908. 496 с.
7. *Ньюбольд У.* Как Европа вооружалась к войне (1871–1914). М. : Высш. воен. ред. совет, 1923. 141 с.
8. Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 417. Оп. 1. Д. 573.
9. *Тирпиц А.* Воспоминания. М. : Воениздат, 1957. 656 с.
10. Усиление английского флота на 70 судов. Морская хроника // Морской сборник. 1889. № 4. С. 1–6.
11. *Хальгартен Г.* Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны. М. : Изд-во иностр. лит., 1961. 695 с.
12. *Цубер Т.* Сочиняя план Шлиффена. URL: http://samlib.ru/z/zaraza_n_e/shliffen1doc.shtml (дата обращения: 12.07.2023).
13. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 15–338.
14. *Berghahn V. R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelmischen Weltpolitik. Grundlegende Dokumente 1890–1914. Düsseldorf : Droste Verl., 1988. 386 s.
15. Berliner Tageblatt. 20.08.1897.
16. *Erdmann G. A.* Wehrhaft zur See! Die Hauptpunkte der deutschen Flottenfrage. Leipzig, 1900.
17. *Fricke D.* Deutscher Flottenverein und Regierung. 1900–1906 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1982. H. 2. S. 141–157.
18. *Gottwald H.* Der Umfall des Zentrums. Die Stellung der Zentrumspartei zur Flottenfrage von 1897 // Studium zum deutschen Imperialismus vor 1914. Bd. 47. Berlin, 1976. S. 178–202.
19. *Hallman H.* Der Weg zum deutschen Schlachtflottenbau. Stuttgart : Kohlhammer, 1933. 340 s.
20. *Hassell U.* Tirpitz. Sein Leben und Wirken mit Berücksichtigung seiner Beziehungen zu Albrecht von Stosch. Stuttgart : C. Belser, 1920. 240 s.
21. *Kehr E.* Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894–1900. Versuch eines Querschnitts durch die innenpolitischen, sozialen und ideologischen Voraussetzungen des deutschen Imperialismus. Berlin : Ebering, 1930. 464 s.
22. *Lampe J.* Der parlamentarische Kampf der revolutionären deutschen Sozialdemokratie gegen die Flottenfrage von 1897 // Militargeschichte. 1980. H. 2. S. 190–202.
23. *Mehring F.* Gesammelte Schften. Bd. 14. Politische Publizistik 1891–1904. Berlin : Dietz-Verl., 1964. 799 s.
24. Neue Zeit. 01.12.1897.
25. Norddeutsche Allgemeine Zeitung. 03.11.1898.
26. *Parvus A.* Marineforderungen, Kolonialpolitik und Arbeiterinteresen. Dresden : Verlag der Sächsischen Arbeiter Zeitung, 1898.
27. Reichsgesetzblatt. 10.04.1898.
28. *Reinhard W.* Die Unterwerfung der Welt. Globalgeschichte der europäischen Expansion 1415–2015. München : Verlag C. H. Beck oHG, 2016. 1648 s.
29. *Schack K.* Der Beginn des deutschen Schlachtflottenbaues 1897–1900. Grundlage und Entwicklung bis zum Zweite Ftottengesetz / Inaug. Diss, zu Munchen. München, 1981.
30. *Steinberg J. A.* Yesterday's deterrent: Tirpitz and birth of German battle fleet. London : Macdonald, 1965. 240 p.
31. Стенографические Berichte über die Verhandlungen des Reichstages IX. Legislaturperiode, V Session 1897/98. Bd. 1. Berlin, 1898. 1728 s.
32. Стенографические Berichte über die Verhandlungen des Reichstages IX. Legislaturperiode, V Session 1897/98. Bd. 3. Berlin, 1898. S. 1639–2335.

33. Tirpitz A. Politische Dokumente. Bd. 1. Der Aufbau der deutschen Weltmacht. Stuttgart : Cotta, 1924. 460 s.
34. Weser Zeitung. 02.10.1897.
35. Zetkin K. Aus Gewählte Reden und Schriften. Bd. 1. Auswahl aus den Jahren von 1889 bis 1917. Berlin : Dietz-Verl., 1957. 799 s.

Admiral A. Tirpitz's "Party maneuvers" at the start of the creation of a large navy in Kaiser's Germany

Sinegubov Stanislav Nikolaevich¹, Shilov Sergey Pavlovich²

¹Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of History, Socio-Economic and Social Disciplines, Ishim Pedagogical Institute (branch) Tyumen State University. Russia, Ishim. ORCID: 0000-0001-7458-5062. Researcher ID: GLN-8324-2022. E-mail: globus_75@inbox.ru

²Doctor of Historical Sciences, professor, Director of the Institute of Social and Humanitarian Sciences, Tyumen State University. Russia, Tyumen. ORCID: 0009-0004-4287. Researcher ID: IXN-4136-2023. E-mail: sshilov@mail.ru

Abstract. The article deals with the issue of the adoption of the I-th Fleet Law of 1898 in Germany, which was the beginning of the transformation of the country into a great maritime power in order to fight with Great Britain for a place "under the sun", which is relevant from a scientific and historical point of view. The problem for the German authorities was that many parties of the Reichstag were not "proflotsky". It was necessary to change the situation quickly. Otherwise, the failure of the vote on the bill would have serious economic and military-political consequences on the internal and external circuits. The subject of the study is the internal party struggle in the German representative body regarding the need to approve the first long-term law on the formation of a modern fleet as an effective instrument of foreign policy and the efforts of the head of the naval department A. Tirpitz to win over the leaders of the Catholic Center. It was the position of this party when voting on the naval issue that could ultimately determine its fate. Based on archival materials and published documents, research literature, the article shows that the Maritime Minister and his assistants conducted significant work with the leader of the Center Party, E. Lieber. As a result, the "Catholics" for the most part supported the law on the navy. It was adopted despite its criticism by the Social Democrats, the opposition of the Free-thinking People's Party, the German People's Party and some other political groups.

Keywords: Germany, the draft law on the navy of 1898, the struggle of parties in the Reichstag, the creation of new naval forces.

References

1. Alfred von Tirpitz. *Stockij N. V. Sto velikih admiralov* [Stotsky N. V. One Hundred Great Admirals]. M. 2003. Pp. 353–359.
2. AFPRE (Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation). F. Chancellery 1897. Inv. 470. File 21.
3. *Beskrovnyj L. G. Armiya i flot Rossii v nachale XX veka : ocherki voenno-ekonomicheskogo potenciala* [The Army and Navy of Russia at the beginning of the twentieth century: essays of military and economic potential]. M. Nauka (Science). 1986. 238 p.
4. Heydorn G. *Monopolii. Pressa. Vojna. Issledovanie vneshnej politiki Germanii s 1902 po 1914 god. Rol' pressy v podgotovke Pervoj mirovoj vojny* [Monopolies. The press. War. A study of German foreign policy from 1902 to 1914. The role of the press in the preparation of the First World War]. M. Progress. 1964. 573 p.
5. Erusalimskij A. S. *Vneshnyaya politika i diplomatiya germanskogo imperializma v konce XIX veka* [Foreign policy and diplomacy of German imperialism at the end of the XIX century]. M. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1951. 608 p.
6. Iollos G. B. *Pis'ma iz Berlina* [Letters from Berlin]. SPb. Obshchestvennaya pol'za (Public Benefit). 1908. 496 p.
7. Newbold U. *Kak Evropa vooruzhalas' k vojne (1871–1914)* [How Europe was arming itself for war (1871–1914)]. M. Higher military editorial council. 1923. 141 p.
8. RSA of the Navy (Russian State Archive of the Navy). F. 417. Inv. 1. File 573.
9. Tirpits A. *Vospominaniya* [Memoirs]. M. Voenizdat. 1957. 656 p.
10. *Usilenie anglijskogo flota na 70 sudov. Morskaya hronika* – Strengthening of the English fleet by 70 ships. Marine Chronicle // *Morskoj sbornik* – Marine collection. 1889. No. 4. Pp. 1–6.
11. Halgarten G. *Imperializm do 1914 goda. Sociologicheskoe issledovanie germanskoj vneshnej politiki do Pervoj mirovoj vojny* [Imperialism before 1914. A sociological study of German foreign policy before the First World War]. M. Publishing House of Foreign Lit. 1961. 695 p.
12. Zuber T. *Sochinyaya plan Shliffena* [Composing the Schlieffen plan]. Available at: http://samlib.ru/z/zaraza_n_e/shliffen1doc.shtml (date accessed: 12.07.2023).

13. *Engel's F. Anti-Dyuring* [Anti-During] // *Marx K. and Engels F. Soch.* [Works]. Vol. 20. Pp. 15–338.
14. *Berghahn V. R., Deist W.* Rüstung im Zeichen der wilhelmischen Weltpolitik. Grundlegende Dokumente 1890–1914. Düsseldorf : Droste Verl., 1988. 386 p.
15. *Berliner Tageblatt.* 20.08.1897.
16. *Erdmann G. A.* Wehrhaft zur See! Die Hauptpunkte der deutschen Flottenfrage. Leipzig, 1900.
17. *Fricke D.* Deutscher Flottenverein und Regierung. 1900–1906 // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.* 1982. Pt. 2. Pp. 141–157.
18. *Gottwald H.* Der Umfall des Zentrums. Die Stellung der Zentrumspartei zur Flottenfrage von 1897 // *Studium zum deutschen Imperialismus vor 1914.* Bd. 47. Berlin, 1976. Pp. 178–202.
19. *Hallman H.* Der Weg zum deutschen Schlachtflottenbau. Stuttgart : Kohlhammer, 1933. 340 p.
20. *Hassell U.* Tirpitz. Sein Leben und Wirken mit Berücksichtigung seiner Beziehungen zu Albrecht von Stosch. Stuttgart : C. Belsler, 1920. 240 p.
21. *Kehr E.* Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894–1900. Versuch eines Querschnitts durch die innenpolitischen, sozialen und ideologischen Voraussetzungen des deutschen Imperialismus. Berlin : Ebering, 1930. 464 p.
22. *Lampe J.* Der parlamentarische Kampf der revolutionären deutschen Sozialdemokratie gegen die Flottenfrage von 1897 // *Militargeschichte.* 1980. Pt. 2. Pp. 190–202.
23. *Mehring F.* Gesammelte Schften. Bd. 14. Politische Publizistik 1891–1904. Berlin : Dietz-Verl., 1964. 799 p.
24. *Neue Zeit.* 01.12.1897.
25. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung.* 03.11.1898.
26. *Parvus A.* Marineforderungen, Kolonialpolitik und Arbeiterinteresen. Dresden : Verlag der Sächsischen Arbeiter Zeitung, 1898.
27. *Reichsgesetzblatt.* 10.04.1898.
28. *Reinhard W.* Die Unterwerfung der Welt. Globalgeschichte der europäischen Expansion 1415–2015. München : Verlag C. H. Beck oHG, 2016. 1648 p.
29. *Schack K.* Der Beginn des deutschen Schlachtflottenbaues 1897–1900. Grundlage und Entwicklung bis zum Zweite Ftottengesetz / Inaug. Diss, zu Munchen. München, 1981.
30. *Steinberg J. A.* Yesterday's deterrent: Tirpitz and birth of German battle fleet. London : Macdonald, 1965. 240 p.
31. *Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages IX.* Legislaturperiode, V Session 1897/98. Bd. 1. Berlin, 1898. 1728 p.
32. *Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages IX.* Legislaturperiode, V Session 1897/98. Bd. 3. Berlin, 1898. Pp. 1639–2335.
33. *Tirpitz A.* Politische Dokumente. Bd. 1. Der Aufbau der deutschen Weltmacht. Stuttgart : Cotta, 1924. 460 p.
34. *Weser Zeitung.* 02.10.1897.
35. *Zetkin K.* Aus Gewahlte Reden und Schriften. Bd. 1. Auswahl aus den Jahren von 1889 bis 1917. Berlin : Dietz-Verl., 1957. 799 p.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327«20»

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.041

Особенности международного сотрудничества в XXI в.

Комарова Диана Сергеевна¹, Сонец Дмитрий Дмитриевич²

¹аспирант направления «История международных отношений и внешней политики»,
Новосибирский государственный университет экономики и управления.

Россия, г. Новосибирск. ORCID: 0000-0002-1070-4007. E-mail: komarova.d.s@mail.ru

²аспирант направления «История международных отношений и внешней политики»,
Новосибирский государственный университет экономики и управления.

Россия, г. Новосибирск. ORCID: 0000-0003-3797-3191. E-mail: d.sonets@yandex.ru

Аннотация. Бурное развитие технологий, процессы цифровизации и глобализации вызвали серьезные изменения в политической, экономической, социальной и экологической сферах, что неизбежно повлияло на государства и на взаимоотношения между ними. В последние десятилетия на фоне возникновения новых глобальных вызовов бурно развиваются трансрегиональные связи, появляются новые формы сотрудничества, что объясняет актуальность исследования трансформации подходов к выстраиванию международного сотрудничества в новых реалиях XXI в. В статье рассматривается термин «международное сотрудничество» в общем теоретическом понимании, а также в том значении, в котором оно используется исследователями-международниками на сегодняшний день. Анализ истории международных отношений XXI в., современных политических тенденций и текущей повестки позволил выделить несколько трендов, которые формируют процесс международного сотрудничества в XXI в.: 1) блоковое противостояние, 2) глобализация, трансрегионализм и региональная интеграция, 3) цифровизация, 4) изменение международной повестки, 5) глобальные вызовы, требующие коллективного решения, 6) современные проблемы взаимодействия внутри международных организаций. В статье предпринимается попытка исследовать взаимосвязь между новыми подходами государств к выстраиванию международного сотрудничества и происходящими процессами в международной политико-экономической сфере, а также возникающими глобальными проблемами. Стремительное развитие технологий и качественные метаморфозы человеческой жизни, цифровизация, глобализация, вызовы, в разрешении которых требуются совместные усилия государств, изменение системы МО – все это закономерно провоцирует изменение механизмов международного сотрудничества. На основе проведенного анализа в заключении авторы представляют возможные сценарии дальнейшей трансформации системы сотрудничества.

Ключевые слова: теория международных отношений, принцип международного права, субъекты международного права, трансрегионализм.

Несмотря на то, что состояние разобщенности мира является естественным с точки зрения политической теории и, если обращаться к истории, даже более привычным состоянием мировой системы, корпоративные и интеграционные процессы постоянны точно так же, как войны и конфликты. За последние десятилетия специфика и актуальные формы международного сотрудничества сильно изменились. Происходящие глобализационные и интеграционные процессы, обострение глобальных проблем и появление новых общемировых кризисов – все это отражается в новых тенденциях международного сотрудничества на усиление взаимозависимого характера международных отношений между участниками и увеличение потребности в расширении многостороннего сотрудничества, что способствует его проникновению во все сферы жизни мирового сообщества, как, например, это произошло в 2020 г. в период пандемии [31]. Как отмечает А. В. Крысанов: «В процессе международной коммуникации в силу объективных и субъективных причин возникают различные по своей форме и активности контакты, а наиболее тесное международное взаимодействие, как пра-

вило, перерастает в сотрудничество, которое направлено на решение общих целей и задач» [10, с. 22].

Традиционно понятие «международное сотрудничество» рассматривается в теории международных отношений (ТМО), а также является принципом международного права.

Международное сотрудничество (как принцип международного права) – это совместные действия субъектов в какой-либо сфере взаимных интересов, их взаимосвязанная деятельность по согласованию своих позиций, координации действий, разрешению общезначимых проблем и принятию взаимоприемлемых решений [15, с. 182].

Впервые принцип сотрудничества в практике международного права был сформулирован в Уставе ООН, где утверждался как один из основных. Однако именно идея сотрудничества и взаимодействия формировалась естественным образом, выступая в качестве регулятора взаимодействий государств, их лидеров, иницируя переговоры и содействуя разрешению конфликтов. Впоследствии этот естественный принцип способствовал формированию норм, принципов и институтов международного права.

В основу Устава ООН положена идея международного сотрудничества с целью «создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружеских отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов» [21]. Согласно данному принципу, государства обязаны «осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера», а также «поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры» [см. там же].

Детальнее принцип международного сотрудничества был описан в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами (1970 г.), где закрепляется обязанность всех государств сотрудничать друг с другом в различных областях международных отношений в целях:

- поддержания международного мира и безопасности, содействия международной стабильности, прогрессу и общему благосостоянию народов;
- установления всеобщего уважения и соблюдения прав человека, основных свобод и ликвидации всех форм расовой дискриминации и религиозной нетерпимости;
- принятия совместных и индивидуальных мер, предусмотренных Уставом ООН;
- содействия всеобщему прогрессу в экономической, социальной, культурной, технической и торговой областях, а также науки и образования в соответствии с принципами суверенного равенства и невмешательства;
- оказания содействия экономическому росту во всем мире, особенно в развивающихся странах [7].

Таким образом, принцип международного сотрудничества в международном праве – основополагающее начало деятельности субъектов международного права, которое посредством международных актов приобретает обязательный для них характер.

Международное сотрудничество (в ТМО) – это согласование (кооперация) действий государств по достижению их целей и интересов [19, с. 209].

Стоит отметить, что в 1980-х гг. рассматриваемое понятие стало причиной парадигмального спора («большого третьего спора» или «спора о выгодах»), разгоревшегося между сторонниками неореализма и неолиберализма, который сводился к вопросу – что определяет внешнюю политику государств: стремление к максимизации абсолютных или относительных выгод? К участникам спора можно отнести таких исследователей, как Р. Кеохейн [25] и Дж. Най-младший [29], С. Уолт [33] и Х. Милнер [28], С. Краснер [26] и Р. Пауэлл [30], А. Штайн [32] и Дж. Грико [24].

Приверженцы неореализма полагали, что в основе планирования и осуществления внешней политики государства лежит стремление к приобретению больших возможностей, чем имеют или могут получить другие акторы международных отношений. Так, получение абсолютных выгод считается маловероятным и омраченным риском непропорционального распределения выгод или вступления в зависимые отношения с партнером, а значит, сотрудничество не может существовать как таковое. Неолибералы же, напротив, считали международное сотрудничество необходимым компонентом для достижения стабильного миропорядка, развития международных отношений и прогресса, позволявшим решать общие вопросы безопасности, устойчивого развития и экономического благополучия. Таким образом,

развитие международного сотрудничества дает возможность получать выгоду каждому из участников вне зависимости от размеров и пропорций этой выгоды.

Несмотря на то, что «спор о выгодах» так и не был разрешен [12, с. 95], он положил начало дебатам по теме, по которой в том числе написана данная статья. Как результат «спора», в научном сообществе было достигнуто единогласие касательно термина «международное сотрудничество». Как отмечает Э. Милнер, вслед за Р. Кохейном многие ученые сегодня понимают сотрудничество как ситуацию, «когда одни акторы регулируют свое поведение в соответствии с фактическими или ожидаемыми предпочтениями других, через процесс [взаимной] координации политик» [29, с. 467]. Описываемая концепция состоит из двух элементов. Во-первых, предполагается, что каждый актор имеет свою определенную цель, что не предполагает общность целей, но подразумевает рациональное поведение государств-партнеров. Во-вторых, подразумевается, что сотрудничество обеспечит актерам некоторую выгоду, не обязательно соразмерную, но взаимную. «Каждый актор не обязательно помогает другому, но, делая это, он ожидает улучшения своей собственной ситуации, что ведет к взаимной координации государственных политик» [см. там же].

Анализ истории международных отношений, современных политических тенденций и текущей повестки позволил выделить несколько трендов, которые формируют процесс международного сотрудничества в XXI в.

1. Блоковое противостояние. В современных международных отношениях продолжается блоковое противостояние, которое берет свое начало еще в период холодной войны. Это противостояние характеризуется группировками стран, объединенных по общим интересам и целям, которые конкурируют друг с другом за влияние и ресурсы. На сегодняшний день можно выделить следующие векторы противостояния: НАТО и Российская Федерация, США и Китай.

Корни противоборства первых лежат в середине XX в., с образования в 1949 г. Североатлантического альянса. После двух неудачных попыток присоединиться СССР, а затем Российской Федерации к блоку НАТО в 1954 и 1992 гг. [8, с. 33; 9, с. 14], к середине 90-х гг. РФ и НАТО все же удалось выстроить партнерские отношения, которые однако все еще воспринимались рискованными. Современный этап начинается с президентства В. В. Путина, и с этого момента отношение к партнерству с Западом было кардинально пересмотрено. Как отмечает О. Н. Быков: «И если еще не с позиции паритета потенциалов и статусов, то уже никак не в роли младшего партнера. Главное же новшество заключалось в том, что очередной разворот России лицом к Западу не означал повторения прежних моделей их взаимоотношений, носивших на себе так или иначе печать мечтаний о межсистемной конвергенции» [4, с. 183]. Теперь Запад в РФ стал восприниматься как источник различных угроз в сферах военно-политической, культурной, отчасти экономической. На сегодняшний день отношения между блоками накалены до предела: НАТО в Стратегической концепции до 2030 г. назвал Россию своей главной военной угрозой, и та вынуждена защищать свои национальные интересы. Кроме того, Российская Федерация осуществляет активные действия по развитию Союзного государства с Белоруссией, ОДКБ, как военно-политической организации, обеспечивающей безопасность всех ее членов от внешних угроз, например, таких, как НАТО.

США и Китай – державы, которые согласно непреклонным закономерностям развития международных отношений были приговорены в какой-то момент истории вступить в битву за доминирование, находятся в ситуации основательной структурной взаимозависимости. Изначально США планировали создать «большую двойку» вместе с Китаем, но последний отверг эту идею. Поворотным моментом в американо-китайских взаимоотношениях стал рубеж 2010-х гг. По результатам мирового финансового кризиса Китай и США задумались, что их потенциал взаимозависимости имеет определенные пределы, а разъединение двух стран в конечном счете неизбежно. Американо-китайское сражение не предусматривает больше взаимных уступок – победителем должен быть кто-то один. Холодная война нового типа между США и Китаем ставит все остальные страны в затруднительное положение [14].

Исходя из опыта XX в., можно предположить, что противоборствующие стороны стремятся выстроить свои блоки из государств-партнеров. Но это не единственный возможный сценарий, так как сейчас идеологическое разделение сторон отсутствует, в этой плоскости отсутствует конфронтация. Как бы ее ни пытались вернуть официальные лица США, Китай выступает с культурно-цивилизационных позиций, которые не предусматривают каких-либо альянсов, а наоборот, подчеркивают общность и уникальность всех друг от друга.

В то же время даже в условиях блокового противостояния могут возникать случаи сотрудничества между странами. Один из таких примеров – сотрудничество между Россией и США в области космоса. Несмотря на то, что эти страны считаются конкурентами в геополитической сфере, они также являются главными партнерами в международной космической программе. И данный пример является доказательством того, что несмотря на геополитические разногласия и блоковое противостояние, страны могут находить общие интересы и работать вместе в научных и технических областях на благо человечества.

2. Глобализация, трансрегионализм и региональная интеграция. Глобализация – процесс растущей взаимозависимости мировых экономик, культур и населения, вызванный расширением международной торговли, технологий и потоками инвестиций, людей и информации.

Большую роль в развитии глобализации сыграло появление новых средств связи, которые обеспечивают оперативное распространение товаров и услуг. Этому способствовали: а) ускорение НТР, позволившее использовать самые современные технологии; б) создание электронных торговых площадок; в) повсеместная имплементация международными организациями единых стандартов. Также глобализация оказывает влияние на производственный процесс, который становится международным, так как итоговый продукт создается мощностями производителей различных стран.

Многие исследователи в попытках детерминировать происхождение глобализации приходят к следующим выводам: глобализация является рукотворным процессом, политикой, которая сознательно проводится развитыми странами во главе с США [20, с. 28]; глобализация – процесс, имеющий однополюсную природу, является «институционализацией системы неокOLONиальной эксплуатации мировой экономики «империализмом доллара» [1, с. 20]; главная цель – максимальное расширение зоны распространения американского доллара [18, с. 169]; глобализация – процесс установления и упрочения господства европейского капитализма; глобализация – естественное состояние международных отношений [5, с. 68; 13]. Среди большого спектра очень схожих по направленности мыслей о происхождении глобализации авторы отдают свое предпочтение идеям М. Хазина и А. Кобякова. Они считают, что в связи с недалекновидной внутригосударственной политикой в экономической сфере в США, начиная с середины – конца XX в., происходил перегрев фондового рынка, и экономике требовалось постоянное увеличение масштаба «долларового мира», чтобы предотвратить сценарий катастрофического обрушения сильно перегретого фондового рынка [22, с. 237, 243].

Развитие двусторонних и многосторонних отношений в различных регионах мира в XXI в. происходит, с одной стороны, двумя огромными блоками в достаточно четко расчерченных границах, а с другой – заметно развитие трансрегионализма.

Трансрегиональное сотрудничество – взаимодействие между двумя и более регионами, включающими в себя более широкий круг акторов, чем государства и их объединения [11, с. 25].

В XXI в. многие страны предпринимают шаги по созданию региональных блоков, таких как Южноамериканский союз, Африканский союз, СЕЛАК. Это позволяет укрепить экономические и политические связи между странами и повысить их конкурентоспособность на мировом рынке. В то же время выстраивается взаимодействие между образовавшимися региональными объединениями, что значительно усложняет систему международного сотрудничества. Примерами тому являются форум Китай – СЕЛАК, а также сотрудничество между ЕС и СЕЛАК, Региональное экономическое партнерство (РСЕР) – соглашение о свободной торговле между 15 странами в регионе Азии и Тихого океана, включая Китай, Японию, Южную Корею, Австралию, Новую Зеландию.

3. Цифровизация. Развитие цифровых технологий в последнее время привело к расширению международного сотрудничества в сфере IT и кибербезопасности, что повышает доступность информации и связи между странами.

Цифровизацию можно рассматривать как современный этап научно-технической революции [6, с. 23]. Она заключается не только в передаче части функций, которые прежде выполнял человек, автоматическим устройствам, но и в повышении эффективности производственных процессов, более оперативном принятии решений, ускорении кооперации. М. С. Абрашкин и А. А. Вершинин, говоря о целях цифровой экономики, упоминают: повышение производительности труда за счет роботизации, появление новых рынков сбыта, снижение издержек обращения за счет компьютеризации [2, с. 4]. Но кроме положительного влияния, цифровизация также изменяет дипломатические инструменты и создает новые угрозы, такие как утечка данных, информационные и кибервойны, что будет рассмотрено далее.

4. Изменение международной повестки. Учитывая тот факт, что на сегодняшний день мировое сообщество находится под влиянием стремительного распространения информационно-коммуникационных технологий, гибридизации международных акторов и трансрегионализма, а также в связи с появлением новых глобальных вызовов, можно заметить, что приоритетность вопросов международного сотрудничества от чисто политических постепенно переходит к проблемам устойчивого развития, социально-политической системы, экологии, организации экономического пространства. Например, контент-анализ международных актов, регулирующих международное сотрудничество Китай и СЕЛАК (региональный блок Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна) с 2015 по 2021 гг. показывает, что наиболее объемно в документах описаны условия сотрудничества по таким направлениям, как экономическое взаимодействие (от 10 до 42 %), обмен технологиями и инновациями (от 7 до 13 %), сотрудничество в социальной и культурной сферах (от 12 до 14 %), а деталям политического сотрудничества посвящается от 10 до 17 %. В том же исследовании отмечается, что за 6 лет больший прирост описания условий сотрудничества наблюдался по темам инновации, социальная сфера, образование и культура, здравоохранение [17, с. 54].

5. Глобальные вызовы, требующие коллективного решения. На каждом историческом этапе человечество сталкивается с различными проблемами. Если ранее это были трудности, с которыми отдельное государство или небольшие объединения стран могли справиться самостоятельно, то в современных реалиях требуются коллективные решения проблем планетарного масштаба.

Взрывное развитие общества потребления, системный дисбаланс во взаимодействии природы и человека приводят в совокупности к значительному повышению риска возникновения различных катастроф в мире. И как считают некоторые социологи, современное глобальное общество перешло от состояния индустриальной модернизации к состоянию «общества риска». Этот термин в 1986 г. ввел немецкий социолог Ульрих Бек [3]. Такое общество в первую очередь производит неизбежные катаклизмы, а не материальные блага.

Перечислим некоторые из наиболее значимых глобальных проблем:

1. Кибербезопасность – с увеличением количества цифровых технологий и интернета возникают новые угрозы в сфере кибербезопасности, такие как хакерские атаки, кибершпионаж, кибервойны и кибертерроризм.

2. Изменение климата – является одной из самых серьезных проблем, с которыми сталкивается мировое сообщество, и может привести к катастрофическим последствиям, таким как повышение уровня морей, изменение погодных условий и увеличение количества природных бедствий. В связи с ухудшением экологической ситуации в мире в 2015 г. было подписано Парижское соглашение с целью сдерживания глобального потепления, став основой для сотрудничества государств в стремлении снижения выбросов CO₂ и перехода на «зеленую энергетику».

3. Миграция – проблема, которая вызвана различными факторами: войны, бедность, политические конфликты, и может привести к политическим и экономическим напряжениям между странами.

4. Здравоохранение – пандемии, как, например, COVID-19, имеют глобальный характер и могут вызывать такие серьезные проблемы для международных отношений, как закрытие границ и снижение экономической активности. Возникшая в 2020 г. ситуация затронула весь мир, государства начали активную совместную работу по нормализации ситуации и поиску решений: обмен медицинскими данными и методиками лечения, отправка гуманитарной помощи, создание мощностей по производству вакцин на территориях стран-партнеров [23].

5. Распространение ядерного оружия – крайне актуальная проблема в связи с текущими военно-политическими конфликтами.

6. Развитие искусственного интеллекта – имеет огромный потенциал для экономики и общества, но также может привести к угрозе безопасности и серьезным этическим проблемам, таким, как автоматизация рабочих мест и использование искусственного интеллекта в кибератаках и кибершпионаже.

7. Нарастающий кризис способности к лидерству – ситуация в мировой политике в последние годы была отмечена отказом от привычных правил международных отношений, а также от конструктивного мультилатерализма, что может привести к ухудшению международной кооперации и росту глобальных конфликтов.

6. Современные проблемы взаимодействия внутри международных организаций.

Международное сотрудничество стран мира не может быть всегда идеальным, и авторы выделяют следующие проблемы взаимодействия внутри международных организаций:

1. Различный уровень развитости стран, политического веса, что приводит к дисбалансу влияния участников внутри международных организаций. Рассмотрим в качестве примера Североатлантический альянс. В НАТО наибольшим экономическим, политическим, военным влиянием обладают США: более 2 % от ВВП они тратят на финансирование организации и призывают всех остальных участников повысить свои расходы, также наибольшая часть вооруженных сил организации обеспечена ВС США. Эти два фактора, экономический и военный, позволяют Соединенным Штатам иметь решающий политический вес в организации. Можно утверждать, что в НАТО сформировался унилатерализм.

В качестве примера зарождающейся тенденции справедливого мультилатерализма стоит рассмотреть БРИКС. На первый взгляд, среди стран-участниц просматриваются два очевидных лидера: Китай, имеющий огромное экономическое и политическое влияние, и Россия с чуть менее весомым экономическим, но значительным политическим весом. Однако на практике, исходя из взаимодействия участников БРИКС, можно заметить, что каждый партнер имеет свои сильные стороны и руководствуется собственными национальными интересами, но при этом осознает необходимость равноправного, компромиссного партнерского международного сотрудничества и стремится к этому, несмотря на неравенство.

2. Отсутствие модернизации международных организаций в соответствии с современными реалиями. Яркий пример – ООН. Без сомнений, Организация Объединенных Наций – основополагающая в современном мире, объединяет все страны мира для поддержания и укрепления международного мира, безопасности и сотрудничества, но за 77 лет существования устои организации остались неизменными, а международная обстановка – нет. Изменение реалий мира требует соответствующих изменений международных организаций, но несмотря на факт осознания этой проблемы, модернизация ООН не происходит.

Изучив в теории понятие **международного сотрудничества** и произошедшие в XXI в. изменения механизмов функционирования процессов на практике, можно предположить несколько направлений дальнейшей трансформации международных отношений и сотрудничества:

1. Становление мультиполярности мировой системы: при росте влияния Китая и других развивающихся стран, а также уменьшении роли США, мировая система может стать мультиполярной, что приведет к изменению взаимодействия государств и международных организаций.

2. Рост протекционизма и национализма: в условиях нарастания неопределенности на мировой арене ряд государств может принять протекционистские и националистические меры, что приведет к снижению международного сотрудничества и усилению напряженности в международных отношениях.

3. Совершенствование международной координации в борьбе с глобальными проблемами (изменение климата, бедность, терроризм и пандемии), что поспособствует укреплению роли международных организаций (например, ООН) на международной арене и увеличению международного сотрудничества в целом.

4. Развитие кибербезопасности и всплеск кибервойн: развитие технологий может привести к новым вызовам в области безопасности и распространению кибер-угроз, а также усилению контроля над информацией. Это приведет к усилению международной конкуренции и активному сотрудничеству в области кибербезопасности.

5. Увеличение роли частного сектора: в условиях растущей роли частного сектора, глобальных корпораций, взаимодействие между государствами и частным сектором может стать еще более важным.

6. Укрепление региональной интеграции и трансрегионализма: региональные организации (Европейский союз, Африканский союз, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество) продолжают укреплять свою роль в международном сотрудничестве, что может привести к углублению региональной экономической интеграции и более тесному сотрудничеству между странами в регионе.

7. Рост регулятивного влияния: глобальные проблемы – изменение климата и бедность – могут привести к усилению регулятивного влияния на внешнеэкономическую деятельность, бизнес, что спровоцирует появление новых форм международного сотрудничества, способствует участию международных организаций в решении глобальных проблем.

Будущее международных отношений зависит от многих факторов: политические, экономические и социальные изменения в мире, развитие технологий, геополитические изменения. Однако независимо от того, какие вызовы и проблемы возникнут в будущем, международное сотрудничество будет оставаться важным фактором в решении многих глобальных проблем.

Список литературы

1. Абдулгамидов Н., Гурбанов С. Двойные стандарты однополюсной глобализации // Экономист. 2002. № 12. С. 20–38.
2. Абрашкин М. С., Вершинин А. А. Влияние цифровой экономики на развитие промышленности РФ // Вопросы региональной экономики. 2018. № 1 (34). С. 3–9.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.
4. Быков О. Н. Геополитический статус России: в 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 210 с.
5. Валлерстайн И. Мир, в который мы вступаем: 2000–2050 гг. // РСМ. 2001. № 1. С. 64–75.
6. Горлова И. И., Зорин А. Л., Крюков А. В. Цифровизация как мегатренд развития современного общества и ее влияние на сферу культуры // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 20–37.
7. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, 24.10.1970. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 17.12.2022).
8. Дипломатический вестник МИД РФ. 1992. № 7. С. 30–38.
9. Интервью Генерального секретаря Организации Североатлантического договора Марку Неймарку // VIP-международный журнал о лидерах для лидеров. 1991. № 6. С. 11–15.
10. Крысанов А. В. Международное сотрудничество: общетеоретическое и правовое измерение // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 4 (45). С. 23–28.
11. Кузнецов Д. А. Теория и практика международного трансрегионализма. М.: Аспект-Пресс, 2022. 160 с.
12. Ланко Д. А. Проблема сотрудничества в третьем «Большом споре» в теории международных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2013. № 2. С. 92–97.
13. Лебедева М. М. Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2019. 400 с.
14. Лукьянов Ф. А. Химера, олицетворявшая глобализацию // Огонек. 25.05.2020. № 20. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4348178> (дата обращения: 23.12.2022).
15. Международное право / отв. ред. В. П. Кузнецов, Б. Р. Тузмухамедов. Изд. 3-е, перераб. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 720 с.
16. Неймарк М. РОССИЯ – НАТО: Есть ли у прошлого будущее? // Обозреватель – Observer. 2020. № 12 (371). С. 21–34.
17. Сербина А. С., Комарова Д. С. Сравнительный контент-анализ Совместного плана сотрудничества Китай – СЕЛАК в 2015, 2018, 2021 гг. // Клио. 2022. № 7 (187). С. 48–56.
18. Тарасова О. А. Глобализация как экономический процесс: понятие, этапы // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 1 (23). С. 168–171.
19. Теория международных отношений: курс лекций / Ю. П. Ивонин, О. И. Ивонина; Новоси�. Государственный университет экономики и управления. Новосибирск: НГУЭУ, 2015. 252 с.
20. Трифионов Д. С. Глобализация: сущность и современные тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. № 5. С. 26–38.
21. Устав Организации Объединенных Наций, 26.06.1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 20.12.2022).
22. Хазин М. Закат империи доллара и конец Pax Americana / М. Хазин, А. Кобяков. М.: РИПОЛ классик, 2022. 302 с.
23. A Global Development Paradigm for a World in Crisis. CGD Policy Paper 275 / Rachael Calleja, Beata Cichocka, Mikaela Gavas, Samuel Pleeck. Washington, DC: Center for Global Development, November, 2022. URL: <https://www.cgdev.org/publication/global-development-paradigm-world-crisis> (дата обращения: 20.12.2022).
24. Grieco J. M. Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of the Newest Liberal Institutionalism // International Organization. 1988. Vol. 42. № 3 (Summer). С. 485–507.
25. Keohane R. O. International Institutions: Two Approaches // International Studies Quarterly. 1988. Vol. 32. № 4. С. 379–396.
26. Krasner S. D. Regimes and the Limits of Realism: Regimes as Autonomous Variables // International Organization. 1982. Vol. 36. № 2. International Regimes (Spring). С. 497–510.

27. Milner H. International Theories of Cooperation: Strengths and Weaknesses // World Politics. 1992. V. 44. C. 466–496. URL: http://www.rochelleterman.com/ir/sites/default/files/Milner1992_0.pdf (дата обращения: 20.12.2022).

28. Milner H. The Assumption of Anarchy in International Relations Theory: A Critique // Review of International Studies. 1991. Vol. 17. № 1. C. 67–85.

29. Nye J. S., Jr. Old Wars and Future Wars: Causation and Prevention // Journal of Interdisciplinary History. 1988. Vol. 18. № 4. The Origin and Prevention of Major Wars (Spring). C. 581–590.

30. Powell R. Absolute and Relative Gains in International Relations Theory // The American Political Science Review. 1991. Vol. 85. № 4. C. 1303–1320.

31. Reforming international cooperation towards transformative change – G20 Insights, 15.05.2017 / Imme Scholz, LI Yuefen, Paulo Esteves, Venkatachalam Anbumozhi. URL: https://www.g20-insights.org/policy_briefs/reforming-international-cooperation-towards-transformative-change/ (дата обращения: 20.12.2022).

32. Stein A. A. Coordination and Collaboration: Regimes in an Anarchic World // International Organization. 1982. Vol. 36. № 2. International Regimes (Spring). C. 299–324.

33. Walt S. M. Alliance Formation and the Balance of World Power // International Security. 1985. Vol. 9. № 4 (Spring). C. 3–43.

Features of international cooperation in the XXI century

Komarova Diana Sergeevna¹, Sonets Dmitry Dmitrievich²

¹postgraduate student of the direction "History of International Relations and Foreign Policy",
Novosibirsk State University of Economics and Management.

Russia, Novosibirsk. ORCID: 0000-0002-1070-4007. E-mail: komarova.d.s@mail.ru

²postgraduate student of the direction "History of International Relations and Foreign Policy",
Novosibirsk State University of Economics and Management.

Russia, Novosibirsk. ORCID: 0000-0003-3797-3191. E-mail: d.sonets@yandex.ru

Abstract. The rapid development of technology, the processes of digitalization and globalization have caused serious changes in the political, economic, social and environmental spheres, which inevitably affected states and the relationship between them. In recent decades, against the background of the emergence of new global challenges, trans-regional ties are rapidly developing, new forms of cooperation are emerging, which explains the relevance of the study of the transformation of approaches to building international cooperation in the new realities of the XXI century. The article discusses the term "international cooperation" in the general theoretical understanding, as well as in the meaning in which it is used by international researchers today. The analysis of the history of international relations of the XXI century, modern political trends and the current agenda allowed us to identify several trends that shape the process of international cooperation in the XXI century: 1) block confrontation, 2) globalization, transregionalism and regional integration, 3) digitalization, 4) changing the international agenda, 5) global challenges requiring collective solutions, 6) modern problems of interaction within international organizations. The article attempts to explore the relationship between the new approaches of states to building international cooperation and the ongoing processes in the international political and economic sphere, as well as emerging global problems. The rapid development of technologies and qualitative metamorphoses of human life, digitalization, globalization, challenges that require joint efforts of states to resolve, changes in the defense system – all this naturally provokes a change in the mechanisms of international cooperation. Based on the analysis, in conclusion, the authors present possible scenarios for further transformation of the cooperation system.

Keywords: theory of international relations, principle of international law, subjects of international law, transregionalism.

References

1. Abdulgamidov N., Gurbanov S. Dvojnye standarty odnopolyusnoj globalizacii [Double standards of uni-polar globalization] // *Ekonomist* – Economist. 2002. No. 12. Pp. 20–38.

2. Abrashkin M. S., Vershinin A. A. Vliyaniye cifrovoj ekonomiki na razvitie promyshlennosti RF [The impact of the digital economy on the development of industry in the Russian Federation] // *Voprosy regional'noj ekonomiki* – Issues of regional economy. 2018. No. 1 (34). Pp. 3–9.

3. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk society. On the way to another modern]. M. Progress-Tradition. 2000. 381 p.

4. Bykov O. N. Geopoliticheskij status Rossii : v 2 kn. Kn. 2 [The geopolitical status of Russia : in 2 books. Book 2]. M. IMEMO RAS. 2015. 210 p.

5. Wallerstein I. Mir, v kotoryj my vstupаем: 2000–2050 gg. [The world we are entering: 2000–2050] // RSM. 2001. No. 1. Pp. 64–75.

6. Gorlova I. I., Zorin A. L., Kryukov A. V. *Cifrovizaciya kak megatrend razvitiya sovremennogo obshchestva i ee vliyanie na sferu kul'tury* [Digitalization as a megatrend of development of modern society and its impact on the sphere of culture] // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* – Herald of Tomsk State University. Cultural studies and art criticism. 2020. No. 40. Pp. 20–37.
7. *Deklaraciya o principah mezhdunarodnogo prava, kasayushchihsya druzhestvennyh otnoshenij i sotrudnichestva mezhdunarodnymi gosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom Organizacii Ob'edinennyh Nacij, 24.10.1970* – Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation between States in Accordance with the Charter of the United Nations, 24.10.1970. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (date accessed: 17.12.2022).
8. *Diplomaticheskij vestnik MID RF* – Diplomatic herald of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 1992. No. 7. Pp. 30–38.
9. *Interv'yu General'nogo sekretarya Organizacii Severoatlanticheskogo dogovora Marku Nejmarku* – Interview of the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization Mark Neymark // *VIP-mezhdunarodnyj zhurnal o liderah dlya liderov* – VIP-international magazine about leaders for leaders. 1991. No. 6. Pp. 11–15.
10. Krysanov A. V. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo: obshcheteoreticheskoe i pravovoe izmerenie* [International cooperation: general theoretical and legal dimension] // *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava* – Herald of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 23–28.
11. Kuznecov D. A. *Teoriya i praktika mezhdunarodnogo transregionalizma* [Theory and practice of international transregionalism]. M. Aspect-Press. 2022. 160 p.
12. Lanko D. A. *Problema sotrudnichestva v tret'em "Bol'shom spore" v teorii mezhdunarodnyh otnoshenij* [The problem of cooperation in the third "Big dispute" in the theory of international relations] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* – Herald of St. Petersburg University. Political science. International relations. 2013. No. 2. Pp. 92–97.
13. Lebedeva M. M. *Megatrendy mirovoj politiki i ih razvitie v XXI veke : ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Megatrends of world politics and their development in the XXI century : handbook for university students] / ed. by M. M. Lebedeva. M. Aspect Press. 2019. 400 p.
14. Luk'yanov F. A. *Himera, olicetvoryavshaya globalizaciyu* [Chimera, personifying globalization] // *Ogonek* – Ogonek. 25.05.2020. No. 20. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4348178> (date accessed: 23.12.2022).
15. *Mezhdunarodnoe pravo* – International law / ed. V. P. Kuznetsov, B. R. Tuzmukhamedov. Ed. 3rd, reprinted. M. Norma : Infra-M. 2010. 720 p.
16. Neymark M. *ROSSIYA – NATO: Est' li u proshlogo budushchee?* [RUSSIA – NATO: Does the past have a future?] // *Obozrevatel'* – Observer. 2020. No. 12 (371). Pp. 21–34.
17. Serbina A. S., Komarova D. S. *Sravnitel'nyj kontent-analiz Sovmestnogo plana sotrudnichestva Kitaj – SELAK v 2015, 2018, 2021 gg.* [Comparative content analysis of the China – CELAC Joint Cooperation Plan in 2015, 2018, 2021] // *Klio* – Clio. 2022. No. 7 (187). Pp. 48–56.
18. Tarasova O. A. *Globalizaciya kak ekonomicheskij process: ponyatie, etapy* [Globalization as an economic process: concept, stages] // *Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarnye nauki* – Herald of YarSU. Humanities series. 2013. No. 1 (23). Pp. 168–171.
19. *Teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij : kurs lekcij* – Theory of International relations : a course of lectures / Yu. P. Ivonin, O. I. Ivonina; Novosibirsk State University of Economics and Management. Novosibirsk. NSUEM. 2015. 252 p.
20. Trifonov D. S. *Globalizaciya: sushchnost' i sovremennye tendencii razvitiya* [Globalization: the essence and modern development trends] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika* – Herald of Moscow University. Series 6. Economics. 2016. No. 5. Pp. 26–38.
21. *Ustav Organizacii Ob'edinennyh Nacij, 26.06.1945* – Charter of the United Nations, 26.06.1945. Available at: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (date accessed: 20.12.2022).
22. Hazin M. *Zakat imperii dollara i konec Pax Americana* [The decline of the Dollar Empire and the end of Pax Americana] / M. Khazin, A. Kobayakov. M. RIPOL classic. 2022. 302 p.
23. *A Global Development Paradigm for a World in Crisis. CGD Policy Paper 275* / Rachael Calleja, Beata Cichocka, Mikaela Gavas, Samuel Pleeck. Washington, DC : Center for Global Development, November, 2022. Available at: <https://www.cgdev.org/publication/global-development-paradigm-world-crisis> (date accessed: 20.12.2022).
24. Grieco J. M. *Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of the Newest Liberal Institutionalism* // International Organization. 1988. Vol. 42. No. 3 (Summer). Pp. 485–507.
25. Keohane R. O. *International Institutions: Two Approaches* // International Studies Quarterly. 1988. Vol. 32. No. 4. Pp. 379–396.
26. Krasner S. D. *Regimes and the Limits of Realism: Regimes as Autonomous Variables* // International Organization. 1982. Vol. 36. No. 2. International Regimes (Spring). Pp. 497–510.
27. Milner H. *International Theories of Cooperation: Strengths and Weaknesses* // World Politics. 1992. V. 44. Pp. 466–496. Available at: http://www.rochelleterman.com/ir/sites/default/files/Milner1992_0.pdf (date accessed: 20.12.2022).

28. *Milner H.* The Assumption of Anarchy in International Relations Theory: A Critique // Review of International Studies. 1991. Vol. 17. No. 1. Pp. 67–85.
29. *Nye J. S., Jr.* Old Wars and Future Wars: Causation and Prevention // Journal of Interdisciplinary History. 1988. Vol. 18. No. 4. The Origin and Prevention of Major Wars (Spring). Pp. 581–590.
30. *Powell R.* Absolute and Relative Gains in International Relations Theory // The American Political Science Review. 1991. Vol. 85. No. 4. Pp. 1303–1320.
31. Reforming international cooperation towards transformative change – G20 Insights, 15.05.2017 / Imme Scholz, LI Yuefen, Paulo Esteves, Venkatachalam Anbumozhi. Available at: https://www.g20-insights.org/policy_briefs/reforming-international-cooperation-towards-transformative-change/ (date accessed: 20.12.2022).
32. *Stein A. A.* Coordination and Collaboration: Regimes in an Anarchic World // International Organization. 1982. Vol. 36. No. 2. International Regimes (Spring). Pp. 299–324.
33. *Walt S. M.* Alliance Formation and the Balance of World Power // International Security. 1985. Vol. 9. No. 4 (Spring). Pp. 3–43.

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.1(092)

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.042

Методологические коллизии научного сознания М. М. Хвостова

Новиков Михаил Васильевич¹, Перфилова Татьяна Борисовна²

¹доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ,
заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

²доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. Рассматривается процесс эволюции научного сознания М. М. Хвостова от историка-исследователя исторического факта и чисто эмпирического анализа его последствий к ученому-обществоведо, признавшему необходимость совмещения в исторической гносеологии приемов познания номотетических и идиографических дисциплин, а также важность применения социологического подхода при изучении комплекса внутренне обусловленных причин развития целостной социальной реальности. Результатом синтеза индивидуализирующей истории и генерализирующей социологии М. М. Хвостов считал социологическую историю, которая способна нейтрализовать сугубо теоретический характер социологии и сугубо эмпирический характер истории. Обращается внимание на приверженность профессора, стремившегося к точности и безошибочности результатов научного поиска, логико-познавательной модели позитивизма. Соединяя в своей работе строго научные методы познания с субъективистскими методами (понимание, эмпатия), он тем не менее так и не смог признать неизбежность искажения в процессе познания объективной исторической действительности. Отмечается влияние культурно-эпистемологического контекста рубежа XIX–XX вв. на научное мировоззрение М. М. Хвостова и выводится заключение о вторичности его теоретико-методологических представлений, заимствованных из работ европейских мыслителей и культуры наукотворчества профессоров Императорского Московского университета. Выявляется особая значимость «методологической школы» П. Г. Виноградова, повлиявшая на трактовки М. М. Хвостовым теории истории, теории познания и методики исторического исследования. Вместе с тем подчеркивается, что М. М. Хвостов превзошел своих «ученых наставников» в тщательности и глубине исследования факторов исторического развития. Будущее исторической науки он видел в интеграции теоретического потенциала, научного аппарата и исследовательского инструментария всех наук об обществе, как социогуманитарных, так и естественных.

Ключевые слова: история, социология, социологическая история, «критический позитивизм», неокантианство, объективное знание, субъективизм, «ученые наставники», междисциплинарность.

В 2022 г. исполнилось 150 лет со дня рождения известного российского историка Михаила Михайловича Хвостова, выпускника Керченской гимназии и Московского университета, профессора Казанского и Томского Императорских университетов. Его становление как историка, достижения в исторической науке уже стали предметом нашего исследования [13; 14]. Данная публикация завершает цикл наших статей, посвященных культуре наукотворчества М. М. Хвостова. В ней в обобщенном виде рассматриваются амбивалентные теоретико-методологические основания его творческой лаборатории.

Как истинный историк, М. М. Хвостов стремился к «изучению деталей исторического развития», к познанию «конкретной действительности в ее многообразии» [21, с. 801, 813]; у него хорошо получалось определение значения «исторического факта» и осуществление «чисто эмпирического анализа его последствий» [21, с. 809].

Однако упор на конкретику «индивидуализирующей истории» не коррелировал с логикой объяснительной истории из-за «непознаваемости абсолютно индивидуального». Необходимость «введения» в познавательный процесс «общего элемента, более или менее привычного нашему уму» [21, с. 816], диктовалась естественно-научной – позитивистской – мето-

логической парадигмой: учением об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира, «законом причинной связи», «основным принципом... мышления» – требованием «причинного истолкования... фактов» [22, с. 29, 30], которые подчинили себе и процедуры исторической гносеологии. Потребность использования «общих понятий» и «общих суждений», наряду с поиском «повторяющихся, общих» явлений, установлением аналогичного и типичного, превращалась в практическую необходимость и при объяснении «исторической причинности» с точки зрения факторной, то есть социологической, теории [21, с. 801, 813, 816, 818, 819].

Неминуемое при обобщающих стратегиях снижение ценности индивидуального, неповторимого, единичного факта – непосредственного предмета изучения истории – могло быть сглажено, по представлениям М. М. Хвостова, социологической историей, которая обеспечивала синтез логико-познавательных моделей индивидуализирующей истории и генерализирующей социологии [22, с. 11]. Социологическая история, осмысливавшаяся в данном смысловом поле, становилась наукой об общем и повторяющемся в истории, максимально вбирая в свои обобщения конкретное и индивидуальное.

Сам факт создания социологической истории М. М. Хвостов обосновывал не только совпадением предметных полей двух наук о человеческом обществе, истории и социологии. В дискуссии со сторонниками неокантианства он отстаивал идею целостности научного познания: доказывал общенаучный характер исторического познания, совпадение способов мышления в номотетических и идиографических дисциплинах [21, с. 802, 803, 818], отрицал альтернативное противопоставление «наук о природе» «наукам о культуре» по целям и методам исследования [22, с. 11]. Отказываясь признавать упрощенные, как ему казалось, подходы Г. Риккёрта к изучению общественных явлений, он настаивал на необходимости использовать «в науках о человеческих обществах» сразу двух методов: искать общие всему человечеству нормы общественного развития и «изучать частности», то есть специфические черты развития [22, с. 11]. Превратив эти способы познания из взаимоисключающих во взаимодополняющие¹, он нейтрализовывал сугубо теоретический характер социологии и сугубо эмпирическую природу истории.

М. М. Хвостов был склонен видеть только позитивные моменты от сближения двух социогуманитарных наук, истории и социологии. Он полагал, что при таком альянсе социология смогла бы избавиться от тех недостатков, которые позволяли историкам с пренебрежением относиться к этой науке: догматического характера, априорных, «поспешных» обобщений, подтасовки фактов под заранее подготовленные умозрительные теоретические построения, опоры на преимущественно этнографические свидетельства, отражавшие «простоту явлений» на «ранних ступенях цивилизаций» [21, с. 792].

Чтобы изменить ситуацию, М. М. Хвостов планировал предложить социологам для теоретического осмысления факты из исторической реальности многочисленных народов Древнего мира, особенно из жизни населения самых могущественных империй древности, эллинистической и римской, которые существовали на протяжении очень длительного отрезка времени и на очень обширном географическом пространстве. Любые номологические операции, выполненные на критически проверенных материалах из истории этих «мировых» держав, имели бы такой научный вес, что развеяли сомнения даже самых заядлых скептиков в объективном и доказательном характере социологических обобщений.

Сам М. М. Хвостов не просто был готов, а активно использовал идеи, теории, онтологические и гносеологические категории социологии, необходимые ему для описания и осмысления внутреннего состояния изучавшегося общества, его отдельных групп и отношений между ними, например: социальный строй, социальная структура, социальная дифференциация и интеграция. Он применял разработанный Г. Спенсером подход к изучению процесса общественной эволюции [22, с. 15, 18–20]; из «Логики» Дж. С. Милля заимствовал принципы изучения «каузальных связей» [22, с. 29, 30]; в конкретных исследованиях прибегал к ключе-

¹ В наши дни такой подход к изучению общества: его структуры, организации, развития – считается вариантом нормы [10, с. 51; 16, с. 29], но и среди современников М. М. Хвостова [5, с. 44], и среди преобладающего большинства историков наших дней [16, с. 28; 18, с. 168] встречались представители другого мнения: для них характерно отнесение социологии и истории к разным научным дисциплинам и разным сферам интеллектуальной деятельности, которые отличаются степенью теоретического осмысления исторической реальности.

вым представлениям О. Конта об обществе как о системе, целостный характер которой обусловливался взаимозависимостью ее частей, и применял рекомендованный «отцом позитивизма» метод исторического сравнения к последовательным состояниям развития человечества [4, с. 91; 6, с. 14].

Не подлежащая сомнению позитивистская направленность трудов М. М. Хвостова оформилась еще в годы его обучения в Московском университете, где он прошел «методологическую школу» П. Г. Виноградова. Позитивизм был «общей основой теоретических заключений и обобщений» знаменитого учителя М. М. Хвостова, который считал прямым источником своих эволюционных воззрений «социологическую систему» Г. Спенсера [8, с. 7, 8, 136; 12, с. 220].

Тот же вывод применим и к наукотворчеству М. М. Хвостова, методологическое сознание которого формировалось под влиянием наиболее значимых для социогуманитаристики рубежа XIX–XX вв. теорий: эволюционизма, прогресса, циклизма, стадиальности, а также принципа историзма. Они накладывались на философскую основу историко-экономического направления отечественной историографии – позитивизм. Социологическая трактовка экономических явлений также осуществлялась в рамках позитивистской гносеологической модели. Социологическую направленность исследования М. М. Хвостова придавала и позитивистская идея многофакторности исторической эволюции.

Таким образом, выбор М. М. Хвостовым социологической истории в качестве нового «типа» объяснительной истории был и подготовлен, и в значительной мере предопределен культурно-эпистемологическим контекстом формирования его научного мировоззрения и исторического сознания. Он стал «заложником» интеллектуальной атмосферы, наполненной гносеологическими идеалами и системой представлений позитивизма, подчиненных естественно-научному стилю мышления. Общенаучная картина мира, пронизанная идеями глобального эволюционизма и детерминизма [12, с. 13], сходством научно-познавательных принципов естественных и гуманитарных наук, определила наиболее значимые позиции его методологического сознания.

Намереваясь в своих исследованиях сочетать исторические и социологические подходы к объяснению динамично развивавшихся общественных систем древности, М. М. Хвостов начал смело позиционировать себя историком-социологом [25, с. 7], а иногда и «чистым» социологом [24, с. 11; 26, с. 1]. Это обязывало его, как и других «историков состояний» [18, с. 188], стремиться к поиску общего, повторяющегося, аналогичного в истории народов древности в ущерб специфике индивидуализирующей и идиографической истории².

Способ его рассуждений, постановка значимых для истории вопросов, научная терминология и главные способы познания прошлого – сравнения и аналогии – были подчинены, выражаясь словами Р. Ю. Виппера, «"реализму" позитивной науки» и ее эпистемологическим традициям. Они заключались в изучении «влияния личности на общество и влияния среды на личности; смены общественных состояний общественными катастрофами, влияния событий на состояния или состояний на события, толчков вперед и вызываемых ими реакций...» [3, с. 28].

Принципы «естественного» мировоззрения и познания, автоматически перенесенные на процесс осмысления общественных явлений и состояний, обрекли историческую гносеологию на выяснение «путей развития отдельных групп», «сравнение их друг с другом», нахождение между ними общего, аналогичных ступеней развития, что и сподвигло историков «отыскивать... движущие, возобновляющие деятельные силы» этих изменений, «причины явлений, факторы», «отношение причин и следствий в историческом процессе» [3, с. 59].

Данная Р. Ю. Виппером характеристика позитивистского этапа в развитии историографии, когда утвердились социологические подходы к историческому познанию, в полной мере применима и к анализу наукотворчества М. М. Хвостова.

Идеалы естествознания, закрепившиеся благодаря Г. Спенсеру в позитивистской социологии, стали для М. М. Хвостова образцами организации его исследовательской деятельности.

Он стремился к точности и безошибочности результатов; постулировал строгую объективность, видимую беспристрастность, отстраненность от объекта познания в качестве основных нормативных требований к созданию собственной социологической истории. Он да-

² К примеру, чрезмерная унификация исторических процессов у народов Древнего Востока свела его намерение выделить «характерные черты эволюции их государственных форм» к генерализованной трехкомпонентной модели изменений: «племенная организация», «феодалная организация», «бюрократическая монархия» [25, с. 11, 12].

вал себе установки ориентироваться на признанные теоретические представления, избегать вненаучных (политических, религиозных, нравственных) ценностных влияний и от коллег по научному цеху требовал соблюдения этих же норм профессиональной этики [27, с. 63, 64]. При изучении эллинистическо-римского Египта М. М. Хвостов старался опираться исключительно на оригинальные источники, предпочитал работать с трудами таких древних «авторов», которые обладали широким научным кругозором и рационально-критическим подходом к созданию нарративов [24, с. 15, 18, 19]; он делал упор на эпиграфические и папирологические материалы, свободные, по его мнению, от тенденциозности и искажений исторической действительности [24, с. 10–12].

Все это создавало иллюзию достижения строгого, объективного знания. М. М. Хвостов, казалось, и не подозревал, как много «субъективного» – того, что Р. Ю. Виппер называл «предрасположениями мысли» [3, с. 27, 31, 33, 37], таилось в его научных изысканиях. Когда он только «приступал к делу», то есть выбирал проблему исследования, обосновывал ее научную значимость, продумывал применение востребованных познавательных установок, то уже, со слов Р. Ю. Виппера, руководствовался «определенным планом действия», производил «подбор фактов и их постановку в определенный угол зрения», «формулировал факты по чертежу... известной системы... в рамках традиции, готовых схем», которые направляли и регулировали его познавательную деятельность [3, с. 33].

Не только общезначимые познавательные установки, руководящие принципы и направляющие идеи, но и другие «узаконенные» в профессиональной среде нормы и правила организации дискурса предопределяли набор познавательных стратегий, гарантировавших достижение актуального и верифицированного результата. Касалось ли это методов критики источников или технологий «восстановления» цельной «картины» прошлого, проведения аналитических операций для «установления причинной связи между фактами» или, наоборот, осуществления обобщающих процедур для систематизации фактов «в общую группу, охватывающую весь социальный комплекс», производства «эмпирических обобщений» при помощи «общих суждений» или осуществления историко-социологических сопоставлений древности и современности [22, с. 86, 98] – все эти и прочие «пути познания» цивилизаций древности в виде совокупности приемов, орудий и инструментов взаимодействия субъекта познания с изучаемым объектом были разработаны и стандартизированы научным сообществом, к которому принадлежал М. М. Хвостов.

Камуфлируя относительность познания, стандарты, нормы и правила вселяли в каждого ученого уверенность в достижении научной истины, маскировали проявления субъективизма исследователя и его подверженность вненаучным ценностным влияниям.

У нас есть основания думать, что «необходимые» и неизбежные в работе каждого историка «схемы», «чертежи», «рамки», «умственные разрезы» [3, с. 33] не осознавались М. М. Хвостовым в той мере, в какой они были видны, к примеру, Р. Ю. Випперу или Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобосу [7, с. 98, 174, 175, 177–179, 182–184, 195, 196, 201, 251]. В то же время нет сомнений и в том, что М. М. Хвостов, защищая общенаучный характер исторического познания, все же обращал внимание на специфику исторической методологии.

К примеру, профессор не мог не догадываться о том, что он, обладая совокупностью неповторимых личных и психических качеств историка, влиял на создание образа истории, когда возлагал на свою научную интуицию – способность к угадыванию [22, с. 3, 4] – ответственность за достижение достоверного научного результата.

Использование метода типологизации фактов, имевшего широкое применение в «обобщающих науках», также указывало на важную роль субъекта познания, «ум» которого либо «находил нечто общее, сходное» [22, с. 22], либо «игнорировал» различия между двумя или несколькими явлениями [22, с. 10].

М. М. Хвостов соединял строго научные методы познания (анализа, объяснения, исторического сравнения) с отличными от позитивистских исследовательских приемов субъективными методами, утверждавшимися в эпистемологии гуманитарных отраслей знания: пониманием, эмпатией [22, с. 34–36]. Хотя основанные на этих субъективистских подходах методы были лишены возможности объективной верификации, авторитет европейских историков [22, с. 32–36] и методологов [22, с. 6, 7], активно внедрявших процедуру понимания «душевных переживаний» людей других исторических эпох, убеждал М. М. Хвостова в надежности новых способов «причинного истолкования исторических фактов» [22, с. 36].

Названные примеры творческой активности М. М. Хвостова между тем не заставили его усомниться в возможности достижения непровержимых результатов исторической науки,

релятивировать понятия «научность» и «объективность» в историографии, признать субъективизм (и тем более агностицизм) в процессе исторического познания.

Профессор не мог принять за истину невозможность объективного познания прошлого, хотя и приблизился к осознанию сложности исторической гносеологии и пониманию трудного пути достижения научного идеала, который был бы сопоставим по надежности и неопровержимости выводов идеалу «строгих» наук. Но он не терял уверенность в том, что созданные им «картины» исторической действительности из жизни народов Древнего мира соответствовали имевшимся в историографии стандартам научных исследований, а потому и очень близки к объективной исторической реальности³.

С сохранением максимально возможной «нейтральности» историка, его компетентностью и высоким профессионализмом, а также прочностью репутации научного сообщества, признававшего или отвергавшего результаты опытов познания прошлого, он продолжал связывать свои надежды на возможность достижения значимых научных результатов, которые отвечали бы вызовам времени.

В обстановке острых методологических дискуссий о будущем исторической науки М. М. Хвостов принял ряд важных решений, которые могли снять с него все обвинения в непоследовательности или противоречивости исследовательской позиции.

Он делегировал философии критическое изучение исходных теоретико-методологических установок историографии и разработку основополагающих вопросов теории познания, а социологию призвал осуществить ревизию «эмпирического исторического материала», данных психологии и естествознания, с тем чтобы на основе полученных результатов разработать систему общих понятий, в том числе пригодных и для истолкования исторической причинности [21, с. 818, прим. 2; 22, с. 38].

Помимо фундаментализации теоретического основания истории, М. М. Хвостов пропагандировал активное применение принципа междисциплинарности в исторических исследованиях.

Интеграция истории с широким ансамблем социогуманитарных и естественных дисциплин должна была создать платформу для осуществления теоретико-методологического синтеза проверенной эмпирической информации [21, с. 818, 819] и за счет приращения научно значимых знаний, методов, продуктивных объяснительных моделей поднять на новый уровень гносеологические возможности истории.

Однако теоретически обоснованного механизма обобщения данных наук-сателлитов пока не существовало, в значительной степени из-за отсутствия в ученой среде консенсуса по принципиальным вопросам научного и эпистемологического характера, а также систематизированного опыта применения междисциплинарных методов и инструментов познания прошлого человечества.

Самостоятельно проведенный М. М. Хвостовым синтез социологии и истории, осуществленный без надежного в теоретической неопровержимости обоснования принципов интегративного сближения, неизбежно породил размытый и неотчетливый методологический инструментарий и, кроме того, заставил его постоянно (и не всегда успешно) балансировать между аподиктическим и верифицированным, отвлеченно теоретическим и конкретно-историческим.

Кроме того, заимствовав из политэкономии линейно-поступательную стадиальную модель универсальных экономических преобразований у европейских народов, ученый с трудом

³ Вывод об уверенности М. М. Хвостова в возможности достижения объективных результатов исследования социально-экономической истории античных народов разделяет и И. Н. Матвеева, анализируя особенности «творческого метода» казанского ученого. Обращая внимание на важность интерпретации и критики источников, особенно при изучении М. М. Хвостовым папирологического материала, она «восстанавливает... путь», который помогал ему отбирать, изучать и систематизировать «первоисточники архивного типа». Отбирая сведения «не по наитию, а с помощью объективных, доступных проверке критериев их важности и доказательности», М. М. Хвостов шел «от источника к гипотезе через привлечение других источников к одной версии, и только после этого, при подтверждении ее... документальными материалами, к выводу». «Гибкий разум» историка позволял ему не возводить в абсолют ни одну из гипотез, если она не соответствовала фактам, заставлял выявлять «рациональное зерно» во время сравнения источников разных типов. Эти рациональные средства достижения истины и вселяли в него уверенность в объективном и достоверном «восстановлении социально-экономической истории» [9, с. 284–286].

мог совместить ее с циклической теорией исторического развития Э. Мейера; применив идеи психологизма к интерпретации общественной эволюции, М. М. Хвостов породил сомнение в возможности истории предсказывать будущее, так как он ослабил позиции детерминированности и упорядоченности в трактовке исторического процесса и, напротив, укрепил позиции казуальности и роли личностного начала.

Таким образом, механический синтез с историей научного аппарата и эвристического потенциала комплекса «наук о культуре» и «наук о природе» вместо ожидавшегося расширения возможностей историографии вызвал немало новых гносеологических проблем. Они требовали существенных усилий заинтересованных сторон для концептуального осмысления «вызовов» новых проблемных полей, возникавших на стыке различных наук, а также поиска доказательных и общезначимых междисциплинарных познавательных стратегий. В противном случае, трактовка исторического процесса приобретала противоречивый характер и наполнялась теми логическими нестыковками, с которыми мы неоднократно сталкивались при внимательном прочтении работ М. М. Хвостова.

Проведенный анализ наукотворчества М. М. Хвостова убедил нас в том, что этот одаренный ученый, с большой ответственностью подходивший к осуществлению конкретно-исторических исследований и успешно реализовавший себя во многих сферах научной и педагогической деятельности, не смог состояться только как историк-философ. Создать стройную, глубокую концепцию социологической истории, где была бы основательно рассмотрена «коренная проблема... отношения истории и социологии» [21, с. 798, прим. 4], ему не удалось. Препятствием для объединения отдельных теоретических высказываний в согласованную систему служил не только методологический плюрализм, с конца XVIII в. сопровождавший появление новых «философско-исторических систем» [21, с. 792, 793] и заметно укрепившийся к первой трети XX в. в связи с достижением пика интереса историков к исторической теории [19, с. 177].

М. М. Хвостов, работая в российской глубинке, вдали от крупных научно-интеллектуальных центров, где разворачивались «бои за историю», взвалил на себя непосильный груз академических и административных обязанностей. Хотя он не тяготился ими и, судя по публикационной активности, довольно хорошо справлялся с крайне напряженным ритмом жизни, все же стоит признать, что выполнявшиеся им виды социокультурных практик требовали слишком большой отдачи, не совместимой с возможностью активного участия в реформировании теоретико-методологических основ исторической науки.

На наш взгляд, деятельной и энергичной натуре М. М. Хвостова больше всего подходил имидж ученого-практика и стиль жизни, направленный на диссеминацию лучших научных и образовательных традиций флагмана российского высшего образования – Императорского Московского университета.

Мировоззрение, общенаучные представления, базовые научно-теоретические ориентации, образ мысли М. М. Хвостова сформировались в годы обучения в этом прославленном «храме наук». Сила когнитивных «привычек», применявшихся им к «анализу конкретного исторического материала» или выбору «угла зрения» при рассмотрении «теоретических вопросов истории» [21, с. 794, 795], была настолько значительной, что даже годы самостоятельного научного поиска не смогли поколебать те прочные философские, теоретико-познавательные и логико-методологические основания, на которые только наслаивались его собственные эвристические опыты изучения и осмысления истории народов Древнего мира.

Представления М. М. Хвостова о теории исторического знания, теории исторического процесса, методологии истории вторичны. Они проникнуты «духом времени» – культурой наукотворчества той среды, в которой он вращался в студенческие годы, приобретая необходимые в самостоятельной исследовательской и профессиональной деятельности интеллектуальные «привычки».

Все лучшее, передовое, известное исторической науке второй половины XIX в., было воспринято М. М. Хвостовым от его учителей и «ученых наставников».

Из курса отечественной истории В. О. Ключевского, который одним из первых в России признал важную роль экономического фактора в историческом процессе, он узнал, что экономические явления предшествуют политическим и что решающая роль в исторических изменениях принадлежит коллективному началу [18, с. 50, 51, 59].

Патриарх историко-филологического факультета Московского университета В. И. Герье заронил в историческое сознание М. М. Хвостова мысль об исключительно сложном характере

исторического процесса, в котором predeterminedность даже самых грандиозных событий сочетается с не подчинявшимся методам точной науки иррациональным элементом поступков великой личности [18, с. 83, 87, 96, 97].

Повышенный интерес М. М. Хвостова к интеграции потенциалов наук об обществе тоже не был случаен.

К примеру, В. О. Ключевский даже включил социологию в состав исторической науки, лишил ее предметной специфики, доходившей до отождествления с историей, так как стремился создать некую историческую социологию [18, с. 52, 54–58]. Подчеркивая первостепенную значимость изучения проблем генезиса, устройства и развития общества, В. О. Ключевский называл себя историком-социологом [18, с. 52]. Так же будет позиционировать себя и М. М. Хвостов, когда определится со своим научным кредо.

Однако при всем влиянии В. О. Ключевского и В. И. Герье на формирование научной картины мира М. М. Хвостова и приобретение им профессиональной компетентности трудно переоценить силу воздействия на его систему личности, в том числе и на историческое сознание, профессора П. Г. Виноградова.

Пройдя «методологическую школу» П. Г. Виноградова, М. М. Хвостов оказался «в плену» идей, убеждений, представлений своего учителя. Они заметны в изложении казанским ученым теории истории (отказе от метафизических предпосылок в трактовке исторического процесса [8, с. 80, 136; 12, с. 28; 20, с. 380], признании естественного и органичного характера изменений социальной среды [1, с. 84], убежденности в «глобальном эволюционизме», подчинявшемся внутренне обусловленным связям исторических явлений [1, с. 57; 2, с. 8; 8, с. 66, 67, 143, 148; 12, с. 22], терминологической неразличимости «эволюции» и «развития» [8, с. 134], принижении значения великих личностей в общественном развитии [8, с. 78, 149]). Но наибольшее количество совпадений можно обнаружить в трактовке обоими профессорами теории познания и методологии исторического исследования.

Методологическим эталоном для них служило естествознание [1, с. 66, 72; 8, с. 72; 11, с. 18, 26, 233, 243–246, 270, 295, 296]; оба признавали единство научных методов, хотя и учитывали специфику исторической гносеологии, допускавшей признание воображения и научной интуиции при создании образов прошлого [8, с. 57, 69]; оба считали главной задачей истории объективную реконструкцию фактов, объединенных причинной связью, а тип объяснительной истории, изучавшей всю совокупность сторон общественной жизни, признавали наиболее своевременным и практически осуществимым вариантом интегративных – социально-исторических – исследований [8, с. 83, 125, 126, 159; 12, с. 13, 18, 19, 25].

Советы П. Г. Виноградова о необходимости синтеза индуктивных умозаключений и обобщающей (социологической) логики [8, с. 60, 127], равнозначности индивидуализирующих и номотетических приемов [8, с. 81, 82], важности применения сравнительно-исторического метода для выявления сходного, повторяющегося, типичного [8, с. 85–88; 11, с. 244] – также вошли в применявшийся М. М. Хвостовым арсенал познания прошлого человечества.

Для П. Г. Виноградова, как для М. М. Хвостова, понятия «метод» и «методология» были тождественными (так они называли и частные приемы исследования, и общенаучную методологию [8, с. 67, 197; 22, с. 3, 4, 85, 86]); они мало внимания уделяли истории мысли, интеллекта [8, с. 128]; удивительно и то, что маститый столичный ученый, как и казанский профессор, не развили до полноценной концепции свои исторические и социологические представления [8, с. 81–83; 11, с. 243], хотя добытых в ходе многолетних исследований фактов для осуществления этого замысла и у того, и у других было достаточно.

Всех представителей «школы Виноградова» и М. М. Хвостова, в том числе, отличало пристальное внимание к отбору и систематизации исторических свидетельств, тщательное и основательное осуществление источниковедческого анализа, строгое отношение к использованию критических приемов в исторических исследованиях. Кроме того, их объединяли осторожность в обобщениях и выводах [18, с. 137, 138], опасение выдать предположения за факты и страх навязать людям изучавшихся эпох не свойственные им политические или патриотические взгляды [8, с. 81].

Все вышеперечисленное не оставляет сомнений в том, что М. М. Хвостов оказался достойным своего учителя учеником.

Отмечая, что авторитет П. Г. Виноградова довлел над наукотворчеством М. М. Хвостова, мы все же не должны забывать о «пользе», которую принесли его «миросозерцанию» и общению к научному сообществу другие преподаватели историко-филологического факуль-

тета [26, с. XXVII] – блестящая плеяда ярких, выдающихся ученых периода кризиса историографии рубежа XIX–XX вв.

В образовательном пространстве альма-матер М. М. Хвостова циркулировали не только познавательные идеи и концептуальные решения сторонников философского материализма и философского идеализма [22, с. 67], но и научные убеждения «молодых» историков (П. Н. Милюкова, Р. Ю. Виппера, Д. М. Петрушевского), которые транслировали субъективистские теоретико-методологические подходы к осмыслению исторического процесса и социального развития.

Знакомство с диссонирующими познавательными парадигмами воспринималось им как естественная среда существования науки, которая время от времени нуждается в обновлении, реагируя на новые интеллектуальные импульсы, вызовы социальной среды и потребности саморазвития. Отсутствие единого «научного мирозерцания», единой «концепции исторического процесса» и «прочно установленных методологических положений» [21, с. 791, 793] расценивалось вариантом нормы, отражением вполне реальной ситуации в историографии и общественном сознании в целом, где «монизм», или «объяснение сложных явлений из единой сущности», был, по утверждению М. М. Хвостова, невозможен [22, с. 67]. Для познания «необычайно сложных», «исключительно сложных общественных явлений» требовалось, по его мнению, объединение новых научных знаний и опыта, новых доктрин с традиционными теоретическими построениями, инструментами и средствами изучения прошлого.

К этому выводу ученый пришел спустя десятилетия после завершения обучения в университете, но принципы взаимодополняемости точек зрения, нередко контрастировавших друг с другом, познавательных установок и методов, не гармонизировавших с позитивизмом, в виде багажа университетских знаний был взят им за основу при разработке подходов к концептуальному осмыслению социологической истории: он стремился достичь паритетности номологических и идиографических логико-познавательных процедур, не меняя при этом прочной связи с позитивистской философией и социологией – фундаментом его эмпирических обобщений и теоретических заключений.

Но это был уже не «классический» позитивизм времен П. Г. Виноградова и В. О. Ключевского⁴, а его обновленный вариант – «критический» позитивизм, испытавший влияние неокантианства, марксизма, психологических и новых социологических подходов к интерпретации общественной эволюции, подвергшийся воздействию настроений релятивизма и агностицизма. В обстановке изобилия идей и научных взглядов, оппозиционных друг другу, в условиях критики традиционной исторической гносеологии, релятивизации научных истин сделать выбор между «правдой» и «заблуждением» было трудно [17, с. 8].

Видимо, не случайно в историографическом обзоре к «Лекциям по методологии...» М. М. Хвостов не указывал на принадлежность наиболее известных философов, социологов и историков своей эпохи к тем или иным течениям философской мысли, научным школам, не обсуждал познавательных установок и приверженность определенным теоретическим концепциям, а только изредка обсуждал общественно-политические позиции автора⁵.

⁴ В перечне «Пособий» к курсу по методологии и философии, которые М. М. Хвостов рекомендовал студентам, мы не встретим названия работ О. Конта, Г. Спенсера, Дж. С. Милля, хотя при объяснении теории исторического знания и познания он комментировал и главные труды этих мыслителей, и ключевые идеи, и наиболее важные принципы позитивистской методологии [22, с. 8, 9, 15–17, 29–31]. Руководствуясь прагматическими установками: «полезностью» и «ценностью» научной литературы для сознания живших в эпоху глобальных научных и исторических перемен студентов – М. М. Хвостов предлагал им сочинения «крупнейших теоретиков истории» начала XX в., компендиумы «новейших социологических и философско-исторических теорий», обзоры «важнейших социологических систем», исследования «основных проблем теории исторического познания» и труды с детальным изложением методов «критики источников» [22, с. 6, 7].

Зная о том, насколько неоднозначными в идейно-теоретическом плане были эти труды и как сильно они отличались от научно-методологической позиции М. М. Хвостова, мы можем предположить, что, соединяя в один ансамбль представителей разных исследовательских программ, он хотел сформировать у воспитанников широкий, свободный от односторонних оценок взгляд на предмет исследования, толерантное мышление, готовое признавать противоположные точки зрения, «компромиссное» сознание.

⁵ Для примера можно взять визави М. М. Хвостова по вопросам исторической гносеологии Г. Риккёрта. В перечне «Пособий» к «Лекциям по методологии...» центральное место принадлежит именно его исследованиям [22, с. 6]. Имя этого «крупнейшего теоретика истории» (там же), вместе с другим «немецким теоретиком», В. Виндельбантом, встречается в одной из главных лекций по историософии М. М. Хвостова.

Сам он объяснял осторожную позицию в этом вопросе «не незнанием», а желанием избежать «одностороннего направления мысли, недостаточного внимания к другим возможным точкам зрения, то есть недостатков, которые являются оправдываемыми в работе, посвященной рассмотрению вопросов, недавно поставленных и недостаточно еще выясненных» [21, с. 795].

Отсутствие универсальной общепринятой в историографии теории познания и утверждавшееся в гносеологическом арсенале признание многообразия концептуальных решений исторических проблем стали характерными чертами культурно-эпистемологического контекста рубежа XIX–XX вв. Эти размытые теоретико-методологические ориентации также делали чрезвычайно затруднительным точное определение философско-мировоззренческой позиции, научно-теоретической платформы, логико-познавательной модели исследования, в рамках которых происходило осмысление и решение автором того или иного злободневного труда поставленных проблем.

Кроме того, как правило, работы, привлеченные М. М. Хвостовым в качестве образцов философской и социологической мысли, сами изобиловали многочисленными противоречиями, указывавшими на недостаточность «систематической разработки известных идей» или на отсутствие возможности «пока получить вполне определенное решение» проблемы [21, с. 795]. Прийти к «строго согласованным выводам» [21, с. 795] при релятивизации строгих научно-познавательных принципов тоже было невозможно.

Эти объяснения позволяют, на наш взгляд, понять, почему М. М. Хвостов избегал оценочных суждений в отношении исследований европейских знаменитостей, а предпочитал «брать» из работ прославленных предшественников только те зерна информации, в которых нуждался, создавая теоретические разделы лекционных курсов и новый «тип» объяснительной истории – социологическую историю.

Займствования оформлялись в виде коротких цитат [22, с. 33, 38] или даже анонимных переложений отдельных идей и теоретических положений [22, с. 36, 85, 86, 94], которые теряли свое происхождение на фоне рассуждений профессора. Лишенные авторского видения проблемы и не связанные с глубиной философских рефлексий европейских ученых [22, с. 41], они почти полностью утрачивали свои истоки и оригинальность.

Если в отношении трактовок «новейших трудов» крупных представителей «генерализирующих» философии и социологии М. М. Хвостов мог демонстрировать скованность и нерешительность, то при изложении концепций авторов историко-экономических трудов, пользовавшихся большой популярностью у российских ученых [12, с. 202, 203; 15, с. 56–60], ему уже не надо было занимать уверенности. Ясность предмета исследования – экономического уклада жизни общества, доступность и убедительность логических конструкций при схематизации фактов хозяйственного быта превратили теории К. Бюхера и других представителей исторических школ в политэкономии в надежный остов научного аппарата квалификационных исследований М. М. Хвостова.

Самую большую степень научной раскрепощенности профессор проявлял при анализе и критической оценке конкретно-исторических трудов. Находясь в родной и досконально известной стихии, он не скупился на похвалу в адрес многих авторов [22, с. 36; 24, с. 35], но мог в присущей ему корректной и деликатной манере дать разноплановый разбор трудов, со всей строгостью выявляя «недостатки» [22, с. 54, 81, 99]. В рецензиях на работы европейских историков М. М. Хвостов обращал внимание на актуальность темы исследования, научно-познавательные установки автора, знание историографии проблемы, надежность привлеченных ис-

ва, где он определяет «место истории» в «новейшей классификации» наук «с точки зрения [целей и методов. – М. Н., Т. П.] познающего субъекта» [22, с. 9–11]. Еще раз имя Г. Риккёрта упоминается в четвертой лекции, посвященной соотношению «истории событий» и «истории состояний» [22, с. 21].

Ни в одном из указанных мест автор «Лекций...» не заикнулся о баденской школе философии, о сущности неокантианства и его значении для новейшей историографии.

В статье «К вопросу о задачах истории» имена В. Виндельбанда и Г. Риккёрта названы среди ученых, работы которых сыграли роль «внешнего толчка... для оживления... теоретико-познавательного направления в философии последних десятилетий» [21, с. 794]. Далее М. М. Хвостов излагает свою полемику с Г. Риккёртом по «животрепещущим вопросам» теории истории, отмечая предложенные немецким мыслителем «положительные и отрицательные стороны их решения» [21, с. 796], подчеркивая «наиболее правильные», с его точки зрения, пути их осмысления главой баденской школы, однако вновь уклоняется от изложения неокантианской философской доктрины и ее критической оценки.

точников, достоверность выводов. Он сохранял беспристрастность даже при критическом анализе сочинений своих самых почитаемых «духовных наставников»: Э. Мейера, К. Ю. Белоха, Р. Пельмана, Т. Моммзена, Я. Буркхардта⁶ – труды которых являлись для него источником идей, исторических построений, трактовки знаковых событий в истории народов Древнего мира.

Лучшие труды М. М. Хвостова тоже, на наш взгляд, были связаны не с теоретическими решениями актуальных проблем истории и социогуманитарного знания в целом, а с обоснованием на материалах древности важности постановки задач социологической истории и возможности их эффективного решения в русле обновленной исследовательской программы «критического» позитивизма.

Колоссальный массив документальных, нарративных, археологических источников, которые оказались в его распоряжении и были тщательно изучены с применением традиционных и новых строго научных методов (например, статистического анализа), позволили ему подтвердить открытые его учителями на материалах средневековой европейской и древнерусской истории «каузальные законы»: экономические явления предшествуют политическим и становятся их источником; политические процессы – это закономерные результаты социальных сдвигов; коллективное начало играет решающую роль в историческом процессе [18, с. 35, 50, 59, 60].

«Приблизительные обобщения» М. М. Хвостова [22, с. 25], ставшие результатом систематизации «единообразий» в «сверхсложных» социальных явлениях народов Древнего мира, состояли из следующих номологических высказываний:

– интенсивность, направленность, характер изменений процесса общественного развития предопределены совокупностью исторических и внеисторических причин, но прежде всего, состоянием «экономического быта» [22, с. 39, 60, 67–69];

– производство материальных благ, их распределение, обмен и потребление являются стержневым механизмом безостановочного поступательного исторического развития [22, с. 39, 60, 67–69];

– изменение внутреннего устройства государства связано с реализацией «потребностей политических и экономических» и является следствием экономических и социальных «переворотов» [24, с. 36, 127, 149, 250];

– все проявления социального имеют психологическую природу; все формы социального поведения людей психологически детерминированы [21, с. 816, 817; 22, с. 12, 19].

М. М. Хвостов пошел дальше своих «ученых наставников» в тщательности и глубине изучения факторов исторического развития. Их трактовка занимает преобладающую часть «Лекций по методологии и философии истории». Особый интерес он проявил к малоизученным в историографии проблемам геоистории, расоведения, демографии, доказывая важность исторического синтеза не только с «науками о культуре», но и с «науками о природе».

Пропагандируя востребованность в историографии «общеисторической точки зрения» – аналога социологического подхода [24, с. 33], М. М. Хвостов вплотную подошел к осмыслению того варианта холизма в историческом познании, предметный аспект которого

⁶ Рецензии, написанные в самом начале научной карьеры М. М. Хвостова, отличались большим критическим настроением, подчеркнутым выражением научной принципиальности. Так, в отношении монографии Э. Мейера «Экономическое развитие Древнего мира», под воздействием которой оформилась модель исторического процесса М. М. Хвостова, сказано: «Есть в очерке Мейера и слабые стороны. Экономическое развитие Рима охарактеризовано очень неполно... Сближая явления Древнего мира с явлениями Новой истории, он не всегда достаточно подчеркивает и значительные различия этих явлений... Борясь со старым воззрением, приписывавшим рабскому труду господствовавшую роль в Древнем мире, Мейер идет несколько далеко в противоположном направлении, слишком ослабляя роль рабства...» [23, с. 91, 92].

Позже М. М. Хвостов научился в сравнительном анализе результатов исследований показывать преимущества культуры осуществления дискурса одного автора перед другим. Например, сравнив «капитальный труд» «История древности» Э. Мейера с не менее выдающимся образцом «новейшей историографии» – «Греческой историей» К. Ю. Белоха, М. М. Хвостов пришел к следующему заключению: «Мейеру свойственны достоинства Белоха, но он чужд недостатков последнего. У Белоха мы видим крайний скептицизм к традиции и доверие к своим гипотезам. Мейер критичен, но его редко можно упрекнуть в гиперкритике; в выводах он очень осторожен. Другие достоинства Белоха (широта исторического кругозора, внимание к истории второстепенных греческих государств, освещение жизни обществ во всей ее полноте, то есть не только политических, но и экономических, и социальных, и культурных явлений) свойственны Э. Мейеру не в меньшей, если не в большей степени, чем Белоху» [24, с. 32–34].

проявляется в реконструкции прошлого человечества в виде целостной исторической реальности [19, с. 137, 138].

Будущее истории он видел в междисциплинарной плоскости: постановке новых научно-исследовательских задач на стыке проблемных полей разных отраслей знания, интеграции теоретического потенциала, научного аппарата, исследовательского инструментария всех наук, изучавших сверхсложный объект – общество и его изменения во времени [21, с. 818, 819; 22, с. 8].

Остается только сожалеть о том, что ценность отдельных идей, суждений, высказываний М. М. Хвостова не была им логически осмыслена и оформлена в полноценную научную теорию.

Список литературы

1. *Виноградов П. Г.* О прогрессе / сост., автор вступ. ст. и коммент. А. В. Антощенко // Избранные труды. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 35–81.
2. *Виноградов П. Г.* Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы // Русская мысль. 1890. Кн. 1. С. 83–103.
3. *Виппер Р. Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания // Две интеллигенции и другие очерки : сб-к статей и публичных лекций. 1900–1912. М. : Типо-литография тов-ва И. Н. Кушнерёв и К°, 1912. С. 26–61.
4. *Гофман А. Б.* Семь лекций по истории социологии : учеб. пособие для вузов. Изд. 4-е, испр. М. : Университет, 2000. 216 с.
5. *Кареев Н. И.* Введение в изучение социологии. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. 418 с.
6. *Кон И. С.* Позитивизм в социологии : исторический очерк. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1964. 207 с.
7. *Ланглуа и Сеньобос.* Введение в изучение истории / пер. с фр. А. Серебряковой. СПб. : Склад изданий и книжный магазин для иногородних О. Н. Поповой, 1899. 275 с.
8. *Малинов А. В.* Павел Гаврилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция. СПб. : Нестор, 2005. 216 с.
9. *Матвеева И. Н.* Историк-антиковед Михаил Михайлович Хвостов // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство : сб-к науч. ст. и сообщений / сост. и отв. ред. Г. П. Мягков и Е. А. Чиглинцев. Казань : КГУ, 2005. С. 274–289.
10. *Медушевская О. М.* Методология истории как строгой науки // А. С. Лаппо-Данилевский Методология истории : в 2 т. Т. 1 / подг. текста: Р. Б. Казаков, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 23–84.
11. *Мягков Г. П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань : Изд-во Казанского университета, 2000. 298 с.
12. *Нечухрин А. Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно : ГрГУ, 2003. 349 с.
13. *Новиков М. В., Перфилова Т. Б.* «Это был человек труда»: памяти М. М. Хвостова // Вопросы истории. 2020. № 10. С. 166–173.
14. *Новиков М. В., Перфилова Т. Б.* Особенности научного мировоззрения М. М. Хвостова // Вестник Московского университета. 2020. № 4. С. 56–74.
15. *Петрушевский Д. М.* Введение. О логическом стиле исторической науки вообще и средневековой истории в частности // Очерки из истории средневекового общества и государства / под общ. ред. М. А. Морозова, вступ. ст. Г. Е. Лебедевой, В. А. Якубского. СПб. : Гуманитарная Академия, 2003. С. 35–70.
16. *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания: учебник для академического бакалавриата. Изд. 4-е, испр. и доп. М. : Юрайт, 2015. 288 с.
17. *Рамазанов С. П.* Кризис в российской историографии начала XX века : в 2 ч. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1999. 144 с.
18. *Сафронов Б. Г.* Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М. : Изд-во Московского ун-та, 1976. 221 с.
19. Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М. : Аквилон, 2014. 576 с.
20. *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. СПб. : Изд-во СПбУ, 1999. Гл. 7, 8. С. 175–396.
21. *Хвостов М. М.* К вопросу о задачах истории : сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М. : Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909. С. 791–824.
22. *Хвостов М. М.* Лекции по методологии и философии истории. Изд. 2-е. М. : Либроком, 2011. 104 с.
23. *Хвостов М. М.* Экономическое развитие Древнего мира / пер. под ред. М. О. Гершензона; рец. Э. Мейер. // Образование: педагогический и научно-популярный журнал. СПб., 1898. № 5–6. Май – июнь. С. 90–92.

24. *Хвостов М. М.* История Греции : лекции, читанные в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах / под ред. Г. Пригоровского. Изд. 2-е, доп. М. : Государственное изд-во, 1924. 262 с.

25. *Хвостов М. М.* История Древнего Востока / под ред. Г. Пригоровского. Изд. 2-е. Ленинград : Государственное изд-во, 1927. 275 с.

26. *Хвостов М. М.* Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. – 284 г. по Р. Х.). Казань : Типолитография Императорского университета, 1907. 479 с.

27. *Хвостов М. М.* Экономическое, правовое и политическое состояние германского народа накануне Реформации / пер. с 16-го нем. издания, рец. И. Янсен // Образование: педагогический и научно-популярный журнал. СПб., 1898. № 4. Апрель. С. 62–64.

Methodological collisions of scientific consciousness by M. M. Khvostov

Novikov Mikhail Vasilyevich¹, Perfilova Tatiana Borisovna²

¹Doctor of Historical Sciences, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and Methodology of Vocational Education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

²Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The process of the evolution of M. M. Khvostov's scientific consciousness from a historian-researcher of a historical fact and a purely empirical analysis of its consequences to a social scientist who recognized the need to combine nomotetic and idiographic cognition techniques in historical epistemology, as well as the importance of applying a sociological approach to the study of a complex of internally conditioned causes of the development of an integral social reality. The result of the synthesis of individualizing history and generalizing sociology M. M. Khvostov considered sociological history capable of neutralizing the purely theoretical nature of sociology and the purely empirical nature of history. Attention is drawn to the commitment of the professor, who aspired to the accuracy and infallibility of the results of scientific research, to the logical-cognitive model of positivism. Combining in his work strictly scientific methods of cognition with subjectivist methods (understanding, empathy), he nevertheless could not recognize the inevitability of distortion in the process of cognition of objective historical reality. The influence of the cultural-epistemological context of the turn of the XIX–XX centuries on the scientific worldview of M. M. Khvostov is noted and the conclusion is drawn about the secondary nature of his theoretical and methodological ideas borrowed from the works of European thinkers and the culture of science-making by professors of the Imperial Moscow University. The special significance of P. G. Vinogradov's "methodological school" is revealed, which influenced M. M. Khvostov's interpretations of the theory of history, the theory of cognition and the methodology of historical research. At the same time, it is emphasized that M. M. Khvostov surpassed his "scientific mentors" in the thoroughness and depth of the study of the factors of historical development. He saw the future of historical science in the integration of the theoretical potential, scientific apparatus and research tools of all social sciences, both socio-humanitarian and natural.

Keywords: history, sociology, sociological history, "critical positivism", neo-Kantianism, objective knowledge, subjectivism, "scientific mentors", interdisciplinarity.

References

1. *Vinogradov P. G. O progresse* [On progress] / comp., author of the introductory article and comment. A. V. Antoshchenko // *Izbrannye trudy* – Selected works. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2010. Pp. 35–81.

2. *Vinogradov P. G. Fyustel' de Kulanzh. Itogi i priemy ego uchenoj raboty* [Fustel de Coulange. Results and techniques of his scientific work] // *Russkaya mysl'* – Russian Thought. 1890. Book 1. Pp. 83–103.

3. *Vipper R. Yu. Neskol'ko zamechanij o teorii istoricheskogo poznaniya* [A few remarks on the theory of historical cognition] // *Dve intelligencii i drugie ocherki : sb-k statej i publichnyh lekcij. 1900–1912* – Two Intelligentsia and other essays : collection of articles and public lectures. 1900–1912. M. Typo-lithography of Comrade I. N. Kushnerev and Co. 1912. Pp. 26–61.

4. *Hoffman A. B. Sem' lekcij po istorii sociologii : ucheb. posobie dlya vuzov. Izd. 4-e, ispr.* [Seven lectures on the history of sociology : handbook for universities. 4th ed., corr.] M. University. 2000. 216 p.

5. *Kareev N. I. Vvedenie v izuchenie sociologii* [Introduction to the study of sociology]. SPb. Typ. of M. M. Stasyulevich. 1897. 418 p.

6. *Kohn I. S. Pozitivizm v sociologii : istoricheskij ocherk* [Positivism in sociology: a historical essay]. L. Publishing House of the Leningrad University. 1964. 207 p.

7. *Langlois and Seignobos. Vvedenie v izuchenie istori* [Introduction to the study of history] / transl. from Fr. by A. Serebryakova. SPb. A warehouse of publications and a bookstore for nonresidents O. N. Popova. 1899. 275 p.

8. Malinov A. V. *Pavel Gavrilovich Vinogradov: Social'no-istoricheskaya i metodologicheskaya koncepciya* [Pavel Gavrilovich Vinogradov: Socio-historical and methodological concept]. SPb. Nestor. 2005. 216 p.
9. Matveeva I. N. *Istoriik-antikoved Mihail Mihajlovich Hvostov* [Historian-antiquarian Mikhail Mikhailovich Khvostov] // *Kazanskiy universitet kak issledovatel'skoe i sociokul'turnoe prostranstvo : sb-k nauch. st. i soobshchenij* – Kazan University as a research and socio-cultural space : collection of scientific articles and messages / comp. and ed. by G. P. Myagkov and E. A. Chiglintsev. Kazan. KSU. 2005. Pp. 274–289.
10. Medushevskaya O. M. *Metodologiya istorii kak strogoj nauki* [Methodology of history as a strict science] // *A. S. Lappo-Danilevskij Metodologiya istorii : v 2 t. T. 1* [Methodology of history : in 2 vols. Vol. 1] / prep. text: R. B. Kazakov, O. M. Medushevskaya, M. F. Rumyantseva. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2010. Pp. 23–84.
11. Myagkov G. P. *Nauchnoe soobshchestvo v istoricheskoy nauke: opyt "russkoj istoricheskoy shkoly"* [Scientific community in historical science: the experience of the "Russian historical school"]. Kazan. Publishing House of Kazan University, 2000. 298 p.
12. Nechuhryn A. N. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossijskoj pozitivistskoj istoriografii (80-e gg. XIX v. – 1917 g.)* [Theoretical and methodological foundations of Russian positivist historiography (the 80s of the XIX century – 1917)]. Grodno. GrSU. 2003. 349 p.
13. Novikov M. V., Perfilova T. B. *"Eto byl chelovek truda": pamyati M. M. Hvostova* ["It was a man of work": in memory of M. M. Khvostov] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2020. No. 10. Pp. 166–173.
14. Novikov M. V., Perfilova T. B. *Osobennosti nauchnogo mirovozzreniya M. M. Hvostova* [Features of M. M. Khvostov's scientific worldview] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* – Herald of Moscow University. 2020. No. 4. Pp. 56–74.
15. Petrushevskij D. M. *Vvedenie. O logicheskom stile istoricheskoy nauki vooobshche i srednevekovoj istorii v chastnosti* [Introduction. On the logical style of historical science in general and medieval history in particular] // *Ocherki iz istorii srednevekovogo obshchestva i gosudarstva* – Essays from the history of medieval society and the state / under the gen. ed. of M. A. Morozov, introductory art. G. E. Lebedeva, V. A. Yakubsky. SPb. Humanities Academy. 2003. Pp. 35–70.
16. Repina L. P., Zvereva V. V., Paramonova M. Yu. *Istoriya istoricheskogo znaniya: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. Izd. 4-e, ispr. i dop.* [History of historical knowledge: textbook for academic bachelor's degree. 4th ed., corr. and add.] M. Yurayt. 2015. 288 p.
17. Ramazanov S. P. *Krizis v rossijskoj istoriografii nachala XX veka : v 2 ch. Ch. 1. Postanovka i popytka resheniya problemy* [Crisis in Russian historiography of the beginning of the XX century : in 2 pts. Part 1. Statement and attempt to solve the problem]. Volgograd. Publishing House of the Volgograd State University. 1999. 144 p.
18. Safronov B. G. *Istoriicheskoe mirovozzrenie R. Yu. Vippera i ego vremya* [The historical worldview of R. Yu. Vipper and his time]. M. Publishing House of the Moscow University. 1976. 221 p.
19. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki : terminologicheskij slovar'* – Theory and methodology of historical science : terminological dictionary / ed. A. O. Chubaryan. M. Aquilon. 2014. 576 p.
20. Frolov E. D. *Russkaya nauka ob antichnosti* [Russian science of antiquity]. SPb. Publishing House of SPbU. 1999. Pt. 7, 8. Pp. 175–396.
21. Hvostov M. M. *K voprosu o zadachah istorii : sbornik statej, posvyashchennyh Vasiliyu Osipovichu Klyuchevskomu ego uchenikami, druz'yami i pochitatel'yami ko dnyu 30-letiya ego professorskoj deyatel'nosti v Moskovskom universitete (5 dekabrya 1879 – 5 dekabrya 1909 goda)* [On the question of the tasks of history : collection of articles dedicated to Vasily Osipovich Klyuchevsky by his students, friends and admirers on the day of the 30th anniversary of his professorship at Moscow University (December 5, 1879 – 5 December 1909)]. M. Comrade "Printing House of S. P. Yakovlev". 1909. Pp. 791–824.
22. Hvostov M. M. *Lekcii po metodologii i filosofii istorii. Izd. 2-e* [Lectures on methodology and philosophy of history. Ed. 2nd]. M. Librocom. 2011. 104 p.
23. Hvostov M. M. *Ekonomicheskoe razvitie Drevnego mira* [Economic development of the Ancient world] / transl. ed. by M. O. Gershenson; rev. E. Meyer // *Obrazovanie: pedagogicheskij i nauchno-populyarnyj zhurnal* – Education: pedagogical and popular science journal. SPb. 1898. No. 5–6. May – June. Pp. 90–92.
24. Hvostov M. M. *Istoriya Grecii : lekcii, chitannye v Kazanskom universitete i na Kazanskih vyssih zhen'skih kursah* [History of Greece : lectures given at Kazan University and at Kazan Higher women's courses] / ed. by G. Prigorovskiy. Ed. 2nd, add. M. State Publishing House. 1924. 262 p.
25. Hvostov M. M. *Istoriya Drevnego Vostoka* [History of the Ancient East] / ed. by G. Prigorovskiy. Ed. 2nd. L. State Publishing House. 1927. 275 p.
26. Hvostov M. M. *Issledovaniya po istorii obmena v epohu ellinisticheskikh monarhij i Rimskoj imperii. Istoriya vostochnoj trgovli greko-rimskogo Egipta (332 g. do R. H. – 284 g. po R. H.)* [Studies on the history of exchange in the era of Hellenistic monarchies and the Roman Empire. The history of the Eastern trade of Greco-Roman Egypt (332 BC – 284 AD)]. Kazan. Typolithography of the Imperial University. 1907. 479 p.
27. Hvostov M. M. *Ekonomicheskoe, pravovoe i politicheskoe sostoyanie germanskogo naroda nakanune Reformacii* [Economic, legal and political state of the German people on the eve of the Reformation] / transl. from the 16th German. ed., rev. I. Jansen // *Obrazovanie: pedagogicheskij i nauchno-populyarnyj zhurnal* – Education: pedagogical and popular science journal. SPb. 1898. No. 4. April. Pp. 62–64.

Газета «Русские ведомости» (1863–1918 гг.): историографический обзор

Жарков Виталий Викторович¹, Таточенко Виктор Валерьевич²

¹кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры управления повседневной деятельностью подразделений, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны. Россия, г. Ярославль. E-mail: vitally-zharkov@mail.ru

²кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. E-mail: tatochenko.84@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются работы отечественных и зарубежных историков, посвященные различным аспектам деятельности одной из самых популярных московских либеральных газет дореволюционной России – «Русские ведомости», выходящей в период 1863–1918 гг. Целью авторов статьи является демонстрация отдельных пробелов в изучении описания и понимания деятельности «Русских ведомостей». Авторы рассматривают наиболее значимые работы, касающиеся газеты, выделяют положительный опыт ее исторического анализа: попытка определения политического характера периодического издания, указание особенностей деятельности и существования издания в сложных цензурных обстоятельствах, подробный анализ деятельности редакторов и издателей печатного органа во второй половине XIX в. Используя полный спектр историографической литературы, касающейся газеты «Русские Ведомости», начиная от первого упоминания газеты в 1899 г. в энциклопедическом словаре Брокгауза и Евфрона, заканчивая научными статьями и монографиями определяют «белые пятна» в изучении «Русских ведомостей»: указание точного направления либерализма газеты, отсутствие комплексного изучения редакционной политики, отсутствие в работах историков количественных методов анализа статей печатного органа, которые необходимо применять для комплексного решения поставленных исследователями вопросов. Делается вывод о том, что все вышеуказанное может помочь дать комплексную характеристику направления и развития «Русских ведомостей», сыграть важную роль при анализе совпадений и расхождений редакционной политики печатного органа с государственной повесткой по актуальным вопросам русской и зарубежной жизни. Авторы заявляют о необходимости дальнейшего комплексного изучения истории газеты «Русские ведомости» и анализа ее корреспондентского корпуса всеми современными методами изучения периодических изданий.

Ключевые слова: газета «Русские ведомости», дореволюционная Россия, отечественная дореволюционная журналистика, московские либеральные газеты, либеральная интеллигенция в дореволюционной России.

История «Русских ведомостей» началась 3 (15) сентября 1863 г. в г. Москве. Газета была основана литератором Н. Ф. Павловым. Первоначально она представляла собой небольшой листок, печатавшийся три раза в неделю. С 1868 г. газета стала выходить ежедневно и просуществовала до 14 (27) марта 1918 г. В 1879 г. тираж «Русских ведомостей» был не самым большим среди московских газет. Так, тираж «Голоса» колебался от 23 до 25 тысяч номеров, тираж «Московских ведомостей» составлял 15 тысяч, а «Русских ведомостей» – 12 тысяч [18, с. 72]. Но уже в 1899 г. тираж газеты достиг 20 тысяч экземпляров, ее подписчики находились и в Москве, и в центральной и восточной части России [4, с. 332]. В 1910 г. тираж составил 198 тысяч, а в 1913 г. – 325 тысяч экземпляров [18, с. 77].

Первые материалы о газете «Русские ведомости» встречались еще до революции, хотя их сложно назвать исследовательскими. В 1899 г. в 53-м томе энциклопедического словаря Брокгауза и Евфрона появилась первая заметка о ней [4, с. 332–333]. Она принадлежала С. А. Венгеру – почетному доктору русской литературы и корреспонденту газеты, то есть лицу заинтересованному. Вероятно, поэтому ее текст занимал, в отличие от других аналогичных заметок по периодическим изданиям, в словаре больший объем и являлся не информативным, а скорее аналитическим. Указав «вехи жизни» газеты за 36 лет, автор попытался выделить ее особенности: репутация; отношения с читателями; подписная цена; тираж; сеть корреспондентов; сфера интересов (деятельность органов самоуправления, рабочее движение и проявления общественной инициативы); идейное направление.

Автор заметки попытался передать «между строк» информацию о том, что газета не носила проправительственного характера. Статья С. А. Венгерова поставила проблему политической направленности издания и характеристики корреспондентов газеты. «Окруженная внимательно-следящими «доброжелателями» (из которых один в «Московских ведомостях» несколько лет тому назад потребовал даже, чтобы главари «Русских ведомостей» вторично присягнули на верность основам Российского государственного строя), – писал С. А. Венгеров, – газета поневоле должна быть чрезвычайно осторожной и сдержанной» [4, с. 333]. Так была поставлена проблема положения «Русских ведомостей» среди других изданий дореволюционной России и связи с ними.

В 1905 г. в исследовании В. А. Розенберга и В. Е. Якушкина «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем», оба автора которого являлись редакторами «Русских ведомостей», была сделана попытка определить число взысканий к газете [11, с. 215].

В советское время газету «Русские ведомости» впервые вспомнили лишь при публикации библиографического справочника «Русская периодическая печать (1702–1894)» в 1959 г. [12, с. 444–446]. Заметка о «Русских ведомостях» рассказывала обо всем жизненном пути газеты и была обращена к ее программе. Авторы-составители указали на либеральность печатного органа и на то, что с 1905 г. газета становится органом правых кадетов.

В дальнейшем материалы этой статьи в сильно сжатом виде поместят в Советскую историческую энциклопедию [16, с. 335] и Большую советскую энциклопедию [2, с. 405]. Вместе с тем до 1980 г. активность в изучении газеты не прослеживалась, хотя в ряде работ по истории русской журналистики, выходивших из-под пера Б. И. Есина [6, с. 40], С. В. Смирнова [15, с. 56] и Л. Ф. Бережного [1, с. 86, 90], она вскользь упоминалась. Отсутствие сведений о «Русских ведомостях» в ряде крупных работ по истории периодической печати в те годы свидетельствовало о не признании роли газеты в газетно-журнальном мире царской России. Это весьма странно, так как значение газеты признавалось даже В. И. Лениным, в сочинениях которого содержится 138 ссылок на «Русские ведомости» [7, с. 36].

Образовавшиеся «белые пятна» разрядили публикации в журнале «Вестник Московского университета». В 1980 г. появилась статья А. Е. Локшина «Газета «Русские ведомости» и администрация в период политической реакции 80-х – начала 90-х годов XIX века» [9, с. 53–66]. В ней исследуется история газеты в наиболее тяжелый период цензурного давления, когда газетой особенно активно «занимались» Главное управление по делам печати, московский цензурный комитет, департамент полиции, канцелярия московского генерал-губернатора. Бесспорным достоинством статьи являются использованные в ней архивные материалы, а также полное отсутствие марксистской методологии при разработке проблемы. Целью статьи являлось раскрытие ряда особенностей издания, которое исследователь признал значимым и либеральным. Статья иллюстрирует, что любая газета дореволюционной России могла трактоваться либеральной или радикальной только благодаря тому мнению, которое она производила на власть и своих читателей. Вместе с тем А. Е. Локшин считал, что деятельность ряда руководителей и сотрудников издания подчас оказывалась шире программы либерального органа, проходила в основном вне рамок редакции и не получила прямого отражения на страницах газеты.

В итоге была поставлена проблема характеристики корреспондентов газеты и их роли. Отвечая на вопрос: почему правительство не закрыло газету, несмотря на то, что ряд ее сотрудников был политически неблагонадежен, автор приходит к выводу, что были четыре причины этого: приглушенность направления газеты, «эзоповский стиль» изложения (на что было указано еще С. А. Венгеровым), невозможность для газеты высказываться по самым болезненным проблемам из-за цензурного гнета и признание правительством газеты как «разрешенной оппозиции».

По мнению А. Е. Локшина, все это затрудняло понимание газеты и ограничивало ее влияние сравнительно узким кругом постоянных читателей. Исследователь высказал мысль, что правительство желало скорее «приручить», чем уничтожить либеральный орган. Так была поставлена проблема степени либеральности газеты [8].

Начальный этап становления газеты в 60–70-х гг. XIX в. чуть позже был рассмотрен в исследовании Н. Д. Середы [14].

В 1984 г., все в том же «Вестнике Московского университета», появилась статья Е. А. Карасевой «В. И. Ленин о газете «Русские ведомости» конца XIX – начала XX века» [7, с. 34–44]. Автор признала целью своей работы определение места газеты среди других печатных изда-

ний конца XIX – начала XX в. на основании ленинских оценок. Указывая изменение отношения В. И. Ленина к изданию, от почтительного (из-за информативности газеты) до неуважительного (из-за неуважения ею марксизма), Е. А. Карасева определила его характер как либеральный в его худших образцах, по ее мнению, либерализм газеты не был демократическим. Она назвала газету близкой кадетам с 1905 г., а с 1911 г. – черносотенцам. Однако статья Е. А. Карасевой не определила ни места «Русских ведомостей» в газетном мире дореволюционной России, ни ее политической направленности.

В этом же году А. Н. Боханов в монографии «Буржуазная пресса России и крупный капитал» проанализировал финансовую деятельность «Русских ведомостей» [3, с. 68–71]. Исследователь подверг детальному анализу расходы и доходы газеты, обратил внимание на чистую прибыль. Он выделил два периода в истории либерального органа. Первый – конец XIX в. – 1905–1907 гг., когда издание от робкой пропаганды идеи конституционной монархии и буржуазного реформаторства превратилось в трибуну «правого кадетизма». Этот период характеризовался стабильным ростом доходов газеты. Поэтому историк назвал редактора газеты В. М. Соболевского «журналистом-рантье». Второй этап – 1907–1913 гг. – характеризовался снижением доходов газеты. В это время издание спасало лишь то, что плата за объявления в ней с 1908 по 1912 гг. поднялась от 40 до 50 %. А. Н. Боханов в своем анализе выделил лишь два этапа в истории газеты, но указал, что 1913 г. стал поворотным для газеты.

Следуя марксистско-ленинской методологии автор предпринял попытку доказать читателю, что кадетские настроения газеты привели ее к зависимости от крупного капитала. К числу достоинств монографии А. Н. Боханова можно отнести то, что он активно привлекал архивные материалы и вновь поставил вопрос о характере газеты. В целом не решенные вопросы оставались открытыми, но следует признать, что это исследование стало серьезным шагом в изучении истории газеты.

В 1991 г. в Московском университете вышло исследование С. Я. Махониной «Русская дореволюционная печать». Предыдущие достижения в изучении истории газеты оказались не востребованы автором. Превалирующие ленинские оценки вытеснили собственную позицию автора и тем самым уменьшили значимость ее монографии [10, с. 66–92].

В 1997 г. в журнале «Вопросы истории» В. Е. Юровский в короткой публикации пересказал историю газеты и указал на ее либеральный характер [19]. Не представив читателю ни цели своей работы, ни проблематики исследования, ни новой информации, автор передал сведения, содержащиеся в юбилейном сборнике статей 1913 г., которые «Русские ведомости» выпустили по случаю своего пятидесятилетнего юбилея [13].

Следующее упоминание о газете и ее истории содержится в учебнике для журналистов 2000 г., автором которого был профессор Б. И. Есин, однако новых сведений оно в себе не несло [5, с. 422–425].

В этом же году в Нью-Йорке вышла монография профессора Д. Белмута «Русские ведомости», 1863–1917: либеральный голос в царской России». Для того чтобы проследить историю газеты, Белмут активно использовал в своем исследовании как статьи газеты, так и сборник 1913 г. Американский профессор рассматривал «Русские ведомости» как ценный источник по истории российского либерализма, полагая, что либерализм в лице «Русских ведомостей» хотя и оставался на всем его протяжении весьма последовательным в своих основных принципах, но с течением времени и с изменением условий в стране все же менялся. По мнению Д. Белмута, «сердце мировоззрения» издания заключалось в защите им общины. Следовательно, по этому вопросу газета выступала с консервативных позиций [20].

Современные обращения исследователей к отдельным вопросам, связанным с историей газеты, носят по большому счету фрагментарный характер и касаются в основном отражения в газете определенных общественно-политических вопросов, по которым в российской общественности наблюдался резонанс [17].

В целом история газеты «Русские ведомости» освещена не достаточно полно. Исследователи определили либеральный характер газеты, указали на ее политические особенности и общероссийское значение. Однако отечественные исследования о газете до сих пор не проследили весь путь газеты, начиная от ее основания и заканчивая закрытием. Не представлена комплексная характеристика издания, изменений в редакционной политике на основе изучения передовых статей, не применяются квантитативные методы изучения газетных материалов, что затрудняет их правильное восприятие. Так, указав на либеральный характер газеты, исследователи не дали ответ на вопрос о том, менялась ли она с течением времени, в чем га-

зета была согласна с политической повесткой государства, а в чем взгляды редакции коренным образом расходились. Кроме того, не рассмотренной оказалась и деятельность корреспондентов газеты, не сделана попытка представить их коллективную биографию, хотя необходимый материал для этого присутствует. Все это снова заставляет говорить о необходимости дальнейшего углубленного изучения истории московской газеты «Русские ведомости» и деятельности ее корреспондентов.

Список литературы

1. *Бережной А. Ф.* Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 152 с.
2. Большая советская энциклопедия : [в 30 т.]. Т. 22 / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1975. 627 с.
3. *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал, конец XIX в. – 1914 г. М. : Наука, 1984. 152 с.
4. *Венгеров С. А.* Русские ведомости // Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. 53 / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. : Тип. Акц. Общ. «Издательское дело, бывшее Брокгауз – Ефрон», 1899. С. 332–333.
5. *Есин Б. И.* История русской журналистики (1703–1917): учебно-методический комплект : учеб. пособие. Хрестоматия. Темы курсовых работ: для студентов журналистов и филологов. М. : Флинта : Наука, 2000. 463 с.
6. *Есин Б. И.* Краткий очерк развития газетного дела в России XVIII – XIX веков : учеб.-метод. пособие по спецкурсу для студентов-заочников IV курса фак. журналистики гос. ун-тов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. 66 с.
7. *Карасева Е. А. В. И.* Ленин о газете «Русские ведомости» конца XIX – начала XX века // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1984. № 3. С. 34–44.
8. *Локшин А. Е.* Газета «Русские ведомости» в общественной жизни России в период политической реакции 80-х – начала 90-х годов XIX века // Общественное движение в центральных губерниях России во 2-й половине XIX века – начале XX века. Рязань, 1981. С. 87–105.
9. *Локшин А. Е.* Газета «Русские ведомости» и администрация в период политической реакции 80-х – начала 90-х гг. XIX века // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1980. № 6. С. 53–66.
10. *Махонина С. Я.* Русская дореволюционная печать (1905–1914) / под ред. Б. И. Есина. М. : Изд-во МГУ, 1991. 205 с.
11. *Розенберг В. А.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем / статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М. : Издательство М. и С. Сабашниковых, 1905. 250 с.
12. Русская периодическая печать (1702–1894) : справочник / под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова [авт.-сост. Н. В. Барановская и др.]. М. : Гос. изд-во политической лит., 1957–1959. 835 с.
13. Русские ведомости. 1863–1913 : сб. статей. М. : Русские ведомости, 1913. 312 с.
14. *Середа Н. Д.* Пресса и власть: опыт газеты «Русские ведомости» // Государство, капитализм и общество в России второй половины XIX – начала XX вв. : мат-лы Всероссийского научного семинара, сб. научных работ. Череповец, 2017. С. 251–257.
15. *Смирнов С. В.* Легальная печать в годы первой русской революции. Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. 192 с.
16. Советская историческая энциклопедия : [в 16 т.]. Т. 12 / гл. ред. Е. М. Жуков. М. : Советская энциклопедия, 1969. 976 с.
17. *Таймасова Я. В.* Либералы «Русских ведомостей» в конце 1860 – начале 1880-х гг.: формирование общественно-политической программы // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Политология / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2016. № 4. С. 145–154.
18. *Шевырин В. М.* Белмут Д. «Русские ведомости», 1863–1917: либеральный голос в царской России // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История: Реферативный журнал / РАН ИНИОН. 2003. № 1. С. 71–77.
19. *Юровский В. Е.* Газета либеральной интеллигенции «Русские Ведомости» // Вопросы истории. 1997. № 1. С. 149–154.
20. *Balmuth D.* The Russian Bulletin, 1863–1917: a liberal voice in tsarist Russia // Amer. Univer. Studies IX. History. Vol. 194. N. Y. : Peter Lang Publishing, 2000. 462 p.

The newspaper "Russian Vedomosti" (1863–1918): a historiographical review

Zharkov Vitaly Viktorovich¹, Tatochenko Viktor Valerievich²

¹PhD in Historical Sciences, Deputy Head of the Department of Management of Daily Activities of Units, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense. Russia, Yaroslavl. E-mail: vitally-zharkov@mail.ru

²PhD in Historical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of National History, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: tatochenko.84@mail.ru

Abstract. The article analyzes the works of domestic and foreign historians devoted to various aspects of the activities of one of the most popular Moscow liberal newspapers of pre-revolutionary Russia – "Russian Vedomosti", published in the period 1863–1918. The aim of the authors of the article is to demonstrate some gaps in the study of the description and understanding of the activities of the "Russian Vedomosti". The authors consider the most significant works concerning the newspaper, highlight the positive experience of its historical analysis: an attempt to determine the political nature of the periodical, an indication of the specifics of the publication's activities and existence in difficult censorship circumstances, a detailed analysis of the activities of editors and publishers of the printing body in the second half of the XIX century. Using the full range of historiographical literature concerning the newspaper "Russian Vedomosti", starting from the first mention of the newspaper in 1899. the Brockhaus and Ephron encyclopedic dictionary, ending with scientific articles and monographs, defines "white spots" in the study of the "Russian Vedomosti": indicating the exact direction of the newspaper's liberalism, the lack of a comprehensive study of editorial policy, the absence in the works of historians of quantitative methods of analysis of articles of the printed body, which must be used to comprehensively solve the questions posed by researchers. Russian Vedomosti concludes that all of the above can help to give a comprehensive description of the direction and development of the "Russian Vedomosti", play an important role in analyzing the coincidences and discrepancies of the editorial policy of the printing body with the state agenda on topical issues of Russian and foreign life. The authors declare the need for further comprehensive study of the history of the newspaper "Russian Vedomosti" and the analysis of its correspondent corps by all modern methods of studying periodicals.

Keywords: newspaper "Russian Vedomosti", pre-revolutionary Russia, domestic pre-revolutionary journalism, Moscow liberal newspapers, liberal intelligentsia in pre-revolutionary Russia.

References

1. Bereznoj A. F. *Russkaya legal'naya pechat' v gody Pervoj mirovoj vojny* [The Russian legal press during the First World War]. L. Publishing House of Leningrad University. 1975. 152 p.
2. *Bol'shaya sovetskaya enciklopediya : [v 30 t.] T. 22 – The Great Soviet Encyclopedia : [in 30 vols.]. Vol. 22 / ed. by A. M. Prokhorov. Ed. 3rd ed. M. Soviet Encyclopedia. 1975. 627 p.*
3. Bohanov A. N. *Burzhuaznaya pressa Rossii i krupnyj kapital, konec XIX v. – 1914 g.* [The bourgeois press of Russia and big capital, the end of the XIX century – 1914]. M. Nauka (Science). 1984. 152 p.
4. Vengerov S. A. *Russkie vedomosti* [Russian vedomosti] // *Enciklopedicheskij slovar' : v 86 t. T. 53 – Encyclopedic dictionary : in 86 vols. Vol. 53 / ed. F. A. Brockhaus, I. A. Efron. SPb. Typ. of joint-stock company "Publishing, formerly Brockhaus – Efron". 1899. Pp. 332–333.*
5. Esin B. I. *Istoriya russkoj zhurnalistiki (1703–1917): ucheb.-metod. komplekt : ucheb. posobie. Hrestomatiya. Temy kursovyyh rabot: dlya studentov zhurnalistov i filologov* [History of Russian journalism (1703–1917): textbook set : tutorial. Textbook. Topics of coursework: for students of journalists and philologists]. M. Flinta; Nauka (Science). 2000. 463 p.
6. Esin B. I. *Kratkij ocherk razvitiya gazetnogo dela v Rossii XVIII – XIX vekov : ucheb.-metod. posobie po speckursu dlya studentov-zaochnikov IV kursa fak. zhurnalistiki gos. un-tov* [A brief outline of the development of newspaper business in Russia of the XVIII–XIX centuries : studies.- method. manual on a special course for part-time students of the IV course of the faculty. Journalism of State University]. M. Publishing House of Moscow University. 1967. 66 p.
7. Karaseva E. A. V. I. *Lenin o gazete "Russkie vedomosti" konca XIX – nachala XX veka* [V. I. Lenin about the newspaper "Russian Vedomosti" of the late XIX – early XX century] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya – Herald of Moscow University. Series 8. History. 1984. No. 3. Pp. 34–44.*
8. Lokshin A. E. *Gazeta "Russkie vedomosti" v obshchestvennoj zhizni Rossii v period politicheskoy reakcii 80-h – nachala 90-h godov XIX veka* [The newspaper "Russian Vedomosti" in the public life of Russia during the period of political reaction of the 80s – early 90s of the XIX century] // *Obshchestvennoe dvizhenie v central'nyh guberniyah Rossii vo 2-j polovine XIX veka – nachale XX veka – Social movement in the central provinces of Russia in the 2nd half of the XIX century – early XX century. Ryazan. 1981. Pp. 87–105.*
9. Lokshin A. E. *Gazeta "Russkie vedomosti" i administraciya v period politicheskoy reakcii 80-h – nachala 90-h gg. XIX veka* [The newspaper "Russian Vedomosti" and administration during the period of political reac-

tion of the 80s – early 90s of the XIX century] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* – Herald of Moscow University. Series 8. History. 1980. No. 6. Pp. 53–66.

10. Mahonina S. Ya. *Russkaya dorevolucionnaya pechat' (1905–1914)* [Russian pre-revolutionary press (1905–1914)] / ed. by B. I. Esin. M. Publishing House of Moscow State University, 1991. 205 p.

11. Rozenberg V. A. *Russkaya pechat' i cenzura v proshlom i nastoyashchem* [The Russian press and censorship in the past and present] / articles of the Vl. Rosenberg and V. Yakushkin. M. Edition of M. and S. Sabashnikov. 1905. 250 p.

12. *Russkaya periodicheskaya pechat' (1702–1894) : spravochnik* – Russian periodical press (1702–1894) : handbook / ed. by A. G. Dementiev, A. V. Zapadov, M. S. Cherepakhov [auth.-comp. N. V. Baranovskaya et al.]. M. State Publishing House of Political Literature. 1957–1959. 835 p.

13. *Russkie vedomosti. 1863–1913 : sb. statej* – Russian Vedomosti. 1863–1913 : collection of articles. M. Type of the "Russian Vedomosti". 1913. 312 p.

14. Sereda N. D. *Pressa i vlast': opyt gazety "Russkie vedomosti"* [Press and power: the experience of the newspaper "Russian Vedomosti"] // *Gosudarstvo, kapitalizm i obshchestvo v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. : mat-ly Vserossijskogo nauchnogo seminar, sb. nauchnyh rabot* – The state, capitalism and society in Russia of the second half of the XIX – early XX centuries : materials of the All-Russian scientific seminar, collection of scientific papers. Cherepovets. 2017. Pp. 251–257.

15. Smirnov S. V. *Legal'naya pechat' v gody pervoj russkoj revolyucii* [Legal press during the first Russian Revolution]. L. Publishing House of LSU. 1981. 192 p.

16. *Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya : [v 16 t.]. T. 12* – The Soviet Historical Encyclopedia : [in 16 vols.]. Vol. 12 / ch. ed. E. M. Zhukov. M. Publishing house "Soviet Encyclopedia". 1969. 976 p.

17. Tajmasova Ya. V. *Liberaly "Russkih vedomostej" v konce 1860 – nachale 1880-h gg.: formirovanie obshchestvenno-politicheskoy programmy* [Liberals of the "Russian Vedomosti" in the late 1860s – early 1880s: the formation of a socio-political program] // *Vestnik rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* – Herald of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science / Russian University of Friendship of Peoples. M. 2016. No. 4. Pp. 145–154.

18. Shevyrin V. M. *Belmut D. "Russkie vedomosti", 1863–1917: liberal'nyj golos v carskoj Rossii* ["Russian Vedomosti", 1863–1917: liberal voice in Tsarist Russia] // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5. Istoriya: Referativnyj zhurnal* – Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 5. History: Abstract Journal / RAS. INION. 2003. No. 1. Pp. 71–77.

19. Yurovskij V. E. *Gazeta liberal'noj intelligencii "Russkie Vedomosti"* [Newspaper of the liberal intelligentsia "Russian Vedomosti"] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 1997. No. 1. Pp. 149–154.

20. Balmuth D. *The Russian Bulletin, 1863–1917: a liberal voice in tsarist Russia* // *Amer. Univer. Studies IX. History*. Vol. 194. N. Y. : Peter Lang Publishing, 2000. 462 p.

Волости (rolca) Самбии

Кулаков Владимир Иванович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-7482-5070. E-mail: drkulakov@mail.ru

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются известные по письменным и археологическим источникам принципы административно-территориального деления территории Самбии, центра прусского племенного ареала в раннем средневековье. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. В XI–XIV вв. на Самбии (ныне – Зеленоградский район Калининградской области) существовало не менее 12 поселенческих групп, разделенных лесными массивами и нередко длинными валами.

2. В поселенческих группах присутствовали городища мысовые и с двумя площадками, а также места проведения народных собраний, селища и биритуальные грунтовые могильники.

3. На границах этих групп («волостей» – polka) были сооружены городища типа В, являвшиеся местами сбора местного ополчения. Ввиду этого данные городища (и «волости», к которым они относились) в 1254 г. подверглись атакам крестоносцев.

4. Расположение прусских «волостей» на Самбии показывает стремление пруссов заселять возвышенную часть северо-западной и северной зон полуострова. Болотистая южная часть Самбии отделялась от заселенной территории сакрализованными лесными массивами. Ими же с севера ограничивалась болотистая пойма р. Pregel/Преголя в ее нижнем течении. Размещение лесных массивов на Самбии раннеорденского времени показывает отсутствие в «волостях» крупных территорий, очищенных от лесов.

5. Наименьшая форма административно-территориального деления прусской общины – polka («волость») известна по орденским письменным источникам XIV в.

6. Упомянутые в орденских письменных источниках XIII–XIV вв. священные леса пруссов расположены в южной, низинной части полуострова Самбия. Традиция сакрализации лесных массивов отмечена орденским хронистом.

7. Как и некоторые городища типа Alkhügel, сакрализованную территорию священных лесов пруссы ограничивали валами, возможно, в целях соблюдения ритуальной чистоты. В юго-западной и северо-восточной частях Самбии валы фланкировали проливы, по которым проходили торговые трассы.

Ключевые слова: пруссы, Самбия, земли, волости, Тевтонский Орден.

Современный уровень археологического исследования древностей пруссов позволяет восстановить административно-территориальное деление центра их племенного ареала в раннем средневековье – земли Самбия. Выявлена динамика заселения западными балтами Янтарного берега: если в V в. н. э. они, занимаясь янтарной торговлей по водным путям, селились у устьев рек, то после эпохи викингов благодаря эрозии почв и ослаблению интенсивности торговых операций пруссы передвигают свои поселения вглубь суши [4, с. 85]. За пределами России изучение доорденского¹ и в основном орденского² периодов истории Пруссии административно-территориального деления прусских земель ведется исключительно на основе письменных источников [16], что, конечно, снижает актуальность полученных выводов.

По орденским письменным источникам в XIV в. на Самбии отмечается наличие 15 поселенческих групп (нем. Herrschaft) [12, s. 34]. Проводившиеся в 1975–1991 гг. археологические разведки на Самбии (Зеленоградский район Калининградской области) выявили 12 скопленных памятников археологии, датирующихся согласно находкам в их культурных слоях XII–XIV вв. По орденским документам XV в. на Самбии существовало 18 «коморництв» (нем. Kam-

merampe), являвшихся религиозно-культурными единицами в рамках орденского государства. Эти единицы наследовали традицию прусских «волостей», народная память о которых простирается вплоть до XVII в. [11, s. 565, 575]. Письменные источники прямо свидетельствуют о расположении орденских «коморництв» на месте старых прусских «волостей». Правда, позднее «коморництва» основываются уже вне старых административных границ [16, s. 143].

В упомянутых выше скоплениях поселений (назовем их условно «волостями») присутствовали, кроме селищ и грунтовых могильников с ингумациями и кремациями, городища типов А (традиционное для пруссов укрепленное поселение – мысовое городище, с напольной стороны укрепленные одним, реже – несколькими валами) и Г (местоположение общинной администрации – городище с двумя площадками) (рис. 1) [4, с. 85].

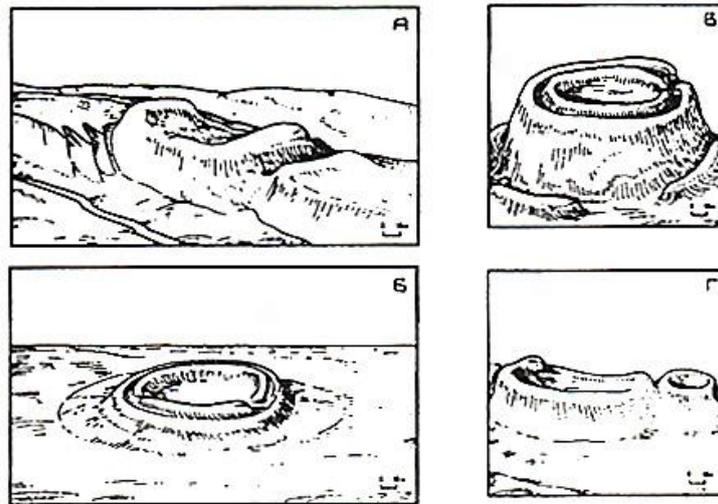

Рис. 1. Типы прусских городищ [4, рис. 37]

Кроме того, в волостях (возможно, в каждой из них) присутствовало городище типа Б (по Эд. Штурмсу – характерное для западных балтов святилище-Alkhügel, Gruppe 2), являвшееся местом народных собраний, основного органа правления прусскими общинами в предорденское время [15, s. 128]. Как показывает распределение на территории Самбии раннесредневековых городищ (рис. 2), наиболее заселенной была в эпоху раннего средневековья западная часть этого полуострова и содержащей основное для Самбии количество прусских топонимов [8, s. 5].

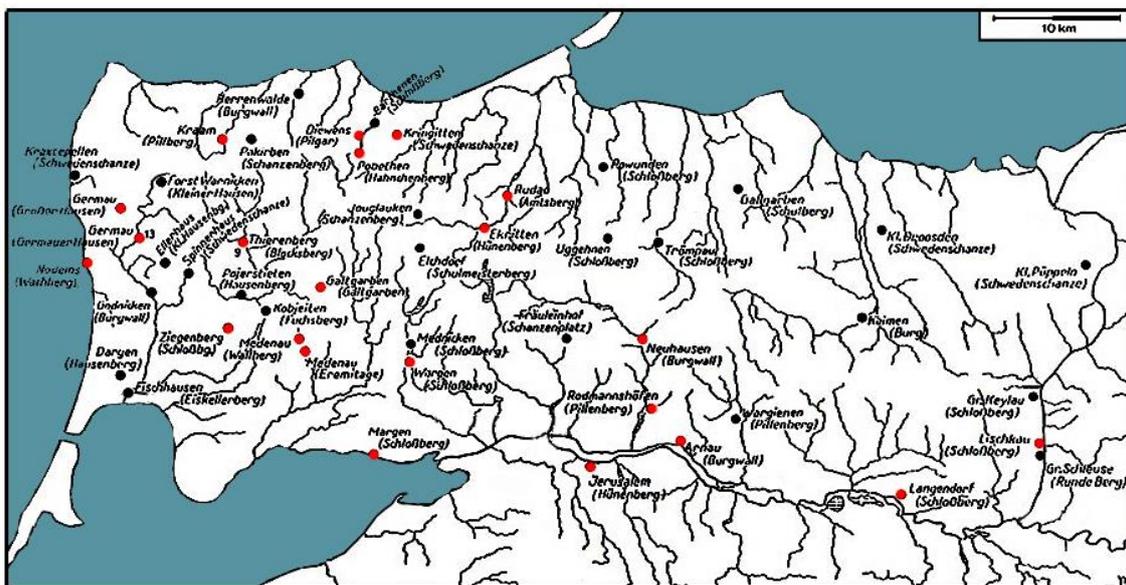

Рис. 2. Городища Самбии. Красным цветом отмечены укрепленные поселения с материалом XII–XIII вв. [10, s. 82]. Рисунок Г. Кроме, обработка В. Хорн

Именно здесь в «волостях» (точнее – на их окраинах) располагались городища типа В – места сбора прусского ополчения, на которые были направлены основные удары тевтонского воинства во 2-м крестовом походе на Самбию на исходе 1254 г. [4, с. 86]. Культурные акции в «волостях» осуществлялись на открытых площадках, устраивавшихся в ряде случаев в XI–XII вв. рядом с грунтовыми могильниками [1, с. 23].

Упомянутые в орденских письменных источниках XIII–XIV вв. священные леса пруссов (лат. *Silva Sancta, Sanctum nemus* [14, s. 128–131]) расположены в южной, низинной части полуострова Самбия (рис. 3). Традиция сакрализации лесных массивов отмечена орденским хронистом: «Были у них (прусс. – *K. B.*) также священные леса, поля и реки, так что они не смели в них рубить деревья или пахать или ловить рыбу», причем покровителем лесов считался Бог Пушкайтис [6, с. 61, 275]. Традиция сакрализации деревьев доживает у населения исторической Пруссии, как показывают новейшие находки, до Нового времени [5, с. 153, 154, рис. 4]. Как и некоторые городища типа *Alkhügel*, сакрализованную территорию священных лесов пруссы ограничивали валами, возможно, в целях соблюдения ритуальной чистоты. В юго-западной и северо-восточной частях Самбии валы (с такими же целями?) фланкировали проливы, по которым проходили торговые трассы [2, с. 20]. Ганс Кромпе считал, что такие валы служили границами прусских «волостей» [9, s. 70], однако расположение этих валов на Самбии не подтверждает эту гипотезу (рис. 3).

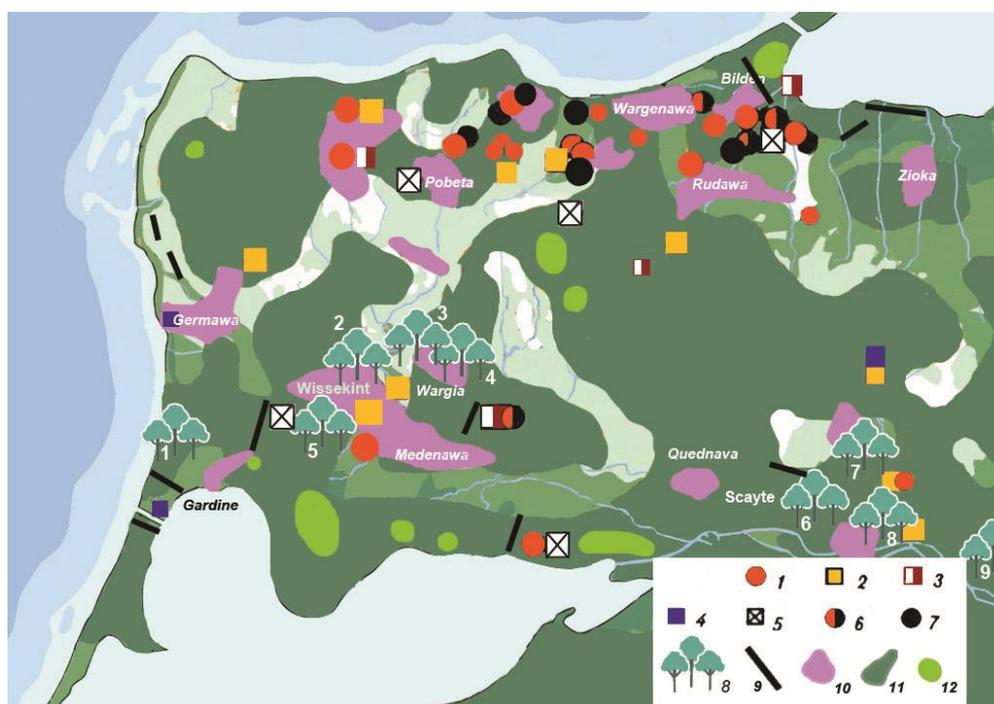

Рис. 3. Административно-территориальное деление Самбии в XII–XIV вв.: 1 – городище типа А X–XIII вв., 2 – раннесредневековое селище, 3 – городище X–XIV вв., 4 – городище (фундамент замка?) орденского времени, 5 – городище группы 2 типа *Alkhügel*, 6 – селище X–XIII вв., 7 – селище орденского времени, 8 – священный лес/леса, 9 – вал, 10 – территория *polka*, 11 – площадь, занятая в орденское время лесами, 12 – болота [3, с. 29; 13, karte 1]

Валы, возведенные у береговой кромки южной части Куршского залива, могут быть результатом труда позднейших переселенцев, в эпоху Высокого средневековья прибывших в Пруссию из Западной Европы и по образцу Голландии стремившихся оградить заселенные зоны Самбии от наступления вод залива.

Расположение прусских «волостей» на Самбии показывает стремление пруссов заселять возвышенную часть северо-западной и северной зон полуострова (рис. 3). Болотистая южная часть Самбии отделялась от заселенной территории сакрализованными лесными массивами. Ими же с севера ограничивалась болотистая пойма р. *Pregel*/Преголя в ее нижнем течении. Размещение лесных массивов на Самбии раннеорденского времени показывает отсутствие в «волостях» крупных территорий, очищенных от лесов. Таким образом, можно полагать, что для этого времени подсечное земледелие не играло в хозяйстве пруссов серьезной роли. Кос-

венно это предположение подтверждается минимальным количеством священных полей (*heiligen velde*) на Самбии, отмеченных у Wangnicken и Kl. Hubnicken [14, S. 129]. Примечательно то, что последний объект расположен в уроч. Brandestat (диалект. «Место сожжения»).

Наименьшая форма административно-территориального деления прусской общины – *polka* («волость») – упоминается орденовыми письменными источниками XIV в. [4, с. 85]. По мнению литовского языковеда Грасильды Блажене, синонимы *moter-polca-cholowach* являются скорее географическими терминами [7, s. 75].

Приведенный в статье очерк принципов административно-территориального деления территории Самбии в эпоху раннего средневековья позволяет сделать следующие выводы:

1. В XI–XIV вв. на Самбии существовало не менее 12 поселенческих групп, разделенных лесными массивами и нередко длинными валами.

2. В поселенческих группах присутствовали городища типов А и Г, а также места проведения народных собраний, селища и биритуальные грунтовые могильники.

3. На границах этих групп («волостей» – *polka*) были сооружены городища типа В, являвшиеся местами сбора местного ополчения. Ввиду этого данные городища (и «волости», к которым они относились) в 1254 г. подверглись атакам крестоносцев.

Список литературы

1. Кулаков В. И. Верования западных балтов в эпоху викингов // Проблемы межрегиональных связей. Вып. 5. М. ; СПб. ; Калининград : Калининградская городская типография, 2007. С. 23–25.
2. Кулаков В. И. Длинные валы Самбии // *Res Humanitariae*. Т. XXIII. Klaipėda : Klaipėdos universitetas, 2018. С. 11–22.
3. Кулаков В. И. Забытая история пруссов. Калининград : Калининградское издательско-полиграфическое объединение, 1992. 34 с.
4. Кулаков В. И. Пруссы (V–XIII вв.). М. : Геоэко, 1994. 214 с.
5. Кулаков В. И. Священное древо пруссов // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 3. М. : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2019. С. 147–160.
6. Петер фон Дусбург. Хроника земли Прусской. М. : Ладомир, 1997. 383 с.
7. Blažienė G. Baltische Ortsnamen im Samland // *Hydronimia Europaea*. Sonderband II. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2000. S. 1–35.
8. Blažienė G. Noch einmal zum altpreußischen und zu den altpreußischen Eigennamen in den geschichtlichen Quellen des Deutschen Orden // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. № XVII. М. : Наука, 2013. С. 66–78.
9. Crome H. Verzeichnis der Wehranlage Ostpreussens // *Prussia*. Bd. 32–34. Königsberg, 1938–1940.
10. Crome H. Führer zu den frühgeschichtlichen Burgwälle im Samlande // *Prussia*. Bd. 34. Königsberg : In Selbstverlag der Altertumsgesellschaft "Prussia", 1940. S. 5–82.
11. Kawiński P. Długie trwanie staropruskich struktur plemiennych na przykładzie organizacji parafialnej na Sambii // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. № 3 (393). Olsztyn, 2016. S. 563–580.
12. Łowmiański H. Geografia polityczna Bałtów w dobie plemennej // *Lituanos-Slavica Posnaniensia*. *Studia Historica*. Т. 1. Poznań : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1985. S. 28–45.
13. Mager F. Das Wald in Altpreussen als Wirtschaftsraum. Bd. 1. Graz, 1960. 452 S.
14. Mannhardt W. Letto-Preussische Götterlehre. Riga : Lettisch-Literarischen Gesellschaft, 1936. 673 S.
15. Šturms Ed. Baltische Alkhügel // *Pirmā baltijas vēsturnieku conference*. Rīga : Latvijas vēstures institūta izdevums, 1938. S. 116–133.
16. Vercamer G. Siedlungs-, Sozial- und Verwaltungsgeschichte der Komturei Königsberg in Preussen (13–16 Jahrhundert). Marburg : N. G. Elwert Verlag, 2010. 656 S.

Municipalities (*polca*) of Sambia

Kulakov Vladimir Ivanovich

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-7482-5070. E-mail: drkulakov@mail.ru

Abstract. The proposed article examines the principles of administrative-territorial division of the territory of Sambia, the center of the Prussian tribal area in the early Middle Ages, known from written and archaeological sources. The analysis allows us to draw the following conclusions:

1. In the XI–XIV centuries, there were at least 12 settlement groups in Sambia (now the Zelenograd district of the Kaliningrad region), separated by forests and often by long ramparts.

2. In the settlement groups there were settlements of the cape and with two sites, as well as places of holding people's meetings, villages and birital soil burial grounds.

3. On the borders of these groups ("volosts" – polka), settlements of type B were built, which were places of gathering of the local militia. In view of this, these settlements (and the "volosts" to which they belonged) were attacked by crusaders in 1254.

4. The location of the Prussian "volosts" on Sambia shows the desire of the Prussians to populate the elevated part of the northwestern and northern zones of the peninsula. The swampy southern part of Sambia was separated from the populated territory by sacralized forests. They also limited the swampy floodplain of the Pregel River from the north Pregolya in its lower reaches. The placement of woodlands on the Sambia of the Early Norden time shows the absence of large territories cleared of forests in the "volosts".

5. The smallest form of administrative-territorial division of the Prussian community – polka ("parish") is known from the Order's written sources of the XIV century.

6. The sacred forests of the Prussians mentioned in the Order's written sources of the XIII–XIV centuries are located in the southern, lowland part of the Sambia peninsula. The tradition of sacralizing woodlands is noted by the Order chronicler.

7. Like some settlements of the Alkhügel type, the Prussians limited the sacred territory of the sacred forests with ramparts, possibly in order to observe ritual purity. In the southwestern and northeastern parts of Sambia, the ramparts flanked the straits through which the trade routes passed.

Keywords: Prussians, Sambia, lands, parishes, Teutonic Order.

References

1. Kulakov V. I. *Verovaniya zapadnyh baltov v epohu vikingov* [Beliefs of the Western Balts in the Viking age] // *Problemy mezhhregional'nyh svyazey* – Problems of interregional relations. Is. 5. M., SPb., Kaliningrad. Kaliningrad City Printing House. 2007. Pp. 23–25.

2. Kulakov V. I. *Dlinnye valy Sambii* [Long shafts of Sambia] // *Res Humanitariae*. Vol. XXIII. Klaipėda. Klaipėdos universitetas. 2018. Pp. 11–22.

3. Kulakov V. I. *Zabytaya istoriya prussov* [The forgotten history of the Prussians]. Kaliningrad. Kaliningrad Publishing and Printing Association. 1992. 34 p.

4. Kulakov V. I. *Prussy (V–XIII vv.)* [Prussians (V–XIII centuries)]. M. Geoeko. 1994. 214 p.

5. Kulakov V. I. *Svyashchennoe drevo prussov* [The sacred tree of the Prussians] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* – Herald of Moscow University. Series 8. History. No. 3. M. Lomonosov Moscow State University. 2019. Pp. 147–160.

6. *Peter fon Dusbürg. Hronika zemli Prusskoj* [Chronicle of the Prussian Land]. M. Lodomir Scientific and Publishing Center. 1997. 383 p.

7. *Blažienė G. Baltische Ortsnamen im Samland* // *Hydronimia Europaea*. Sonderband II. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2000. Pp. 1–35.

8. *Blažienė G. Noch einmal zum altpreußischen und zu den altpreußischen Eigennamen in den geschichtlichen Quellen des Deutschen Orden* // *Indoeuropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* – Indo-European Linguistics and Classical Philology. No. XVII. M. Nauka (Science). 2013. Pp. 66–78.

9. *Crome H. Verzeichnis der Wehranlage Ostpreussens* // *Prussia*. Bd. 32–34. Königsberg, 1938–1940.

10. *Crome H. Führer zu den frühgeschichtlichen Burgwälle im Samlande* // *Prussia*. Bd. 34. Königsberg : In Selbstverlag der Altertumsgesellschaft "Prussia", 1940. Pp. 5–82.

11. *Kawiński P. Dłgie trwanie staropruskich struktur plemiennych na przykładzie organizacji parafialnej na Sambii* // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. No. 3 (393). Olsztyn, 2016. Pp. 563–580.

12. *Łowmiański H. Geografia polityczna Bałtów w dobie plemennej* // *Lituanio-Slavica Posnaniensia*. *Studia Historica*. T. 1. Poznań : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1985. Pp. 28–45.

13. *Mager F. Das Wald in Altpreussen als Wirtschaftsraum*. Bd. 1. Graz, 1960. 452 p.

14. *Mannhardt W. Letto-Preussische Götterlehre*. Riga : Lettisch-Literarischen Gesellschaft, 1936. 673 p.

15. *Šturms Ed. Baltische Alkhügel* // *Pirmā baltijas vēsturnieku conference*. Riga : Latvijas vēstures institūta izdevums, 1938. Pp. 116–133.

16. *Vercamer G. Siedlungs-, Sozial- und Verwaltungsgeschichte der Komturei Königsberg in Preussen (13–16 Jahrhundert)*. Marburg : N. G. Elwert Verlag, 2010. 656 p.

Результаты обследования археологических памятников, расположенных в окрестностях поселка Сокольный Звениговского района Республики Марий Эл

Акилбаев Александр Владимирович

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева.
Россия, г. Йошкар-Ола. E-mail: akilbaev.alexandr@yandex.ru

Аннотация. В статье публикуются материалы памятников археологии, расположенных вблизи поселка Сокольный Звениговского района Республики Марий Эл. Осмотренные 15 памятников относятся к различным эпохам: от мезолита до средневековья. Работы велись в 2019 г. Марийской археологической экспедицией под руководством автора статьи. В ходе шурфовки и в виде подъемного материала обнаружено 55 предметов: кремневые сколы, кремневые орудия труда и их фрагменты, керамика.

Рассмотренные в статье материалы получены в результате работ по определению границ объектов археологического наследия. Собранные коллекции позволили подтвердить или уточнить хронологические и культурные позиции осмотренных памятников, что определило актуальность статьи. Целью же является публикация новых, ранее не опубликованных материалов. Предмет исследования – коллекции керамики и кремня, полученные в результате работ 2019 г., которым дана хронологическая и культурная характеристика.

В результате проведенных работ было произведено 88 шурфов и зачисток существующих осыпей, только лишь 17 из них выявили археологические находки. Но полученные коллекции позволили уточнить или подтвердить временную и культурную характеристики осмотренных объектов археологического наследия. Подтвердились выводы о культурной и хронологической принадлежности 4 памятников, были уточнены датировки 3 стоянок. Один памятник (эпохи средневековья) обнаружен на был. Кроме того, определены границы объектов археологического наследия, что позволило поставить их под охрану.

Статья сопровождается иллюстрациями наиболее показательных находок, адресована археологам, историкам, всем интересующимся ранними периодами истории Волго-Вятского региона.

Ключевые слова: каменный век, бронзовый век, археологические памятники у поселка Сокольный, Республика Марий Эл.

В сентябре – октябре 2019 г. сотрудниками Марийской археологической экспедиции (МарАЭ) Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (МарНИИЯЛИ) были проведены работы на 15 памятниках археологии вблизи поселка Сокольный в Звениговском районе Республики Марий Эл (Сокольные 1, 3–17 стоянки), расположенных на террасе Волги у впадения в нее реки Большая Кокшага. Целью работ являлось определение границ указанных объектов археологического наследия. Исследования позволили определить границы и проверить современное состояние обозначенных памятников, а в некоторых случаях уточнить их хронологические и культурные позиции.

Полевые работы включали в себя: визуальный осмотр поверхности и участков эрозии на склонах; анализ ландшафтной ситуации; закладку шурфов и послойную выборку грунта с фиксацией стратиграфии и планиграфии; инструментальная съемка территории памятников.

Сокольная 1 стоянка открыта в 1974 г. В. В. Никитиным и П. Н. Старостиним [2, с. 112–113]. На поверхности памятника зафиксировано 7 впадин овальной формы. Заложенный шурф выявил культурный слой, содержащий фрагменты керамики и обломок кремневой стрелы. В 1985–86 гг. этот памятник изучался В. С. Патрушевым. В ходе раскопок вскрыто 282 кв. м. Исследованы два котлована от построек [3; 5, с. 52]. В различные годы были даны различные названия памятнику, в результате чего появилась путаница. В ходе работ 2019 г. было установлено, что памятники с названиями Сокольная 2 стоянка, стоянка Сокольная дача являются Сокольной 1 стоянкой, открытой в 1974 г.

Стоянки Сокольная 3–17 открыты Марийской археологической экспедицией под руководством В. В. Никитина в 1985 г. [4, с. 49–60]. Нумерация памятникам дана в порядке обна-

ружения. Все выявленные объекты археологического наследия выражены в рельефе жилищными впадинами диаметром около 10 м и глубиной до 1 м. Их количество различно: от 2 впадин на Сокольных 6, 7, 10, 11, 13 стоянках, до 13 на Сокольной 14 стоянке. На всех стоянках произведена шурфовка или закладка траншей, которые выявили культурный слой и материал (изделия из кремня, керамика – в зависимости от памятника). Датировка была дана условно, поскольку обнаружение кремневых предметов (особенно не целых орудий) без керамики не говорит однозначно об эпохе мезолита, керамика могла быть просто не найдена. Так Сокольные 3, 5, 6, 8, 9, 15, 17 стоянки отнесены к эпохе камня без уточнения, Сокольная 4 – к периоду мезолита, Сокольные 7, 12 – к культуре накольчатой керамики, Сокольные 13, 14 – к эпохе бронзы. Два объекта оказались двуслойными, каждый из слоев получил собственное название. Сокольные 15 и 16 стоянки расположены на одной территории – однако 15-я отнесена к эпохе камня, 16-я – к древнемарийской культуре рубежа I–II тыс. н. э. Сокольные 10 и 11 отнесены к волго-камской (неолит) и приказанской (эпоха бронзы) культурам, хотя также находятся на одном месте.

В 1991 г. все памятники посещала Т. Б. Никитина [6, с. 10–26]. Было уточнено их современное состояние. По результатам этих работ составлены паспорта объектов культурного наследия.

В 2018 г. Сокольная 7 стоянка была исследована К. М. Андреевым (Самарский государственный социально-педагогический университет). Заложен раскоп площадью 39 кв. м. Общая коллекция полученных артефактов насчитывает 2613 единиц: изделия из кремня, фрагменты керамики, кости. По венчикам и орнаментированным стенкам выделено 14 сосудов. Мотивы орнамента представлены одним или несколькими горизонтальными рядами наколов. Комплекс каменного инвентаря состоял из пластин, нуклеусов, скребков, резцов, накопечников, ножей. Памятник интерпретирован в качестве стоянки-мастерской, отнесен к раннему неолиту и датирован началом – серединой VI тыс. до н. э. [6, с. 10–26; 7, с. 64–80].

В результате работ 2019 г. (постановка шурфов) получена коллекция из 54 предметов: каменные изделия и фрагменты изделий, отщепы, сколы и фрагменты керамической посуды. Стоянки различны в плане хронологии и культурной принадлежности, поэтому материал сгруппирован по памятникам, из которых он происходит. Прорисовки приведены только для наиболее значимых предметов.

На памятнике Сокольная 1 стоянка находки происходят из двух шурфов. Керамика представлена двумя фрагментами серого цвета, внешняя сторона немного светлее. В изломе присутствует черный (углистый) цвет. Обе стороны тщательно заглажены. На внутренней стороне прослеживаются бороздки зачистки. Фрагменты легкие, формовочная масса однородная, глина хорошо промешана, в качестве отошителя добавлена сильно измельченная растительная труха. Микропоры тонкой удлиненной формы (видимо, трава). Керамика легко крошится. Неорганические примеси (песок, шамот и прочее) визуальным образом не прослеживаются. Оба фрагмента орнаментированы. Орнамент нанесен по сырой поверхности, оттиски штампа не четкие. На первом обломке (рис. 1, предмет 1) узор из горизонтального зигзага со спаренными линиями, ниже которого наклонные прочерки (возможно, элементы зигзага), характерные в композиционном построении для приказанской культуры эпохи бронзы [10, с. 79–82]. Второй фрагмент украшен горизонтальными линиями зубчатого штампа (рис. 1, предмет 2).

Кроме того, на стоянке обнаружены продольный скол подправки кварцитового нуклеуса с небольшим участком желвачной корки и плохо обработанная, с рваными гранями, пластинка из окремнелого известняка с угловым резцом (рис. 1, предмет 3).

Этот материал подтвердил культурную и хронологическую принадлежность памятника: он относится к приказанской культуре эпохи поздней бронзы и датируется рубежом II–I тыс. до н. э.

С территории Сокольной 3 стоянки происходит сечение пластины мелового кремня (вкладыш) от составного орудия. Размер 1,5x1,3 см, толщина на вершине ребра 0,2 см (рис. 1, предмет 4). находка является подъемным материалом. Она не может в полной мере свидетельствовать о культурной и хронологической принадлежности памятника, однако не противоречит выводам, сделанным В. В. Никитиным, датировавшим стоянку эпохой мезолита (IX–VIII тыс. до н. э.) [8, с. 84].

Шурфовка и сбор подъемного материала на Сокольной 4 стоянке выявили коллекцию каменного инвентаря. К ним относятся следующие изделия.

1. Резец на кремне серого цвета с отсечением подправки фронтальной площадки скалывания (рис. 1, предмет 5).

2. Острие на отщепе серого кремня с приостренной вершиной. Одна грань подправлена резцовым сколом (рис. 1, предмет 6).

3. Три призматические пластины серого с бежевым оттенком кремня с хорошо граненой площадкой без следов вторичной обработки. Размеры: 5,5x1,5 см при толщине 0,4 см, 2,8x0,8 см, толщиной 0,1–0,2 см и 1,9x0,9 см, толщиной 0,1–0,2 см (рис. 1, предметы 7–9).

4. Резец боковой с поперечными сколами на плоском отщепе светло-серого кремня (рис. 1, предмет 10).

5. Три отщепа и два мелких кремневых скола, не имеющие следов вторичной обработки. Найденный материал относится к эпохе мезолита и датируется IX–VIII тыс. до н. э.

В результате работ на Сокольной 6 стоянке (3 шурфа и подъемный материал) обнаружены мелкие крошки керамики около 0,5 кв. см (2 фрагмента). Судя по состоянию формовочной массы, плотной, с включениями мелких фракций шамота и сильно измельченной дресвы, предварительно относятся к эпохе неолита, культуре носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом. Кроме этого, получена небольшая коллекция изделий из камня.

1. Скребок на отщепе сжатия конуса нуклеуса окремнелого известняка. Изделие побывало в огне, цвет не определенный – от темно-коричневого до углистого (рис. 1, предмет 11).

2. Сечение пластины (вкладыш) на кремне вишневого цвета, размером 1,0x0,9–1,2 см, толщиной около 0,1 см, одна сторона усечена резцовым сколом (рис. 1, предмет 12).

3. Сечение призматической пластины на белом кремне размерами 1,7x0,9 см при толщине 0,3 см без следов вторичной обработки (рис. 1, предмет 13).

4. Скребло на крупном уплощенном отщепе опоки с боковым рабочим краем, оформленным крупными сколами, частично подправленное микроретушью (рис. 1, предмет 14).

5. Фрагмент деревообрабатывающего инструмента (средняя часть). Орудие выполнено на кремне белого цвета. Сохранившаяся часть имеет размеры 4,5x4,3 см, толщина сечения 1,1 см. Боковые стороны по брюшку подретушированы крупной обивкой (рис. 1, предмет 15).

6. Отщепы и сколы без следов вторичной обработки.

Полученный материал уточнил культурную принадлежность и датировку памятника: эпоха неолита, культура гребенчато-ямочной керамики (балахнинская), рубеж V–IV тыс. до н. э.

Из шурфа на Сокольной 7 стоянке происходит скребок с крупной ретушью по всему периметру. Торцовое лезвие обработано крутой ретушью, что является характерным признаком раннего неолита или мезолита (рис. 1, предмет 16).

На Сокольной 8 стоянке, в результате постановки шурфа, выявлены следующие находки.

1. Фрагмент стенки сосуда с заглаженной с двух сторон поверхностью (рис. 1, предмет 17). Цвет однородный кирпичный. В формовочной массе обильная примесь мелкой шамотной крошки. Структура плотная, в изломе однородная, кирпичного цвета. На внешней стороне фрагмента орнамент в виде горизонтальной линии глубоких наколов. Аналогии данной посуде имеются в ранненеолитических комплексах Среднего Поволжья [9, рис. 81, 147].

2. Наконечник стрелы (фрагмент), острие и насадка утрачены (рис. 1, предмет 18). Изготовлен на светло-сером кремне, форма листовидная, удлинённая. Изделие оформлено двусторонней уплощенной (струйчатой) ретушью. Хронологические рамки существования широкие – от раннего неолита до эпохи раннего металла VI–III тыс. до н. э.

3. Отщеп кремневый, видимо, от ядрища, из которого снята пластина для рассмотренного выше наконечника стрелы. Округлой формы диаметром 2 см и толщиной 0,1 см.

Выявленный материал (а именно керамика) уточняет культурную принадлежность и хронологическую позицию памятника. Стоянка относится к эпохе раннего неолита, к культуре накольчатой керамики и датируется серединой VI–V тыс. до н. э.

Сокольная 12 стоянка выявила большую коллекцию, происходящую из трех шурфов.

1. Керамика, тщательно заглаженная с двух сторон. Цвет светло-серый, равномерный. В изломе внутренняя часть углистая, с микропорами от сгоревшей органики. Внешняя сторона в месте отслоения выявила более плотную структуру формовочной массы в виде добавки мелких фракций шамота. Второй фрагмент с однородной массой. В изломе цвет коричневый. Фрагмент, видимо, от небольшого сосуда, поскольку толщина его в пределах 0,3–0,4 см. Оба фрагмента без орнамента. Аналогии известны среди неолитических комплексов с накольчатой посудой (аналогичная керамике Сокольной 8 стоянки).

2. Трапеция на кремне бежевого цвета, размер 2,2x1,0–1,5 см, толщина 0,4–0,5 см. Левосторонняя ретушь слабо заметна – сглажена, правая сторона – выемчатая, оформлена мелко-чешуйчатой ретушью. Характерна для эпохи мезолита, но бытует и до раннего неолита. В комплексе с посудой относится к раннему неолиту (рис. 1, предмет 19).

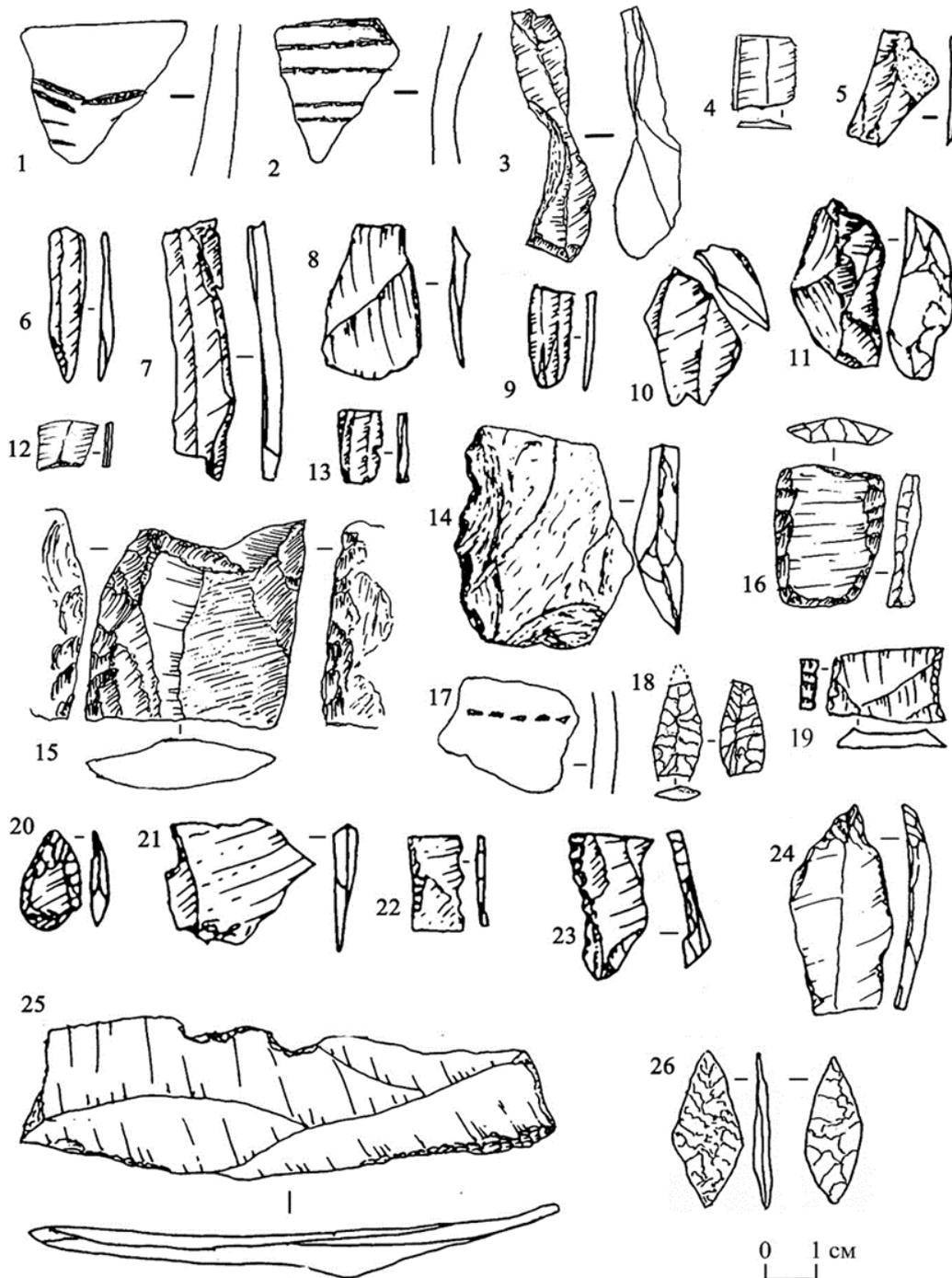

Рис. 1. 1-3 – Сокольная 1 стоянка, 4 – Сокольная 3 стоянка, 5-10 – Сокольная 4 стоянка, 11-15 – Сокольная 6 стоянка, 16 – Сокольная 7 стоянка, 17-18 – Сокольная 8 стоянка, 19-25 – Сокольная 12 стоянка, 26 – Сокольная 13 стоянка

3. Наконечник на кремне насыщенно коричневого (сургучного) цвета, редкого для эпохи камня Марийского Поволжья, миндалевидной формы с грубой обработкой всего периметра средней чешуйчатой ретушью с микросколами на пятке насада. Размер изделия – высота 2 см, ширина в области насада 1,5 см, толщина 0,3 см. Ретушь исключительно со стороны спинки (рис. 1, предмет 20).

4. Резец на углу пластины из светлого кремня. Правая сторона с выемкой под скобель, завершается микрорезцовым сколом (рис. 1, предмет 21).

5. Резец угловой на плоском отщепе кремня бежевого цвета. Резцовый скол широкий, хорошо выражен (рис. 1, предмет 22).

6. Пластина с ретушью (фрагмент) на кремне бежевого цвета, длина 3,3 см, ширина 1,5–2,0 см. По левой грани нанесена крупночешуйчатая ретушь, позволяющая использовать ее в качестве скоблящего инструмента (рис. 1, предмет 23).

7. Пластины без ретуши – поправки граней площадки скола, отщепы и другие отходы каменной индустрии. Следов вторичной обработки нет.

8. Сверло на пластине белой опоки или окремнелого известняка. Рабочее острие подправлено ретушью. Одна боковая грань оформлена микроретушью, на противоположной стороне – угловой резец (рис. 1, предмет 24).

9. Нож на крупной пластине (длина 10,5 см, ширина 2,0–3,4 см, толщина 0,5 см). На левой грани две небольшие выемки, оформленные ретушью под скобель, на правой грани, в верхней части, кромка подправлена средней чешуйчатой ретушью. Визуально наблюдается сработанная (затертая) краевая ретушь (рис. 1, предмет 25).

10. Скребло. Изготовлено из того же кремневого желвака, что и нож (рис. 2, предмет 1).

Рассмотренный материал относится к V тыс. до н. э., к культуре накольчатой керамики.

В результате шурфовки (2 шурфа) Сокольной 13 стоянки выявлены следующие предметы.

1. Сколы и отщепы без следов вторичной обработки.

2. Наконечник ромбической формы на белом кремне. По всей поверхности обработан уплощенной ретушью. Встречаются такие изделия в период мезолита и неолита (рис. 1, предмет 26).

3. Многофасеточный резец на кварцитовом отщепе с встречными и параллельными резцовыми сколами. Резцовые площадки длинные и широкие, обычные для мезолитических комплексов (рис. 2, предмет 2).

4. Скребок со слабо выделенными скребковыми участками. Торцовое лезвие, подправленное со стороны брюшка, – обычный прием оформления в мезолите (рис. 2, предмет 3).

Вероятно, памятник многослойный, в связи с чем находки имеют широкую датировку.

Из шурфа на Сокольной 15 стоянке выявлен следующий материал.

1. Развал сосуда (часть срединного тулова) (рис. 2, предмет 4). Сосуд крупных размеров. Судя по изгибу стенки, диаметр тулова был в пределах 28–32 см. Черепки плотные, залощены с двух сторон. Цвет светло-коричневый, однотонный. Структура плотная, в изломе трехслойная. Середина излома углистая, внешняя и внутренняя сторона излома желтая. В формовочной массе визуальными наблюдаются очень мелкие фракции шамота и микропустоты в черном слое. Сосуд по внешней поверхности орнаментирован зонами прокатанной гребенки, ограниченными рядом круглых, с конусовидным профилем, ямок. Это характерно для неолитических культур Волго-Окского бассейна (культура гребенчато-ямочной керамики) [9, с. 140–146].

2. Пластины и сколы без следов вторичной обработки.

Таким образом, время функционирования Сокольной 15 стоянки было ограничено эпохой неолита.

Материал Сокольной 17 стоянки происходит из двух шурфов.

1. Нож на призматической пластине белого цвета. Обе боковые грани обработаны мелкой ретушью. На углу одной из сторон имеется микрорезцовый скол (рис. 2, предмет 5).

2. Скребок с торцовым рабочим краем, оформленным крутой ретушью (рис. 2, предмет 6).

3. Фрагмент скребкового ножа с крутой ретушью рабочего края (рис. 2, предмет 7).

Скребок и нож выполнены на кремне серого цвета с коричневыми разводами.

4. Тринадцать фрагментов керамики. Два фрагмента – венчики, остальные – мелкие обломки тулова. Керамика плотная, с однородной массой, содержащей в качестве примесей мелкие фракции шамота. Цвет черепков светло-коричневый, однородный. В изломе цвет также одинаковый, без расслоения на оттенки.

Поверхность тщательно заглажена с двух сторон, внешняя – до лоска, внутренняя – со слабо заметными следами зачистки мелким предметом (очень тонкие бороздки). Венчик украшен пояском сквозных отверстий, поверх которых горизонтальная линия накола. От этой линии по горизонтали широким поясом заполнено поле в стиле скорописного накола. Второй фрагмент венчика от другого сосуда, без орнамента, слегка приостренный, от тонкостенного небольшого сосуда (примерный размер устья 14–17 см). Мелкие фрагменты тулова украшены в технике накола (отступающего) или оттисков плоского штампа (палочки) (рис. 2, предметы 8–11).

5. Отщепы аморфные, без следов вторичной обработки.

Проведенными работами выявлен материал, уточняющий культурную принадлежность и хронологическую позицию памятника: Сокольная 17 стоянка относится к культуре накольчатой керамики и датируется серединой VI–V тыс. до н. э.

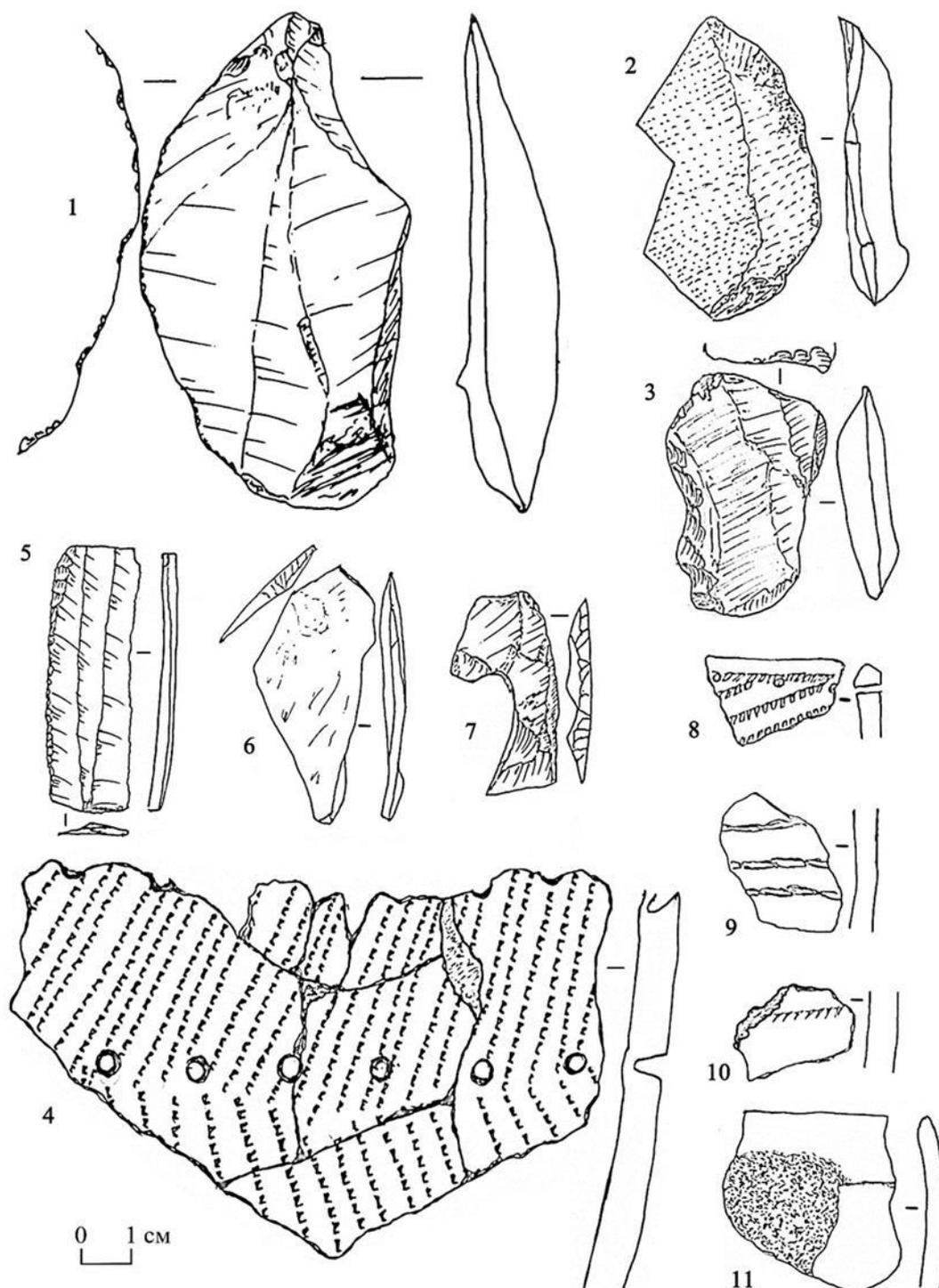

Рис. 2. 1 – Сокольная 12 стоянка, 2-3 – Сокольная 13 стоянка, 4 – Сокольная 15 стоянка,
5-11 – Сокольная 17 стоянка

Из материалов Сокольной 10 и Сокольной 11 стоянок происходят несколько кремневых сколов без следов вторичной обработки, не позволяющих делать выводы о хронологических и культурных особенностях этих памятников. Шурфовка стоянок Сокольная 5 и Сокольная 9 не выявила археологических находок. Подобная ситуация сложилась из-за особенностей проведенных полевых работ, целью которых было определение границ памятников. Сокольная 5 стоянка изучалась шурфами и траншеей в 1985 г., следы которых видны до сих пор. Шурфовкой выявлен культурный слой, совпадающий по описанию со слоем, обнаруженным предыдущим исследователем, но материал выявлен не был. Сокольная 9 стоянка имеет впадины, выражена в рельефе (занимает песчаную дюну), вследствие чего не было необходимости за-

кладывать шурфы, нарушающие культурный слой. Сокольная 16 стоянка (эпоха средневековья), находящаяся на территории Сокольной 15 стоянки обнаружена не была, поскольку цель работ 2019 г. – обозначить границы памятников. Выявить ее могут только стационарные раскопки.

В результате проведенных работ было произведено 88 шурфов и зачисток существующих осыпей, только лишь 17 из них содержали археологические находки. Но полученные коллекции позволили уточнить или подтвердить временную и культурную характеристики осмотренных объектов археологического наследия. Так, подтвердились выводы о принадлежности Сокольной 1 (рубеж II–I тыс. до н. э., приказанская культура), Сокольной 4 (мезолит, IX–VIII тыс. до н. э.), Сокольной 6 (рубеж V–IV тыс. до н. э., культура гребенчато-ямочной керамики), Сокольной 12 (сер. VI–V тыс. до н. э., культура накольчатой керамики) стоянок. Были уточнены датировки Сокольной 8 (сер. VI–V тыс. до н. э., культура накольчатой керамики), Сокольной 15 (рубеж V–IV тыс. до н. э., культура гребенчато-ямочной керамики), Сокольной 17 (сер. VI–V тыс. до н. э., культура накольчатой керамики) стоянок. Обращает на себя синхронность некоторых памятников (культуры гребенчато-ямочной керамики и накольчатой керамики), расположенных на ограниченной территории террасы Волги длиной около 1,5 км. Однако эта синхронность условна, культуры датируются несколькими столетиями, нет оснований для утверждений о том, существовали ли единовременные поселки или люди периодически возвращались сюда. С уверенностью можно утверждать о том, что эта территория, богатая в плане пищевых ресурсов и удобная для расположения поселений, привлекала внимание различные группы населения со времен мезолита.

Список литературы

1. Андреев К. М. Поселение Сокольный VII – новый памятник раннего неолита Республики Марий Эл / А. А. Выборнов, А. С. Кудашов, А. С. Алешинская, И. Н. Васильева // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 64–83.
2. Архив ИА РАН (Института археологии Российской академии наук). № 5544. В. В. Никитин, П. Н. Старостин. Отчет о разведке в бассейне р. Большая Кокшага. Отчет МарАЭ за 1974 г.
3. Архив ИА РАН. № 10701. В. С. Патрушев. Отчет об исследованиях экспедиции Марийского университета археологического комплекса Сосновая Грива близ поселка Кокшайск.
4. Архив ИА РАН. № 10914. В. В. Никитин. Отчет о работах Неолитического отряда МарАЭ в 1985 г.
5. Архив ИА РАН. № 11283. В. С. Патрушев. Отчет об исследованиях археологической экспедиции Марийского университета в 1986 г.
6. Архив ИА РАН. № 16251. Т. Б. Никитина. Отчет о работе III отряда МарАЭ в Звениговском районе МССР в 1991 г.
7. Архив полевых материалов направления «Археология» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. К. М. Андреев. Отчет об археологических раскопках поселения Сокольное VII в Звениговском районе Республики Марий Эл в 2018 г. по Открытому листу № 1402.
8. Соловьев Б. С. Бронзовый век Марийского Поволжья // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VI. Йошкар-Ола, 2000. 264 с.
9. Никитин В. В. Мезолит Марийского Полесья // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. X. Йошкар-Ола, 2018. 264 с.
10. Никитин В. В. Ранний неолит Марийского Поволжья // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IX. Йошкар-Ола, 2011. 470 с.

The results of the survey of archaeological sites located in the vicinity of the village of Sokolny Zvenigovsky district of the Republic of Mari El

Akilbaev Alexander Vladimirovich

PhD in Historical Sciences, leading researcher, Mari Research Institute of Language,
Literature and History n. a. V. M. Vasiliev. Russia, Yoshkar-Ola. E-mail: akilbaev.alexandr@yandex.ru

Abstract. The article publishes materials of archaeological monuments located near the village of Sokolny in the Zvenigovsky district of the Republic of Mari El. The 15 monuments examined belong to various epochs: from the Mesolithic to the Middle Ages. The work was carried out in 2019 by the Mari Archaeological expedition led by the author of the article. During the drilling and in the form of lifting material, 55 objects were found: flint chips, flint tools and their fragments, ceramics.

The materials considered in the article were obtained as a result of work on determining the boundaries of archaeological heritage objects. The collected collections made it possible to confirm or clarify the chronological and cultural positions of the examined monuments, which determined the relevance of the article. The goal is to publish new, previously unpublished materials. The subject of the study is the collections of ceramics and flint obtained as a result of the works of 2019, which are chronologically and culturally characterized.

As a result of the work carried out, 88 pits and sweeps of existing scree were made, only 17 of them revealed archaeological finds. But the collections obtained made it possible to clarify or confirm the temporal and cultural characteristics of the inspected archaeological heritage sites. The conclusions about the cultural and chronological affiliation of 4 monuments were confirmed, the dating of 3 sites was clarified. One monument (from the Middle Ages) was discovered on the site. In addition, the boundaries of archaeological heritage sites have been determined, which made it possible to put them under protection.

The article is accompanied by illustrations of the most significant finds, addressed to archaeologists, historians, and anyone interested in the early periods of the history of the Volga-Vyatka region.

Keywords: stone Age, Bronze Age, archaeological sites near the village of Sokolny, Republic of Mari El.

References

1. Andreev K. M. *Poselenie Sokol'nyj VII – novyj pamyatnik rannego neolita Respubliki Marij El* [Sokolny VII settlement – a new monument of the early Neolithic of the Republic of Mari El] / A. A. Vybornov, A. S. Kudashov, A. S. Alyoshinskaya, I. N. Vasilyeva // *Povolzhskaya archeologiya – Volga archeology*. 2020. No. 3 (33). Pp. 64–83.
2. Archive of IA RAS (Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences). No. 5544. V. V. Nikitin, P. N. Starostin. *Otchet o razvedke v bassejne r. Bol'shaya Kokshaga. Otchet MarAE za 1974 g.* [Report on exploration in the basin of the Bolshaya Kokshaga river. MarAE Report for 1974].
3. Archive of IA RAS. No. 10701. V. S. Patrushev. *Otchet ob issledovaniyah ekspedicii Marijskogo universiteta arheologicheskogo kompleksa Sosnovaya Griva bliz poselka Kokshajsk* [Report on the research of the expedition of the Mari University of the archaeological complex Sosnovaya Griva near the village of Kokshajsk].
4. Archive of IA RAS. No. 10914. V. V. Nikitin. *Otchet o rabotah Neoliticheskogo otryada MarAE v 1985 g.* [Report on the work of the Neolithic MarAE Detachment in 1985].
5. Archive of IA RAS. No. 11283. V. S. Patrushev. *Otchet ob issledovaniyah arheologicheskoy ekspedicii Marijskogo universiteta v 1986 g.* [Report on the research of the archaeological expedition of the Mari University in 1986].
6. Archive of IA RAS. No. 16251. T. B. Nikitina. *Otchet o rabote III otryada MarAE v Zvenigovskom rajone MSSR v 1991 g.* [Report on the work of the III MarAE detachment in the Zvenigovsky district of the MSSR in 1991].
7. Archive of field materials of the Archeology direction of the Mari Research Institute of Language, Literature and History. K. M. Andreev. *Otchet ob arheologicheskikh raskopkah poseleniya Sokol'noe VII v Zvenigovskom rajone Respubliki Marij El v 2018 g. po Otkrytomu listu No. 1402* [Report on the archaeological excavations of the Sokolnoye VII settlement in the Zvenigovsky district of the Republic of Mari El in 2018 according to Open Sheet No. 1402].
8. Solov'ev B. S. *Bronzovyy vek Marijskogo Povolzh'ya* [The Bronze Age of the Mari Volga Region] // *Trudy Marijskoj arheologicheskoy ekspedicii – Proceedings of the Mari Archaeological Expedition*. Vol. VI. Yoshkar-Ola. 2000. 264 p.
9. Nikitin V. V. *Mezolit Marijskogo Poles'ya* [Mesolithic of Mari Polesie] // *Trudy Marijskoj arheologicheskoy ekspedicii. T. X* – Proceedings of the Mari Archaeological Expedition. T. X. Yoshkar-Ola. 2018. 264 p.
10. Nikitin V. V. *Rannij neolit Marijskogo Povolzh'ya* [Early Neolithic of the Mari Volga region] // *Trudy Marijskoj arheologicheskoy ekspedicii. T. IX* – Proceedings of the Mari Archaeological Expedition. Vol. IX. Yoshkar-Ola. 2011. 470 p.

Жанрово-содержательные аспекты имагологической репрезентации в романе Ш. Монтескье «Персидские письма»

Поляков Олег Юрьевич

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы
и методики обучения, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-9362-7720. E-mail: usr09131@vyatsu.ru

Аннотация. В статье анализируется специфика конструирования национальных образов в романе Ш. Монтескье «Персидские письма» с опорой на анализ взаимодействия имагологических и жанровых стратегий автора.

Основными характеристиками имагологической репрезентации в произведении являются преднамеренная экзотизация национального нарратива и относительная статичность нарраторов, наблюдателей национальных «других», способствующие максимально эффективному использованию в романе техники остранения, «очуждающего видения» инокультурной среды, что позволило создать атмосферу условности повествования, подчеркнуть контраст цивилизационных миров Запада и Востока.

Имагологическая репрезентация в «Персидских письмах» осуществляется в рамках полижанровых стратегий, в единстве фактологического и фикционального: документальное начало дает возможность использовать внесюжетную форму реализации имагологического содержания романа, а фабульный уровень текста – выразить взгляды автора на национальное и, шире, его философскую программу с опорой на вымысел, условность, с использованием аллегории.

Избранная Монтескье гетерогенная жанровая форма, включающая в свой состав черты поэтики эпистолярного романа, травелога, трактата и памфлета, способствует осуществлению комплексного, многостороннего имагологического анализа как на уровне глобальной бинарной оппозиции «Запад – Восток», которую представляют образы Франции и Персии, так и в плане рецепции писателем образов других стран – Италии, Испании, Турции, России, причем представителем «наблюдающей» нации становится не только житель Азии, но и европеец, на чьи оценки ссылаются авторы писем, и, таким образом, осуществляется ведение не прямой имагологической репрезентации.

Многовекторность и неоднозначность интерпретации национального в романе обусловлены антидогматическим характером мышления Ш. Монтескье, его стремлением к масштабным обобщениям отдельных «этнографических» фактов, представленных в сравнении, а также убежденностью в относительности культурных стандартов различных стран.

Значение «Персидских писем» заключается в том, что они намечают новую перспективу видения национального «другого», в основе которой идея культурного релятивизма, дающего возможность писателю через сопоставление национального «своего» с образами иных культур, народов, или гетерообразами, получить более объективное представление о национальном автообразе, подвергнуть его рефлексии.

Ключевые слова: имагология, национальный образ, репрезентация, остранение, травелог.

Роман Ш. Монтескье «Персидские письма» (1721) неоднократно привлекал внимание исследователей, анализировавших особенности воплощения в нем просветительских идей французского мыслителя (Н. А. Сигал) и научной мысли эпохи (М. В. Разумовская), изучавших его исторические, политические и культурные контексты (Е. Васильева, Г. А. Мухина, Т. Б. Длугач), взаимодействие в нем художественного и философского дискурсов (Н. В. Забабурова), а также особенности реализации поэтики рококо (Р. Лофер). В одной из последних коллективных монографий, посвященных этому роману, – «Дух “Персидских писем” Монтескье», – рассматриваются преимущественно историко-политические аспекты произведения. При этом имагологическая проблематика романа, его национальный текст характеризуются лишь фрагментарно, в связи с

чем в настоящем исследовании мы ставим задачу выявить специфику конструирования национальных образов в романе Монтескье с опорой на анализ взаимодействия в нем имагологических и жанровых стратегий.

«Персидские письма» занимают особое место в имагологическом каноне как одно из первых произведений, глубоко раскрывающих проблему взаимоотражения национальных образов, диалога Запада и Востока в контексте просветительских идей. Большое значение для определения особенностей рецепции и репрезентации национальных образов в этом произведении имеет анализ его жанровой природы, сложность которой провоцировала споры, приводила к неоднозначным оценкам. Так, в литературоведении и критике нередко говорилось о недостаточности романного действия и отсутствии органической связи между частями произведения – собственно фабульной, включающей прежде всего события в серале, который покинул один из рассказчиков, перс Узбек, для того чтобы расширить границы своего познания мира, открыть новые цивилизационные пространства, и документально-публицистической, или условно-документальной, представляющей в разрозненных письмах, разных по содержанию, стилю, тональности, калейдоскопическую картину французского национального бытия в эпоху Людовика XIV и в период Регентства. Эта картина, географические горизонты которой постоянно расширяются по мере «продвижения» авторов писем в пространстве Востока, Европы, Франции, выстраивается в соответствии с принципом «карусельного» повествования: нарраторы Узбек и его друг Рика, «пожалуй, первые из персов, которые любознательности ради покинули отечество и отказались от радостей безмятежной жизни, чтобы предаться прилежным поискам жизни» [5, с. 15], обозревают мир как бы из одной точки, «судят о нем по мере продвижения внутри него, не смешиваясь с ним» [3, с. 98]. Такой способ повествования дает писателю возможность максимально эффективно использовать технику остранения, «очуждающего видения» инокультурной среды глазами национального «другого». Монтескье так характеризовал эту стратегию в «Нескольких замечаниях о “Персидских письмах”» (1754): «Персияне, которым отведена там столь большая роль, оказались внезапно пересаженными в Европу, то есть в другой мир. Их надо было изображать на протяжении некоторой части книги исполненными невежества и предрассудков; автор старался проследить за тем, как возникали и развивались их мысли. А первые их мысли должны были быть странными... Вся прелесть заключается в резком контрасте между реальными вещами и странной, наивной или причудливой манерой, с какой эти вещи воспринимались» [5, с. 391–392].

Преднамеренная экзотизация национального нарратива позволяла писателю создать атмосферу условности повествования, подчеркнуть контраст двух цивилизационных миров. В целом имагологическая репрезентация в «Персидских письмах» осуществляется в рамках полижанровых стратегий, в единстве фактологического и фикционального. Не случайно в предисловии к первому изданию Монтескье акцентировал документальную основу своего произведения («Персы... сообщали мне большую часть своих писем; я их списывал» [2, с. 14]), а в «Нескольких замечаниях о “Персидских письмах”» называл его «своего рода романом» с логически развивающимися событиями и сюжетной взаимосвязью героев: документальное начало давало ему возможность использовать внесюжетную форму реализации имагологического содержания романа, а фабульный уровень текста – выразить свои взгляды на национальное и, шире, свою философскую программу с опорой на вымысел, условность, с использованием аллегории.

Избранная Монтескье форма эпистолярного романа соответствовала его замыслу, позволяя делать отступления, интерполяции, включать в повествование авторские рассуждения, в том числе о национальном: «в форме писем, при которой действующие лица не подобраны и где сюжет не зависит от какого-либо замысла или определенного плана, автор позволил себе присоединить к роману философию, политику и мораль, связав все это таинственной и некоторым образом незаметною цепью» [5, с. 390–391]. При всей разрозненности писем, составивших произведение Монтескье, такого рода «цепью», связующим звеном, обуславливающим единство романа, стали последовательная социально-философская концепция, реализованная в тексте, и единство личности его создателя, одного из провозвестников просветительского гуманизма и универсализма.

«Науки соприкасаются друг с другом; самые абстрактные приводят к наименее абстрактным, а весь корпус наук держится на художественной литературе [...]. Следовательно, правильно писать обо всем и во всех стилях. Философия не должна быть изолированной: она имеет отношение ко всему», – отмечал Монтескье [6, с. 11]. Не случайно поэтому в художе-

ственной структуре произведения присутствуют элементы научного дискурса, в частности рассуждения об истории, демографии, литературной критике, что позволяет назвать его романом-трактатом, а отклики на злободневные события и явления современной писателю политической и духовной жизни (противостояние католиков и гугенотов, противоборство короля и Парижского парламента, дискуссия о «Конституции», булле Папы Римского Климента XI, экономический кризис, вызванный финансовой реформой авантюриста Д. Ло) сближают его с романом-памфлетом и дают представление об актуальном для того времени образе Франции. Гетерогенность жанрового состава «Персидских писем» важна для осуществления комплексного, многостороннего имагологического анализа, причем не только на уровне глобальной бинарной оппозиции «Запад – Восток», которую репрезентируют образы Франции и Персии, но и в плане рецепции писателем образов других стран – Италии, Испании, Турции, России, причем представителем «наблюдающей» нации становится не только житель Азии, но и европеец.

Политекстовый характер романа обусловлен как его свободной эпистолярной формой, так и избранным Монтескье жанром травелога (псевдотравелога), самым продуктивным в плане передачи имагологического содержания, синкретичным по своей природе, способным соединять в себе различные виды дискурсов, факт и вымысел, причем в случае «Персидских писем», как и в философских повестях Вольтера, происходит характерное для рококо пародирование традиционной для того времени формы романа путешествий, ее обогащения философской, социально-этической и имагологически значимой проблематикой.

В период создания «Персидских писем» происходило расширение культурных контактов европейских стран с государствами Востока, благодаря растущему книгоизданию публика систематически знакомились с экзотическими цивилизациями, образом жизни в Персии, Китае, Индии и других ориентальных странах, описанных в множестве отчетов о путешествиях, таких как «Шесть путешествий» Ж.-Б. Тавернье (1676), «Путешествие в Персию» Ж. Шардена (1686), «Письма турецкого шпиона» Д. Мараны (1687–1693), «Новые мемуары о современном состоянии Китая» Луи Ле Конта (1697). Непосредственное влияние на Монтескье как создателя «Персидских писем» оказали сочинения Тавернье и Шардена. Все названные произведения имели безусловную имагологическую значимость, как и любой травелог, поскольку литература о путешествиях всегда выступает в роли культурного посредника, выстраивает «отношения “инаковости” из знакомых понятий и известных фактов (с помощью аналогии, преувеличения или противопоставления)» [14, р. 446], при этом в традиционных травелогах преобладает так называемая этноцентрическая тенденция, которая проявляется «в представлении неизвестного посредством известного» [14, р. 448]. В этом смысле значение «Персидских писем» заключается в том, что они намечают иную перспективу видения национального «другого», в основе которой идея культурного релятивизма, дающего возможность писателю через сопоставление национального «своего» с образами иных культур, народов, или гетерообразами, получить более объективное представление об автообразе, подвергнуть его рефлексии.

Средством акцентирования относительности национально-культурных стандартов в романе служит, как уже отмечалось, прием остранения, который, по В. Б. Шкловскому, предполагает нарушение «традиции», умение представить привычное в необычном, неожиданном свете, в новом ракурсе видения, подвергающем ревизии стереотипы восприятия. В качестве одного из способов остранения ученый называл организацию повествования от лица «скрытого» в рассказчике «простака». В данной функции в романе Монтескье выступают «наивные» авторы писем, Узбек и Рика. В романах подобного типа «протагонисты чаще всего воплощают позицию наивного здравого смысла (или наоборот, просвещенного сознания) и становятся наблюдателями и судьями чужой цивилизации» [3, с. 98], и особенностью «Персидских писем» является то, что их герои являются носителями и «естественного», и просвещенного сознания, выражая идейную программу автора, его мировидение.

Монтескье как просветитель на первый план выводит философию естественных прав человека и распространяет на политику и международные отношения этический идеал справедливости, который он истолковывает вне связи с теологическими представлениями. Реализация природой данных человеку прав невозможна в состоянии несвободы, поэтому писатель так много внимания уделяет сатирическому изображению придворных нравов Франции, пороков любой авторитарной власти, будь то монархическое правление Людовика XIV или персидская деспотия (письма VIII, XXIV, XXXVII).

Критику деспотии как формы правления Монтескье соединяет с характеристиками темпераментов восточных народов, утверждая, например, что персы «не отличаются живостью французов», их «радости суровы, и они почти всегда являются проявлением авторитета и следствием зависимости» (письмо XXIV) [5, с. 61]. «У нас все характеры однообразны, потому что все они вымучены, – сетует Рика в письме к Узбеку, – мы видим людей не такими, каковы они есть на самом деле, а такими, какими их принуждают быть. В этом порабощении сердца и ума слышится только голос страха, – а у страха лишь один язык; это не голос природы, которая выражается столь многообразно и проявляется в столь многих формах» (письмо LXIII) [5, с. 105].

Ориентальной «скованности» чувств автор «Персидских писем» противопоставляет свободу, а порой и разнузданность французских нравов, сосредоточенность французов на щегольстве, азартных играх, чувственных радостях, нередко прикрываемую маской мнимой добродетели. Изображая общественные пороки, Монтескье обращается как к прямой характеристике (к примеру, Рика сообщает о разговоре с судьей, откровенно поведавшим ему, что купил свою должность за деньги), так и к опосредованной имагологической репрезентации, когда позицию автора выражает французский собеседник нарратора-перса: Узбек рассказывает о визите на дачу французского аристократа, где наблюдает за его высокими гостями, чей социальный и моральный статус комментирует их соотечественник, с которым он сблизился. Взору перса предстают важный господин, похваляющийся связями с министрами (он оказывается низкородным откупщиком), духовник, обличающий пороки перед паствой, при этом «покладистый, как агнец» в частной жизни, поэт – приживала, угождающий хозяину. Монтескье вкладывает в уста собеседника Узбека сентенцию о том, что «люди, которых почитают принадлежащими к избранному обществу, отличаются от остальных лишь тем, что обладают более утонченными пороками, и, пожалуй, дело обстоит здесь так же, как с ядами: чем тоньше они, тем опаснее» (письмо XLVIII) [5, с. 81].

Критика писателя приобретает тотальный характер: ее объектами становятся король, министры с их «душевной низостью», алчные придворные, клирики, бесконечно спорящие о вере и при этом стремящиеся «перещеголять друг друга несоблюдением ее правил» [5, с. 76], писатели, «увекочивающие глупости», и издатели, их публикующие, французская Академия, гиперболически и метафорически представленная в виде тела с сорока головами, чьи уши «хотят упиваться только размеренной речью и гармонией» [5, с. 125].

Имагологическая репрезентация в «Персидских письмах» постоянно расширяет свой географический ареал, выходя за пределы оппозиции Франции и Персии: автор посвящает отдельные письма образам Испании и Португалии, России, дает обзорные характеристики Англии, Германии, Голландии, Италии, Польши, – причем ее субъектами становятся не Узбек и Рика, а их корреспонденты, носители различных этнических идентичностей. Таким образом, одной из особенностей конструирования национальных образов в романе является ведение не прямой имагологической репрезентации (видный нидерландский компаративист Й. Леерссен называет ее «телескопическим нарративом»): как уже говорилось, одной из целей Монтескье была сатира на пороки светской власти и духовенства, и наиболее эффективным способом ее реализации стало нарративное посредничество экзотических персонажей, цитирующих высказывания анонимных французских собеседников, как, например, в случае, когда Рика озвучивает «феминистскую» позицию некоего галантного философа в письме XXXVIII, посвященном взаимоотношениям полов. Таким образом, «рассказчик-перс становится просто «цитирующим голосом», представляющим французские по существу оценки под тончайшим покровом экзотики, с тем чтобы они соответствовали требованиям выбранного жанра» – псевдоориентального романа [12, р. 139].

В частности, Рика направляет Узбеку копию письма француза, проживавшего в Испании (письмо LXXXVIII), и имагологическое представление становится опосредованным, а основными его приемами Монтескье делает иронию, гиперболу, гротеск. Выдающейся чертой характера испанцев автор называет серьезность, которая проявляется «преимущественно в двух видах: в очках и усах». «Заядлые враги труда», они всегда влюблены и подвержены чувству ревности: «они весьма остерегаются предоставить своих жен предприимчивости какого-нибудь израненного вояки или дряхлого судьи, зато смело запрут их с любым робко потупляющим взоры послушником или дюжим францисканцем-воспитателем. Они позволяют женам появляться с открытой грудью, но не желают, чтобы у них был виден хотя бы кончик ноги» [5, с. 132].

Парадоксальные логические построения и комические преувеличения, используемые для характеристики национального характера, быта, привычек жителей страны, распростра-

няются писателем и на сферу их социальной, духовной жизни. С иронией пишет он об устойчивости религиозных институций испанцев: те из них, кого «не жгут на кострах, по-видимому, так привязаны к инквизиции, что было бы просто нехорошо отнять ее у них» [5, с. 133]. Автор письма, противник религиозного фанатизма, предлагает учредить «вторую инквизицию» – «не для еретиков, а для ересиархов», которые «обоготворяют все, что они почитают, и до того набожны, что их едва ли можно считать христианами» [5, с. 133]. Негативные оценки автора получает и литература Испании, в которой нет «ума и здравого смысла», присущего, в целом, ее гражданам.

Об упадке некогда могущественной страны, миф о которой как о сказочном и таинственном месте культивировался во Франции начиная с XV века, Монтескье повествует с присущей ему иронией: испанцы «говорят, что солнце восходит и заходит в их стране, но нужно также заметить, что на своем пути оно встречает одни только разрушенные деревни и пустынные местности» [5, с. 133].

Негативный имагообраз Испании, созданный в «Персидских письмах», в целом соответствует общей тенденции ее рецепции во французской литературе и публицистике XVIII столетия, которая была выражена также в сочинениях Вольтера и Дидро и предполагала видение Испании как антипода просвещенной Франции, представление о ней как о стране, укорененной в прошлом, находящейся в состоянии политического и экономического упадка и при этом «продолжающей взирать на мир с насмешливым высокомерием, соединенным с чувством горечи и боли» [13, с. 245]. Французские просветители были уверены в том, что религиозная нетерпимость была главным препятствием на пути Испании к прогрессу. Отметим при этом, что Рика дистанцируется от оценок, данных в письме французского адресанта, понимая субъективность восприятия инонационального, его зависимость от существующих стереотипов, а возможно, и нациофобий: «Я был бы не прочь, Узбек, взглянуть на письмо, написанное в Мадрид каким-нибудь испанцем, путешествующим по Франции; думаю, что он бы с лихвой отомстил за свой народ» [5, с. 133].

По-иному представлена в «Персидских письмах» Россия: центральное место в письме LI, отправленном Узбеку Наргумом, персидским послом в Московии, занимает комический фрагмент с эпистолярной интерполяцией, рассказывающий о странностях любви русских женщин: «Москвитянка», по словам автора, «не верит, что сердце мужа принадлежит ей, если он ее не колотит. Тогда его поведение считается свидетельством непростительного равнодушия» [5, с. 87]. Во вставном письме русская женщина обещает своей матери, что постарается «любой ценой заслужить любовь мужа». Этот гетеростереотип вписывается в общий имагологический дискурс о России в Западной Европе того времени, подчеркивая варварство русских. Среди прочих распространенных представлений о России, воспроизводимых в письме Наргума, следует отметить большую территорию страны, ее суровый климат, состояние невольности ее жителей, которых автор называет рабами, – последняя оценка, по меткому наблюдению В. П. Трыкова, «вложенная в уста перса-азиата, призвана была усугубить представление о русском «варварстве» и «рабстве», как, впрочем, и упоминание о Сибири, куда ссылают опальных вельмож» [10, с. 75]. При этом автор с явной симпатией говорит о деятельности «беспокойного и стремительного» Петра I, который «стремится к тому, чтобы процветали искусства, и ничем не пренебрегает, чтобы прославить в Европе и Азии свой народ, до сих пор всеми забытый и известный только у себя на родине» [5, с. 88].

Имагологическая «карта» «Персидских писем» расширяется в письме CXXXVI, в котором хранитель одной из библиотек рассказывает Рике о содержании вверенных ему книг, что становится поводом порассуждать о положении различных стран, их исторической судьбе, их народах. Германия, по мнению историков, укрепляется, когда терпит поражения; Англия, народ которой «нетерпеливый, но мудрый в самом своем неистовстве, стал повелителем морей [...] и сочетает торговлю с властью», заслуживает похвал, как и Голландия, «столь уважаемая в Европе и столь грозная в Азии» [5, с. 221–222]. Но самые поэтичные строки посвящены Франции, развитие которой циклично и включает периоды упадка и подъема: «она подобна реке, которая то мелеет или оказывается под землей, то, снова появившись и расширившись благодаря притокам, быстро увлекает за собою все, что противится ее течению» [5, с. 222].

Сравнение культурно-исторических путей различных этносов привело Монтескье к выводу о том, что естественные законы подвергаются корректировке национальными традициями: «то, что у одних народов считается естественным, как бы продиктованным самой природой, – отвергается, осуждается и преследуется другими как извращение ее» [9, с. 250].

Выявляя относительность культурных стандартов различных наций, автор «Персидских писем» обнаруживал и типологические сходства в историко-политической, этнографической и других сферах, схождения, которые он использовал для философско-исторических обобщений и в качестве инструмента имагологического анализа: в частности, повествуя о гонениях на армян и гебров в Персии, имевших драматические последствия для экономики этой страны, он имплицитно проецировал их на ситуацию во Франции, где отмена Нантского эдикта привела к массовому исходу гугенотов; в XIX письме описываются путевые впечатления Узбека, шокированного упадком хозяйства Турции, который Монтескье связывает с процветающим в стране взяточничеством, с тем, что паши получают свои должности за деньги и разоряют вверенные им провинции, – эта ориентальная зарисовка, по замыслу писателя, должна была вызвать у его читателей ассоциацию с государственным управлением во Франции.

Ориентальное, таким образом, служит для создания «очужденного» образа Франции и других стран, а среди средств реализации приема остранения помимо исторических аналогий автор «Персидских писем» использует разного рода имплицитивы, включающие эквивалентные замены французских слов персидскими и арабскими (священник – дервиш, Библия – Коран, церковь – мечеть), перифразы и перифрастические аллюзии (Святая Троица – «три – это один», Библия – «книга, принесенная с неба», Папа Римский – «старый идол, которому кадят по привычке», четки – деревянные зернышки, словарь Французской Академии – Свод постановлений; об инквизиторах Монтескье пишет как о «дервишах», которые «жгут людей как солому»). В тексте упоминаются «христианский муфтий», «великий визирь Германии» и другие персонажи, чьи звания и должности контаминируются или ассоциируются с их восточными аналогами. Это делается не просто для экзотизации, ориентализации европейского культурного текста, но, в первую очередь, служит подтверждением принципиальной позиции Монтескье, находившего немало общего в традиционных верованиях и укладах жизни различных народов.

С другой стороны, названные средства помогают писателю говорить эзоповым языком, усиливать эффекты сатиры и представлять привычные национальные реалии как вновь явленные читательскому сознанию и подвергнутые «десакрализации» (Я. Старобинский использует именно это понятие для характеристики остранения в «Персидских письмах»). В романе имеется немало примеров смыслового потенцирования информации, фраз, требующих декодирования, семантического разворачивания: например, когда Монтескье устами Узбека сообщает, что «король Франции стар», то он имеет в виду общее одряхление монархического института и собственную невысокую оценку деятельности Людовика XIV.

Й. Леерссен обращает внимание на двойственность, амбигитивность «персидского» нарратива: с одной стороны, как мы уже видели, перс-повествователь выступает в романе в роли посредника коммуникации между европейцами, с другой – опосредует имагологическое взаимодействие между европейской аудиторией и ориентальными адресатами писем Узбека и Рики [12, р. 140]. В частности, эта вторая сторона национального текста «Персидских писем» ярко проявилась в письме XXXIV, в котором Узбек разъясняет своему соотечественнику порядки в гареме, о которых он должен быть и без того хорошо осведомлен, и здесь очевидно авторское намерение Монтескье, определявшего адресатом письма европейского читателя, – интенция эта была направлена на «опосредованное» погружение аудитории в инокультуру и, возможно, декодирование важнейшей идейной посылки писателя, смысл которой заключается в соотнесении гарема (восточной деспотии) и западного абсолютизма, способного переродиться в тираническую форму правления.

Имагологическая репрезентация в романе постоянно усложняется: дискурс о «чужом» приобретает многоуровневую структуру, фокус повествования перемещается от «европейского» к «персидскому» и обратно, «от Монтескье к выразителям его позиции Узбеку и Рике, затем к Европе, которую они наблюдают, и к европейцам, которых они цитируют, затем к их корреспондентам-соотечественникам и затем снова к европейским читателям», и в итоге в сознании аудитории формируется «отчасти реальный, отчасти вымышленный» образ Персии и других стран [12, pp. 140–141].

Многовекторность и неоднозначность интерпретации национального в романе обусловлены антидогматическим характером мышления Ш. Монтескье, его стремлением к масштабным обобщениям отдельных «этнографических» фактов, представленных в сравнении, а также убежденностью в относительности культурных стандартов различных стран. Важно и то, что писатель «обратился к малоизвестным экзотическим и колониальным народам; более

того, в своем рассуждении поставил их как бы наравне с народами так называемого «цивилизированного мира» [9, с. 254] и «сумел ввести актуальную, специфически французскую проблематику своего времени в русло больших, решающих вопросов, на которых строится судьба человеческого общества. Если у публицистов XVII века обобщение и осмысление французских нравов и отношений неизбежно должно было носить универсальный, общечеловеческий, вечный характер, то у Монтескье [...] это обобщение впервые вводится в контекст мировой истории» [9, с. 239–240]. Кроме того, толерантность и космополитизм французского просветителя, стремившегося найти пути культурного диалога Запада и Востока, делают его роман особенно актуальным в наши дни.

Список литературы

1. Васильева Е. «Персидские письма»: история в романе // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2008. Т. 180. С. 139–146.
2. Длугач Т. Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). М., 2006. 256 с.
3. Забатурова Н. В. Французский философский роман XVIII века: самосознание жанра // XVIII век: литература в контексте культуры. М. : Экон-Информ, 1999. С. 94–104.
4. Мигаль А. С. Мусульманский мир в представлениях западноевропейских интеллектуалов эпохи Просвещения : монография / А. С. Мигаль; Южный федеральный университет. Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во Южного федерального университета, 2021. 236 с.
5. Монтескье Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян / пер. с фр.; вступ. ст. и коммент. Н. Саркитова. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2002. 512 с.
6. Монтескье: Pro et Contra. Личность и творчество Монтескье в России: переводы, исследования, рецепция. М. : Изд-во РХГА, 2021. 860 с.
7. Мухина Г. А. «Персидские письма» Монтескье и представления об истории // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 129–137.
8. Разумовская М. В. «От "Персидских писем" до "Энциклопедии"». Роман и наука во Франции в XVIII веке». СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. 192 с.
9. Сигал Н. А. «Персидские письма» Монтескье как памятник просветительской философской мысли // Монтескье: Pro et Contra. Личность и творчество Монтескье в России: переводы, исследования, рецепция. М. : Изд-во РХГА, 2021. С. 237–257.
10. Трыков В. П., Ощепков А. Р. Русская незнакомка во французской «республике словесности»: Образ России в литературном сознании Франции : монография. М. : Директ-Медиа, 2021. 528 с.
11. Laufer R. Style rococo: style des lumières. P. : José Corti, 1963. 142 p.
12. Leerssen J. T. Montesquieu's corresponding images: cultural and sexual alterity in pseudo-oriental letters // Comparative Criticism. Amsterdam : Amsterdam University Press, 1987. Vol. 9. Pp. 135–154.
13. Lopez de Abiada. J. M. Spaniards // Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam : Rodopi, 2007. Pp. 242–248.
14. Meier A. Travel Writing // Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam : Rodopi, 2007. Pp. 446–449.
15. The Spirit of Montesquieu's "Persian Letters" / ed. C. C. Vassiliou, J. Church, and A. Fumurescu. L. : The Rowman and Littlefield Publishing Group, 2023. 292 p.

Genre-content aspects of imagological representation in Montesquieu's novel "Persian Letters"

Polyakov Oleg Yuryevich

Doctor of Philology, professor, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-9362-7720. E-mail: usr09131@vyatsu.ru

Abstract. The article analyzes the specifics of the construction of national images in S. Montesquieu's novel "Persian Letters" based on the analysis of the interaction of imagological and genre strategies of the author.

The main characteristics of the imagological representation in the work are the deliberate exotisation of the national narrative and the relative static nature of the narrators, observers of the national "Others", contributing to the most effective use in the novel of the technique of detachment, "wandering vision" of the foreign cultural environment, which allowed to create an atmosphere of conventionality of the narrative, to emphasize the contrast of the civilizational worlds of the West and the East.

Imagological representation in "Persian Letters" is carried out within the framework of multi-genre strategies, in the unity of the factual and fictional: the documentary beginning makes it possible to use an off-plot form of

realization of the imagological content of the novel, and the plot level of the text is to express the author's views on the national and, more broadly, the philosophical program based on fiction, convention, using allegory.

The heterogeneous genre form chosen by Montesquieu, which includes the features of the poetics of the epistolary novel, travelogue, treatise and pamphlet, corresponded to his plan and contributed to the implementation of a comprehensive, multilateral imagological analysis both at the level of the global binary opposition "West – East", which is represented by the images of France and Persia, and in terms of the writer's reception of images of other countries – Italy, Spain, Turkey, Russia, and the representative of the "observing" nation is not only a resident of Asia, but also a European, whose assessments are referred to by the authors of the letters, and, thus, indirect imagological representation is carried out.

The multi-vector nature and ambiguity of the interpretation of the national in the novel are due to the anti-dogmatic nature of S. Montesquieu's thinking, his desire for large-scale generalizations of individual "ethnographic" facts presented in comparison, as well as his conviction in the relativity of cultural standards of various countries.

The significance of the "Persian Letters" lies in the fact that they outline a new perspective of the vision of the national "other", which is based on the idea of cultural relativism, which enables the writer through the comparison of the national "his" with the images of other cultures, peoples, or hetero-images, to get a more objective idea of the national self-image, to subject it to reflection.

Keywords: imagology, national image, representation, estrangement, travelogue.

References

1. Vasil'eva E. "Persidskie pis'ma": istoriya v romane ["Persian letters": a story in a novel] // *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* – Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2008. Vol. 180. Pp. 139–146.
2. Dlugach T. B. *Tri portreta epohi Prosveshcheniya. Montes'yo. Vol'ter. Russo (ot koncepcii prosveshchennogo absolyutizma k teoriyam grazhdanskogo obshchestva* [Three Portraits of the Enlightenment. Montesquieu. Voltaire. Rousseau (from the concept of enlightened absolutism to the theories of civil society)]. M. 2006. 256 p.
3. Zababurova N. V. *Francuzskij filosofskij roman XVIII veka: samosoznanie zhanra* [French philosophical novel of the XVIII century: self-awareness of the genre] // *XVIII vek: literatura v kontekste kul'tury* – XVIII century: literature in the context of culture. M. Ekon-Inform. 1999. Pp. 94–104.
4. Migal' A. S. *Musul'manskij mir v predstavleniyah zapadnoevropejskih intellektualov epohi Prosveshcheniya : monografiya* [The Muslim world in the views of Western European intellectuals of the Enlightenment : monograph] / A. S. Migal; Southern Federal University. Rostov-na-Donu; Taganrog. Publishing House of the Southern Federal University. 2021. 236 p.
5. Montesquieu Sh. L. *Persidskie pis'ma. Razmyshleniya o prichinah velichiya i padeniya rimlyan* [Persian letters. Reflections on the causes of the greatness and fall of the Romans] / transl. from Fr.; introd. art. and comments by N. Sarkitova. M. CANON-press-C : Kuchkovo pole. 2002. 512 p.
6. *Montesk'e: Pro et Contra. Lichnost' i tvorchestvo Montesk'e v Rossii: perevody, issledovaniya, recepciya* – Montesquieu: Pro et Contra. Montesquieu's personality and creativity in Russia: translations, research, reception. M. Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 2021. 860 p.
7. Muhina G. A. "Persidskie pis'ma" Montesk'e i predstavleniya ob istorii ["Persian letters" by Montesquieu and ideas about history] // *Vestnik Omskogo universiteta* – Herald of Omsk University. 2009. No. 3. Pp. 129–137.
8. Razumovskaya M. V. "Ot "Persidskih pisem" do "Enciklopedii". *Roman i nauka vo Francii v XVIII veke* ["From "Persian letters" to "Encyclopedia". The novel and science in France in the XVIII century"]. SPb. Publishing House of St. Petersburg State University. 1994. 192 p.
9. Segal N. A. "Persidskie pis'ma" Montesk'e kak pamyatnik prosvetitel'skoj filosofskoj mysli ["Persian letters" by Montesquieu as a monument of enlightenment philosophical thought] // *Montesk'e: Pro et Contra. Lichnost' i tvorchestvo Montesk'e v Rossii: perevody, issledovaniya, recepciya* – Montesquieu: Pro et Contra. Montesquieu's personality and creativity in Russia: Translations, Research, reception. M. Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 2021. Pp. 237–257.
10. Trykov V. P., Oshchepkov A. R. *Russkaya neznakomka vo francuzskoj "respublike slovesnosti": Obraz Rossii v literaturnom soznanii Francii : monografiya* [The Russian stranger in the French "Republic of Literature": The image of Russia in the literary consciousness of France : monograph]. M. Direct-Media. 2021. 528 p.
11. Laufer R. *Style rococo: style des lumières*. P. : José Corti, 1963.
12. Leerssen J. T. Montesquieu's corresponding images: cultural and sexual alterity in pseudo-oriental letters // *Comparative Criticism*. Amsterdam : Amsterdam University Press, 1987. Vol. 9. Pp. 135–154.
13. Lopez de Abiada. J. M. *Spaniards* // *Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey* / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam : Rodopi, 2007. Pp. 242–248.
14. Meier A. *Travel Writing* // *Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey* / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam : Rodopi, 2007. Pp. 446–449.
15. *The Spirit of Montesquieu's "Persian Letters"* / ed. C. C. Vassiliou, J. Church, and A. Fumurescu. L. : The Rowman and Littlefield Publishing Group, 2023. 292 p.

«Бить по глазам»: образ жестоко наказанной лошади и распространение этого мотива в русской беллетристике и публицистике XIX–XXI веков

Коршунков Владимир Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. В отношениях человека с лошадей в России долгое время господствовал прагматизм. Люди ценили лошадей, но только как средство производства. В этой статье изучается образ лошади в русской литературе и публицистике, а конкретно исследуется литературный мотив жестоко избиваемой лошади. Мотив – это минимальная сюжетная единица нарратива. Литературные мотивы исследованы не слишком хорошо. Эта тематика близка к зооантропологии – новому в мировой гуманитарной науке комплексному направлению, изучающему взаимосвязи и взаимоотношения людей и животных.

Н. А. Некрасов в стихотворном цикле «О погоде» нашел особенный способ выразить несчастную участь лошади, упомянув, что ее жестоко наказывают, а именно бьют «по глазам» («кротким глазам»). В русской литературе и публицистике XIX в. образ тяжело работающей и несправедливо избиваемой лошади – это еще и метафора, указывающая на простолюдина-труженика. Вскоре после Некрасова о том же и почти теми же словами написал Н. В. Успенский, но это не было замечено: популярность Успенского сильно уступала некрасовской. Затем сцена избиваемой «по глазам» лошади появилась в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Восходящий к Некрасову и подхваченный Достоевским литературный мотив впечатлил публику и оказался востребован русскими литераторами более позднего времени. Сейчас авторы и читатели воспринимают выражение «бить (хлестать) по глазам» как отсылку скорее к Достоевскому, чем к Некрасову. В последние десятилетия Достоевский среди русских писателей-классиков стал вровень с А. С. Пушкиным и Л. Н. Толстым, а интерес к Некрасову снизился. Встречающееся в русской литературе и публицистике выражение «бить (хлестать) по глазам» указывает на происхождение и распространение этого литературного мотива.

Ключевые слова: русская литература и публицистика, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, лошадь, литературный мотив, зооантропология, повседневная жизнь.

В России лошадь всегда воспринималась как рабочее, угнетенное, замученное животное. В отношениях человека с лошадей в нашей стране долгое время господствовал прагматизм, который сейчас кажется бездушным и жестоким. Лошадь ценили, однако только как скотину рабочую – средство производства. Потому о ней заботились (так нынешние хозяева берегут собственные недешевые автомобили), но при этом всю эксплуатировали – до тех пор, пока живое орудие труда становилось непригодным к тяжелой повседневной работе. Именно орудие труда: простой народ не воспринимал лошадь как существо умное, привлекательное и достойное дружбы.

Для сравнения: в античном мире поля обычно вспахивали на быках и волах, а лошади нужны были для быстрого передвижения верхом, для охоты, спорта, войны. Они высоко ценились, стоили дорого, их приобретали честолюбивые и богатые аристократы. Недаром множество имен, образованных от древнегреческого слова (h)ippos (конь), считались звучными и аристократическими: Гиппий, Гиппарх, Гиппократ, Гиппоник, Филипп, Аристипп, Хрисипп и тому подобное. Корни, с которыми сочеталось в этих звонких именах существительное (h)ippos, выразительны: arkhe и kratos – власть, nike – победа, fileo – люблю, aristos – наилучший, chrysos – золото¹. А у нас лошадь служила тягловой силой: ее держали ради пахоты и перевозки тяжестей (еще навоз использовали для удобрения полей). Поэтому лошадей в хозяйстве заводили крестьяне. С простым трудягой сравнивали лошадь и российские литераторы.

В этой статье исследуется образ лошади в русской литературе и публицистике. Среди литературоведов, специалистов по XIX в., такой темы касалась, к примеру, И. Б. Павлова, подготовившая докторскую диссертацию о М. Е. Салтыкове-Щедрине. В ее работах отмечены некоторые варианты представления лошади как страдающего существа в литературных

текстах видных русских писателей той эпохи [19; 20]. О взаимосвязи изображения замученной, избиваемой лошади у Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского упоминал изучавший Некрасова Н. Н. Скатов [23, с. 14–16].

Однако можно обратить внимание и на совершенно определенный литературный мотив в связи с жестоко наказанной лошадью: «бить (хлестать) по глазам». Этот мотив действительно появился в середине XIX в. и сразу оказался замеченным и читателями, и многими литераторами. Он прослеживается в художественной литературе и публицистике вплоть до нашего времени.

Мотив – это любой копирующийся элемент текста. Нередко это также минимальная сюжетная единица нарратива. Мотив обладает определенным признаком (или несколькими признаками), а именно: такой деталью (иногда – деталями), которая позволяла бы точно проследить взаимосвязь текстов, созданных в разное время разными авторами. Мотивы фольклорных и мифологических повествований давно и плодотворно изучаются, в том числе в России. Существуют и активно используются специалистами разнообразные и многочисленные указатели и базы данных фольклорно-мифологических сюжетов и мотивов².

Литературные мотивы исследованы не столь хорошо. Разумеется, эта тематика присутствует во множестве статей и монографий. Дело за тем, чтобы собрать разрозненные наблюдения и дополнить их. В Новосибирске издано несколько выпусков экспериментального словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы. Это выпуски тематические, и в них содержится ограниченное количество обзорных статей. Каждая такая статья, по сути, самостоятельное авторское исследование [22]. Этим словник экспериментального словаря-указателя отличается от перечней мотивов в фольклорно-мифологических указателях и базах данных. Имеющийся словарь-указатель весьма не полон. Иначе выстроен тоже, по сути, экспериментальный словарь-указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв., созданный польской исследовательницей Элизой Малек. В небольшой по объему книге отмечен 161 сюжет [29]. Однако этот ценный указатель охватывает лишь доклассическую русскую литературу, да и то лишь часть ее. Получается, что отечественные литературоведы пока способны проследить не слишком много мотивов и сюжетов.

Исследование литературного мотива избиваемой лошади близко к тематике зооантропологии – сравнительно нового в мировой гуманитарной науке комплексного направления, изучающего взаимосвязи и взаимоотношения людей и животных (по-английски это направление может также именоваться *animal studies*)³. За границей уже вышло немало монографий и популярных книг, издаются специализированные журналы («*Anthrozoös: a Multidisciplinary Journal of the Interactions of People and Animals*», «*Society and Animals*» и другие). В России такое научное направление только зарождается. В частности, на отношение к лошадям в России XIX в. обращалось внимание в статьях специалистки по исторической зооантропологии А. А. Локтевой [11; 12, с. 106–108; 13].

Среди прочих зооантропологических аспектов можно отметить литературоведческие, когда изучается то, как особенности отношения к животным отражены в беллетристике. Уже двумя изданиями выходила монография польской исследовательницы Юстины Тыменецкой-Суханек о тех проблемах русской литературы, которые названы ею «экофилософскими», но вообще-то являются зооантропологическими. В ее книге прослеживаются особенности изображения животных в русской литературе, начиная со второй половины XIX в. и далее [30]. А в Силезском университете г. Катовицы, где работает Тыменецкая-Суханек, печатается научный журнал, единственный в своем роде, который специализируется на исследованиях по филологическим аспектам зооантропологической тематики «*Zoophilologica: Polish Journal of Animal Studies*» [31].

² Подборка важнейших для российских исследователей фольклорных и мифологических указателей находится на сайте Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета [24]. Среди прочих заметно выделяется необозримо большая и очень полезная база данных мифологических (и близких к ним фольклорных, а также некоторых литературных) мотивов, которая много лет собирается и пополняется петербургскими антропологами Ю. Е. Березкиным и Е. Н. Дувакиным [1].

³ Обычно его и по-английски, и по-русски называют антрозоологией (*anthrozoology*), хотя правильнее было бы оставлять полную, не усеченную основу греческого «антропос» и, следовательно, использовать термин «антропозоология» (*anthropozoology*), который, к сожалению, используется редко. Или уж тогда следует говорить и писать: «зооантропология».

Для этой темы важен образ крестьянской лошаденки у М. Е. Салтыкова-Щедрина. Он выразительно обрисован в сказке «Коняга» (1885): «Нет конца работе! Работой исчерпывается весь смысл его существования; для нее он зачат и рожден, и вне ее он не только никому не нужен, но, как говорят расчетливые хозяева, представляет ущерб. <...> Бьют его чем ни попадя, а он живет; кормят его соломою, а он живет!» [21, с. 147–148]. Да, это иносказательное описание мужика-трудяги, но и без реальных черт конского житья не обошлось.

Однако вехой в разработке этой темы стал написанный до сказки Салтыкова-Щедрина стихотворный цикл Н. А. Некрасова «О погоде: уличные впечатления» (1859). Там упомянуто «Понуканье измученных кляч, // Чуть живых, окровавленных, грязных...» [17, с. 176]. В другом месте – показательная строчка: «Злость-тоску мужички на лошадаках сорвут...» [17, с. 174]. И главное – в том же цикле, в эпизоде «До сумерек», есть запоминающаяся сцена избияния лошади: «Под жестокой рукой человека // Чуть жива, безобразно тоща, // Надрывается лошадь-калека, // Непосильную ношу таща». Погонщик, отбросив кнут, схватил полено «и уж бил ее, бил ее, бил!» – «Лошадь только вздыхала глубоко // И глядела... (так люди глядят, // Покоряясь неправым нападкам)». Тот лупцевал ее и по спине, и по бокам, «и по плачущим, кротким глазам» [17, с. 169–170].

Бить кнутом или даже поленом прямо по глазам – плачущим, кротким – такое сразу врезалось в память и душу чувствительного интеллигентного читателя. «По глазам», вместо более подходящих, казалось бы, выражений: «по лицу» («по морде»), «в лоб», «в нос», – но и так иногда тоже говорят (ср. просторечное «дать в глаз»). В повести А. В. Дружинина «Рассказ Алексея Дмитрича» (1848) офицер вспоминал, как во время боя, вынося раненого товарища, он бежал через лес: «Каким образом пробирался я между густо сросшимися деревьями, как я не расшиб себе тысячу раз головы о сучья, толщиной с строевое дерево, это один бог только знает. Ветки больно хлестали меня по глазам...» [6, с. 101]. При упоминании о битье «по глазам» и прежде, до Некрасова, проявлялась социальная критика. В финале пьесы А. Н. Островского «Не сошлись характерами» (1858) сказано, как надменный барич лупил встречных мужиков «по глазам». Этот тип выговаривал матери за то, что она его, дескать, дурно воспитывала: «Вы любовались, когда мы с моим развратным гувернером, вашим любимцем, скакали по нашим наследственным полям и хлестали своими хлыстами по глазам мужиков, которые не сворачивают с дороги. Вам весело было!» [18, с. 162]. Тут не лошадей, а мужиков на лошадях – хлыстами «по глазам».

В общем, если сказано «в глаз» или «по глазам», то это некоторая неточность (все же вернее было бы – «по лицу»), но зато образней и ярче. Некрасов тем самым усилил возможность выразить отношение к жертве.

Вскоре после Некрасова писатель-народник Николай Успенский опубликовал рассказ о покупке лошади. Там есть фраза: «...Она спотыкалась и падала в оглоблях, и за это ее стегали по голове и по глазам...» [26, с. 5]. Казалось бы, зачем уточнение «по глазам», если говорится: «по голове»? А это осознанная или подсознательная отсылка к тем самым стихам Некрасова. Они Успенскому запомнились.

Литературовед Н. Н. Скатов в книге о Некрасове верно заметил: «...Об избиинии лошади человеком Некрасов единственный написал так, что картина стала несмываемым знаком-клеймом нашей жизни и нашей литературы». Он уточнял: «...Из страшного морока, казалось бы, всего лишь уличной некрасовской сцены долго не выпутается русская литература. Наваждение-сон Раскольникова в “Преступлении и наказании” у Достоевского – это несколько страниц прозы, расцветившей, раскрасившей и, так сказать, расцарапавшей до крови несколько строк некрасовского стихотворения». По словам Скатова, «русская литература точно засвидетельствовала, какой силы сгусток страдания заключила одна лишь уличная сцена в поэзии Некрасова» [23, с. 14–16]. Он далее указывал на стихотворение Владимира Маяковского «Хорошее отношение к лошадям» (1918). Однако примеров некрасовского влияния на литературно-публицистическое «отношение к лошадям» в России куда больше.

Но прежде – об известном эпизоде в «Преступлении и наказании» (1866) Ф. М. Достоевского, при изложении сна Раскольникова, где тому грезится-припоминается виденное в детстве.

У кабака – впряженная в телегу «маленькая, тощая, саврасая крестьянская клячонка, одна из тех, которые – он часто это видел – надрываются иной раз с высоким каким-нибудь возом дров или сена, особенно коли воз застрянет в грязи или в колее, и при этом их так больно, так больно бьют всегда мужики кнутами, иной раз даже по самой морде и по глазам...». В телегу заваливается подвыпившая компания, и разгорячившийся хозяин «берет в

руки кнут, с наслаждением готовясь сечь савраску». А та только и может еле-еле сдвинуть такую тяжесть. Тогда разъяренные мужики избивают ее смертным боем. На укоризны кого-то из толпы хозяин орет: «Не трожь! Мое добро! Что хочу, то и делаю. Садись еще! Все садись! Хочу, чтобы беспрременно вскачь пошла!» И подзуживает прочих: «По морде ее, по глазам хлещи, по глазам!» Сам Раскольников, ребенок, не может вытерпеть этого зрелища: «...Он бежит подле лошади, он забегает вперед, он видит, как ее секут по глазам, по самым глазам! Он плачет». В том кошмарном сне хозяин с подросшими парнями приканчивал лошадь-страдалицу железным ломом, а вмиг пробудившийся от ужасного видения Раскольников живо представил, каково будет убивать старуху [3, с. 46–50]. В этом отрывке несколько раз подряд выведено: «по глазам».

У Достоевского и в «Дневнике писателя» за январь 1876 г., где он оценивал деятельность Общества покровительства животным, имеется отсылка к тем некрасовским стихам (а заодно к «Преступлению и наказанию», потому что и это тоже – глазами ребенка): «Наши дети воспитываются и возрастают, встречая отвратительные картины. Они видят, как мужик, наложив непомерно воз, сечет свою завязшую в грязи клячу, его кормилицу, кнутом по глазам...» [5, с. 26].

В другом романе Достоевского «Братья Карамазовы», который писался в 1878–1880 гг., Иван Карамазов, рассуждая о насилии, пересказывал Некрасова: «У нас историческое, непосредственное и ближайшее наслаждение истязанием битья. У Некрасова есть стихи о том, как мужик сечет лошадь кнутом по глазам, “по кротким глазам”. Этого кто же не видал, это русизм. <...> У Некрасова это ужасно» [4, с. 219].

Так что воздействие на Достоевского описанного Некрасовым избияния лошади «по глазам» несомненно⁴.

Спустя много лет вятский журналист из народолюбивой, левой газеты в статье, посвященной юбилею освобождения крестьян в России, писал, вспоминая тяготы крепостного времени:

«Но разве не случается вам теперь сплошь и рядом видеть мужика, который нещадно бьет по глазам и под паха свою изнуренную клячу, а когда вы наброситесь на него, то он на вас же огрызнется:

– А тебе что. Не твоя скотина, а моя; захочу – убью. Спрашиваться тебя не стану.

И действительно мужик может уморить свою скотину голодом, может связать и с живой начать драть кожу, – и не ему, ни его соседям это не будет казаться ни ужасом, ни зверством» [2].

Запомнившееся выражение «бить по глазам» прямо заимствовано вятским автором у Некрасова и Достоевского: оно тревожило, а социальный пафос подводил к выводу, будто мужицкие зверства – тяжелое наследие прежнего режима.

В романе А. С. Неверова «Гуси-лебеди» (1923) – опять-таки это выражение: «Корытин бил лошадь кнутовищем по глазам. Лошадь, вырываясь, прыгала, мотала головой, и Корытин, замахиваясь, прыгал, мотал головой» [16].

Писатель Ефим Зозуля в выпущенной в 1936 г. книжке «Моя Москва» предъяснял советским читателям такое: «Осенним вечером в шестнадцатом году около Страстной площади (теперь Пушкинская) поскользнулась на влажном асфальте и упала лошадь. (Этот участок Тверской, очень незначительный, был асфальтирован давно.) Лошадь упала на бок, сразу, поскользнувшись передними и задними ногами. Было около одиннадцати часов вечера – самый разгар проституционной биржи. С тротуара раздались свист, хохот, улюлюканье. На улице было полутемно. Запахло чем-то жутким, погромным. Со всех сторон неслась матерная брань. Лошадь поднимали. На тротуаре продолжались выкрики, смех, свист. Это было безмерно отвратительно. Это кричала, свистела и улюлюкала старая Москва» [8, с. 104–105]. Картинка создана, по-видимому, с ориентацией на известное стихотворение «Хорошее отношение к лошадям» Маяковского, считавшегося классиком социалистической литературы.

У Зозули, как и у предреволюционного вятского журналиста, случай с лошадью иллюстрирует мрачные нравы старого режима. А в более раннем его рассказе, напечатанном в 1925 г., речь шла о голодном времени, когда при одном из наркоматов жила лошадь по кличке

⁴ Кроме Н. Н. Скатова, об этом упоминала И. Б. Павлова [19, с. 14]. Н. А. Макурина тоже считала сцену битья лошади «хрестоматийным примером обращения Достоевского к творчеству Некрасова» [14, с. 96]. Макурина обращала внимание, что Иван в «Братьях Карамазовых», пересказывая близко к тексту стихотворение Некрасова, не повторял за поэтом, будто глаза у лошади «кроткие». По ее мнению, это оттого, что для Достоевского такой эпитет был слишком значимым, характеризовавшим героиню его прозы. В конце концов, эпитет стал у него названием рассказа («Кроткая», 1876) [14, с. 97–98].

Лимонада, служившая для деловых выездов. Однажды изможденную Лимонаду запрягли, но она от бескормицы не могла сдвинуться с места. Тогда возчик начал остервенело избивать ее палкой: «не бить – рубить, как мясник, тяжело дыша...» Однако у советского автора это не стало символом эпохи – наступившей коммунистической. Да и возчик оказался не таким уж звероподобным. «Я отнял у него палку, причем не мог не заметить, что Кузьма охотно выпустил палку из своих рук. Похоже было, что он бьет Лимонаду по обязанности, но знает, что есть другой способ заставить ее двигаться» [7, с. 138]. Конечно, есть способ: надо ее покорить. Разумный рассказчик так и сделал.

Писатель-фронтовик Виктор Астафьев в 1994 г., беседуя с журналистом, указывал на происшествие с избитой лошадей и толковал о терпении народном: «А грех ли – наше долго-терпение? Грех – в том смысле, что обязательно это всегда плохо в России заканчивается, уж такой кровью... Видел однажды: колхозная лошадь – спина, шея сбиты, одна подкова на четырех ноги, и еще какой-то придурок начал ее... лупцевать. Через 15 минут, брыкая тощим задом, она разнесла все в щепки, только он живой, слава богу, остался, и потом еще бежала куда-то с рваной шлеей – она ж колхозная, расползлась, с одной оглоблей и хомутом; умчалась, докуда сил хватило, в поле... и там упала. Вот этого боюсь, что, как колхозная лошадь, страна разнесется, всю сбрую, все хозяйство – в щепки. И будут же бить кого попало!» [25].

В повести Евгения Федорова «Былое и думы» (1992) – тоже об избии лошади. Кнут по морде, со всей силы: «И, наконец, уловив, привязал к столбу, пошел остервенело, во всю богатырскую силенку кнутищем жарить. Да все по морде! Заядло, бешено, безобразно, неумоимо. Эх, раззудись, плечо! Эх, развернись, рука! Отвел душу». Завершил автор в стиле Зоценко: «Как, значит, пакостно в селах наших бессловесную тварь лупцуют» [27, с. 182].

Все те же слова о битье «по глазам» выдают исходный образец в отрывке из прозы Михаила Кураева: «Как отчаявшийся возница бранит последними словами выбившуюся из сил клячу, хлещет, уже не веруя в пользу кнута, и по спине, и по шее, и по глазам, так и Татьяна Петровна бранью и затрещинами понуждала единственного своего помощника разделить ее непомерный и неизбежный труд» [10, с. 85].

Писатель Асар Эппель, вспоминая повседневную жизнь середины XX в. на московской окраине, среди «травяных улиц», в рассказе «Чернила неслучившегося детства» обращал внимание на почти безвыходную ситуацию, когда лошадь, поскользнувшись зимою на утрамбованной ледяной дороге, падает и никак не может подняться. В этом случае бывает так: «Ну дядек ее колошматил! И дрыной, и под живот! Чтоб встала». И в ответ на эту мальчишескую реплику – замечание повзрослевшего героя: «Знаю. Видел. Читал. Неоднократно описано». Эппель тут ссылался на «Преступление и наказание»: «А в белое декабрьское небо глядит конев глаз, и для пущей убедительности “глаз” этот заимствован автором у самого Достоевского» [28, с. 25, 29].

У еще одного современного писателя Бориса Минаева в первой части книги «Мягкая ткань» – все то же избие лошади: «Он бил ее по спине, но так, чтобы не сломать хребет. Бил по зубам. Лошадь хрипела, пыталась встать на дыбы, но не получалось. Она вновь падала на передние ноги и вновь получала страшный удар. Лошадь выплевывала кровь, ее налившийся болью взгляд метался от ужаса, на потной морде проступали какие-то пятна» [15, с. 127]. У Минаева описание с оглядкой на Достоевского: «налившийся болью взгляд». И само происшествие показано через восприятие молоденькой кухаркой Сашенькой. Страх, ею тогда испытанный, она не могла забыть всю свою жизнь. А у Достоевского страшная казнь лошади увидена сперва Раскольниковым ребенком, а потом юношей (пусть и во сне).

Итак, Некрасов нашел особенный способ выразить словесно несчастную участь измученной лошади, упомянув, что ее бьют «по глазам». В тодальной русской литературе и публицистике образ надрывающегося на тяжелой работе «коняги» – это к тому же метафора простого человека-труженика (мужика, бурлака, полунищего фабричного или ремесленника). Вскоре после исходного стихотворения Некрасова о том же и почти теми же словами написал Николай Успенский. Но это замечено не было: популярность Успенского заметно уступала некрасовской. Затем избиваемая «по глазам» савраска оказалась в романе Достоевского. Восходящая к Некрасову и подхваченная Достоевским жуткая сцена впечатлила публику и оказалась востребована позднейшими русскими литераторами. Судя по всему, в наше время авторы и читатели воспринимают выражение «бить (хлестать) по глазам» как отсылку не столько к Некрасову, сколько к «Преступлению и наказанию» Достоевского. Этот роман «проходили» в позднесоветской школе, «проходят» сейчас, и он стал восприниматься как главный текст великого писателя, более значимый, чем даже «Братья Карамазовы» и «Бесы». В последние

десятилетия Достоевский среди русских классиков стал вровень с Пушкиным и Толстым, а вот интерес к Некрасову снизился.

Когда современные российские литераторы описывают жестоко наказанную лошадь, они продолжают давнюю традицию, восходящую к Некрасову и Достоевскому. Для кого-то это подходящая метафора – например, долготерпения народного. А кое-кто из них при этом не скрывает, что ориентируется на известную сцену в романе Достоевского.

Само же выражение «бить (хлестать) по глазам», которое встречается у авторов XIX–XXI вв., – своего рода меченый атом, оно с очевидностью указывает на происхождение и распространение этого литературного мотива, вплоть до современности.

Список литературы

1. Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам : аналитический каталог. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 20.01.2023).
2. Глазоль С. Крепостное время // Вятская речь. 1911. № 39. С. 3.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1973. Т. 6. 422 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1981. Т. 14. 511 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1981. Т. 22. 407 с.
6. Дружинин А. В. Повести. Дневник. М. : Наука, 1986. 511 с.
7. Зозуля Е. Д. Лимонада // Советский русский рассказ 20-х годов / сост., общ. ред. Е. Б. Скороспеловой. М. : Изд-во МГУ, 1990. С. 136–146.
8. Зозуля Е. Моя Москва: Тверская улица глазами одного человека // Русская жизнь. 2008. № 20 (37). С. 104–109.
9. Коршунков В. А. Греколатиника: классика в отражениях. Изд. 2-е, перераб. М. : Неолит, 2022. 536 с.
10. Кураев М. Блок-ада: праздничная повесть // Знамя. 1994. № 7. С. 74–112.
11. Локтева А. А. Животные и человек: особенности взаимодействия в российской культуре XIX в. // Corpus mundi. 2022. № 2. С. 100–119. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49989708_24545571.pdf. DOI: 10.46539/cmj.v3i2.73 (дата обращения: 17.01.2023).
12. Локтева А. А. Зооантропная столица: люди и животные в «Москве и москвичах» В. А. Гиляровского // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 42–54. DOI: 10.31857/S086954150013593-2.
13. Локтева А. А. Лошади в городской социокультурной среде Москвы и Санкт-Петербурга (середина XIX – начало XX в.) // Проблемы экологической истории / истории окружающей среды : сб. ст. Вып. 2 / сост. и отв. ред. В. И. Дурновцев. М. : РГГУ, 2020. С. 327–336.
14. Макурина Н. А. Н. А. Некрасов и Ф. М. Достоевский как выходцы из кружка В. Г. Белинского: общность тем и образов // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3 : Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 88–100.
15. Минаев Б. Мягкая ткань. Кн. 1. Батист. М. : Время, 2015. 352 с.
16. Неверов А. С. Гуси-лебеди : роман. URL: http://az.lib.ru/n/newerow_a_s/text_0120.shtml (дата обращения: 05.02.2023).
17. Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений : в 3 т. Л. : Сов. писатель, 1967. Т. 2. 702 с.
18. Островский А. Н. Полн. собр. соч. и писем : в 18 т. Т. 2. Кострома : Костромаиздат, 2020. 832 с.
19. Павлова И. Б. «Русская лошадь знает кнут...»: об одном «страдательном» образе у М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского // Русская речь. 2011. № 3. С. 12–15.
20. Павлова И. Тема страдания твари и ее репрезентация у Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова // Русская словесность. 2018. № 6. С. 52–56.
21. Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки. Л. : Наука, 1988. 279 с.
22. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы : экспериментальное издание / под ред. Е. К. Ромодановской. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2003–2018. Вып. 1–4.
23. Скатов Н. Н. Некрасов [Изд. 2-е, испр.]. М. : Мол. гвардия, 2004. 426 с.
24. Сюжетно-мотивные указатели и базы данных. URL: <https://ctsf.ru/ukazateli> (дата обращения: 21.01.2023).
25. Тарасов А. Виктор Астафьев: «Мы не на земле живем – на мешке с костями» // Новая газета. 2014. № 47. С. 20–21.
26. Успенский Н. В. Лошадь // Отечественные записки. 1863. Т. 146. Январь. [Отд. 1]. С. 2–8.
27. Федоров Е. Б. Жареный петух : сборник. М. : Carte Blanche, 1992. 256 с.
28. Эппель А. Дробленый Сатана. СПб. : Симпозиум, 2002. 463 с.
29. Małek E. Русская нарративная литература XVII–XVIII веков: опыт указателя сюжетов. Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1996. XIX, 179 s.
30. Tymieniecka-Suchanek J. Literatura rosyjska wobec upodmiotowienia zwierząt: w kręgu zagadnień ekofilozoficznych. Wyd. 2, poprawione i uzupełnione. Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020. 381 s.
31. Zoophilologica : Polish Journal of Animal Studies. URL: <https://journals.us.edu.pl/index.php/ZOO-PHILOLOGICA> (дата обращения: 21.01.2023).

"To lash on the eyes": the image of a cruelly punished horse and the spread of this motif in Russian fiction and journalism in the 19th–21st centuries

Korshunkov Vladimir Anatol'evich

PhD in Historical Sciences, associate professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. Pragmatism was dominated the relationship between a man and a horse in Russia for a long time. People valued horses, but only as means of production. This paper explores the image of a horse in Russian fiction and journalism. A motif is the smallest plot unit of a narrative. Literary motifs have not been studied well. This topic is close to zooanthropology, a new complex research area in the humanities and science. It explores the relations between people and animals.

Nikolai Nekrasov in his poetic cycle "On the Weather" found a special way to express the unfortunate fate of a working horse by mention it was severely punished – beaten "on the eyes" ("on the meek eyes"). The image of a horse who works hard and unfairly lashed is also a metaphor indicating a low-class worker in Russian literature and journalism in the 19th century. Soon after Nekrasov, Nikolai Uspensky wrote about the same subject and in almost the same words, but that was not noticed by readers: Uspensky's popularity was much inferior to Nekrasov's one. Then the terrible picture of a horse which was lashed "on the eyes" appeared in Fyodor Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". Rising to Nekrasov and picked up by Dostoevsky, this literary motif impressed the public and turned out to be in demand by Russian writers in the later times. Authors and readers nowadays perceive the expression "to lashed (to whip) on the eyes" as a reference to Dostoevsky rather than to Nekrasov. In recent times, Dostoevsky has become on a par with Alexander Pushkin and Leo Tolstoy among Russian classical writers. Public interest in Nekrasov has declined. The expression "to lashed (to whip) on the eyes" (or its variations) found in Russian literature and journalism indicates the origin and distribution of this literary motif.

Keywords: Russian literature and journalism, Nikolai A. Nekrasov, Fyodor M. Dostoevsky, horse, literary motif, zooanthropology, daily life.

References

1. Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam: analiticheskij katalog* [World mythology and folklore: thematic classification and areal distribution of motifs: analytical catalogue]. Available at: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (date accessed: 20.01.2021).
2. *Glagol S. Krepostnoe vremya* [The serfdom era] // *Vyatskaya rech – Vyatka Speech*. 1911. No. 39. P. 3.
3. *Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t.* [Complete collection of works : in 30 vols.]. L. Nauka (Science). 1973. Vol. 6. 422 p.
4. *Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t.* [Complete collection of works : in 30 vols.]. L. Nauka (Science). 1981. Vol. 14. 511 p.
5. *Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t.* [Complete collection of works : in 30 vols.]. L. Nauka (Science). 1981. Vol. 22. 407 p.
6. *Druzhinin A. V. Povesti. Dnevnik* [Stories. Diary]. M. Nauka (Science). 1986. 511 p.
7. *Zozulya E. D. Limonada* [Limonada] // *Sovetskij russkij rasskaz 20-kh godov – Soviet Russian story of the 20s* / ed. by E. B. Skorospelova. M. Moscow State University Publ. House. 1990. Pp. 136–146.
8. *Zozulya E. Moya Moskva: Tverskaya ulicza glazami odnogo cheloveka* [My Moscow: Tverskaya street through the eyes of a person] // *Russkaya zhizn – The Russian Life*. 2008. No. 20 (37). Pp. 104–109.
9. *Korshunkov V. A. Grekolatinika: klassika v otrazheniyah* [Graecolatinica: the classics as reflected in Russian and Western culture]. 2nd ed., revised. M. Neolit. 2022. 536 p.
10. *Kuraev M. Blok-ada: prazdnichnaya povest* [Blok-ada: a holiday tale] // *Znamya – The Banner*. 1994. No. 7. Pp. 74–112.
11. *Lokteva A. A. Zhivotnye i chelovek: osobennosti vzaimodejstviya v rossijskoj kulture XIX v.* [Animals and humans: interactions in nineteenth-century Russian culture] // *Corpus mundi*. 2022. No. 2. Pp. 100–119. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49989708_24545571.pdf. DOI: 10.46539/cmj.v3i2.73 (date accessed: 17.01.2023).
12. *Lokteva A. A. Zooantropnaia stolitsa: liudi i zhivotnye v "Moskve i moskvichakh" V. A. Giliarovskogo* [Anthrozootic capital: people and animals in "Moscow and Muscovites" by V. A. Gilyarovskiy] // *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2021. No. 1. Pp. 41–54. DOI: 10.31857/S086954150013593-2.
13. *Lokteva A. A. Loshadi v gorodskoj socziokulturnoj srede Moskvy i Sankt-Peterburga (seredina XIX – nachalo XX v.)* [Horses in urban sociocultural environment of Moscow and Saint Petersburg (middle 19th century – early 20th century)] // *Problemy ekologicheskoy istorii / istorii okruzhayushhej sredy : sb. st. – Problems of*

ecological history / environmental history : a collection of papers. M. RGGU Publ. House. 2020. Is. 2 / ed. by V. I. Durnovtsev. Pp. 100–119.

14. Makurina N. A. N. A. Nekrasov i F. M. Dostoevskij kak vyhodcy iz kruzhka V. G. Belinskogo: obshchnost' tem i obrazov [N. A. Nekrasov and F. M. Dostoevsky as the adherents of the V. G. Belinsky's circle: common themes and images] // *Vestnik Permskogo gos. gumanitarno-pedagogicheskogo un-ta. Ser. 3 : Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* – Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Ser. 3 : Humanities and Social Sciences. 2022. No. 1. Pp. 88–100.

15. Minaev B. *Myagkaya tkan* [Soft fabric]. M. Vremya (Time). 2015. Book 1 : Batiste. 352 p.

16. Neverov A. S. *Gusi-lebedi : roman* [Geese-swans : a novel]. Available at: http://az.lib.ru/n/newerow_a_s/text_0120.shtml (date accessed: 05.02.2023).

17. Nekrasov N. A. *Poln. sobr. stikhotvorenij : v 3 t.* [Complete collection of poems : in 3 vols.]. L. : Sov. pisatel. 1967. Vol. 2. 702 p.

18. Ostrovskij A. N. *Poln. sobr. soch. i pisem : v 18 t.* [Complete collection of works and letters : in 18 vols.]. Kostroma : Kostromaizdat. 2020. Vol. 2. 832 p.

19. Pavlova I. B. "Russkaya loshad znaet knut...": ob odnom "stradatelnom" obraze u M. E. Saltykova-Shchedrina, N. A. Nekrasova i F. M. Dostoevskogo ["Russian horse knows a whip...": about a "passionate" image in M. E. Saltykov-Shchedrin, N. A. Nekrasov and F. M. Dostoevsky] // *Russkaya rech* – Russian Speech. 2011. No. 3. Pp. 12–15.

20. Pavlova I. Tema stradaniya tvari i ee reprezentaciya u L. N. Tolstogo, M. E. Saltykova-Shchedrina, F. M. Dostoevskogo i N. A. Nekrasova [The theme of creature's suffering and its representation in L. N. Tolstoy, M. E. Saltykov-Shchedrin, F. M. Dostoevsky, N. A. Nekrasov] // *Russkaya slovesnost'* – Russian literature. 2018. No. 6. Pp. 52–56.

21. Saltykov-Shchedrin M. E. *Skazki* [Tales]. L. Nauka (Science). 1988. 279 p.

22. Skatov N. N. *Nekrasov* [Nekrasov]. [2nd ed., corrected]. M. Molodaya guardia (Young Guard). 2004. 426 p.

23. *Slovar-ukazatel syuzhetov i motivov russkoj literatury : eksperimentalnoe izdanie* [Dictionary and index of plots and motifs of Russian literature : experimental edition] / ed. by E. K. Romodanovskaya. Novosibirsk. SB RAS Publ. House. 2003–2018. Is. 1–4.

24. Plot-motif indexes and databases. Available at: <https://ctsf.ru/ukazateli> (date accessed: 21.01.2023).

25. Tarasov A. Viktor Astafjev: "My ne na zemle zhivyom – na meshke s kostyami" [Viktor Astafjev: "We do not live on earth, but on a bag of bones"] // *Novaya gazeta* – The New Newspaper. 2014. No. 47. Pp. 20–21.

26. Uspenskij N. V. *Loshad* [Horse] // *Otechestvennye zapiski* – The Domestic Notes. 1863. Vol. 146. January. [Part 1]. Pp. 2–8.

27. Fedorov E. B. *Zharenyj petukh : sbornik* [Roasted rooster : a compilation]. M. Carte Blanche. 1992. 256 p.

28. Eppel A. *Droblenij Satana* [Satan fragmented]. SPb. Simpozium. 2002. 463 p.

29. Małek E. *Russkaya narrativnaya literatura XVII–XVIII vekov: opyt ukazatelya syuzhetov* [Russian narrative literature of the 17th–18th centuries: experimental index of plots]. Łódź. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. 1996. XIX, 179 p.

30. Tymieniecka-Suchanek J. *Literatura rosyjska wobec upodmiotowienia zwierząt: w kręgu zagadnień ekofilozoficznych* [Russian literature and animals empowerment: in the circle of eco-philosophical issues]. 2nd ed., corrected and completed. Katowice. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. 2020. 381 p.

31. *Zoophilologica : Polish Journal of Animal Studies*. Available at: <https://journals.us.edu.pl/index.php/ZOOPHILOLOGICA> (date accessed: 21.01.2023).

Художественно-образная рефлексия темы освоения целины в творчестве Д. К. Мочальского

Кочешков Геннадий Николаевич¹, Гребенщиков Александр Васильевич²

¹доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0003-2630-6668. E-mail: kocheshg@mail.ru

²аспирант исторического факультета,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0002-6555-7120. E-mail: grebenshikov_al@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению и осмыслению основных художественных образов, используемых советскими художниками при описании одного из наиболее ярких государственных проектов периода «оттепели» – программы по освоению целинных и залежных земель в Советском Союзе, разрабатываемой в 1954–1960-е гг. Внимание исследователей сосредоточено на творчестве народного художника СССР Дмитрия Константиновича Мочальского (1908–1988), автора цикла картин «Люди целинных земель», профессора МГАХИ имени В. И. Сурикова, преподавателя, выезжавшего на целину со студентами и имевшего последователей в изображении кампании. В работе актуализируется проблематика репрезентации целинной эпопеи в различных видах советского искусства, формулируются выводы об особенностях визуального отражения кампании, выдвигаются тезисы о потенциале произведений живописи о целине как исторического источника, о связи тематического наследия художника с основными тенденциями развития советской живописи эпохи. На материале богатого творческого наследия Д. К. Мочальского авторы статьи выделяют и интерпретируют наиболее часто встречающиеся образы в визуализации программы, к которым следует отнести образ целинника и целинницы, трудового коллективизма, образ семьи и ребенка на целине, степного ландшафта и природы, целинного быта. Авторы статьи приходят к выводу, что художник предлагает воспринимать целину как особое социокультурное пространство, которое характеризуется тесной эмоциональной связью между участниками кампании, атмосферой романтики трудовых будней и целинного быта, наличием возможностей для социалистического созидания, а также для создания семьи, рождения и воспитания детей. По мнению исследователей, произведения с изображением целинной эпопеи свидетельствуют о сохранении позиций социалистического реализма как основного художественного стиля при описании больших государственных проектов в годы «оттепели».

Ключевые слова: репрезентация, освоение целинных земель в СССР, советская живопись, советское искусство, социалистический реализм, Д. К. Мочальский.

Программа по освоению целинных и залежных земель в СССР, реализовавшаяся в 1954–1960-х гг., является одним из наиболее ярких процессов «оттепели» – периода перемен в духовной сфере советского общества и трансформаций социалистической модели. Кампания разрабатывалась с целью решить зерновую проблему: в начале 1950-х гг. в стране возникло несоответствие между поступавшим в распоряжение государства зерном и ростом потребностей в нем [4, с. 110], что послужило главной причиной курса на экстенсивный путь развития аграрного сектора экономики. Эпопея, в ходе которой было распахано более 40 млн га в районах Урала, Поволжья, Северного Кавказа, Сибири, Северного Казахстана, поддерживалась властями в течение всего периода нахождения у власти Н. С. Хрущева. Для ее осуществления только в первые годы в указанные районы выехало около 1 млн человек на длительное время, а в периодических уборках урожая приняло участие более 3 млн студентов, рабочих, военнослужащих [14, с. 84]. Интерес советского общества к целине, несмотря на ее удаленность от центральных районов страны, подпитывался деятельностью средств массовой информации, творческой активностью представителей разных жанров искусства. Совокупность историче-

ских особенностей эпохи и масштаба реализации программы усиливает интерес к исследованию культурного контекста целинной эпопеи, так как позволяет рассматривать ее как социокультурный феномен «позднего социализма».

Как пишет красноярский исследователь Севастьянова Д. В., «целинная эпопея за несколько лет превратилась в народную тему, которой посвящали художественные произведения, книги, театральные постановки» [13, с. 172]. Стоит отметить, что многие деятели советского искусства, отражая целинную эпопею в своем творчестве, становились свидетелями, очевидцами событий: так, например, многие фильмы о целине снимались непосредственно в районах реализации программы (в частности, известный фильм 1958 г. режиссера И. Лукинского «Иван Бровкин на целине» снят в совхозе «Комсомольский» Оренбургской области), народный писатель Казахстана И. П. Щеголихин, в произведениях которого раскрыты особенности реализации кампании, также лично знакомился с условиями быта целинников. Уже с первых месяцев эпопеи на целину выезжали и художники-живописцы. Произведения живописи о целине формировались в отдельные выставки [5], печатались на открытках [6], публиковались на страницах периодической печати [12], то есть были доступны советскому человеку. Они способствовали формированию образа целинной программы, становились частью коммеморативных процессов.

Переплетение на целине различных контекстов – этнокультурных, социальных, природно-географических, технологических – повышает аналитический потенциал произведений, визуализирующих эпопею. Их многообразие и репрезентативность позволяют выявить на их основе специфику создания, трансляции и бытования художественных образов эпохи «оттепели». Тот факт, что многие художники непосредственно выезжали в районы освоения целины, превращает произведения живописи в источник по изучению повседневности, однако основной задачей данного исследования является изучение именно визуализации программы.

Данная тема в исследовательской литературе изучена относительно слабо. Можно выделить лишь несколько статей, описывающих репрезентацию целины и отдельных ее образов в советском кинематографе [7; 9], а также в отдельных произведениях советской культуры [13]. Среди работ, раскрывающих особенности репрезентации целинной эпопеи в живописи, отметим статьи искусствоведа Л. Н. Лихацкой «Целина как фактор развития художественной культуры Алтая (на примере творчества Андрея Вагина)», Г. С. Трифионовой «Через войну – к победе и творчеству. Художники-фронтовики и победители М. И. Ткачев (1913–1995) и А. О. Григорян (1919–1995): Челябинск, Южный Урал», Л. И. Нехвядович «Традиции русской реалистической школы в пейзажной живописи Алтая второй половины XX века». В данных работах образ целины представлен в контексте творчества отдельных мастеров живописи, разноплановых и самобытных художников, но исследовательский ракурс обращен, скорее, на несколько другие аспекты. В статье О. В. Беззубовой, П. А. Двойниковой, А. В. Смирнова «Изображение полевого стана в советской живописи 1960–1970-х гг.» подробно анализируется визуализация важнейшей части сельскохозяйственного пространства – полевого стана, который становится одним из главных атрибутов и целинной эпопеи.

Тема репрезентации целинной эпопеи в изобразительном искусстве, в частности, в живописи, является недостаточно изученной, разработаны лишь отдельные ее аспекты. Вне внимания исследователей осталось отражение образов целины в отдельных видах изобразительного искусства, например, в плакате. Изучение проблемы репрезентации программы в живописи и графике заслуживает отдельного комплексного изучения, что объясняется большим объемом корпуса источников, сложностью их систематизации. На данном этапе исследования происходит выявление, осмысление особенностей наследия отдельных авторов и визуализации отдельных аспектов, что в дальнейшем может способствовать появлению более обобщенных выводов.

Представленная статья является попыткой посмотреть на целинную программу через призму творчества Дмитрия Константиновича Мочальского (1908–1988), народного художника СССР (1980), профессора (с 1950 г.) МГАХИ имени В. И. Сурикова, преподавателя, выезжавшего на целину со студентами и основавшего таким образом собственную школу изображения целины. Авторы статьи интересуются аспектом визуализации целинной программы, который будет рассмотрен через выявление и интерпретацию основных художественных образов. Под художественным образом в данном исследовании будет пониматься «способ и форма освоения и воплощения действительности в искусстве, характеризующаяся нераздельным единством субъективных и объективных начал художественного творчества, его чувствен-

ных и смысловых аспектов» [1, с. 399]. Учитывая и объективную, и субъективную природу формирования художественных образов, предполагаем, что анализ основных художественных образов целинной эпопеи в произведениях искусства позволит выявить особенности восприятия программы творческой интеллигенцией в условиях обновления социалистической системы. Осмысление богатого наследия Д. К. Мочальского в год 115-летия со дня рождения известного художника и преподавателя приобретает особую актуальность в Год педагога и наставника в России.

Д. К. Мочальский родился в 1908 г. в Санкт-Петербурге, в семье военного. Рисовать начал рано, уже в детские годы, которые прошли в столице дореволюционной России. В начале 1920-х гг. семья Мочальских переехала в Москву. В 1925 г., после окончания школы, Дмитрий Константинович поступил в Московский государственный техникум изобразительных искусств памяти восстания 1905 г., который окончил в 1929 г. Одновременно он занимался в студии К. П. Чемко, где его педагогом был преподаватель ВХУТЕМАСа (Высшие художественно-технические мастерские) Д. Н. Кардовский. В 1929–1936 гг. Мочальский учился в ЛИЖСА (ныне Санкт-Петербургская академия художеств им. И. Репина). В Ленинграде его педагогами и наставниками стали А. Д. Гончаров, Н. А. Павлов, Н. Э. Радлов, П. С. Наумов, В. Н. Мешков, К. С. Петров-Водкин. В 1937 г. он был приглашен преподавателем в Московский художественный институт им. В. И. Сурикова. С 1950 г. он становится профессором института, а с 1958 г. руководит здесь персональной творческой мастерской.

Значимой темой творчества Д. К. Мочальского становится Великая Отечественная война. В военный период художник принимает участие в создании плакатов, зарисовок военных событий. Отдельные картины Д. К. Мочальского, написанные в годы войны и после нее, приобретают известность («Подвиг 28 героев-панфиловцев», 1942; «Победа. Берлин 1945 года», 1947; «Зоя Космодемьянская», 1947). В послевоенное время Д. К. Мочальский, помимо произведений, посвященных Великой Отечественной, создает полотна, отражающие отдельные аспекты бытования советского общества («Возвращение с демонстрации», 1949; «Дождь», 1949; «Репетиция», 1950), но не объединенные общей тематикой.

Важнейшей частью творческой биографии художника становится тематика освоения целинных земель в 1954–1960-х гг. В 1954, 1956, 1958, 1960 гг. и в последующие годы Д. К. Мочальский выезжал на целину. В ходе поездок было создано несколько циклов картин, наиболее объемным из которых является «Люди целинных земель», произведения которого находятся в ракурсе нашего внимания. В целом же наследие мастера включает в себя несколько десятков картин, посвященных целинной тематике, что наряду с художественной ценностью произведений позволяет считать Д. К. Мочальского одним из главных живописцев программы.

В «целинной» тематике художника выделяется несколько ключевых образов. Главным объектом внимания Д. К. Мочальского становятся люди, участники кампании. Они представлены персональными образами (этюд «Целинник»; «В вагончике за чтением», 1956; «Целинница», 1958), до почти десятка («Бригада», 1958; «В палатке», 1964) или групповыми (более десятка человек) («Получение писем», 1959; «Энтузиасты», 1961). При этом выделить преобладание в гендерном составе затруднительно: образы и мужчин, и женщин представлены примерно в равных пропорциях. Отдельные картины содержат изображения только мужчин («Целинники», 1980; «Палатка работников ФЗУ», 1979), отдельные картины – образы только женщин («Палатка медработников», 1955; «Подружки», 1957; «На целине. Девчата», 1961), но чаще на одном полотне изображены и целинники, и целинницы («Ухажеры», 1957; «Просушка зерна», 1958; «Огни в степи», 1959) (см. рис. 1). Изображение и мужчин, и женщин примерно в равном соотношении позволяет сделать предположение, что художник стремился отразить программу освоения целины как пространство, характеризующееся гендерным равенством. При этом коллективизм на целине, который отражен в групповых изображениях участников программы, является важной составляющей частью визуализации эпопеи художником.

Рис. 1. Мочальский Д. К. «Ухажеры», 1957 г.

Изображает Д. К. Мочальский не только непосредственно целинников, но и их детей, в том числе младенцев. При этом дети изображаются чаще всего вместе со взрослыми, родителями, таким образом формируется образ о программе как о пространстве, в котором есть возможности для создания семьи, рождения и воспитания детей («Осенние заботы», 1950-е гг.; «Первенец целины», 1956; «Новоселы. Из палатки в новый дом», 1957; «Весна», 1959). Образ семьи на целине (как правило, молодой и с маленьким ребенком) отличает творчество Д. К. Мочальского, поскольку в произведениях других художников (более того, даже в произведениях кинематографа как особого вида изобразительного искусства) он встречается не так часто. Отражение семьи, ребенка позволяет воспринимать целину как проект, имеющий долгосрочный характер, а также как символ новой жизни на новом месте, что в контексте «оттепели» приобретает особый смысл нового начала (см. рис. 2).

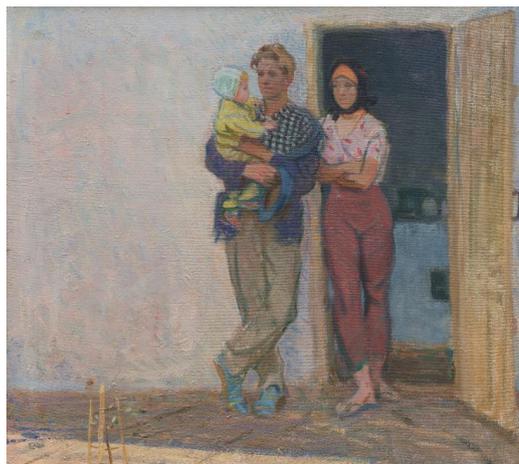

Рис. 2. Мочальский Д. К.
«Вечер. Первенец (Семья)», 1965 г.

С точки зрения отражаемых аспектов жизни на целине спектр тематик в творчестве Д. К. Мочальского невероятно широк: это изображение и первых дней программы, и временного размещения участников кампании у местных жителей в районах освоения целины («Первое утро. Гостеприимство», 1959), и непосредственных трудовых будней («Просушка зерна», 1958), приема пищи во время рабочего времени («Полдень», 1961), перерывов во время работы («Первый урожай»), отдыха в вечернее время или в выходной день («Отдых», 1957). Отражая особенности жизни на целинных землях, художник даже в большей степени выделяет бытовую сторону процесса: в количественном плане преобладают произведения, посвященные нетрудовым, будничным, а также романтическим аспектам. Этот подход выделяется и самим художником в небольшой заметке «На целинных землях Казахстана»: «*Меня как художника, занимающегося жанровой живописью, больше привлекал быт людей. Быт на целине особенный, своеобразный, чем-то напоминающий быт прифронтовой полосы*» [16, с. 10]. В цикле картин о целине Д. К. Мочальского преобладают изображения взаимодействия между людьми в процессе отдыха, выполнения бытовых, домашних задач («На Ишиме», 1961; «Выходной день», 1957; «Новоселы. Из палатки в новый дом», 1957; «Получение писем», 1959; «Весна», 1959; «Заочники», 1967). При этом отдельные произведения посвящены романтическим сюжетам, контактам на целине молодых людей и девушек («Ухажеры», 1959; «Затянувшееся объяснение», 1954; «Огни в степи», 1959).

Пожалуй, центральный образ в произведениях о целине Д. К. Мочальского – это образ задумчивого, серьезного состояния героев, который передается, в первую очередь, через изображение сосредоточенного взгляда и присутствует в большинстве проанализированных произведений. По мнению авторов статьи, данный прием используется художником не просто как стремление подчеркнуть осознание целинниками высокой степени важности целинного проекта, а как попытка пригласить зрителя в мир внутренних переживаний участников целинной эпопеи. В таких произведениях, как «Молодой рабочий совхоза» (1958), «Молодожены-целинники» (1959), «Целинник» (этюд), «Вечер. Первенец (Семья)» (1965), «На Ишиме» (1968) именно образ серьезности, задумчивости героев выходит на первый план (см. рис. 3).

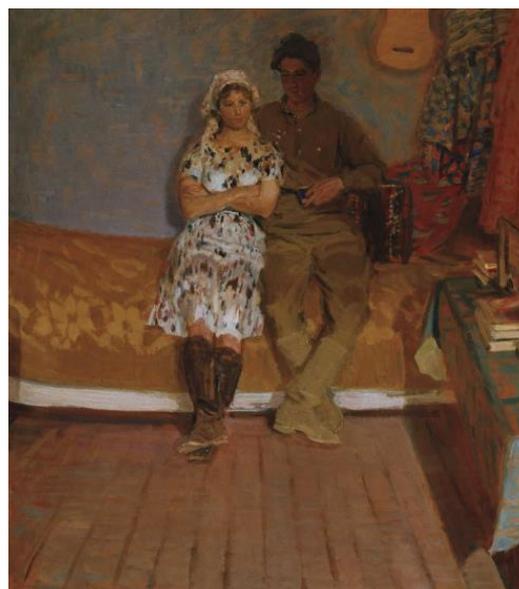

Рис. 3. Мочальский Д. К.
«Молодожены-целинники», 1959 г.

Несмотря на то, что большинство полотен Д. К. Мочальского являются бытописательными и

не фокусируют внимание на целинной природе, отражение ландшафта как важной части целинного пространства присутствует. Художник во многих произведениях акцентирует внимание зрителей на особенностях природной зоны целины («Палатка трактористов», 1957; «Получение писем», 1959; «Скатерть-самобранка», 1970; «Целинники», 1980). Образ степи как огромного пространства демонстрирует масштабы программы, а также способствует зрительскому пониманию целинной эпопеи как пространства теснейшего взаимодействия человека и природы. Это взаимодействие, связь, проявляются и в изображении погодных условий: так, например, волнение молодых людей, готовящихся к встрече (вероятнее всего, романтической), на картине «Палатка трактористов» (1957) передается с помощью погодного беспокойства, ветра. Позитивное настроение молодых людей и девушек на картине «Ухажеры» (1957) подчеркивается солнечной, теплой, но не знойной погодой, а в картине «На полевом стане» визуализация спокойных вечерних бесед сопровождается изображением умиротворенной погоды.

Таким образом, в творчестве известного советского художника Дмитрия Константиновича Мочальского особое место занимала тематика освоения целинных и залежных земель 1954–1960-х гг., в произведениях которой художник освещает различные аспекты быта и повседневности эпохи. На целине Д. К. Мочальский был не единожды, то есть становился свидетелем различных преобразований в ходе реализации программы. При этом произведения разных лет и даже десятилетий представляют собой единый бытописательный нарратив о целине, так что выявить какие-либо трансформации концептуальных подходов к ее описанию представляется затруднительной задачей.

Важно подчеркнуть, что на целине художник был уже в статусе известного живописца, профессора МГАХИ им. В. И. Сурикова, причем, как правило, выезжал со студентами-учениками, которые также создавали этюды, картины о целине. Например, один из учеников Д. К. Мочальского Ростислав Николаевич Галицкий – художник, родившийся и получавший первое художественное образование в Ярославской области, – также пишет целый ряд картин о целине, воспринимая программу через призму целинников и попытку проникнуть в их чувства, эмоции и переживания («Полдень», 1954; «Перед обедом. На целине» («Любовь – не картошка»), 1954; «Трактористки», 1958). Эту особенность работы Д. К. Мочальского, связанную с наличием последователей и учеников, с одной стороны, подтверждает тезис алтайского исследователя Л. Н. Лихацкой о том, что *«для очень многих художников целина стала большой творческой мастерской»* [8, с. 158], а с другой стороны, усиливает выводы об особенностях визуализации целинной эпопеи в творчестве художников, выезжающих в районы освоения новых земель.

Обобщая анализ творческого наследия Д. К. Мочальского, можно сделать ряд выводов об особенностях изображения программы по освоению целинных и залежных земель. Во-первых, стилем написания произведений, несмотря на развитие новых направлений во второй половине 1950-х гг., остается социалистический реализм, при этом акцент в описании сделан на описание рядовых тружеников процесса, в жанровом плане преобладает бытовой жанр, стремление подчеркнуть особенности жизни целинников на разных этапах реализации программы. Тем не менее творчество Д. К. Мочальского и особенно отражение в целом ряде картин образа задумчивого состояния героев произведений, по мнению авторов статьи, позволяет отнести отдельные картины к такому направлению в советском искусстве, как «суровый стиль», который формируется в конце 1950-х гг. Во-вторых, ключевыми образами целинной эпопеи в живописи становятся образы целинника и целинницы – преимущественно молодых людей, но нередко уже имеющих детей; образ целинного быта, для которого характерен минимализм и отсутствие элементов комфорта и уюта, но тем не менее который притягивает зрителя своей атмосферой трудовой романтики; образ коллективизма и тесной эмоциональной связи между людьми, а вместе с ним образ состояния сосредоточенного состояния строителей целины, в котором отражается отношение к программе как к серьезному проекту и предлагается попытка проникнуть во внутренний мир участника программы. Важным образом для произведений о целине Д. К. Мочальского становится образ ребенка на целине, который наряду с образом романтических отношений между мужчинами и женщинами формирует миф о целине как о пространстве, где несмотря на тяжелые условия существования и работы, обязательно найдется место для личного счастья, для создания крепкой семьи. В-третьих, визуализация целинной эпопеи через акценты на образах людей и их быта предлагает зрителю воспринимать советскую целину как преимущественно особое социокультурное

пространство, которое объединило судьбы разных советских людей для решения важнейшей государственной задачи, воспринимаемую как долг, выполняя который человек обретал право на ощущение коллективного и личного счастья от повседневных мгновений.

Обобщая особенности живописи о целине через призму творчества Д. К. Мочальского, можно отметить, что в годы «оттепели» продолжаются изменения и поиски внутри соцреализма, которые начинают проявляться в годы «позднего сталинизма», отчетливо проявляются попытки найти новые подходы к передаче идей и смыслов. Но при всех изменениях реализм сохраняет свой статус основы советского искусства и ключевого стиля социалистического строя.

Список литературы

1. Аполлон: Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура : Терминологический словарь / под общ. ред. А. М. Кантора. М. : Эллис Лак, 1997. 735 с.
2. Беззубова О. В., Двойникова П. А., Смирнов А. В. Изображение полевого стана в советской живописи 1960–1970-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 43. С. 26–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobrazhenie-polevogo-stana-v-sovetskoy-zhivopisi-1960-1970-h-gg> (дата обращения: 25.09.2022).
3. Бобриков А. А. Суровый стиль: мобилизация и культурная революция // Художественный журнал. 2003. № 51–52. С. 29–33.
4. Зеленин И. Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» // Отечественная история. 1998. № 4. С. 109–122.
5. Итоги работы Московского союза советских художников 1956 (октябрь) – 1958 (ноябрь). Москва : [б. и.], 1958. 59 с.
6. Казахстан – целинный край [изоматериал] : [комплект открыток] // Изоиздания. Москва : Советский художник, 1962.
7. Кочешков Г. Н., Гребенщиков А. В. Репрезентация образа целинника в советском художественном кинематографе // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 197–204.
8. Лихацкая Л. Н. Целина как фактор развития художественной культуры Алтая (на примере творчества Андрея Вагина) // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры искусств). 2018. № 3. С. 157–160. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tselina-kak-faktor-razvitiya-hudozhestvennoy-kultury-altaya-na-primere-tvorchestva-andreya-vagina/viewer> (дата обращения: 15.09.2022).
9. Мазур Л. Н. Забытая легенда: художественные фильмы об освоении целины 1950–1970-х гг. // Документ. Архив. История. Современность : мат-лы VI Международной научно-практической конференции. 2016. С. 477–484. URL: https://elar.ufru.ru/bitstream/10995/44137/1/dais_2016_119.pdf (дата обращения: 20.09.2022).
10. Мочальский Н. Дмитрий Мочальский. Белый город, 2008. 46 с.
11. Нехвядович Л. И. Традиции русской реалистической школы в пейзажной живописи Алтая второй половины XX века // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 2 (21). С. 183–185. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-russkoy-realisticheskoy-shkoly-v-peyzazhnoy-zhivopisi-altaya-vtoroy-pолоviny-hh-veka> (дата обращения: 19.09.2022).
12. Огонек. 1956, 23 сентября. № 39 (1528).
13. Севастьянова Д. В. Освоение целины в культуре и устном народном творчестве // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 3. С. 170–176.
14. Томилин В. Т. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954–1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 81–93.
15. Трифонова Г. С. Через войну – к победе и творчеству. Художники – фронтовики и победители М. И. Ткачев (1913–1995) и А. О. Григорян (1919–1995): Челябинск, Южный Урал // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока: Издание регионального отделения Российской Академии художеств в Красноярске. Сентябрь 2020. № 3–4. С. 13–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cherez-voynu-k-pobede-i-tvorchestvu-hudozhniki-frontoviki-i-pobediteli-m-i-tkachev-1913-1995-i-a-o-grigoryan-1919-1995-chelyabinsk/viewer> (дата обращения: 18.09.2022).
16. Этюды, картины с целины. Работы советских художников весной и летом 1954 г. М. : Советский художник, 1955. 31 с.

Artistic and imaginative reflection on the theme of the development of virgin lands in the work of D. K. Mochalsky

Kocheshkov Gennady Nikolaevich¹, Grebenshchikov Alexander Vasilyevich²

¹Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky, Head of the Department of National History. Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0003-2630-6668. E-mail: kocheshg@mail.ru

²postgraduate student of the Faculty of History, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0002-6555-7120. E-mail: grebenshchikov_al@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the identification and understanding of the main artistic images used by Soviet artists in describing one of the most striking state projects of the "thaw" period – the program for the development of virgin and fallow lands in the Soviet Union, developed in the 1954–1960-ies. The attention of researchers is focused on the work of the People's Artist of the USSR Dmitry Konstantinovich Mochalsky (1908–1988), the author of the cycle of paintings "People of virgin lands", Professor MGAKHI n. a. V. I. Surikov, a teacher who traveled to the virgin lands with students and had followers in the image of the campaign. The paper actualizes the problems of the representation of the virgin epic in various types of Soviet art, formulates conclusions about the features of the visual reflection of the campaign, puts forward theses about the potential of paintings about virgin land as a historical source, about the connection of the thematic heritage of the artist with the main trends in the development of Soviet painting era. Based on the material of the rich creative heritage of D. K. The authors of the article identify and interpret the most common images in the visualization of the program, which should include the image of a virgin and virgin land, labor collectivism, the image of a family and a child on virgin land, steppe landscape and nature, virgin life. The authors of the article come to the conclusion that the artist proposes to perceive virgin land as a special socio-cultural space, which is characterized by a close emotional connection between the participants of the campaign, the atmosphere of romance of everyday work and virgin life, the availability of opportunities for socialist creation, as well as for the creation of a family, the birth and upbringing of children. According to the researchers, the works depicting the virgin epic testify to the preservation of the positions of socialist realism as the main artistic style when describing large state projects during the years of the "thaw".

Keywords: representation, development of virgin lands in the USSR, Soviet painting, Soviet art, socialist realism, D. K. Mochalsky.

References

1. *Apollon: Izobrazitel'noe i dekorativnoe iskusstvo. Arhitektura : Terminologicheskij slovar'* – Apollo: Fine and decorative art. Architecture : Terminological dictionary / under the gen. ed. of A. M. Kantor. M. Ellis Luck. 1997. 735 p.
2. *Bezzubova O. V., Dvojnukova P. A., Smirnov A. V. Izobrazhenie polevogo stana v sovetskoj zhivopisi 1960–1970-h gg.* [The image of the field camp in Soviet painting of the 1960s–1970s] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* – Herald of Tomsk State University. Cultural studies and art criticism. 2021. No. 43. Pp. 26–39. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobrazhenie-polevogo-stana-v-sovetskoy-zhivopisi-1960-1970-h-gg> (date accessed: 25.09.2022).
3. *Bobrikov A. A. Surovyj stil': mobilizaciya i kul'turna revolyuciya* [Severe style: mobilization and cultural revolution] // *Khudozhestvenny zhurnal* – Art journal. 2003. No. 51–52. Pp. 29–33.
4. *Zelenin I. E. Celinnaya epopeya: razrabotka, prinyatie i osushchestvlenie pervoj hrushchevskoj "sverhprogrammy"* [Virgin epic: development, adoption and implementation of the first Khrushchev "superprogram"] // *Otechestvennaya istoriya* – Russian History. 1998. No. 4. Pp. 109–122.
5. *Itogi raboty Moskovskogo soyuza sovetskikh hudozhnikov 1956 (oktyabr') – 1958 (noyabr')* – Results of the work of the Moscow Union of Soviet Artists 1956 (October) – 1958 (November). M. [without publ.], 1958. 59 p.
6. *Kazakhstan – celinnyj kraj [izomaterial] : [komplekt otkrytok]* – Kazakhstan – virgin land [isomaterial] : [set of postcards] // *Izoizdaniya* – Izoizdaniya. M. Sovetskiy hudozhnik (Soviet Artist). 1962.
7. *Kocheshkov G. N., Grebenshchikov A. V. Rerezentaciya obraza celinnika v sovetskom hudozhestvennom kinematografe* [Representation of the image of the virgin in the Soviet art cinema] // *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* – Verhnevolzhsky philological herald. 2021. No. 4 (27). Pp. 197–204.
8. *Lihackaya L. N. Celina kak faktor razvitiya hudozhestvennoj kul'tury Altaya (na primere tvorchestva Andrey Vagina)* [Virgin soil as a factor in the development of Altai artistic culture (on the example of Andrei Vagin's creativity)] // *Uchenye zapiski (Altajskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury iskusstv)* – Scientific notes (Altai State Academy of Arts Culture). 2018. No. 3. Pp. 157–160. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tselina-kak-faktor-razvitiya-hudozhestvennoj-kulturny-altaya-na-primere-tvorchestva-andreya-vagina/viewer> (date accessed: 15.09.2022).
9. *Mazur L. N. Zabytaya legenda: hudozhestvennye fil'my ob osvoenii celiny 1950–1970-h gg.* [The Forgotten legend: feature films about the development of virgin lands in the 1950s–1970s] // *Dokument. Arhiv. Istori-*

ya. *Sovremennost'* : mat-ly VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii – Document. Archive. History. Modernity : the materials of the VI International Scientific and Practical Conference. 2016. Pp. 477–484. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/44137/1/dais_2016_119.pdf (date accessed: 20.09.2022).

10. Mochal'skij N. Dmitrij Mochal'skij [Dmitry Mochalsky]. White City. 2008. 46 p.

11. Nekhyadovich L. I. *Tradicii russoj realisticheskoj shkoly v pejzazhnoj zhivopisi Altaya vtoroj poloviny XX veka* [Traditions of the Russian realistic school in Altai landscape painting of the second half of the twentieth century] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* – The world of science, culture, education. 2010. No. 2 (21). Pp. 183–185. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-russkoj-realisticheskoy-shkoly-v-peyzazhnoj-zhivopisi-altaya-vtoroy-poloviny-hh-veka> (date accessed: 19.09.2022).

12. Ogonek. 1956, September 23. No. 39 (1528).

13. Sevast'yanova D. V. *Osvoenie celiny v kul'ture i ustnom narodnom tvorchestve* [The development of virgin lands in culture and oral folk art] // *Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnoyarskogo GAU* – Socio-economic and humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State University. 2018. No. 3. Pp. 170–176.

14. Tomilin V. T. *Kampaniya po osvoeniyu celinnyh i zaleznyh zemel' v 1954–1959 gg.* [The campaign for the development of virgin and fallow lands in 1954–1959] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2009. No. 9. Pp. 81–93.

15. Trifonova G. S. *Cherez vojnu – k pobede i tvorchestvu. Hudozhniki – frontoviki i pobediteli M. I. Tkachev (1913–1995) i A. O. Grigoryan (1919–1995): Chelyabinsk, Yuzhnyj Ural* [Through the war – to victory and creativity. Artists – veterans and winners M. I. Tkachev (1913–1995) and A. O. Grigoryan (1919–1995): Chelyabinsk, Southern Urals] // *Izobrazitel'noe iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka: Izdanie regional'nogo otdeleniya Rossijskoj Akademii hudozhestv v Krasnoyarske* – Fine Art of the Urals, Siberia and the Far East: Edition of the regional branch of the Russian Academy of Arts in Krasnoyarsk. September 2020. No. 3–4. Pp. 13–25. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/cherez-voynu-k-pobede-i-tvorchestvu-hudozhniki-frontoviki-i-pobediteli-m-i-tkachev-1913-1995-i-a-o-grigoryan-1919-1995-chelyabinsk/viewer> (date accessed: 18.09.2022).

16. *Etyudy, kartiny s celiny. Raboty sovetskih hudozhnikov vesnoj i letom 1954 g.* – Sketches, paintings from virgin lands. Works by Soviet artists in the spring and summer of 1954. M. Sovetskiy hudozhnik (Soviet Artist). 1955. 31 p.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 3 (31) (2023)

16+

Редактор *А. В. Мариева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 28.11.2023 г.
Дата выхода в свет 05.12.2023 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 18,14. Тираж 100 экз. Заказ № 351.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36